

ШЕФИК ДЖАН

МЕВЛЯНА ДЖАЛАЛЕДДИН

РУМИ

Божественная флейта мира

Жизнь, личность, мысли

Шефик Джан

Мевляна Джалаледдин Руми

Жизнь, личность, мысли

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Шефик Джан
МЕВЛЯНА ДЖАЛАЛЕДДИН РУМИ
Жизнь, личность, мысли

СТАМБУЛ

2008

УДК 28-14.205
ББК 86.38
Д13

Перевод с английского

Л.В. Зеленина

Научный редактор

В.И. Шеремет

Редакторы

Светлана Иванова, Кутлукхан Шакиров

Ответственный за выпуск

Юксель Ийисон

Дизайн и верстка

Ибрагим Акдаг

Перевод осуществлен с оригинала:

Шефик Джан

Fundamentals of Rumi's Thought A Mevlevi Sufi Perspective,
Издательство "The Light", New Jersey, 2005, 331 с.

Джан Ш.

Мевляна Джалаледдин Руми - жизнь, личность, мысли. Перевод с английского.

М.: ООО "Издательство Новый свет", издание 1-ое, 2008. - 432 с.

Адрес: ООО "Издательство «Новый свет», г. Москва, ул. Гиляровского, д. 65, кабинет: 1.

Телефоны: +7 495 681 81 14,

+7 495 109 41 16.

noviysvet@pochta.ru

<http://www.noviysvet-izdat.ru>

Уважаемые читатели! Книги, выпускаемые ООО "Издательство Новый свет", Вы можете приобрести наложенным платежом, прислав Вашу заявку (указав контактный телефон) по адресу: 129110, г.Москва, ул.Гиляровского, д.65, 2 подъезд, 2 этаж.

E-mail: noviysvet@pochta.ru

- Для широкого круга читателей.
- Все права защищены.

© ООО "Издательство Новый свет".

© Isik Yayinlari, The Light, Inc.

Adres: Emniyet Mh. Huzur Sk. No.5 Uskudar-Istanbul / Turkiye

Tel: +90 216 318 60 11

Fax: +90 216 318 56 41

ISBN: 978-975-278-283-9

Содержание

Предисловие к русскому изданию.....	7
Предисловие к англоязычному изданию.....	29
Предисловие.....	33
От автора.....	51

Глава 1

Политическая обстановка и философская мысль в малоазиатском сельджукском султанате в эпоху Руми

Духовное окружение анатолийских сельджуков в эпоху Руми.....	58
Концептуальные расхождения внутри различных мусульманских общин до начала XIII века	60
Происхождение суфизма до Руми	62
Жизнь Руми	65
Рождение	65
Титулатура	66
Происхождение	67
Бахауддин Велед покидает Балх	69
Встреча Бахауддина с Аттаром	70
Бахауддин в Багдаде	71
Бахауддин в Ларенде	74
Женитьба Руми	75
Семья и дети	78
Пребывание в Конье	79
Труды Руми	84
Комментарии к «Маснави»	93
Мактубат.....	104
Смерть отца Руми.....	104
Духовный наставник Руми после смерти отца.....	107
Встреча Руми с Шамсом.....	113
Руми после исчезновения Шамса.....	127
Шейх Салахэддин Заркуби или золотых дел мастер из Коньи.....	134

Хусамэддин Челеби	143
Руми отправляется в мир вечный.....	152

Глава 2

Личность и взгляды Руми

Своеобразие жизни Руми	165
Внутренние и внешние отличительные черты Руми	166
Радение и аскетизм Мевляны	192
Таухид и иттихад	206
“Нет ничего на земле или на небе, что не славил бы Господа”	212
Любовь	221
Вера и неверие	240
Спасение	249
Разум	259
Красота	267
Женщины	274
Поэзия.....	281
Музыка и сама	285
Печаль	297
Свободная воля	303
Реинкарнация	314

Глава 3

Влияние Руми

Влияние Руми на турецких поэтов	341
Влияние Руми на мусульманских мыслителей.....	345
Руми и Платон	368
Влияние Руми на Западе.....	381

Глава 4

Суфийское братство Руми и его взгляды на суфийские братства

Братство мевлеви	401
Руми и шариат	404
Эпилог	415
Об авторе	419
Библиография.....	421

Предисловие к русскому изданию

Русскочитающей аудитории представляется книга коллеги - достопочтенного Шефика Джана (1910-2005). Книга нуждается в дополнительном, после блестящего предисловия известного турецкого мыслителя М. Фетхуллага Гюлена, введении от российского специалиста-востоковеда по нескольким соображениям.

Во-первых, изначально книга была написана для турецкого читателя, и ряд реалий и обстоятельств из жизни исламского общества XIII века читателю из современной России менее известны, чем «Слово о полку Игореве».

Во-вторых, масштаб личности истинного гения - Руми носит всепланетарный, цивилизационно значимый характер. Представляется важным не только показать значение Руми - это сделал автор, но и взглянуть на место Руми в мировой цивилизации.

Наконец, перевод, по просьбе издателей, сделан с англоязычного текста, уже несколько приближенного к соответствующей аудитории.

Автор предисловия к русскому изданию взял на себя также смелость предложить русскую версию некоторых стихотворных фрагментов в надежде привлечь внимание соотечественников к поэзии Мевляны Джалаледдина* Руми.

* При правописании и произношении на русском имен арабского происхождения с прибавкой "ал-дин" при удвоении звука "д" допускаются различные вариации. Напр., Ала-ал-дин - Алаэддин, Алауддин; Салах-ал-дин - Салахэддин, Салахеддин, Салахиддин, Салахуддин; Джалал-ал-дин - Джалаледдин, Джалалэддин, Джалалуддин, Джалалиддин. Наибольшее распространение в русскоязычной литературе нашло транскрипция "Джалаледдин".

Божественная Флейта Мира

*«Неподражаемый Руми,
Печать мистических поэтов!..»*

*«Руми бесценный, бесподобный,
Любви возвышенной певец!»*

1207–2007

2 007-й год специальным решением Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО объявлен Годом Руми. Впрочем, все прошедшие восемь веков могут быть названы его годами - годами одного из самых ярких, мудрых, таинственных и щедрых поэтов Человечества.

Он отдал себя, свой гений ума и доброе сердце расколотому миру XIII века, но сделал это так легко и просто, что мир порой забывает, что физически его нет, и уже почти восемьсот лет припадает к этому животворному неиссякаемому источнику Любви и Добра. И так будет всегда.

Исламский суфий, поэт, законовед и проповедник эпохи глупого Средневековья, Руми наших дней по популярности и тиражам книг, раскупаемых в скептическом, прагматическом и настороженном англоязычном мире, обогнал самого Шекспира. В мусульманском мире и вообще на Востоке книги Руми по востребованности следуют за Кораном и хадисами Пророка¹.

¹ См.: Баркс, Колман. Суть Руми / Перев. с англ. яз. С. Сечива.- М.: Гаятри, 2006.- С. 15-16.

В нашей стране мистическая лирика Руми всегда расходилась в десятках тысяч экземпляров. Хорошо известны блестящие переводы Е. Дунаевского, И. Сельвинского, В. Державина, Н. Гребнева и других авторов. В серии «Жизнь замечательных людей» вышла биография Руми, написанная одним из лучших знатоков литературы Ближнего Востока Радием Фишем².

Так кто же он - певец мистической любви, столь востребованный нашим временем? Много ли найдется в мире поэтов, которых почти восемь веков люди Востока называют просто Мевляна - Повелитель, Господин души, или же кратко Руми (т.е. человек из Рума - Малой Азии, современной Турции) - по месту обретения бессмертия...

Его книга притчей «Маснави-и маневи», или «Поэма со скрытым смыслом» объемом в 15 тысяч двустиший (бейтов) известна читающему Западу и напевающему ее ритмические строки Востоку просто как «Маснави» - «Стихи». В мире есть «Книга» - Библия, есть «Чтение» - Коран.

Есть в памяти людской Руми,
Джами, Хайям и Низами...

Так кто же он - «Певец печали и экстаза, горящий факелом любви»?

В его жизни, как в истинной любви, все ярко и загадочно. Ученые Запада и улемы Востока согласились считать датой рождения Джалаледдина Мухаммеда 30 сентября 1207 года, местом рождения - город Балх, что на севере современного Афганистана. Однако есть мнение, что родился он в городе Вахш (ны-

² См.: Восток: Сб. стихотворений.- М.; Л.: Гослитиздат, 1935; Руми: Притчи / Перев. с персид. яз. В. Державина.- М.: Художественная литература, 1957 (2-е издание, дополненное - 1963; 3-е издание, дополненное и расширенное - 1969); Руми. Поэма о скрытом смысле / Перев. с персид. яз. Н. Гребнева.- М.: Наука, 1986 и др.; Фиш Р. Джелаледдин Руми.- М.: Молодая гвардия, 1972. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

не в Таджикистане), а дата его рождения по хиджре (исламскому летоисчислению) - 549 год, т.е. ноябрь - октябрь 1198 года от Рождества Христова. Для автора книги Ш. Джана и в оценке почтенного М.Ф. Гюлена, исламского духовного и научного авторитета и автора предисловия к американскому изданию, равно как и для мирового гуманитарного центра - ЮНЕСКО предпочтительным оказался 1207 год.

Семья и эпоха - определяющие факторы творческих натур. Здесь все прозрачно, как первые суры Корана.

Восток живет долгой памятью, честью и традициями. По линии отца, Мухаммеда Бахауддина Веледа (1148-1231), род Руми напрямую восходил к сподвижнику Пророка Мухаммада, первому праведному халифу Абу Бакру (632-634). Бабушка нашего гения принадлежала к царствовавшему дому хорезмшахов, а мать Мумине-хатун была дочерью Балхского эмира, всевластного Рукниддина. Эти обстоятельства, безусловно, во многом объясняют благожелательное покровительство хорезмшаха отцу Джалаледдина - Бахауддину Веледу, которого за выдающиеся заслуги в области богословия и ораторское дарование прозвали Султан ал-Улема - Король ученых. Руми, по рождению принадлежавший к элите общества, обласканный и защищенный с детства до старости различными правителями, никогда не поддавался соблазнам богатства и власти:

Кто умертвил в себе соблазн гордыни,
Тот царь земли и царь небесной сини³.

Читатель найдет в нашей книге подробности семейного воспитания, интересные и важные для понимания духовного роста Руми.

³ Из «Маснави». Перевод Н. Гребнева.

Важно подчеркнуть, что Бахауддин Велед тяготел к суфийским взглядам оцененного Гегелем интеллектуала, блестящего поэта и автора сборников притч ал-Газали (умер в 1123 году), который был современником (на десяток лет моложе) и собеседником учтивым бесподобного Омара Хайяма. Стихи обоих, рассказы о них, разумеется, сопровождали детство Джалаледдина. Обсуждались в кругу приверженцев отца также идеи живого практика суфизма Наджмэддина Кубры (умер в 1221 году), искавшего путь к познанию Всевышнего в самосовершенствовании личности через упражнения для ума, воли и тела.

«Суфии», как принято представлять их себе, - отрешенные аскеты в суконных шапках и плащах из *«суфы»*, грубого сукна, - были правоверными мусульманами. Суфизм сложился в VIII-IX веках как протестная, прежде как социальная, форма движения в рамках ислама городских ремесленных и торговых низов Ирака, традиционно свободолюбивого и культурного центра всего Ближнего Востока, каким он был задолго до ислама - ведь это древняя Месопотамия, Вавилон! Ортодоксальный ислам, достаточно гибкий в отношении внутренних течений, к XII-XIII векам сумел постепенно, - через преследование одних адептов суфизма и поощрение других, - ослабить его оппозиционность и укрепить культурно-религиозное содержание. Шло время, создавались и распались суфийские братства, иногда называемые «орден»⁴.

В годы народных бедствий, крутых и вовсе нежеланных перемен всеобщий интерес ко всему мистическому, но не зловещемому, сохраняющему доброе начало, нарастал. Так было на Востоке, да и на Западе.

К эпохе Руми суфии, которых мы чаще всего представляем себе странниками-дервишами, бродившими по безгранич-

⁴ Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе / Перев. с англ. яз.- М.: Изд-во «София»; Издательский дом «Гелеос», 2002.

ным просторам исламского мира - от Атлантики до Китая - обрели нацеленность, свой Путь в миру. Имелось в виду, что к Истине (одно из имен Всевышнего в исламе) следует идти дорогой любви, добра, терпимости и нестяжательства, а лучше, то есть угоднее Богу, через отказ от мирских благ.

Чистота помыслов и внутренняя свобода, мощь интеллекта, обширные знания и отсутствие раболепства перед грубой силой и богатством при уважительности к просвещенной власти делали суфийских поэтов и ученых желанными при дворах, но, разумеется, истинно мудрых правителей. Так было с отцом Руми, с ним самим, а затем и с его сыновьями.

Не очень сходны меж собою тот,
Кто Суть познал, и тот, кто познает.

Порвите ж цепь, Свободу обретая,
Хоть, может, эта цепь и золотая.

...

Для Истины иного нет зеркала -
Лишь сердце, что Любовью воспылало⁵.

Самой выразительной и доступной восприятию любого относительно грамотного человека на Востоке была поэтически выраженная любовь к Богу. И сам Священный Коран - божественная поэма, и Пророк Мухаммад - Его певец.

Единый Творец в сознании мусульман выступал в образе Истины, Возлюбленного, Друга. Суфии возвели Любовь в канон путеводной звезды на своем Пути. Они поставили вопрос: как стать суфием? Ответ всем дал Руми: будь самим собой, открой сердце Любви, иди к Единосущему Творцу. А шейхи-наставники, если вера твоя тверда, тебе помогут...

Проснувшись, встань и, избегая спора,
Уйди в себя. Пойми, что *Суть* твоя

⁵ Из «Маснави». Перевод Н. Гребнева.

И есть сокровище! А разговоры
Не раскрывают тайны бытия⁶.

Мистическая терминология в стихах-поучениях суфиев стала со временем настолько изящной и прозрачной до неуловимости, что порой даже специалист-востоковед теряет нить их рассуждений: о мире ли Горнем, о земных ли страстях идет речь. Впрочем, этим привлекает книга Ш. Джана, раскрывающая многое в Руми, в суфийской поэзии вообще.

Действительно, Любовь во всех ее проявлениях организует сознание человека в единственно верном направлении - к Богу, Свету, Слову...

Да, суфием надо родиться. Впрочем, о суфиях - где они и кто они - определенно ничего нельзя сказать: ни тогда, ни сегодня... Руми, талантливый от Бога, воспитан был суфийской средой:

И пламень Знанием зажженных свеч
Лишь Истина сумеет уберечь.

Всегда лежит Господняя печать
На даре видеть или же внимать.

Лишь Бог и уху нашему, и глазу
Дарует слух и зренье, хоть не сразу⁷.

В книге Ш. Джана уделено немало внимания внутренним аспектам становления гения Руми⁸.

6 Из «Маснави». Версификация С. Сечива.

7 Из «Маснави». Перевод Н. Гребнева.

8 Помимо нашей книги, рекомендую русскочитающему собеседнику: Гарбузова В.С. Поэты средневековой Турции.- Л.: Изд-во Ленгосуниверситета, 1963; Суфий: Восхождение к истине: Сборник.- М.: ЭКСМО, 2006; Хисматулин А.А. Суфизм.- СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999; Шиммель, Анне-Мари. Мир исламского мистицизма.- М., 1999; Резван Е.А. Коран и его мир.- СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

Заметим, однако, что внешний мир был ко времени прихода в него Джалаледдина пронизан злом, болью, страданием. Гибли цивилизации, рушились государства. На мирные земли Ирана и Восточной Анатолии, на Русь и Восточную Европу надвигались войска Чингисхана, столь же враждебные исламскому миру, сколь и православной Руси.

Джалаледдин был современником Александра Невского, отстаивавшего Русскую землю от тевтонских рыцарей и от воинов Великой Монгольской Орды. Руми был фактически сверстником Бату-хана (Батя) и Хубилай-хана, сокрушавших государства и культуру народов и креста, и полумесяца. Уже умер великий полководец ислама Салахэддин (Саладин европейских рыцарских романов), и некому было противостоять варварам-крестоносцам и таким же варварам из диких монгольских степей. Конец столь пагубных для Востока Крестовых походов пришелся на 1270 год. На протяжении жизни Руми на земли Востока крестоносцы приходили четыре раза! Однако найти у Руми «патриотические», зовущие на битву с врагом стихи не удастся. Его гений, видимо, осознал, что не сабля побеждает саблю, а дух, мир и единение в вере преодолевают насилие.

Изнемогала в его эпоху от старости и крестоносного вероломства Византийская империя, едва возродившая после убогой Латинской империи (1204-1261) свое влияние в Малой Азии. В далекой «земле франков» - в Европе поднимала голову «святая инквизиция», нетерпимая к любому инакомыслию. Альбигойцы и катары ценой своей жизни пытались отстаивать веротерпимость и право человека на прямое общение с Богом, к чему звали и суфии. Монахи нищенствующих орденов бродили по Западной Европе, Балканам, захаживали на Ближний Восток, так и не покорившийся рыцарскому Кресту.

Люди на Востоке и на Западе искали спасения. В Боге, в близких, в любви, в тесном общении единомышленников. В Англии

на годы жизни Руми приходится и Великая хартия вольности (1215 год), и первый парламент (1265 год).

Лишь добротой движем, хоть и слаб,

Себя владыкой чувствует и раб.

Зло - суета сует, и неспроста

От Знания Высшего исходит доброта⁹.

В Малой Азии, на ее Западе, где скоро сложится основа османской Турции, распространялась, в первую очередь среди немусульман, любимая в Европе мистическая поэзия. Любовь к Богу через погружение в экстаз, через самоотречение звучала в творчестве европейских современников Руми. Чуть старше его по возрасту были известные на исламо-христианском Леванте поэты-мистики, певцы возвышенной любви к Прекрасной Даме - Вальтер фон дер Фогельвейде (умер в 1230 году), Готфрид Страсбургский (умер в 1220 году). Трубадуры и труверы Южной Франции, Прованса, испанских государств дополняли мистическое содержание своих поэтических творений единством музыки и танца.

Джалаледдин из Хорасана шел на Запад, вслед за Солнцем. Он создал свой неповторимый мир именно в Малой Азии - в контактной зоне мировых культур, мировых цивилизаций. Здесь он отвечал на вызовы человеческих душ.

Мистика, но... Данте Алигьери было восемь лет, когда умер Руми, а в 1307 году, спустя сто лет после рождения Мевляны, Данте начал писать «Божественную Комедию», еще один бессмертный гимн Божественной Любви.

Отец поэта со всем окружением и семьей (это был самостоятельный караван, как пишет Ш. Джан) двинулся из Балха в сторону Малой Азии примерно в 1214-1216 годах. И не толь-

⁹ Из «Маснави». Перевод Н. Гребнева.

ко из-за угрозы монгольского вторжения, как говорит Ш. Джан. Семья прошла через крупнейшие культурные центры исламского мира - Нишапур, Багдад, Мекку и Медину, Дамаск, через турецкие, и поныне боготворящие Руми, города: Малатью, Акшехир, Сивас, Кайсери, Ларенд (в современном Карамане). Юноша учился богословию и поэзии, познавал мир, впитывал любовь, почет и уважение окружающих, но и видел скоротечность жизни, подверженность человека случаю. Или Его воле.

Пытливый ум впитывал и глубину науки, и горе расколотого мира. Тогда, возможно, зазвучала его души нежнейшая свирель. Образ свирели пройдет через все творчество:

Вы слышали свирели нежный звук?

Она, как мы, страдает от разлук.

...

И если друг далек, а я близка,

То я ваш друг - свирель из тростника¹⁰.

Странствия продолжались более десяти лет. Только к 1228 году семья оказалась в турецко-сельджукской Конье и здесь обрела вечную память человечества.

Почему именно город Конья (античный Икониум, столица Каппадокийского царства) стала местом возвышения и просветления суфийского гения Руми?

Дело в том, что со второй половины XI века на малоазиатскую (основную) часть Византийской империи, точнее, Восточно-Римской, православной по вероисповеданию, двинулись тюркские кочевые племена из Центральной Азии. Им в спину жарко дышали кони монгольского вторжения на Большой Средний Восток и через него - в Восточную Европу. С центром в нынешнем турецком Сивасе возникло государство Данышменди-

¹⁰ Из «Маснави». Перевод Н. Гребнева.

дов (1067-1180). А в сердце Анатолии, известной также как Рум, в Конье сложился султанат Сельджукидов Рума. Иначе - Румский султанат (1077-1307).

Исключительно благоприятные географические и климатические условия Коньи, славной и сегодня своей изумительной на вкус родниковой водой (подлинная *аб-и хайят* - «вода жизни») и фруктами, высокий уровень защищенности от внешних вторжений (пока не пришли монголы в 40-х годах XIII века) сделали город центром власти, торговли, ремесел и культуры. Сюда брели дервиши, съезжались суфийские шейхи, поэты и ученые. Они видели Запад и Восток и ждали свое Солнце.

Султаны Румского султаната, упоминаемые в тексте книги, - Алаэддин Кейкубад I (1219-1236) и Гийясэддин Кейхосров II (1236-1245), люди мудрые и просвещенные, деятельно собирали вокруг Коньи элиту тогдашнего интеллектуального мира из числа духовенства, людей науки и искусства. А также лучших мастеров своего дела - от гончаров до ювелиров. Население в определенной мере могло насладиться плодами разумной политики султанов, имело склонность внимать дервишам и проповедникам, стекавшимся в Конью со всего Ближнего Востока.

Тюрки по происхождению, румские правители-султаны поощряли арабский язык как язык Корана, науки и делопроизводства. Куртуазным языком поэзии, интеллектуального общения стал фарси - новоперсидский язык, на котором общались между собой румские интеллектуалы. Как местные, так и пришельцы, среди которых была масса выходцев из Ирана и Афганистана.

И у местного населения румского сельджукского султаната, и у пришлого - как тюрко-огузского, так и ираноязычного - имелась богатая устная народная литература. Как правило, ритмизованная. Поэтому изумительные, адекватные пульсации крови в организме человека и колебаниям сердечной мышцы

стихи гениев персидского стихосложения Газали, Санаи, Аттара, Джамии, Хайяма, Низами и других воспринимаются нами и сейчас с той же благодатностью, что и тысячу или восемьсот лет назад.

Разумеется, неисчерпаемы источники человеческих ценностей, воспетые ими в прошлом для будущего.

Можно повторить мысль моей любимой преподавательницы, увы, ушедшей в Его сады, профессора истории турецкой литературы Виктории С. Гарбузовой (ЛГУ - СПб.ГУ), что метрика, ритмико-мелодическая сторона стихов на фарси с изрядной долей огузской лексики, была хорошо известна в том обществе, куда пришла большая семья Джалаледдина.

Я подчеркиваю определенный тюркский элемент в творчестве Руми для более полного объяснения того почти обожествления (вполне мною разделяемого) Поэта, его пронзающих душу гармонией мысли и чувств стихов, которое характерно для тюркоязычного мира. «Не пророк он, - сказал о Руми великий Джами, - а Книга-откровение у него имеется».

Заметим, что известно некоторое количество четверостиший Руми на конийском диалекте, вполне понимаемом в современной Турции «средним турком» без гуманитарно-литературного образования.

В развитие высказанных в книге почтенного Шефика Джана мыслей скажу, что в «конийском» наследии Руми есть четверостишия по-тюрки. Они содержат сжатое изложение суфийских постулатов. Именно по-тюрки Руми призывал изучать «язык без языка» - понятный всем «суфийский язык» образцов и чувств.

Если идут по суфийской тропе знакомый твой, брат иль чужак,

Подумай о пастыре: в этом пути он будет тебе вожак.

Держись за него, ягненок: не страшна с ним стая волков,
Румиец иль тюрок, суфизма язык учись понимать без слов¹¹.

Я совершенно согласен с тем, кого я же сам и назвал мевляной наших дней, - философом и турецким богословом М.Ф. Гюленом (см. перевод его предисловия к англоязычному изданию), равно и с автором книги Ш. Джаном, что Руми - светоч и образец бессмертной чистой веры.

Однако подчеркну, что Руми - печать мистических поэтов (в моем определении) именно в тюркском четверостишии, масово понимаемом и, следовательно, в перспективе разделяемом низшими и средними слоями сельджукско-тюркского султана-та, обращался к людям с призывом: врата суфизма - не врата безнадёжности, каков ты есть, таким и приходи... Независимо от твоёй веры и степени раскаяния.

Все равно приходи, будь лишь тем, кто ты есть, поклоняйся своим богам:

Солнцу, богу-Христу иль живому огню - приходи в наш просторный храм.

Коль раскаялся ты, но нарушил обет и в раскаяньи не устоял, -

Все равно приходи, ведь суфизма врата - путь надежды любым сердцам.

Руми был открытым человеком, живо всем интересовался. В частности, близко общался с христианскими священниками. В Конье сохранялся довольно большой процент греческого населения. В православном монастыре он написал стихи, известные абсолютному большинству читающего мира - о мотыльке (образ поиска истины), летящем на свет свечи (истины), не очень-то разбирая, на окне обители какой веры она стоит.

¹¹ Эта и следующая стихотворные версификации Марии Рудаковой (2007 год) выполнены специально для этого издания по подстрочнику профессора В.С. Гарбузовой, подаренному ею автору этой статьи на память об окончании Восточного факультета ЛГУ (1963 год).

Христос и есть народонаселенье мира.
Он - сущность света, плотных тел, эфира.
О правоверные! отбросьте лицемерье!
Ведь вера слаще горького неверья!
О люди добрые! Забудьте все сомненья,
Зачем вам смерть, когда пришло спасенье?¹²

Ответ на вопрос об исламской принадлежности творческого наследия Руми очевиден, как смена Дня и Ночи, восходы Солнца и Луны. Столь же очевидно, что Руми пришел в наш мир тогда, когда он был более всего нужен. Первоучился в Балхе, что в древнем Хорасане на Великом Шелковом пути мировых цивилизаций. И был этот путь дорогой Мира, и каждый Бог там был уважаем, а суть учений всем известна.

Исследователи на Западе не раз подчеркивали образную и духовную близость Руми и христианских учений. Известно, что Руми силой своего абсолютного авторитета, накинув плащ на плечи вора-христианина, спас того от лютой казни. Юноша перешел в ислам, стал факихом и умер, когда истерся плащ Руми.

После смерти Мевляны проститься с ним пришли и мусульмане, и христиане, и иудеи, чего в тюркском и вообще исламском обществе Коньи не бывало ни до, ни после.

Руми следовал Господнему призыву быть милосердным к людям и воплощал слова Корана:

Призывай [о Мухаммад] на путь Господа мудростью и добрым увещанием и веди спор с многобожниками наилучшими средствами. Воистину, твой Господь лучше знает тех, кто сошел с указанного Им пути, и Он лучше знает тех, кто на прямом пути. (Св. Коран, 16:125; 3:159, 3: 64).

Не стоит преувеличивать, как делают некоторые западные «влюбленные в Мевляну» исследователи (впрочем, я тоже

¹² Из Рубайата. Русская версификация С. Сечива.

«влюблен» в него с первого курса Восточного факультета Ленинградского университета - шел 1957-й год...) влияние Платона (Эфлатуна) и Библии на творчество Руми. Он самодостаточно, «сам в себе».

Но пусть все же прошелестит над горячим сердцем, впитывающим чеканное метрическое изящество Руми (муфайлун - файльатун - файльатун - фааля: условная музыка звука) освежающий ветерок исторического образа.

К югу от Коньи (десяток-другой долларов на такси) лежит озеро Бейшехир, где у хеттского памятника (а хетты для турок - что нам викинги: сердце умиляется, глаза увлажняются) бьет «источник Платона». Говорят, жил он там... Писал что-то, думал...

Где-то там же, в Каппадокийских холмах, укрывались первохристиане, сам апостол Павел посещал Икониум (Конью).

Мевляна не только учил. Он всю жизнь учился у других народов, у мудрецов иных верований. И дорог всем.

Ученье - форма самоистязанья,

Умалишенье - плата за познание.

Для тех, кто ищет красоту в страданье,

Есть Божья пустота, как воздаянье.

Блаженно в пустоте исчезновенье,

Под мириадом масок воскрешенье¹³.

Через почти 800 лет Руми обращается к нам с кажущейся простой идеей: новые мысли появляются и возглашаются тогда, когда разум восприимчив к вопросам, подобно волнам на море открытости. Процесс рождения созревшей идеи не приостановить, даже если меняются устоявшиеся убеждения. «Кровь не прев-

¹³ Из «Маснави». Русская версификация С. Сечива.

ратится в сладкое молоко, - сказал Руми, наш вечный Флейтист Мира, - пока удача не родит младенца. Слушай ее!»

Метафорические постулаты Руми, подобные приведенным, легли в основу ряда работ по диалогу цивилизаций ученых разных стран. Известный исламский культуролог, большой знаток философии и поэзии Руми профессор Ахмад Джалали на торжественном открытии проводимой ЮНЕСКО Международной академии диалога между культурами и цивилизациями «Образование на службе диалога» (27 апреля 2003 года, Варшава, Польша) сформулировал парадигму самобытности и «инакости». При этом как самый совершенный образец понимания «самобытности» он привел стихи Руми из «Диван-и Шамси Тебризи»:

Я спросил: «Ты откуда?» Вопрос удивил его мой.

Он ответил с улыбкой: «Мой край - Туркестан с Ферганой,

Я был создан из глины с водой вместе с сердцем, душой;

Моя родина - жемчуг старинный и берег морской».

Я взмолился тогда: «Пощади, брат по крови я твой!»

И услышал в ответ: «Мне едины и брат, и чужой»¹⁴.

Зал разразился овацией.

Вероятно, конийский период жизни Руми следует разделить более определенно, чем это обычно делается (наиболее убедителен М.Ф. Гюлен в своем предисловии), на две части. До - и - после встречи 26 ноября 1244 года, по всем источникам, случайной (предопределенной свыше), с бродячим дервишем, старцем Шамседдином Мухаммедом Тебризи (т.е. родом из Тебриза). «До» - Руми был очень популярным и очень уважаемым, но вполне «земным» исламским богословом и законоведом. «После» - в течение 16 месяцев, заполненных общением с суфием Шамседдином, который проповедовал мир и любовь между людьми, суть любой религии видел в вере в Бога, а не в выполнении ри-

¹⁴ Цитируется по официальному переводу ЮНЕСКО.

туалов, сложился тот Руми, тот Мевляна, гигант мысли и чувств, которого мы чтим.

Для Руми открылась дверь в особый мир экстатического состояния, своего рода «опьянения» в момент отождествления личности самого молящегося или любого подготовленного к этому состоянию искренне верующего человека с божеством. Войти в такое состояние дано немногим верующим. Суфии к нему стремятся и продвигаются через очищение души и разума на Пути к Богу. Чистота помыслов и ровная, но с экстатическими озарениями любовь к людям, к миру гармонии звука, образа и движения стали уделом Руми.

Человек гениального поэтического дара и, видимо, равного тому музыкального дарования, Руми, разлученный волей не вполне ясных событий с другом-шейхом Шамсом, старцем-мудрецом (1247 год), стал выражать переполнявшие его чувства божественного экстаза в ритмических декламациях своих стихов-газелей среди учеников и почитателей.

Мы человека всюду ищем сами,
Идущего весь век двумя стезями:
Путем Любви, что к Истине приводит,
И злобы к тем, кто этот путь обходит.
Где муж такой, в каком краю земли,
Ему бы жизнь отдать мы в дар могли¹⁵.

Ритуал усложнялся, совершенствовался. Стихи, музыка и особый тип вращений помогали участникам радений «найти» (или «потерять») себя. Праправнук Руми по имени Пир Адиль Челеби (XV век) окончательно канонизировал ритуал; братство «вертящихся дервишей» известно и поныне как братство, или дервишеский орден, «*мевлеви*».

¹⁵ Перевод Н. Гребнева.

Заметим, что, при всей настороженности западной общест-венности и отрицательном отношении светских властей в Тур-ции (со времен Кемаля Ататюрка) к религиозным братствам, спо-койно воспринималось только «*мевлеви*», известное своей толе-рантностью, особым миролюбием и доброжелательностью. Из-вестно, что члены «*мевлеви*» с XIII по XX век только *один раз* приняли участие в политической акции. В 1648 году массовое возмущение религиозных и военных авторитетов свергло с тро-на султана-безумца Дели Ибрагима I. Среди участников пере-ворота были и несколько «вертящихся дервишей»¹⁶.

Не думая о славе, о земном, Руми все последующие годы, до кончины, напевал, наговаривал свои вдохновенные строки. Как всякий гений, не слишком заботясь о формах, о размерах.

Путь к Богу в окружении теней ушедших в Вечность лю-бимых и близких, мысли о вечных истинах продолжались до кон-ца. Он наступил 17 декабря 1273 года.

Конийская умма стенала сорок дней...

До нас дошло более 500 рукописей на фарси, исключитель-но много для автора почти восьмивековой давности. коммента-рии, изложения, версификации Руми на примерно 20 языках мира учету не поддаются.

Исследователи подсчитали, что только «Маснави-и маневи», «Поэма со скрытым смыслом», по объему примерно равна творе-ниям Гомера, вдвое превосходит «Божественную комедию» Дан-те и уступает, тоже вдвое, «Шахнаме» Фирдоуси. Но ведь есть еще и «Диван-и Кабир», и прозаические произведения...

Певец печали и экстаза, Руми сумел найти (надеюсь, книга Ш. Джана в понимании этого нам подспорье) и озвучить в са-

¹⁶ Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула / Перев. с франц. яз.- М.: Мо-лодая гвардия, 2006.- С. 132.

мом прямом смысле вечные истины. Печаль Руми и часто - наша в том, что мы не всегда сознаем: от рождения до смерти мы идем, но куда? Суфии идут осознанно - своим Путем. Остальным людям следует вдуматься в самих себя.

Руми предложил человечеству три «шага», три этапа самосовершенствования.

Он призывает очиститься от низменных страстей (злопамятности, лживости, корыстолюбия и тому подобных искусов сатаны) в качестве первого шага на Пути к Нему.

Вторым шагом станет достижение равновесия земных знаний, возможностей (по мнению Руми, безграничных, как Его воля) человеческого разума и собственно Бога как Абсолюта.

На втором и третьем «шагах» Мевляны печаль от несовершенства человека постепенно сменяется восторгом Любви от слияния с Истиной. Сама личность человеческая, обретшая полную веру и уверенность в превосходстве внечувственного понимания бытия, растворяется в Вечности, в Свете - Истине, имя которому Всевышний. На втором и последующих шагах Руми считает важным полагаться на просветленного наставника-шейха на мистическом Пути. Собственно, сам Мевляна и стал шейхом-суфием для человечества.

Такой подход был основан на Коране, и тем был и остался близок полутора миллиардам мусульман Земли. Руми идет по пути грациозного и образного осмысления притч и преданий, сопровождающих человечество в его цивилизованную пору. Это понимаемо и разделяемо вообще всем миром от античности до XXI века, поскольку поиск Пути к Богу, идея божественного озарения, внечувственного знания изначально занимала людские умы. Как не вспомнить еще одного современника Руми, христианского святого Фому Аквинского (умер год спустя после Мевляны, в 1274 году), утверждавшего в своей «Сумме теологии»,

что разум всесилен в вере, а недоступные эмпирическому уму истины постигаемы через откровение, приходящее свыше.

Пока на Земле живут люди, которые не замкнуты на повседневности, а задумываются о Вечном, Мухаммед Джалаледдин Балхи Руми - «певец печали и экстаза, горящий факелом Любви», - будет актуален и современен.

Ушел в бессмертье Мевляна...

Виталий И. Шеремет

Москва, 28 февраля 2007 года

P.S. Еще несколько слов о книге. Она написана в очень интересной форме - это разговор с читателем, текст рассчитан на восприятие со слуха, это похоже на запись лекции, традиции которой восходят к многовековым традициям суфийских проповедей. И неудивительно - автор был не просто «скромным преподавателем литературы», как он именуется, но и одним из руководителей братства *мевлеви*, имеющим право на публичное чтение “Маснави” наизусть. Поэтому не считайте, что повторы идей и мыслей в несколько измененной формулировке - это недостаток перевода или редакции. Просто мы решили максимально сохранить авторское своеобразие текста, пусть даже его форма и несколько непривычна для нашего читателя.

Цитаты из Корана приводятся по изданиям:

Коран / Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского.- Москва: Издательство восточной литературы, 1963.- 714 с.

Коран / Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой.- Центр Аль-Фуркан, Дамаск, 1419 год по Хиджра (1998 от Р. Х.).- 797 с.

Коран / Перевод и комментарии М.-Н. Османова.- Москва: Издательство Ладомир, 1995. - 580 с.

Предисловие к англоязычному изданию

Мевляна Джалаледдин Руми и в настоящее время остается одним из самых влиятельных наставников тасаввуфа (суфизма) в мире, несмотря на тот факт, что со дня его смерти прошло более семисот лет. Руми - наиболее часто читаемый поэт в США. Его страстная и полная воодушевления поэзия привлекает множество самых разных читателей. По этой причине идеи Руми стали восприниматься неоднозначно. Нет сомнения, что Руми использует своеобразный язык тасаввуфа, который дает возможность для неверной интерпретации. Например, он говорит о вине и опьянении, но эти слова не следует воспринимать буквально. Поэтому те, кто не знаком с языком суфиев, могут оказаться не в состоянии полностью понять Руми. Его великую любовь к Шамсу невозможно понять без точного понимания концепции любви в традиции тасаввуфа, особенно в той ее части, которая касается любви между учителем и учеником или любви между друзьями. Любовь Руми к Шамсу всячески подчеркивается, тогда как его более высокая любовь к Пророку Мухаммаду не так хорошо известна. В некоторых кругах Руми не считают исламским мистиком, хотя его по-прежнему рассматривают как суфия. Существует даже точка зрения, согласно которой Руми является великим наставником, который не имеет отношения к исламской традиции. Настоящим переводом сделана попытка представить Руми англоязычному миру и пролить свет на его жизнь, какой она видится в рамках тра-

диции тасаввуфа. Эти сведения излагает Шефик Джан, крупный эксперт творчества Руми и предводитель (*ser-tariq* - буквально «тот, кто стоит во главе пути» - прим. пер.) суфийского братства *мевлеви* в Турции.

Эта книга первоначально вышла в Турции в 1999 году под названием «*Mevlana: Hayati – Sahsiyeti – Fikirleri*» («*Мевляна: Жизнь – Личность – Мысли*»). Для меня было большой честью редактировать эту книгу и перевести некоторые части ее. Кроме того, я сделал отсылки на многие коранические цитаты и строки из хадисов, которых не было в авторской версии книги. Я не нашел отсылок на некоторые изложенные в книге истории, связанные с Руми, однако я считаю их важной частью устной традиции братства *мевлеви*. Я добавил некоторую свежую информацию, которая была недоступна для Шефика Джана в то время, когда он писал текст, особенно в том, что касается космоса и еще не опубликованных книг. Ради удобства читателей я решил переместить основную информацию о личности Руми и о его трудах в начало книги из конца, где она размещена в турецком издании. Я использовал сделанный Шефиком Джаном перевод произведений Руми на турецкий язык в качестве исходной отсылки на труды Руми на персидском языке, поскольку задачей книги было передать именно то, как их видел Шефик Джан. В некоторых местах я включил переводы поэзии Руми, сделанные Р.А. Николсоном, сделав небольшие изменения для того, чтобы они соответствовали версии Шефика Джана. Я предпочел не добавлять глоссарий, а объяснять суфийские термины напрямую в тексте. Там, где требовались более длинные разъяснения или определения, они вынесены в сноски. Я использовал современный турецкий алфавит для турецких терминов и имен, но при использовании арабских терминов и имен я избегал полной транслитерации в интересах широкого читателя. Я реорганизовал структуру книги, разделив ее на четыре главы и убрав раздел, посвященный современникам Руми, чтобы не отв-

лекать внимание от фигуры самого Руми. Хочу поблагодарить моего коллегу Джунейта Эроглу, который перевел несколько разделов этой книги, за разрешение отредактировать его перевод. Кроме того, я должен поблагодарить еще несколько человек за их помощь в подготовке этой книги: Османа Шимшека за его бесценную помощь в выполнении моей просьбы о предисловии, написанном М. Фетхуллахом Гюленом; Эллисон Брамблетт за помощь в редактировании текста; и моего старшего ассистента Эрика Н. Аберкромби за его помощь на различных стадиях подготовки рукописи.

Два аспекта этой книги делают ее уникальной. Первый - это тот факт, что автор оригинала - человек, который посвятил всю свою жизнь учению Руми. Такой взгляд на творчество Руми со стороны члена братства *мевлеви* делает эту работу бесценной. Второй важнейший вклад в эту книгу - предисловие (которое я перевел с турецкого оригинала), написанное М. Фетхуллахом Гюленом, выдающимся исламским мыслителем, много работающим над проблемами межконфессионального диалога в Турции.

Надеюсь, что эта книга будет способствовать лучшему пониманию Руми во всем мире. Я верю, что эта работа доставит удовольствие Шефику Джану, который давно ждал публикации английской версии своего труда. Священный Коран наставляет нас: «Говори: «Господи! Умножь мне знание»» (Св. Коран, 20:114). Мое пожелание читателям этой книги - чтобы она увеличила их познание Руми.

Зеки Сарытопрак

Кливленд (штат Огайо, США),

12 мая 2004 года

Предисловие

Мевляна Джалаледдин Руми

Есть такие значительные личности, которые благодаря своему голосу и дыханию, своей любви и вдохновению, благодаря своему обращению к человечеству всегда остаются живыми и востребованными на протяжении веков. Времени не удастся стереть такие личности. Их мысли, разъяснения, анализ действительности и духовные послания, которые никогда не будут утеряны, представляют собой вечные рецепты лечения и альтернативные решения различных современных социальных проблем.

Руми - один из таких людей. Несмотря на века, разделяющие его эпоху и нас, Руми продолжает слушать и слышать нас, разделяет наши чувства, предлагает решения наших проблем посредством своих произведений, равных которым нет. И хотя он жил более семи веков назад, он остается вечно живым - среди нас и с нами сегодня. Он - человек света, тот, кто обрел свой свет от духа Властелина Человечности (Пророка Мухаммада, да пребудет с ним мир и благословение) и распространяет этот свет различными способами везде и всюду. Он был избран для того, чтобы стать одним из праведников и святых этого мира и пребывать с чистым сердцем. Он - благословенный человек, чьи слова сияют даже среди слов героев любви и страсти. Он действовал и продолжает действовать как Исафил, которому суждено вдохнуть жизнь в души умерших. Он продолжает наполнять водой жизни иссушенные сердца многих людей - своего рода

духовное орошение. Он продолжает освещать дорогу путешествуя по жизненному пути. Он был верным последователем Пророка и продолжает оставаться им.

Джалаледдин (Джалалэддин) Руми, Божий человек, спешил к Богу в своем духовном странствии. Кроме этого, он сумел возбудить в бесчисленных душах страсть к подобным странствиям - странствиям, отмеченным безудержным стремлением к Всевышнему. Он был человеком, обладавшим уравновешенной натурой и бесконечным восторгом, оживающим благодаря его любви и вдохновению. Руми, впадая в экстатическое состояние, возбуждал в других эти замечательные чувства - любовь и вдохновение. И до сих пор он продолжает делать это.

Помимо своей страсти к Богу, помимо своего познания и любви к Нему, Руми также прославлен как герой всего, что касается его уважения к Господу и страха Божьего. Он был и продолжает оставаться тем, кто зовет за собой; тем, чей мощный голос призывает всех к истине и к окончательной благословенной реальности. Руми был величайшим наставником, чья радость была прямым последствием Его радости, чья любовь и страсть были следствием Его особого благоволения к Руми. Его жизнь реально свидетельствует об Истине.

Влияние Руми на тех, кто жил в одно время с ним, было огромным. Еще большее влияние он обрел века спустя, когда продолжал звучать его голос, который был отражением голоса и дыхания Пророка Мухаммада. Руми говорил так завораживающе, что сумел повести за собой не только своих современников, но и людей нашего времени. Времени, которое на века отстоит от эпохи его земного существования. Господь доверил ему эту важную миссию. С этой целью Всевышний наградил его внешней и внутренней безупречностью, чтобы он мог добиться успеха во всех своих начинаниях. Сердце его было наполнено Божественным Светом. Его сущность отмечена мудростью, которая сияет

подобно свету, преломившемуся сквозь драгоценный камень. Его внутренняя сущность была окутана Божественными тайнами. Его внутреннее зрение было озарено этим особым светом.

На этом горизонте Джалаледдин Руми подобен Полярной Звезде, сердцу круга обращения своего времени. Он вобрал в себя все грани светильника святости, обретая свой свет от света истины Пророка. Многие из благословенных созданий Господа инстинктивно тянутся к свету. Свет Руми привлек сотни тысяч духовных мотыльков: их влечет свет. Он является проводником в путешествии человечества, стремящегося обрести безупречность человеческих качеств. Руми был бережным толкователем истин, изложенных в Коране. Блестящий интерпретатор любви и стремления к Пророку Мухаммаду, Руми смог использовать язык мистерий, чтобы вести других к любви к Господу. Те, кто входит в его сферу, обретают способность достичь запредельного ощущения - испытать чувство, что они находятся в присутствии Всевышнего. Те, кто изучал Коран, руководствуясь его наставлениями, претерпевали (и продолжают претерпевать) изменения, аналогичные тем, которые засвидетельствовали люди, жившие в эпоху самого Пророка. Когда строки Корана толковались ближайшими соратниками Руми, все сердца прозревали, озаренные его мудростью. Казалось, будто все тайны небес открывались, когда он от всего сердца повторял одно лишь слово - Бог.

Руми испытывал к Богу любовь огненную, пылающую постоянным стремлением к тайнам Господним. Он испытывал любовь и страсть и в своей уединенной аскезе, и во время своей деятельности в общине. В уединении он становился наиболее открытым для истинного союза с Богом, и во время расставания со всем и вся, кроме Бога, его сердце пылало огнем. И хотя многим людям было трудно переносить это ощущение горения, Руми никогда не выказывал ни малейшего признака неудовлетво-

рения. Скорее, он смотрел на такое горение как на обязательное условие любви, а воздержание от жалоб рассматривалось в традициях лояльности и верности. Как считал Руми, для тех, кто заявляет о своей любви к Богу, их утверждение «Я люблю» должно обязательно сопровождаться ощущением яростного горения. Это та цена, которую человек должен добровольно платить за пребывание рядом с Богом или в союзе с Ним. Более того, человек должен придерживаться образа жизни, который является большей частью аскетическим: умеренность в еде, питье и сне, а также постоянное осознание Бога и устремление к Нему в словах и мыслях. При этом человек должен обязательно испытывать изумление, когда его одаряют милостью Щедрости Господней.

Руми не мог понять, как может влюбленный долго спать, если сон отбирает время, которое можно провести с Возлюбленным. Для него излишний сон - это обида, нанесенная Возлюбленному. Как сказал Всевышний Давиду: «О Давид, те, кто позволяет себе долго спать, не размышляя обо Мне, а затем утверждают, что любят Меня, - те лжецы». И Руми тоже утверждает: «Когда опускается тьма, влюбленные обретают вдохновение». Руми постоянно подтверждал это не только своими словами, но и поступками.

Следующая цитата из “Диван-и Кабир” лучше всего показывает несколько капель из океана его мудрости и вдохновения, которые взрываются вулканом:

Я подобен Меджнуну* ибо в моем бедном и слабом сердце нет сил сопротивляться Его любви.

Каждый день и каждую ночь я стараюсь, чтобы освободиться от уз - цепей любви связавших меня.

* Меджнун - образ пылкого влюбленного, чрезвычайно популярный в литературе мусульманского Востока. - Прим. ред.

Оказавшись под взорами Возлюбленного, сердце мое обливается кровью. Я - лишь частично в сознании, и я боюсь, что могу обогреть Его кровью моего сердца.

Поистине, Ты, о, Возлюбленный, должен расспросить обо всем фей: они знают, как я пылал всю ночь напролет. Все остальные крепко спали.

Но мне, тому, кто отдал свое сердце Тебе, неизвестен такой сон, каким спят они. На протяжении всей ночи глаза мои смотрят в небо, считая звезды.

Его любовь настолько лишила меня сна, что я не верю, что он когда-нибудь вернется ко мне.

Стихи Руми - это квинтэссенция любви, страсти, божественного присутствия и вдохновения. Если мы спрессуем их, то услышим крик любви, тоски и надежды. На протяжении всей своей жизни Руми выражал любовь, и благодаря этому сам верил, что его любят. Точно так же он говорил о своей любви и взаимоотношениях с Ним. В это время он не был одинок, - он увлекал за собой много благословенных людей, тех, кому повезло оказаться в числе его слушателей. Он считал обязательным условием верности предлагать, чашу за чашей, напитки, поданные ему на небесном столе, другим, - тем, кто был в круге его света.

Следующая цитата напоминает неясный (на первый взгляд) напев, который отразил его небесные странствия:

Бурак* любви забрал не только мой разум, но и мое сердце, и не спрашивай меня, куда.

Я достиг того мира, в котором нет ни луны, ни дня. Я достиг того мира, где мир больше не является миром.

Духовное путешествие Руми было восхождением в тени Восхождения Пророка, которое описал Сулейман Челеби (автор турецкого текста мевлида - панегирика, который читается в честь

* Бурак - райское животное, верхом на котором Мухаммад поднялся на небо в Ночь вознесения - *мирадж*. - Прим. ред.

дня рождения Пророка) следующими словами: «Не было ни места, ни Земли, ни небес». То, что слышала и наблюдала его душа, было проявлением Его особой милости, которую нельзя увидеть глазами, услышать ушами и осознать разумом или мыслями. Подобные проявления недоступны практически ни для кого. Руми духовно вознесся, и он увидел, ощутил вкус и познал все, что было возможно для смертного. Те, кто не видит, не могут познать. Те, кто не ощущает вкуса, не могут чувствовать. Те, кто способен это чувствовать, обычно не раскрывают тайны, которые они постигли. А те, кто раскрывает эти тайны, часто обнаруживают, что они выше уровня понимания большинства. Как сказал знаменитый турецкий поэт шейх Галиб: «Свеча Возлюбленного испускает такой чудесный свет, и этот свет не вмещается в стеклянный фонарь Небес».

Любовь, чувствительность и тепло по отношению ко всему мирозданию, которые выражает Руми, - это продолжение глубоко укоренившейся божественной любви. Руми, который был опьянен любовью, обнимал все мироздание продолжением этой любви. Он вступал в диалог с каждым существом, и все это было результатом только его глубокой любви к Богу и его взаимоотношений с Возлюбленным.

Я думаю, что эти беспорядочные и довольно путанные объяснения далеко не способны описать Руми. Этот беспорядок в мыслях - неизбежный итог моего стремления к построению отношений с ним. Капля не может описать океан, и не может атом описать, что такое солнце. Я бы хотел сказать еще несколько слов о Джалаледдине Руми.

Руми родился в городе Балхе в 1207 году, в то время когда на Азию обрушились социальные, политические и военные проблемы. Его отец, Мухаммед Бахауддин ал-Сиддики, был в десятом колене потомком Абу Бакра ал-Сиддика, первого халифа ислама. Как передает Тахир ал-Мавлави, его мать тоже была

из числа потомков Пророка. Он стал благословенным плодом почтенного фамильного древа. Его отец, который был известен как Султан ал-Улема («Король ученых»), был человеком истины и одним из наследников Пророка. Как и многие другие приближенные Всевышнего, он подвергался гонениям и, в конце концов, был вынужден переселиться. Поэтому он покинул Хорасан, где родился, и предпринял долгое путешествие, которое приводило его в самые разные земли. Сначала он отправился со всей семьей в хадж и посетил святые города Мекку и Медину. Оттуда он перебрался в Дамаск, где провел некоторое время. В Дамаске он познакомился со многими святыми и праведными людьми, такими, как Ибн ал-Араби, и благодаря им обрел духовное просвещение. Сопровождавший своего отца юный Руми, которому было тогда шесть или семь лет, был свидетелем этих и других событий. Чувство любознательности позволило ему переживать все события с удивительной четкостью. Юный Руми осмысливал свое окружение даже в таком нежном возрасте и сумел проникнуть в тайный мир Ибн ал-Араби. Как вознаграждение за свои таланты в окружении Ибн ал-Араби мальчик нашел доброту и поощрение. Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, ставшие причиной переселения, и многие трудности, сопровождавшие их в пути, его семья обрела в своем путешествии вдохновение и многие благоприятные обстоятельства. Подобно Ибрахиму (Аврааму), Мусе (Моисею) и Пророку ислама, да пребудет со всеми ними благословение Аллаха, Руми смог постоянно и во всем в своей жизни обретать благословения и поощрения. Приветствуя то, что посылала ему судьба, он стал обладателем бесчисленных милостей, посланных ему Всевышним.

Путешествие привело его благословенную семью в город Эрзинджан, а затем в Караман. Во время своего пребывания в Карамане Руми какое-то время учился в школе Халавийя. Он также изучал исламское право и другие науки в нескольких религиозных школах в Дамаске и Алеппо. Закончив образование,

он вернулся в Конью, которую особенно любил и стал считать своим домом. В Конье он женился на Джавхар Хатун, дочери Шамседдина Самарканди. Через некоторое время отец Руми, Султан ал-Улема, скончался и вернулся к Богу. Руми начал свое долгое духовное путешествие под присмотром Бурханиддина ал-Термези. Несколько лет спустя, по предложению Рукниддина Заркуби, Руми познакомился с Шамсом из Тебриза, который тогда прибыл в Конью. Благодаря своей встрече с Шамсом он расширил свои духовные просторы и, наконец, стал таким человеком, который ныне известен всему миру своей духовной глубиной.

Все, что я сказал выше, представляет собой попытку еще раз посмотреть на жизнь выдающейся личности в этом мироздании, человека, чьи возможности открыли ему доступ в горный мир. Это также попытка представить жизнь выдающегося последователя Мухаммада (то есть истинного верующего, следующего по пути сунны), разглядывая несколько моментальных снимков человека, со всей определенностью решившего посвятить свое существование иному миру.

В мои намерения не входит нарушить устоявшиеся взгляды на жизнь столь удивительных и чистых личностей спорами и вопросами, которые не проясняют, а будут только волновать и скрывать истину. Однако неизбежно возникает вопрос: Руми открыл горизонты Шамсу или Шамс стал проводником Руми в мир невидимого? Кто привел кого к реальности реальностей - к пику любви и радости? Кто кого направлял к реальному Искомому и реальному Возлюбленному? Ответ на эти вопросы лежит за пределами возможностей большинства обычных людей. Можно сказать, по крайней мере, следующее: в этот момент два живых и прозорливых духа слились вместе, словно два океана, что сливаются воедино. Разделив дары Божественной щедрости и дары, полученные ими от Господа, они оба достигли таких вер-

шин, которых большинство людей не смогли бы достичь своими собственными усилиями. Благодаря своему духовному сотрудничеству они разбили шатер на вершинах познания, любви, сострадания и радости Господней. Насколько они просвещали тех, кто жил в одно время с ними, настолько они оказали влияние на людей во все последующие века, и этот эффект сохраняется и в наши дни. Родник свежей воды, который они олицетворяют, продолжает питать жаждущих. Их никогда не забывали, несмотря на прошедшие столетия, благодаря благодатному влиянию на бесчисленные жизни. Здесь следует отметить, что Руми учился у многих выдающихся людей, включая его собственного отца, великого наставника ученых. Он оставил далеко позади многих своих ровесников. Его любовь и сострадание лились свободно, подобно водам мирового океана, так что, продолжая жить физически среди людей, он сумел приблизиться к Богу. Он никогда не возносил себя выше окружающих в течение всей своей жизни. И также было после того, как он присоединился к вечности. Своими произведениями он зажег путеводную звезду, которая указывает на духовную жизнь Пророка ислама. Поэтому Руми - из небольшого числа людей, которые оказали и оказывают огромное влияние сквозь пространство и время.

Руми, Мевляна, не был учеником, дервишем, представителем или господином, как это принято в традициях суфизма. Он разработал новый метод, который был окрашен религиозным бдением и личным, независимым рассуждением, опираясь при этом на Коран, сунну и исламское благочестие. Новым голосом и новым дыханием он успешно призвал к новой божественной трапезе и тех, кто принадлежал к его эпохе, и тех, кто пришел в этот мир после него. В том, что касается его отношения к Богу, он был человеком, исполненным любви и страсти. Что же касается тех, кто обращается к нему ради Господа, он представляет собой страстного носителя Божьей чаши Божественной любви. Да, как дожди милосердия изливаются из небесных облаков

(если бы мы выжали собрание его стихов), любовь к Всевышнему и любовь к Его Посланнику излилась бы таким же потоком. «Маснави», книга, наполненная его духом, отчасти дидактическая, записанная его учеником Хусамиддином Челеби, представляет собой самое большое, монументальное произведение Руми. Она родилась в результате его погружения в необозримые потоки любви и страсти высшего уровня, но представлена читателю более мелкими волнами, чтобы их суть могла быть понятной большей части человечества, не обладающей такими же способностями. Другой его труд, «Диван-и Кабир», родился и представлен на этом более высоком уровне любви и страсти и лучше отражает собственные возможности автора.

В «Маснави» чувства и мысли изложены таким образом, что они не смущают наш разум, причем таким стилем, что он не превосходит наше разумение. Что же касается «Диван-и Кабир», то он похож на извергающийся вулкан. Его значение не так-то легко понять абсолютному большинству. Тщательное исследование показывает, что великая книга Руми объясняет такие концепции, как *бака биллах мааллах* (жить Всевышним и с Всевышним) и *фана филлах* (растворение в Всевышнем, в контексте более широкого понимания мира невидимого. Те, кто способен осознать это вдохновение в «Диван-и Кабир» Руми, будут полностью поглощены потоком любви и экстаза, который поистине можно сравнить с извергающимся вулканом. В этих стихах Мевляны, которые не доступны большинству людей, преодолены границы разума, значение стихов возвышается над пониманием человечества, и вечная натура невидимого мира затмевает эфемерные цвета и формы, которые человек встречает в своем физическом бытии.

Джалаледдин Руми был вскормлен плодами многочисленных источников мысли, включая религиозные школы. Суфийские братства и суфийские обитатели ассоциировались с жестким су-

фийским аскетизмом. Руми достиг понимания Окончательной Реальности. Он культивировал небесное своими собственными методами. Он стал путеводной звездой, Полярной Звездой на небе, где живет святость. Он был подобен яркой луне; что вращается вокруг собственной оси. Он был героем, который достиг тех мест, которых ему надо было достигнуть, и остановился там, где ему надлежало остановиться. Он внимательно читал то, что он видел, и тщательно оценивал то, что чувствовал. Он никогда не совершал неподобающих поступков и не принимал участия в каком-либо неподобающем действии во время своего обращения к Богу. Хотя их количество было огромно, Руми не утратил ни одного из даров, полученных из мира невидимого, - ни единого атома. Как и многие из его предшественников, он излагал эти божественные милости через свою великолепную поэзию. Он часто говорил о своей любви и вдохновении, казалось, волшебными словами, напоминающими самые прекрасные из драгоценностей. В рамках, ограниченных поэтическими требованиями, он покорил искусство разъяснения своих многозначных заявлений таким образом, что их смысл становился понятен друзьям, но оставался скрытым для посторонних.

Эти заявления, которые могли быть одновременно и прозрачными, и многозначными, - это голос и дыхание его собственных горизонтов: он не был знаком с другими источниками, которые бы поставляли их. Хотя исследователям известно несколько посторонних слов или опусов, ложно приписываемых Руми, творчество Руми представляет собой теплоту, музыку его собственного сердца, музыку, которая властно подчиняет себе всех, кто подпадает под ее влияние.

Руми обладал очень мягким характером, часто он казался окружающим более сострадательным, чем мать по отношению к своему ребенку. Он был исключительной личностью, особенно в том, что касается его проекции духа Посланника Господа

на его собственную эпоху. Это становится очевидным из его трудов, - таких, как «Маснави», «Диван-и Кабир», писем, которые он писал своим родственникам, и особенно из того, как он вел себя с друзьями. Свидетели этому с большим волнением смотрели на идеального наследника Пророка и говорили смиренно и уважительно: «Это великая милость Господа, которую Он дарует тому, кому Сам пожелает».

Руми был человеком абсолютно искренним и верным. Он жил чувствами своего сердца до той степени, в какой это не противоречило учениям и законам религии. Тогда как он сделал свою веру центром всей своей жизни, показывал другим, как надо жить, играл на камышовой флейте и кружил, подобно мотыльку, его сердце горело любовью и тоской. Оно всегда болело и пело, словно нежная свирель. Те, кто не чувствовал боли, не понимали его. Те, кто был груб и бестактен, не могли ощутить то, что чувствовал он. Он говорил: «Мне нужно сердце, которое раскалывается, кусочек за кусочком, из-за боли расставания с Господом, чтобы я мог объяснить ему свою тоску и жалобы». Повторяя это, он искал друзей, которые отличались бы подобными жалобами и тоской.

На протяжении всей своей жизни Руми пришлось увидеть и испытать много трудностей. Но он никогда не пытался грубо вести себя или резко отвечать другим. Восхваляя милости Господа, Руми боролся, словно лев, и был столь же бесстрашен. В своих личных делах он всегда был покорным и смиренным, готовым с сочувствием и состраданием обнять любого. Дурные черты характера: эгоизм, претенциозность, высокомерие или агрессивность - не находили у него поощрения. Они не могли даже приблизиться к нему. Он вел себя чрезвычайно уважительно по отношению ко всем, особенно к тем, с кем у него установились наиболее близкие отношения. Он называл своего друга Шамса из Тебриза, человека, от которого он зажег свой собствен-

ный светильник, своим Господином. Своего ученика и духовного представителя Салахэддина Заркуби он именовал своим Духовным вождем, Господином и Султаном. Он всегда с огромным уважением упоминал Хусамэддина Челеби. Его обращение с членами его семьи было отражением того, как с членами своей семьи обращался Пророк. Сообщество его последователей было открыто для всех, как община последователей Пророка, он был близок даже к тем, кто находился дальше всех от него, так что даже его враги были вынуждены невольно принять его объятия, исполненные сочувствия. Из тех, кто однажды вошел в его круг, никто его не покинул.

С одной стороны, у Мевляны Руми установились особые близкие отношения с миром невидимого; но, с другой стороны, особенно в том, что касалось его взаимоотношений с другими людьми, он никогда не давал понять, насколько сильно он отличается от всех. Причиной тому были его крайняя искренность и смирение. Он жил среди людей как один из них. Он слушал их, ел и пил вместе с ними. Он никогда не раскрывал секреты, установившиеся между ним и Богом, тем, кто не мог истинно понять их значение. Будучи наставником, он жил в соответствии с тем, во что верил, и всегда стремился найти путь в сердца тех, кто был с ним рядом. Он называл собрания своих последователей «Разговоры о Возлюбленном», пытаясь тем самым постоянно привлекать внимание к Нему. Он говорил: «Любовь», «Устремление», «Упоение», «Влечение», «Самозабвение» пытаясь разделить с другими выплеск воодушевления и других чувств, которыми был переполнен его дух. Он демонстрировал всем, кто оказывался в его сфере, горизонты истинной человечности. Он никогда не позволял своему взору задерживаться на мирских богатствах, но стремился распределить среди нуждающихся любое имущество или деньги, которые превышали его собственные потребности. Если в его доме было мало пищи, он повторял: «Слава Богу, сегодня наше жилище похоже на дом Пророка». Благодаря

покорности и терпению он совершал духовные полеты в потусторонний мир. Руми не принимал благотворительности или подаяния. Поэтому он получил возможность быть свободным и не быть обязанным кому-либо. Он страдал от голода, жил очень скромно, но никогда не позволял другим увидеть это. Он не желал запятнать свое предназначение - быть проводником на пути людей к Богу - тем, что принимал бы подарки или подношения.

Руми отличался аскетизмом в жизни, богобоязненностью, воздержанием, божественной защитой от греховности, самодостаточностью и чистой жизнью, которая была посвящена миру невидимого. Его знание Бога, любовь к Богу и абсолютное стремление к Богу всю его жизнь поддерживали всегда, так что он поднимался, подобно одной из тех лун, что освещают небо святости. Его любовь к Аллаху была огромной, она превосходила обычные границы любви - это была трансцендентальная любовь. Он был абсолютно уверен, что Аллах тоже любит его. Уверенность в любви Всевышнего не лишила его чувства страха и не уменьшила уважения к Всевышнему. Это был горизонт веры и ответственности, и Руми понимал этот баланс между страхом и надеждой как выражение милостей, которые дарует Господь. Мы можем справедливо назвать это чувство балансирования «Объявлением Даров от Вечного Султана».

Его внутренний мир водопадами любви изливался в различные произведения. Его искренняя тяга к Божественному и его верность были вознаграждены божественным экстазом и влечением. Он был одарен величайшей близостью к Богу, пил из чаши божественной любви и, осушая чашу за чашей, был опьянен любовью. Он желал видеть, знать, чувствовать только Его и говорить только о Нем. Он был настолько серьезен, что если его взоры даже на краткое мгновение обращались к внешнему миру и его обитателям, то слезы лились из его глаз. Он искренне желал жить в непосредственной близости от Не-

го. Он постоянно старался быть и влюбленным, и возлюбленным, и проводил мгновения своей жизни в опьянении, что исходило от обоих.

Много было влюбленных, которые ощущали те же духовные радости и которые были предшественниками Руми в жизни и смерти. Но превосходство Руми открывается в том, что он очень смело говорит нам о своих чувствах в “Диван-и Кабир”. Поистине, со времен Пророка и в последующие века было много героев, которых всеобщее мнение признало бы превосходящими Руми. Но превосходство Руми лежит в особом измерении, в особых достоинствах, тогда как их достоинства более привычны для нас. В этом случае мы можем назвать Руми вождем в мире любви, лучшим из лучших. Руми - выдающийся проводник, который ведет людей к Самому Прекрасному из Прекраснейших по пути любви.

Это высокое достижение человека - суметь полюбить Господа всем своим сердцем и всегда помнить о Нем с глубокой любовью и страстью. Если и есть для человека более высокое достижение, то это осознание того факта, что вся любовь, устремленность, экстаз и влечение человека - это результат Его доброты и благосклонности. Руми выдыхал Божественные Имена и Атрибуты всякий раз, когда он делал вдох и выдох. Он осознавал, что его способности - прямой итог милости и благосклонности, которыми его одарил Всевышний. Те, чьи горизонты не могут достичь этого уникального уровня, возможно, не сумеют понять этого. Если верить неизвестному автору стихотворения, которое я хочу процитировать, нет сомнения, что подобно тому, как слова представляют собой оболочку значений, заключенных внутри них, так и возможности и способности людей - это просто факторы и условия, которые представляют собой приглашение принять божественные дары:

Труды Его милосердия основаны на способностях созданий.
Из капли апрельского дождя змея творит яд, а устрица - жемчужину.

Некоторые люди считают, что нельзя использовать фразу «любовь к Всевышнему» в исламской традиции. Как многие из тех, кто возлюбил Господа, Руми, оставаясь верным святости и возвышенности Бога, смело защищал концепцию любви к Богу как стоящую выше всех человеческих концепций любви и отношений. Он оставил после себя наследие многозначной божественной любви, которая была открыта для интерпретаций на протяжении всех поколений, что последовали за ним. Некоторые суфии и исследователи ислама сомневались в правомерности использования музыкальных инструментов, таких, как камышовая флейта *ней* (в другой огласовке - *най*), и в исполнении музыки в дервишеских *текке* именно из-за этой многозначности. Сторонники этой точки зрения часто критиковали ритуальные танцы вращающихся дервишей. Однако Мевляна Руми не сомневался в истинности своих интерпретаций. Если бы он испытывал сомнения, он бы разбил музыкальные инструменты и отказался от своей деятельности. Поистине, я думаю, что прочувствованные всем сердцем взаимоотношения Руми с духом религии, и тот факт, что он был безупречным представителем и живым примером образа жизни и поведения Мухаммада (мир ему и благословение Аллаха), запрещают всем прочим выступать против него. Более того, двух этих концепций оказалось более чем достаточно для того, чтобы большинство людей приняли его точку зрения.

Он был человеком абсолютно искренним и верным. Он жил чувствами своего сердца до той степени, в какой это не противоречило учениям и законам религии. Тогда как он сделал свою веру центром всей своей жизни, показывал другим, как надо жить, играл на *нее* и кружил, подобно мотыльку, его сердце горело любовью и тоской. Оно всегда болело и пело, словно звучный *ней*.

Те, кто не испытывал боли, не понимали его. Те, кто был груб и бестактен, не могли ощутить то, что чувствовал он. Он говорил: «Мне нужно сердце, которое раскалывается, кусочек за кусочком, из-за боли расставания с Господом, чтобы я мог объяснить ему свою тоску и жалобы». Повторяя это, он искал друзей, которым были бы понятны такие жалобы и тоска.

Поистине, я сначала не собирался писать об этой вечной теме. Есть много других людей, которые лучше меня подготовлены к выполнению этой задачи. Однако эта просьба последовала от человека, к которому я издавна отношусь с большим уважением, и которому я не смог отказать. Я взялся за тему, которая, по сути, лежит за пределами моих возможностей. Сотни, даже тысячи авторов писали о Руми. Это их работа - писать, и если следует сказать что-либо важное, то это их работа - сказать это. Несмотря на это, ничто не препятствует тому, чтобы простые люди, такие как я, сказали несколько фраз. Думаю, именно это я и сделал. Вероятно, было бы лучше, если бы я остановился раньше и направил читателя к «Мевляна Джалаледдин Руми» Шефика Джана, чтобы читатель смог начать неоценимое общение непосредственно с текстом. Даже если сейчас уже слишком поздно делать это, я не хочу ограничивать общение с текстом или бросать на него тень своим ограниченным пониманием предмета. Так что теперь я останавливаюсь и завершаю свои замечания.

М. Фетхуллах Гюлен

От автора

О, Руми, наш господин!

На протяжении веков много книг и статей было написано о твоей славной жизни. Много слов было сказано. Тысячи людей извлекли пользу благодаря твоим трудам. Твои произведения переведены на многие языки, и те, кто любит тебя, приложили много усилий, чтобы представить твоё творчество всему миру. Игнорируя свои слабости, я также пожелал быть среди тех, кто отдал тебе своё сердце. Я хотел писать и обращаться к тем, кто любит тебя. Я прошу твоей духовной поддержки моего труда.

Шефик Джан

ГЛАВА 1

Политическая обстановка и философская
мысль в малоазиатском сельджукском
султанате в эпоху Руми

Прежде чем мы приступим к экскурсу в жизнь Руми, следует кратко ознакомиться с политической обстановкой и философской атмосферой в Малоазиатском Сельджукском султанате в XII веке. Это поможет нам понять ту эпоху, когда Руми вместе со своим отцом уехал из Балха, увидеть, в каких условиях он жил в Конье, писал свои труды и обучал последователей. Великие поэты и замечательные художники всегда появляются в великолепную эпоху. Художникам, помимо покоя и мира, требуется финансовая и духовная поддержка. Знаменитый турецкий поэт Баки, которого называют «Султан аш-Шуара», «Король поэтов», творил в самую великую эпоху в истории Османской империи - во время правления Сулеймана Великолепного. Когда же жил Руми, «Султан ал-Урафа», «Король мудрецов»?

Руми жил в тринадцатом веке, самом беспокойном и тревожном периоде истории Сельджукского султаната в Малой Азии, или Анатолии. Сначала исламские земли были опустошены, ограблены и обескровлены крестоносцами, а потом на них обрушилось монгольское вторжение с востока. При этом Сельджукское государство еще больше ослабело из-за внутренних конфликтов и борьбы за власть.

Воины хорезмшаха Джелалэддина* Мухаммеда (правил в 1220-1231 гг. от Р. Х.), которые хлынули на анатолийские зем-

* «Дин» - «вера»; «эд-дин», «ал-дин» - «веры». Очень широко распространенная часть мусульманских имен. «Джелалэддин» - «Стойкость веры»; «Шамсэддин» - «Солнце веры», «Нуреддин» - Свет веры» и т. д. - Прим. ред.

ли, спасаясь от монголов, тоже принесли беды и опустошение в регион. Хотя эти воины были мусульманами, они объединились с монголами, врагами мусульман, и захватывали, грабили и сжигали города. Сельджукский султан Алаэддин Кейкубад I был вынужден собрать войско для войны на востоке. Он разбил армию хорезмшаха Джалаледдина Мухаммеда в сражении подле Яссы Чимен, недалеко от Эрзинджана в восточной Турции.

Это было трагическим событием, поскольку сначала султан Алаэддин Кейкубад предложил хорезмшаху объединить их силы против монголов. Но битва между двумя тюркскими султанами сыграла на руку монголам. Ситуация осложнялась еще и тем, что усиление Сельджукского султана в Конье и его победа беспокоили правителя Айюбского султаната, другого исламского государства. В 1232 году он начал выдвигать свои войска на земли сельджуков, но сотысячная армия Алаэддина Кейкубада остановила попытку занять свою территорию.

Во время правления Алаэддина Кейкубада Малоазиатский султанат сельджуков пережил короткий период политического, экономического и военного расцвета, но все же государство постепенно слабело и, в конце концов, перестало существовать. Убийство султана Алаэддина Кейкубада (он был отравлен в 1237 году) стало поворотным моментом для сельджуков Анатолии. По мере приближения монголов и при правлении султана Гийасэддина Кейхосрова (правил в 1237-1246 гг. от Р. Х.), слабого преемника сильного и мудрого султана Алаэддина Кейкубада, распад султаната ускорился.

В это время много хлопот сельджукам доставило восстание туркмен, которые появились в Анатолии, спасаясь от монголов. Это восстание, известное историкам как движение бабаидов, поднял Баба Исхак, преемник Баба Ильяса, который перебрался из Хоросана (провинция в современном Иране) и обосновался в Амасье (город в современной Турции). Сначала Баба Ис-

как вел аскетический образ жизни, собрал вокруг себя много последователей, и его слава святого человека росла с каждым днем.

За восстанием Баба Исхака последовала очередная волна монгольского вторжения. Монголы захватили Эрзурум и убили всех жителей города. Монгольская армия под командованием Бейджу Нойона встретила сельджукскую армию возле горы Косе, в восточной части провинции Сивас. В пятницу 23 июля 1241 года началась битва, которой было суждено определить судьбу сельджукского султаната. Сельджукская армия потерпела страшное поражение.

Султан Гийасэддин не знал, что ему делать с потерпевшей поражение, вышедшей из подчинения армией. Он едва сумел спастись сам. Ему пришлось, переодевшись, бежать в город Токат.

Поделив между собой богатейшую добычу, монголы двинулись к Сивасу. Три дня они грабили Сивас, а затем направились к Кайсери. Они убили всех мужчин, еще оставшихся в городе, а затем ушли, забрав с собой женщин и детей. По пути они убивали каждого, кто оказывался слишком слаб, чтобы держаться наравне с армией на марше. Осознав, что у них нет ни единого шанса выстоять против монголов, сельджуки согласились ежегодно выплачивать им колоссальную дань. На этом закончилось существование Малоазиатского сельджукского султаната. Он стал вассальным монгольским государством.

После смерти Гийасэдина II в 1246 году три его юных сына и высшие сановники империи рассорились из-за власти между собой. Кроме того, монгольское иго и разрушения, оставленные захватчиками, еще больше ослабили государство. Внутренние беспорядки прокатились по всей стране. Тяжелая дань не удовлетворила монголов, и в 1256 году монгольский военачальник Бейджу провел свою армию через Анатолию и разбил сельд-

жукские отряды возле Коньи. На трон был возведен пленный сын Гийасэддина Кейхосрова - Рукнэддин Кылычарслан, а новым везиром при нем стал Муинэддин Сулейман Перване. Пока Бейджу Нойон оставался в Кызылвиране, к западу от Коньи, султана Рукнэдина держали при нем в качестве пленника. Султан был полностью во власти монголов. В 1277 году монголы казнили Муинэдина Сулеймана Перване. Это событие, а также продолжающаяся междоусобная борьба не оставили никакой надежды на возрождение Сельджукского султаната. Центральные власти сельджуков в Анатолии, растеряв последние силы во время монгольского ига, окончательно утратили власть. Тюркские беи, т.е. местные властители, теперь стали оплотом сопротивления угнетателям. Это стало началом возвышения анатолийских бейликов. В 1308 году Малоазиатский сельджукский султанат ушел в историю.

Эта эпоха, в которую жил и творил Руми, была бурным периодом, когда люди устали от войны и непрекращающихся беспорядков. Руми жил любовью к Богу, Царю Царей, коему не суждено вовек утратить могущество, рухнуть и прекратить свое существование. Божественные стихи, которые он складывал, опираясь на бесконечную силу и вдохновение, дарованные ему свыше, возвращали надежду тем, кто ее утратил; дарили радость, веру и любовь измученным и озабоченным людям. В те тревожные времена он был источником успокоения для людей, и своей любовью и верой он освобождал души верующих от страха и печали.

Духовное окружение анатолийских сельджуков в эпоху руми

Чтобы понять неисламские верования и философские взгляды, против которых выступал Руми в XIII веке, было бы полезно вернуться к происхождению этих верований и кратко рас-

смотреть, как они появлялись и росли. Таким образом, мы также узнаем различия и разные секты среди мусульман.

До начала этого обсуждения я хотел бы подчеркнуть следующее. Когда какие-либо ученые люди в своих трудах, посвященных жизни Руми, объясняют, какова была философская мысль и идеология в исламском мире в XIII веке, они имеют тенденцию включать мнения, которые противоречат исламу. Более того, некоторые западные мыслители, которые не вполне понимают ислам, сравнивают религии Божественного откровения, как считают мусульмане, с философскими направлениями. Это некорректно, поскольку ислам не был основан Пророком Мухаммадом.

Пророк, который не мог ни читать, ни писать, не был ученым и философом, на которого могли оказать влияние идеи и книги предшествовавших ему пророков, в соответствии с чем он бы и основал религию. Пророк Мухаммад был посланником, пророком, носителем откровения, посланного ему Всевышним. Пророк не основал ислам по своей собственной воле; Господь направил его на путь основания ислама.

Таким образом, было бы катастрофической ошибкой думать, что религии Божественного откровения, такие, как иудаизм, христианство и ислам, черпали свои идеи друг у друга, только потому, что в обрядах и истине этих религий заметно определенное сходство. Поскольку Господь любит человечество, которое Он создал, поскольку Он хочет, чтобы люди не следовали за своими физическими желаниями, а шли по истинному пути человечности, Он в разное время посылал одни и те же истины через различные религии и различных пророков, от Пророка Адама до Пророка Мухаммада. Поэтому в Коране говорится: «Не различаем мы между кем бы то ни было из Его посланников» (Св. Коран, 2:285).

Давайте теперь коротко опишем философские воззрения, распространенные среди анатолийских сельджуков в XIII веке, а также различные секты и группы, возникшие среди мусульман этой эпохи. Тогда мы сумеем понять, откуда пошли те воззрения, идеи и философские взгляды, против которых выступал Руми в своих трудах.

Концептуальные расхождения внутри различных мусульманских общин до начала XIII века

Первые концептуальные расхождения среди мусульман возникли после кончины Пророка. Когда Пророк Мухаммад скончался, в умах всех мусульман возник вопрос: Кто займет его место?

Пророк не был ни королем, ни президентом. Он был посланником, который заставил людей осознать присутствие Всевышнего. С помощью Господа он завершил исполнение своего долга и воссоединился с Господом, Которого он очень любил и Который очень любил его. Каким образом человек, который займет его место, сумеет заполнить эту нишу? Поскольку Пророк Мухаммад был последним из пророков, человек, который заменил бы его, должен был стать просто предводителем мусульман, чем-то вроде религиозного президента. Кому же следовало занять это место? Некоторые из почтенных сподвижников Пророка предложили, что это должен быть человек, отмеченный своей добродетелью и служением исламу; другие возражали, что преемником Пророка должен стать Али, который принадлежал к семье Пророка и был не только зятем Пророка, но и его двоюродным братом.

Сподвижники Пророка избрали его преемником, или первым халифом, Абу Бакра. После халифата Абу Бакра халифами избирались Умар, Усман* и Али. Все это происходило в течение примерно тридцати лет после смерти Пророка. Хотя Али

* В русской транскрипции привычнее имена - Омар, Осман. - Прим ред.

был избран большинством и был членом Хашимитской династии, правитель Дамаска Муавийя не признал его халифом. Он осмелился сразиться со сторонниками Али за власть в этом мире, став причиной того, что с обеих сторон было пролито немало крови невинных мусульман.

Во время этих войн среди мусульман возникла третья группа - хариджиты, буквально те, кто стоит вне двух основных групп. Хариджиты выступали против того, чтобы один и тот же человек одновременно был и халифом, и главой государства, и эти разногласия стали причиной хаоса и кровопролития. Они не были сторонниками ни Али, ни Муавийи. Подобно экстремистам наших дней, хариджиты были группой сепаратистов с деструктивными идеями, которые отказывались признать власть правительства.

По мере распространения ислама прежние верования и философские взгляды тех народов, которые становились мусульманами, смешивались с истинно исламскими. Таким образом, различные взгляды и различные группы формировались под влиянием многочисленных доисламских традиций.

Древнегреческие, древнеиндийские и древнеиранские книги, которые были переведены на арабский язык во время халифа Мамуна, примерно в начале IX века, усилили это философское течение при его правлении и при его преемниках. Философские взгляды древних греков, а также персидских, индийских и еврейских ученых распространялись в исламском мире. Мутазилиты использовали эти взгляды и теории для того, чтобы более успешно защищать свою собственную точку зрения. Влияние древнегреческой философии отчетливо видно в трудах таких выдающихся представителей мутазилитского движения в эпоху Мамуна, как Ибрагим ал-Газзам (умер в 835 году от Р. Х.) и Абу ал-Хузайл (умер в 840 году от Р. Х.).

Учитывая то внимание, какое уделяли мутазилиты этим вопросам, ученые-сунниты не оставались без дела. Появилась но-

вая область знания, которую сунниты называли *калам*. Это явилось результатом усилий великих ученых, в частности, Абу ал-Хасана аль-Ашари (умер в 935 году от Р. Х.), который когда-то был мутазилитом, но затем вернулся к суннизму. Однако в ряде регионов суннитский *калам* несколько приблизился к взглядам мутазилитов, а мутазилизм в целом все дальше и дальше отходил от своих корней, все больше сближаясь с философскими взглядами античной Греции. Новый этап в истории суннитского *калама* начался с деятельности великого ученого Абу Хамида ал-Газали (умер в 1111 году от Р. Х.).

То внимание, которое уделял исламский мир философским трудам, переведенным на арабский язык в Аббасидском халифате, объясняется только тем, что ислам активно призывает к обретению знаний. Как говорил Пророк, «Мудрость - это утерянная собственность верующего. Он берет ее там, где может найти»¹⁷. Исламские ученые внимательно изучали эти труды, интерпретировали их и отказывались от того, что противоречило исламским концепциям. Они размышляли о том, что соответствовало исламу, и писали комментарии к этим трудам. Мусульманин должен стремиться к знанию, идти за ним даже в Китай. Мусульманин должен читать Аристотеля, Платона и Конфуция. Если бы не комментарии, написанные исламскими учеными-богословами, труды древнегреческих философов не были бы так хорошо известны европейцам. Эти книги - причина того, что вслед за Ренессансом в Европу пришла Реформация.

Происхождение суфизма до Руми

Различные группировки и верования, о которых мы упоминали выше, ослабляли святой восторг и энтузиазм веры и разрушали единство мусульманской общины. Искренне верующие

¹⁷ Muhammad Abu Isa al-Tirmidhi, *al-Sunan*, Beirut: Dar Ihya al-Turath al-Arabiyyah, n. d., vol. 5, p. 51.

мусульмане, которых тревожила и печалила эта ситуация, удалялись в уединенные места и посвящали себя молитвам. Они употребляли мало пищи и воды, словно отказываясь от этого мира. Тех, кто вел такой образ жизни, в конце концов, стали называть суфиями. Однако на раннем этапе существования ислама тех, кто подобным образом обращал свои мысли к возвышенному, называли *абид* (поклоняющиеся) или *захид* (аскеты). Название *суфий* возникло потому, что они носили одежды из грубой шерсти, а по-арабски шерсть - *суф*.

По данным исторических источников, первым человеком, которого называли суфием и который построил в Сирии первую обитель-молельню - *завийя*, - был Абу Хашим из Куфы (умер в 767 году от Р. Х.). После него было много праведников и святых - таких, как Суфьян ал-Таури (умер в 784 году от Р. Х.), Зу-н-Нун ал-Мисри (умер в 859 году от Р. Х.), Абу Язид (Баязид) ал-Бистами из Хоросана (умер в 874 году от Р. Х.), Халладж ал-Мансур (умер в 921 году от Р. Х.) и Джунайд ал-Багдади (умер в 910 году от Р. Х.). Несмотря на все препятствия, все обвинения, оскорбления и разговоры об их ересьях и богохульствах, взгляды суфиев и их образ жизни распространились во все уголки мусульманского мира.

Абу ал-Касим Абд ал-Карим ал-Кушайри (умер в 1072 году от Р. Х.) приложил большие усилия к доказательству того, что верования суфиев не противоречат исламу и пути Мухаммада. Этому же служили и хорошо фундированные труды ал-Газали. Благодаря этому суфии, на которых ранее исламские законоведы смотрели с подозрением и далеко не с восхищением, добились большого уважения и почета среди широких кругов, в том числе и среди исламских законоведов. Многие знаменитые ученые обращались к великим шейхам. Султаны и государственные мужи поддерживали суфизм, строили религиозные обители и дома для дервишеских братств - *текке*, способствуя

появлению многих шейхов и дервишей во всех уголках мусульманского мира. С XI века и до XIII столетия, века Руми, в мусульманском мире основывались суфийские братства, а позже эта сеть суфийских братств расширилась и обрела вес во всех областях исламского мира.

В IX веке, когда началось быстрое распространение суфизма, этому весьма способствовала как социальная, так и идеологическая обстановка. Экономическая ситуация в первый век существования Аббасидского халифата обеспечивала спокойную жизнь для большинства населения. Эти условия содействовали тому, чтобы суфийское направление философской и религиозной мысли быстро укоренилось и широко распространилось среди мусульман.

Следует считать неверным утверждение, будто «причиной возникновения суфизма в мусульманском мире стали верования различных народов и групп, а также философские идеи, которые получили распространение после перевода трудов древнегреческих ученых, верования, пришедшие из Индии и Ирана, и в особенности неоплатонические воззрения Александрийской школы». Наоборот, главным фактором возникновения суфизма стало распространение неисламских верований, что заставило истинно верующих погрузиться внутрь себя, окунуться в свои религиозные убеждения и отвергнуть все взгляды вне Корана. Таким образом, подобно тому, как предшествовавшие Корану религии не оказали влияния на ислам, так и суфизм не был прямым последствием индийских или греческих идей. Суфизм принадлежит исламу. Источник тасаввуфа – это Святой Коран и хадисы о жизни благословенного Пророка. Таким образом, если мы запомним нижеследующее, это поможет нам отказаться от влияния неверных взглядов.

Во времена Абу Хашима (умер в 767 году от Р. Х.), первого суфия в исламе и основателя первой *завии* в Сирии, ин-

дйские и греческие тексты еще не были переведены на арабский язык. Таким образом, исламские суфии не могли быть подвержены влиянию чужестранных верований. Самая древняя из дошедших до нас книг о суфизме принадлежит перу Абу Абдалла ал-Харита бин Асада ал-Мухасиби (умер в 837 году от Р. Х.).

Жизнь Руми

Рождение

Мевляна Джалаледдин Руми Мухаммед родился 30 сентября 1207 года в городе Балх, находящийся ныне на территории современного Афганистана. Есть разные версии относительно даты его рождения. Почтенный Афлаки (умер в 1360 году от Р. Х.), автор книги *«Манакиб ал-Арифин»*, приводит вышеуказанную дату. Однако сам Руми в книге *«Фихи Ма Фих»* пишет: «Мы были в Самарканде. Хорезмшах окружил город, разместил свои войска вокруг города и вел бой. По соседству жила очень красивая девушка. Она была так хороша собой, что с ней не могла сравниться ни одна другая девушка в городе. Я услышал ее молитву: «Господи, не дай мне оказаться в руках этих тиранов»¹⁸. Эти короткие заметки позволяют предположить, что Афлаки заблуждался, поскольку точно известно, что хорезмшах осадил Самарканд в 1207 году, т.е. в год, который считают годом рождения Руми. Если Руми запомнил ситуацию в городе и красоту девушки, ему должно было быть, по крайней мере, пять или шесть лет. Может быть, именно по этой причине историк Уилл Дарент датирует рождение Руми 1201 годом, а французский востоковед Морис Барр (о нем см. ниже, в главе 3) приводит дату 1203 год.

¹⁸ Muhammad b. Muhammad b. Husayn Mevlana Jalal al-Din Rumi, *Fihi Ma Fih*, tr. Meliha Ilker Ambarcioglu (Istanbul: Milli Egitim Basimevi, 1969). p. 265; Дальнейшую дискуссию на эту тему см в книге: Franklin D. Lewis, *Rumi Past and Present, East and West* (Oxford: One World, 2001), p. 317-324.

Город Балх до его захвата монголами был центром науки. Он славился своими мечетями, медресе и дворцами. Это была столица Великого Шелкового пути, богатый город, в котором жило много торговцев.

Титулатура

Его имя - Мухаммед Джалаледдин. Всем историкам он известен именно как Джалаледдин. Кроме того, его также называют Худавендигар. В некоторых комментариях к «Маснави» его называют Мевляна Худавендигар. Это имя «Худавендигар» часто используется в книге «Манакиб», которую написал Фаридун бин Ахмад Сипахсалар, почти полвека служивший Руми и его отцу. Этот труд перевели на турецкий язык мой учитель и господин, ныне покойный Мидхат Бахари, а также Ахмед Авни Конук и Тахсин Языджи.

Относительно того, что означают термины «*мевлеви*» и «*мевляна*». Сегодня словом «*мевлеви*» мы определяем дервишеское братство людей, которые отдали свои сердца Мевляне. Однако в прежние времена среди суфиев этим словом называли тех, кто возлюбил Господа; людей истины, людей, чьи сердца очнулись от глубокого сна. Таким образом, иногда нашего Мевляну Руми называли Мевлеви. Например, великий суфийский поэт Касими Анвар из Тебриза (умер в 1432 году от Р. Х.) говорит о Руми как о Мевлеви в следующей строфе: «О Касим, если ты желаешь искать дух смысла вещей, читай принадлежащую перу Мевлеви книгу «Маснави», ибо в ней - источник смысла». Руми также называют «Мевляна Джалаледдин», ставя слово «Мевляна», что означает «Наш господин», перед его именем. Иногда о нем говорят просто «Мевляна», используя этот термин как самое распространенное обозначение святого человека.

Поскольку большая часть жизни Руми прошла в Анатолии, которая в свое время была землей византийцев, или румов, его

также называют Мевляна Руми, Мевляна Джалаледдин Руми или просто Руми. Поэтический псевдоним Руми - Шамс-и Тебризи. Он также называл себя «Хамуш» или «Хаамуш» - «Молчаливый», но этот псевдоним использовался редко.

Происхождение

Генеалогическое древо Руми восходит к Абу Бакру, первому халифу мусульман. Султан Велед писал в своей книге «Ибтиданама» о своем деде, Бахауддине Веледе: «Его стали называть Бахауддин Велед. Последователям его нет числа. Его род идет от Абу Бакра. И он, как Хазрат Сиддик Абу Бакр, достиг высочайшего духовного уровня». С этим полностью согласен Афлаки. Он приводит следующий ряд предков Руми: Бахауддин Велед - Хусейн Хатиби - Ахмед Хатиби - Махмуд - Мавдуд - Хусайиб - Мутаххар - Хаммад - Абдурахман - Абу Бакр.

Родители

Отцом Руми был Мухаммед, сын Хусейна Хатиби. Он известен также как Бахауддин Велед. Ему был присвоен титул «Султан ал-Улема» - «Король ученых». Есть предание о том, как Пророк даровал титул «Султан ал-Улема» Бахауддину Веледу.

Однажды ночью отец Руми увидел сон. Пророк сидел и вел беседу со своими ближайшими сподвижниками в роскошном шатре, установленном на поле битвы, когда внезапно в шатер вошел Бахауддин Велед. Он приблизился к Пророку и выразил ему свое уважение. Пророк обратился к нему с добрыми словами и указал ему место по правую руку от себя. Затем, обращаясь к присутствующим, Пророк сказал: «В наших глазах Бахауддин стоит очень высоко. С сегодняшнего дня называйте его Султан ал-Улема». На следующий день в медресе Бахауддина Веледа пришли три сотни ученых, которые увидели то же самое. Они хотели рассказать о своем сне. Но прежде чем они смог-

ли сделать это, Бахауддин Велед сам поведал им о своем сновидении. Все были чрезвычайно изумлены этим событием. И благодаря любви Пророка к отцу Руми того будут называть Султаном ученых до Судного Дня.

Надо отметить, что Бахауддин Велед был не только королем ученых, но и королем всех добродетелей. Он был безупречным образцом для подражания и безупречным человеком. Он обладал не только широчайшими познаниями, но и всеми моральными ценностями и добродетелями истинного последователя Пророка Мухаммада. Он делал добро всем и воздерживался от дурных поступков. Он выступал с проповедями перед теми, кто окружал его, стремясь защитить их от безверия и от ошибочных шагов. Он был красноречивым оратором, и слушавшие его часто впадали в экстаз любви и веры.

Он не был тихим ученым. Он порой указывал султанам на их ошибки. Подобно тому, как шейх Саади в лицо назвал тираном Хулагу-хана*, полностью разрушившего Багдад, так и Султан ал-Улема сказал в лицо хорезмшаху, что путь, которому тот следует, - это не путь Пророка Мухаммада. Он не был таким ученым, который держит при себе свое мнение, поскольку боится высказать его, и никогда попусту не восхвалял султанов и не лицемерил ради материального достатка. Он предупреждал и ученых, и султанов, чтобы они не поддавались влиянию греческой философии. И поэтому истинно верующие ценили его.

Население Балха, который был в то время центром науки и образования, выказывало большую любовь и уважение Бахауддину Веледу, и это пугало хорезмшаха. Большинство ученых, которые не могли оценить по достоинству его познания и не осоз-

* Хулагу-хан - внук Чингисхана, завоеватель Афганистана, Ирана, Туркмении, Ирака и других земель. Основатель и первый правитель (1256-1265) государства ильханов (хулагуидов). - Прим. ред.

навали глубины его веры, завидовали ему. Он никогда не боялся свободно высказывать свое мнение.

Как говорит Афлаки, отец Султана ал-Улема Хусейн, сын Ахмеда Хатиби, был одним из наиболее известных ученых и самых достойных людей своего времени. Разиэддин Нишапури, выдающийся правовед XII века, был его учеником. Мать Бахауддина Веледа происходила из хорезмской династии.

Бахауддин Велед покидает Балх

Султан ал-Улема покинул Балх из-за несогласия в вопросах веры и мнений. Хорезмшах плохо относился к членам ордена *кубравийя*, а Бахауддин Велед был преданным учеником Наджмэддина Кубры. В своих проповедях он открыто заявлял, что те ученые, которые слишком увлеклись философией и переоценивали роль разума по сравнению с духовностью, отошли от пути Пророка. Ученые, которые не соглашались с ним, настроили султана против него. Более того, Маждэддин Багдади, посланец Наджмэддина Кубры, по приказу хорезмшаха был утоплен в реке Джейхун (Амударья).

С одной стороны, Султану ал-Улема завидовали многие, с другой, - он постоянно находился под сильным психологическим давлением. Надо отметить, что позже старший сын Руми Султан Велед написал, что его дед уехал из Балха потому, что люди Балха оскорбили его и тем разбили его сердце. С другой стороны, Афлаки и Сипахсалар указывали, что причиной отъезда Султана ал-Улема стал великий ученый того времени Фахрэддин Рази (умер в 1210 году от Р. Х.). Но поскольку Фахрэддин Рази умер за несколько лет до отъезда Бахауддина Веледа из Балха, очевидно, что он лично не мог стать причиной эмиграции Султана ал-Улема. Однако вполне понятно, что даже после смерти Фахрэддина Рази сам хорезмшах и многие ученые, придерживавшиеся его философских и богословских взглядов,

не приветствовали великого ученого, бесстрашно критиковавшего философские воззрения Фахрэддина. В этой ситуации Султан ал-Улема решил уехать из города, чтобы не быть причиной возмущений в обществе.

Однако нам до сих пор точно не известно, когда именно Бахауддин Велед покинул Балх.

Вместе с Бахауддином из Балха уехали его ближайшие ученики, сторонники и его семья, включая его жену Мумине-хатун, дочь правителя Балха, и сыновей: старшего Алаэддина Мухаммеда и младшего Джалаледдина Мухаммеда. Некоторые из его родственников остались в Балхе.

Сипахсалар пишет, что, покинув Балх, Султан ал-Улема путешествовал от одного города к другому и посетил Мекку, совершив хадж. По дороге он ненадолго остановился в Багдаде. Затем он направился в Анатолию. Проведя зиму в Акшехире, недалеко от Эрзинджана, по приглашению сельджукского султана Алаэддина Кейкубада Бахауддин Велед приехал в Конью.

Сколько лет было Руми, когда началось это путешествие? Точно мы не можем этого сказать. Обычно датой рождения Руми считают 1207 год, но если мы обратим внимание на его замечание в книге «Фихи Ма Фих», то можно сделать вывод, что это неверно и настоящей датой его рождения надо считать примерно 1200 год. Если мы примем (опять же условно), что Султан ал-Улема отправился в паломничество примерно в 1221 году, то, значит, Руми был тогда 21 год. Однако Султан Велед в «Ибтиданаме» утверждает, что к началу этого паломничества Руми было 14 лет.

Встреча Бахауддина с Аттаром

Первым важным пунктом на пути следования каравана паломников стал город Нишапур, еще один заметный центр нау-

ки того времени. Более того, в этом городе жил Фаридэддин Аттар (умер в 1220 г.), который был учеником того же шейха из ордена *кубравийя*, что и Султан ал-Улема. Оба они числились среди выдающихся последователей Наджмэддина Кубры основателя орденов *кубравийя* и *захабийя*, который погиб смертью мученика вместе со своими учениками, сражаясь против монголов. Услышав о приезде Султана ал-Улема в Нишапур, Аттар отправился приветствовать его. Два святых человека узнали истину стиха из Корана: «Он создал два водоема [на одном уровне], так что они могли бы слиться» (Св. Коран, 55:19). Говорят, что во время этой встречи Фаридэддин Аттар, почувствовав духовное величие юного Руми, сказал его отцу: «Будем надеяться, что скоро твой сын воспламенит сердца, которые возгорятся огнем божественной любви». Он с большим удовольствием подарил свою книгу «Асрарнаме» одухотворенному юноше, который, как верил Аттар, воистину воспламенит сердца, горящие любовью к Богу, и который постигнет божественные тайны. Руми очень понравилась эта книга. Он всегда держал ее возле себя. Шли годы, и когда Руми диктовал свою книгу «Маснави», он не только включил туда притчи из «Асрарнаме», но и всячески выражал свою любовь к Аттару. В своей книге «Диван-и Кабир» Руми писал: «Аттар был духом, а Санаи был его глазами. Мы пришли к миру истины после Аттара и Санаи. Мы следовали за ними».

Бахауддин в Багдаде

Вторым важным пунктом на пути Султана ал-Улема был Багдад, столица государства Аббасидов. Как рассказывает Джами, когда караван Бахауддина Веледа прибыл в Багдад, люди спрашивали: «Кто эти люди? Откуда они приехали? Куда они направляются?» Султан ал-Улема отвечал: «Мы пришли от Всевышнего. Мы снова направляемся к Нему. И нет у нас силы помимо той, что дана нам Господом». Когда об этом рассказали шейху Шихабэддину Сухраварди (умер в 1235 году от Р. Х.), ав-

тору книги «*Авариф ал-Маариф*», он сказал: «Только Бахауддин Велед из Балха мог так сказать». Он немедленно отправился навстречу ему. Увидев приближающийся караван, шейх спешился, чтобы выказать свое уважение, приблизился к всадникам и поцеловал колено Бахауддина Веледа. Он попросил его почтить своим присутствием его дервишский дом. Однако Султан ал-Улема остановился в медресе, говоря: «Ученым более подобает жить в месте учения». Сухраварди не оставил этого почетного гостя, оставался с ним и служил ему.

Багдадский халиф пожелал одарить этого великого святого. Он послал ему три тысячи золотых египетских динаров. Бахауддин отказался от этого дара, говоря: «Это сомнительно и незаконно». Тогда халиф захотел лично приветствовать его и принять гостем в своем дворце. Отец Руми отказался и от этого предложения халифа, поскольку слышал, что халиф постоянно пьет и совершает другие сомнительные поступки, забыв о духовном значении и высоком смысле своего положения. Для суфия было неподобающим гостить во дворце такого человека и принять золото, которое он послал.

Проповедь, которую он прочитал в крупнейшей мечети Багдада, была великолепно. Бесчисленные верующие, включая халифа, заполнили мечеть. Было так тесно, что невозможно было найти местечко, чтобы сесть. Все слушали этого великого праведника стоя. Люди были взволнованы и проливали слезы. Этот одухотворенный и исполненный веры святой человек, который уехал из Балха и хотел вместе со своей семьей и учениками посетить места Пророка в Хиджазе, говорил на безупречном арабском языке и зачаровал всех, включая халифа. Этот святой человек, который жил в соответствии со своей верой и добровольно покинул дом и переживал боль разлуки с родиной, покорила сердца всех жителей Багдада своим поведением и речью. Прежде чем посетить Каабу в Мекке, он открыл Каабу сердец

бесчисленных верующих. Он обращался к ним от всего сердца и заставил их осознать, какие бедствия угрожают исламу, и предупредил их. Он говорил о прекрасном городе Балхе, который он покинул, и о том, что город был раздавлен пятой монголов, а хорезмшах Султан Текеш свергнут.

И халиф, и все верующие, которые слышали его, восхищались им. Его просили остаться в Багдаде, но он задержался там только на три дня. Он продолжил паломничество. Совершив все положенные обряды хаджа, Султан ал-Улема прикоснулся лицом к святой гробнице Пророка в Медине, светлом городе Пророка. Отец, его сыновья и ученики - все они пролили слезы радости возле гробницы (*Пауза ал-Мутаххара* - Чистый Сад) Мухаммада Мустафы, который был послан всем мирам как знак милосердия Всевышнего.

Затем они продолжили свой путь и, побывав во многих городах, приехали в Иерусалим. Там они посетили мечеть Аль-Акса, первую *кыблу** ислама. Затем они направились в Дамаск. Услышав, что в их город приезжает великий святой, жители Дамаска вышли за стены города приветствовать Бахауддина Веледа. Встретившись в Дамаске с некоторыми известными учеными, они двинулись дальше, в Анатолию.

Оставив позади Дамаск, караван направился к Алеппо. Там они пробыли несколько дней. Вскоре они вступили на землю, которую в те дни именовали «Землей румов». Караван двигался, не задерживаясь нигде больше чем на несколько дней. После Малатьи они двинулись в Эрзинджан. В то время Эрзинджан был столицей Мангужакской династии. Когда мангужакский султан Фахрэддин Бахрамшах (умер ок. 1218 года от Р.Х.) и его супруга Исматихатун узнали, что Султан ал-Улема при-

* Кыбла, или кибла - направление, лицом к которому должен направляться молящийся мусульманин. - Прим. пер.

езжает в их город, они выехали в Акшехир, возле Эрзинджана, чтобы приветствовать его и его спутников. Султан пожелал проводить их в свой дворец и принять гостей там, но Бахауддин Велед остановился при медресе, как он делал и в других местах. Там он прожил некоторое время.

Султан Фахрэддин Бахрамшах высоко ценил знания и ученых, он покровительствовал многим ученым и поэтам, ценил их труды, а в качестве поощрения платил хорошие деньги за посвященные ему книги. Надо отметить, что в свое время Низами, великий и знаменитый поэт из Гянджи, посвятил шаху Мангужака свою книгу «Махзан-и Асрар», а шах подарил ему в ответ сто тысяч золотых монет и пять ценных лошадей. Глава этой щедрой и умеющей ценить знания династии готов был отдать жизнь ради святого из Балха. Однако, как и в прочих местах, тот не желал жить под чьим-либо покровительством. Пробыв некоторое время в Эрзинджане, он переехал в Ларенде (сейчас это Караман), проехав по пути туда через Сивас, Кайсери и Нигде.

Бахауддин в Ларенде

В ту эпоху, когда не было средств быстрой связи, вроде телефона и телеграфа, о прибытии в город великих святых и почитаемых ученых узнавали как-то заранее, и жители обычно собирались еще на подходе к городу, чтобы приветствовать их с радостью и нетерпеливым предвкушением. Это было выражением того, как высоко ценили люди мудрость и науку. Радостные известия распространялись от человека к человеку так быстро, словно их разносили ветер и птицы. И пусть в те века не существовало телефонов, но в сердцах верующих, которые любили знание, людей и Господа, всегда жили уважение, чувства и любовь.

Как это было и в других городах, в Ларенде о грядущем приезде Бахауддина Веледа узнали за несколько дней. Правитель

Ларенде эмир Муса, который был достойным человеком, любящим Господа, вместе с высшими городскими чиновниками вышел из города навстречу каравану, причем пешком. Они приветствовали «Короля ученых» с уважением и трепетом. Правитель настойчиво приглашал его в свой дворец. Но, как и в других городах, Бахауддин Велед вежливо отказался от предложения эмира Мусы. «Нам следует пребывать в медресе, а не во дворце». Затем он попросил, чтобы ему отвели место именно при медресе. Его просьба была исполнена. Однако эмир Муса немедленно распорядился, чтобы для великого святого, прибывшего в его город, было выстроено новое медресе. В подходящем для этого месте было построено прекрасное медресе, и вскоре Султан ал-Улема поселился там со своей семьей и своими учениками. Там же он начал выступать с лекциями и проповедями.

Султан ученых был счастлив в Ларенде. Эмир Муса и жители города очень любили этого великого святого, а его проповеди были источником великого духовного блага и веры.

Тем временем Мевляна Джалаледдин Руми, молодой, но просвещенный дервиш, посещал все лекции, которые читал его отец, и никогда не пропускал проповедей. Он проводил свое время, читая труды других ученых и расширяя свои познания об исламе.

Женитьба Руми

Шарафэддин Лала из Самарканда, один из любимых учеников Султана ал-Улема, уехавший из Балха вместе с ним, был отцом очень красивой дочери по имени Джавхар-хатун. Помимо редкостной красоты, девушка отличалась благонравием и воспитанием. Господь сочетал в Джавхар-хатун красоту физическую с красотой духовной. Бахауддин Велед решил женить своего младшего сына Джалаледдина Мухаммеда на этой прекрасной девушке. В чем была причина того, что он решил найти жену младшему сыну еще до того, как будет женат старший сын,

Алаэддин Мухаммед? Без сомнения, в этом решении была заложена великая мудрость. Дело в том, что до семи лет Джавхар-хатун была ученицей Султана ал-Улема. Он подметил, что характеры его младшего сына и этой красивой ученицы весьма схожи, и решил, что их брак будет очень удачным. Когда он открыл свои намерения отцу девушки, Шарафэддин Лала возразился и сказал: «Этот брак будет для нас источником чести и счастья». Так оба отца пришли к согласию по поводу этого брака.

Весной 1225 года двое красивых и духовно безупречных молодых людей поженились. Это была очень скромная и простая церемония. Вскоре после этой свадьбы скончалась Мумине-хатун, жена Султана ал-Улема, женщина благородная по своему происхождению и по духу, благочестивая, как и ее имя*. С того времени, как семья переехала из Балха в Караман, Мумине-хатун испытывала боль разлуки с родным домом, но была источником утешения своего возлюбленного мужа в те трудные дни. В своем нежном сердце она хранила боль и тоску по любимому родному Балху - ограбленному, разрушенному и сожженному, по тем родственникам, которые оставались там. Счастье, которое она испытывала, видя, как радостно принимают в больших городах Султана ал-Улема, возвышенность и духовный восторг от посещения Мекки и Медины действительно сделали ее Мумине-хатун, как ее и называли.

Вскоре после смерти Мумине-хатун скончался Алаэддин Мухаммед, старший брат мевляны Джалаледдина Мухаммеда. Утрата верной и преданной жены, а затем любимого сына повергла Бахауддина Веледа в неопишное горе. А через некоторое время умерла теща мевляны Джалаледдина Мухаммеда, то есть жена Шарафэддина Лала из Самарканда. Ее похоронили в Карамане, рядом с могилами *мадар-султан* (султанши-мате-

* «Мумина» означает «Верующая», «Уверовавшая». - Прим. автора.

ри), матери Руми, и его брата. Руми, который уже потерял свою любимую мать и брата, теперь потерял и мать своей жены. Вскоре после того, как три любимых члена его семьи были похоронены в земле Карамана, Господь даровал ему великую драгоценность - двоих сыновей. И Султан ал-Улема, и мевляна Джалаледдин были счастливы, увидев этот знак милости и благословения Господня. Руми назвал первого сына в честь своего отца - Султан Велед, а второго в честь брата - Алаэддин Челеби. Два мальчика утешали их и помогали забыть о своем горе.

Султан ал-Улема прожил в Карамане около семи лет. Он стал наставником многих слушателей. Множество людей направил он на путь Истины. Число его учеников постоянно росло, а его проповеди и поучения широко распространялись.

В то время Малоазиатским сельджукским султанатом правил султан Алаэддин Кейкубад. В эпоху, когда сельджукское государство балансировало на грани краха, этот великий султан и удивительный правитель, отличающийся исключительными способностями, добродетелями и храбростью, дал возможность сельджукскому султанату пережить краткий, но яркий период. Пусть временно, но он добился военного успеха, а также служил науке и знаниям, призвав в Конью ученых и других выдающихся людей.

Он сам был ученым и поэтом и не мог согласиться с тем, что такой великий человек, как Султан ал-Улема, осел в Карамане, так далеко от него. Он послал сообщение эмиру Мусе, которого любил и уважал, что чувствует себя обиженным, ибо эмир Муса преградил путь великому святому из Балха и остановил его в Карамане.

Когда эмир Муса сообщил Бахауддину Веледу об обиде султана, тот посоветовал эмиру немедленно отправиться в Конью и искренне объяснить султану все.

Эмир Муса, который был преданным слугой любившего его султана, поспешил в Конью. Он немедленно отправился во дворец и объяснил, что Султан ал-Улема остался жить в Ларенде, только руководствуясь своим собственным желанием. Добродушный и умный султан внимательно выслушал эмира Мусу и уверил его, что не чувствует себя оскорбленным. Затем он пригласил Короля ученых в Конью, говоря: «Если бы Султан ал-Улема оказал честь нашей Конье, я был бы очень счастлив. Я бы стал его слугой и учеником и шел бы по тропе Истины, которую он указывает. Город Конья ждет его вместе со всеми своими султанами и эмирами». После этого он одарил эмира Мусу и отправил его обратно в Ларенде.

Семья и дети

Как говорилось выше, Руми был женат на дочери Шарфэддина Самарканди Джавхар-хатун (умерла в 1229 году от Р.Х.). Они поженились в Карамане, еще до того, как вместе с отцом Руми переехали в Конью. Старший сын Руми Султан Велед и его средний сын Алаэддин родились от Джавхар-хатун. После ее кончины Руми женился на вдове, которую звали Карра-хатун (умерла в 1292 году). Хотя ее имя несколько напоминает румское, Карра-хатун была турчанкой по происхождению. От первого брака (ее покойного мужа звали Мухаммед Шах) у нее был сын Шамсэддин Йахья.

Карра-хатун родила Руми сына, которого звали эмир Музаффарэддин Алим Челеби, и дочь - Малику-хатун. Таким образом, у Руми было три сына и одна дочь. Средний сын Алаэддин Челеби умер в 1262 году и был похоронен справа от могилы его деда Султана ал-Улема. Мы не можем с достоверностью сказать, были ли у Алаэддина Челеби дети. Хотя Афлаки и пишет, что у Алаэддина Челеби были дети, в других книгах нет

упоминания об этом. Таким образом, все потомки Руми, которые носят имя Челеби, происходят от внуков Султана Веледа.

Младший сын Руми и Карры-хатун Музаффарэддин Алим Челеби (умер в 1277 году от Р. Х.) служил во дворце сельджукских султанов и дослужился до должности казначея. Он был похоронен перед благословенной могилой самого Руми. Дочь Руми Малика-хатун была выдана замуж за купца по имени Шихабэддин из Коньи. После кончины Малики-хатун ее похоронили рядом с могилой ее брата, эмира Алима Челеби.

Пребывание в Конье

Король ученых принял приглашение сельджукского султана Алаэддина Кейкубада. Он попросил свою семью и своих друзей немедленно начать готовиться к отъезду. Это было непростое решение, ведь он собирался покинуть Караман, где прожил семь лет.

Весенним днем 1229 года караван отправился в путь к Конье, провожаемый слезами жителей Карамана. Бахауддин Велед принял приглашение султана только ради блага людей. Если бы не это приглашение, он бы никогда не покинул Караман, где были похоронены его близкие.

Он осознавал, насколько сильно жители Карамана полюбили его, но слезы расставания проливались не даром. Он видел, что его проповеди и поучения, те знания, которыми он делился, заставили жителей Карамана перемениться. Теперь он ехал в более крупный город, в столицу великого султана, который любил и почитал ученых. Конье было суждено стать последней остановкой на его жизненном пути. Более влиятельный святой, чем другие, Султан ученых ехал в Конью, место, где собирались святые люди, приезжавшие туда из Туркестана, из Ирана и других мусульманских земель.

Юный телом, но зрелый духом Руми вновь был рядом со своим любимым отцом, своим величайшим учителем и поводырем. В Карамане он похоронил мать и брата, но теперь рядом с ним была его преданная жена, два сына и отец, который был для него всем.

Маленький караван неторопливо двигался к Конье. Между тем жители Коньи готовились встречать не только Султана ал-Улема, Короля ученых, но и Повелителя познавших божественную мудрость (*Султан ал-Арифин*), Короля праведников (*Султан ал-Авлия*). Маленький караван - пять-десять человек, которые годы назад покинули Балх и посетили такие города, как Нишапур и Багдад, даже не задерживались в таких известных городах, как Алеппо и Дамаск. Эта небольшая, но духовно великая группа людей не могла обрести себя ни в одном городе, даже в Багдаде, который был опорой многих праведных и святых людей. Теперь они приедут в Конью и обоснуются там.

Жители Коньи знали, что великий святой собирается почтить своим пребыванием их город, и были полны великой радости и волнения. Вместе с простыми жителями Коньи навстречу Королю ученых вышли вельможи Коньи, чиновники высокого ранга и религиозные деятели, ученые и шейхи во главе с самим султаном Алаэджином Кейкубадом.

Прекрасным весенним днем за пределами городских стен Коньи на дороге, ведущей в Караман, было суждено встретиться двум великим султанам. Один из них - величайший правитель своего времени Алаэджин Кейкубад, который возродил Малоазиатский сельджукский султанат в ту эпоху, когда тот едва не рухнул. Другой - Король ученых и Повелитель познавших божественную мудрость, Бахауддин Велед, который боролся с невежеством и неисламскими веяниями и был образцом человечности, добродетели и веры.

Алаэддин Кейкубад устал от нескончаемых сражений, он хорошо осознал, сколь мало значит титул «султан» в этом мире, не вознаграждающем нас. Он решил, что опустится на колени перед Султаном духа в надежде стать его дервишем, его учеником. По этой причине благородный духом великий правитель султан Алаэддин Кейкубад, ожидающий прибытия великого святого Бахауддина Веледа, волновался больше, чем кто бы то ни было из его спутников.

На горизонте появился скромный караван. Султан ал-Улема с белой бородой и просветленным лицом ехал на лошади впереди каравана. Руми следовал за своим почтенным отцом. Можно было видеть, что за ними следуют дервиши, ученики, члены семьи и несколько верблюдов, на которых был навьючен груз - книги. Когда караван приблизился, султан слез с лошади. Подбежав, он схватил поводья лошади Султана ал-Улема и помог ему спешиться. Двое султанов почтительно приветствовали друг друга, а затем Султану ал-Улема помогли вновь сесть в седло. Однако правитель сельджуков, великий Алаэддин Кейкубад не сел на свою лошадь и не поехал рядом с Бахауддином Веледом. Вместо этого он шел пешком рядом с лошадейю великого святого, иногда ведя его лошадь на поводу, иногда держась за край седла. Султан земного мира стал слугой султана духа.

Все, кто видел это, были изумлены. Людей заворожила скромность их правителя, они стали еще больше любить его и восхищаться им. Когда караван въехал в город, улицы были полны народа. Все смотрели на это неожиданное представление из окон и с крыш домов. Сельджукский султан хотел проводить своего дорогого гостя в дворцовые покои, которые были приготовлены для него. Он попросил его остаться во дворце и жить там, но Бахауддин Велед ответил: «О великий султан! Я понимаю твои намерения. Но медресе - для улемов, дервишеские дома - для шейхов, дворцы - для султанов, постоянный двор - для купцов, а

караван-сарай - для странников. С твоего позволения, я хотел бы остановиться в медресе».

Султан согласился с этой просьбой. Их разместили в самом большом медресе города, Алтун Аба. Как это было принято среди султанов, эмиров и видных людей того времени, султан Алаэддин осыпал своего дорогого гостя многими дарами. Хотя он посылал деньги, яства и многие ценные подарки, Бахауддин Велед вежливо возвращал все обратно. Как и в других городах, в Конье он не принимал даров ни от кого, даже от султана, и повторял: «Мы не стремимся к мирским богатствам. Нам достаточно тех мирских благ, которые мы унаследовали от наших предков. Султану не стоит утруждать себя и посылать нам дары, которых мы не заслуживаем».

Годы спустя, когда внук Султана ал-Улема описывал в своей книге «Ибтиданама» приезд своего деда в Конью, он писал: «Взоры всех жителей - мужчин и женщин, молодых и старых - были обращены к нему. Они увидели его *карамат* (чудотворные способности святого человека). Они узнали от него много тайн. От его щедрости и благосклонности они росли духовно. Они постоянно говорили о нем и о его величии. Так прошло несколько дней. Потом многие люди стали его последователями. Вскоре султан Алаэддин в сопровождении своих военачальников пришел, чтобы выказать ему свое уважение. Когда султан Алаэддин увидел его просветленное лицо, исполненное любви и предельной искренности, он стал его учеником. Когда он услышал его проповедь, он стал восхищаться им и в сердце своем он отвел место для него. И он находил в сердце своем много знаков от него»¹⁹.

Бахауддин Велед занял отведенные ему комнаты в медресе Алтун Аба и устроился там со своими сыновьями и внуками. Он читал проповеди в мечети Алаэдина, которую до сих пор мож-

¹⁹ Baha al-Din Muhammad Sultan Valad, *Ibtidaname*, tr. Abdulbaki Golpinarli (Konya: Konya Turizm Dernegi, 1976), p. 242.

но посетить в Конье. Куда бы он ни шел, за ним следовала большая толпа местных жителей. Сам султан со своими военачальниками часто приходил послушать его проповеди.

Бахауддин Велед решил остаться и поселиться в Конье как величайший из «святых Хорасана», которые приходили в «землю румов». Несколько дней спустя султан Алаэддин Кейкубад устроил во дворце пышную церемонию. На эту церемонию были приглашены, помимо Бахауддина Веледа, наиболее выдающиеся ученые, шейхи, везиры и военачальники Коньи. Великий сельджукский султан приветствовал Бахауддина Веледа у входа во дворец. Он лично проводил его в большой зал дворца. Все в зале стоя приветствовали двух султанов. Могущественный глава великой империи и султан духовного мира стояли бок о бок. К ним были прикованы все взоры. Султан Алаэддин Кейкубад, возвысив голос, обратился к Султану ученых, чтобы его услышали все: «О султан веры. Я долго думал и пришел к решению. С сегодняшнего дня я передаю тебе свой трон, унаследованный мной от моих предков. Отныне ты будешь султаном, а я - твоим слугой». Сказав это, он передал ему корону.

Услышав это, Король ученых встал, обнял султана, поцеловал ему глаза и сказал: «О султан, обладающий ангельским характером и великим государством! Ты добился и богатства в этом мире, и благоденствия в том, следующем. Никто не сомневается в этом. Пребывай на своем троне в покое и довольстве. Мы давно отреклись от богатств земного мира. Теперь мы поклоняемся Аллаху и стремимся следовать Его заповедям».

Помещений в медресе Алтун Аба было недостаточно, чтобы там могли разместиться, помимо Бахауддина Веледа, Руми с женой и двумя детьми, а также все его ученики и дервиши. Будучи человеком скромным, Султан ал-Улема не мог дать понять это ни Алаэддину Кейкубаду, ни кому бы то ни было другому. Так что они просто молились. Однажды он читал проповедь в мечети Адаэддина, где присутствовали султан, его военачаль-

ники и все выдающиеся деятели Коньи. Среди них был эмир Бадрэдин Говхарташ, учитель султана и его дворцовый архитектор. Он к тому времени стал одним из учеников Султана ал-Улема. Он был зачарован его проповедями. В тот день, слушая святого, он потерял сознание, и потом загорелся желанием быть ему полезным. Разве он не был дворцовым архитектором? Он решил построить медресе для Бахауддина Веледа, его сына Руми и его детей. Вскоре в самом красивом месте города, недалеко от султанского дворца, началось строительство нового медресе. Оно было завершено через несколько месяцев. Султан ал-Улема, его сын Руми и вся семья переехали жить на новое место. Они оставались в этом медресе до конца своих дней.

Рассказывают, что сельджукский султан назвал в честь Бахауддина Веледа дворцовый розарий, расположенный к востоку от крепости Коньи. Говорят, что однажды Султан ал-Улема показал на этот невысокий холм и сказал: «Моя могила и могилы моих внуков будут расположены здесь. Отныне это место - Сад души и сердца, вечное место покоя святых». И действительно, после кончины Бахауддина Веледа похоронили именно там. Здесь же расположена и гробница Руми.

Труды Руми

Труды Руми - это «Маснави», «Диван-и Кабир», «Фихи Ма Фих», «Маджалис-и Саб'а» и «Мактубат». Ему приписывают авторство таких книг, как «Тирашنامه», «Ашкнаме», «Расаил-и Афак ва Анфус» и «Рисала-и Акаид». Однако анализ стиля и тематики этих произведений доказывает, что Руми не был их автором.

«Маснави»

«Маснави» - это 25 618 строф, разделенных на шесть книг. Название самой книги означает ее поэтическую форму. «Мас-

нави» – это стихотворная форма в исламской литературе, где два стиха в каждой строфе рифмуются между собой, и все строфы написаны одним и тем же размером. Эта книга – один из шедевров суфийской литературы. Следующие строки принадлежат Ибн ал-Камалу, виднейшему религиозному авторитету Османского государства во времена султана Селима Явуза: «Я увидел во сне Почтеннейшего Посланника. Он держал в руке *«Маснави»* и сказал: “Создано много суфийских книг, но ни одна из них не сравнится с этой”».

Действительно, в суфийской литературе есть много книг, которые помогают душам тех, кто любит небеса, обрести средства, чтобы бежать из узилища собственного тела, покинуть этот бранный мир и подняться в мир Горний. Эти книги служат подспорьем сердцам и душам. Но у *«Маснави»* есть и другие свойства, которыми не обладают иные суфийские книги. В *«Маснави»* вы найдете лекарства от наших духовных болезней, дурных привычек и извращенных верований. Эти горькие пилюли скрыты в рассказах и притчах, так что они даются в сладкой оболочке духовно больным людям.

Руми написал первые восемнадцать строф *«Маснави»* своей собственной рукой, но остальную часть книги он продиктовал Хусамэддину Челеби. Когда завершалось написание каждой книги, Хусамэддин читал ее вслух Руми, и Руми вносил необходимые исправления. Затем Хусамэддин начисто переписывал исправленный текст. Руми упоминал *«Маснави»* по-разному: и как *«Сайкал ал-арвах»* («Блеск душ»), и как *«Хусамнаме»* («Книга Хусамы»). Но это не названия самой книги, а всего лишь ее обозначения.

Вопреки утвердившемуся ошибочному восприятию, *«Маснави»* – это не просто поучительная книга. В ней есть разделы, очень близкие к страстным стихам в *«Диван-и Кабир»*, которые глубоко трогают читателя. Можно только изумляться глубине

мыслей и эмоциональности выражений в «Маснави», тем словам, которые великий праведник находил, не беря в руки перо, не трудясь над размером и рифмой стиха, а просто спокойно повторяя то, что подсказывали ему сердце и вера. В «Маснави» очень редко встречаются ошибки в размере и рифме, хотя книга была написана без серьезных размышлений и углубленной работы. Это качество вы не встретите ни у одного другого поэта. Способности Руми – это Дар, которым осенил его Всевышний.

Руми очень хорошо умел передавать ассоциативные идеи. У него была великолепная память. Он обладал по крайней мере базовыми знаниями обо всех науках своего времени. Помимо родного языка, Руми знал арабский, персидский и даже греческий, читал книги на этих языках. Поэтому «Маснави» можно уподобить выставке очень богатой коллекции мыслей и чувств. В «Маснави» можно прочитать высказывания о самых разных предметах. Метафоры Руми, его ощущения, выражения, радость и фантазия зачаровывают читателя. Острый ум Руми, его чувствительная душа, пылкая любовь и вера уносят читателя в иной мир.

Однако следует учитывать, что притчи в «Маснави» не соответствуют технике современного изложения сюжета. Когда Руми что-то объясняет, он начинает с того, что рассказывает историю или притчу, которая помогает прояснить его точку зрения. Затем, в ходе изложения сюжета, он демонстрирует определенную мудрость и объясняет различные истины. Он делает это в таких безупречных по форме стихах, что читатель изумлен. Эти строфы, которые он декларировал в состоянии экстаза, напоминают ему о следующей притче. И начинается новая история, но потом автор все-таки возвращается к первой и завершает ее. Таким образом «история внутри другой» следуют друг за другом.

Если мы будем терпеливы и внимательно прочитаем все эти притчи, мы увидим, что каждая из них повествует о чрезвычайно значимых проблемах, человеческих мыслях, божественной люб-

ви, Господе едином и мусульманской вере. Они как бы отстраняют читателя от посторонних верований и неисламских взглядов. Эти притчи уводят того читателя, который способен осознать их глубинное значение, из нашего материального мира в мир духовный. Они возвышают читателя духовно, морально и эмоционально. Иными словами, они делают читателя «истинно человеческим существом».

Условия современной жизни заставляют людей постоянно участвовать в безжалостной борьбе. Наша эпоха превращает людей в роботов, она притупляет чувство милосердия и убивает в людях духовную сторону их личности. Обычный человек так глубоко погружен в борьбу за выживание, что он, кажется, совсем забыл, откуда он появился и где ему суждено окончить путь. Люди не прислушиваются к истинам, которые им открыли пророки, святые, великие философы, ученые и настоящие поэты. Они следуют за желаниями своего нафса (собственного естества - прим. ред.) и вследствие этого почти полностью утрачивают человечность.

Притчи из «Маснави» способны утешить пессимиста, ощутившего боль этого реального мира, рассказав ему о великолепии и красоте мира духовного. По воле Господа эти притчи будут возвращать человечество к утерянному раю до тех пор, пока они существуют в мире. Те, кто читает или слушает «Маснави», будут обретать духовную радость и святые знамения из многозначных истин, содержащихся в «Маснави», причем каждый человек - в соответствии со своими собственными возможностями и способностями. Когда люди прочитают эту благословенную книгу, они будут тронуты ею и обретут свет священный из света этой книги. Они будут избавлены от духовных болезней, дурного поведения и неисламских верований.

Однако существует обязательное условие для того, чтобы испытать наиболее благоприятное воздействие «Маснави». Глаза

наших сердец должны быть широко открыты, и глухота наших душ должна быть излечена благословением Руми. Воистину, пишет об этом Султан Велед: «Знайте, что Руми - старший среди святых. Делайте то, что он вам велит делать. Его слова - милосердие Всевышнего. Если духовно слепые люди читают его труды, их духовные глаза откроются и они узрят истину». Если будет на то воля Господня, когда мы читаем «Маснави», наши духовные очи откроются с помощью Бога, и мы поймем истины, содержащиеся в «Маснави».

Книга Руми «Маснави» открывается и высокообразованным людям, и тем, у кого нет никакого образования. «Маснави» объемлет и новообращенного на тропе суфизма, и того, кто уже хорошо познал эту дорогу, и даже того, кто дошел по ней до высочайшего уровня. Руми ведет читателя по тропе Господа и приводит его к Богу через «Маснави». Руми говорит: «После нас (когда мы уйдем) “Маснави” возьмет на себя обязанности шейха, поведет за собой искателей Истины, проводит их к высокому уровню веры и к обретению Конечной Цели»²⁰.

Многие интересуются, где Руми слышал и откуда брал притчи и истории, изложенные в «Маснави». Конечно, он слышал большинство этих историй от своего отца, от Сайида Бурханэдина или Шамса и, вероятно, кое-что вычитал в книгах. Но, как уже говорилось выше, притчи, изложенные в «Маснави», не предназначены для развлечения читателя: они - аналоги духовных истин и посланий, которые Руми стремился передать. На каждом этапе изложения выбранной им истории Руми выводит мораль. Некоторые притчи напоминают Руми об определенных истинах, а иногда Руми рассказывал истории, чтобы лучше передать свое внутреннее послание читателю.

²⁰ Faridun b. Ahmad Sipahsalar, *Risale-i Sipahsalar*, tr. Mithat Bahari Beytur (Istanbul: Selanik Matbaasi, 1331), p. 98.

Среди историй, изложенных в «*Маснави*», есть и забавные, и даже щекотливые. Некоторые притчи имеют свои корни в столь различных источниках, как индийская мифология, греческая и даже римская литература. Там встречаются сюжеты из «Калилы и Димны» и из стихов латинского поэта Аполла. Руми использовал эти истории, поскольку следовал завету нашего великого Пророка, который повелел: «Мудрость – это потерянная собственность верующего. Он обретает ее там, где бы ни нашел». Поэтому Руми использовал эти сюжеты для своих притч, чтобы просвещать верующих. Эти истории предназначены не для того, чтобы смешить или развлекать людей, но для мудрости и совета. Руми говорит о нескольких не вполне пристойных историях в «*Маснави*»: «Мои стихи – это не стихи, но окружение (истины). Мои неблагопристойности (щекотливые истории в “*Маснави*”) предназначены не для развлечения, а для обучения».

Чтобы извлечь максимум полезного из «*Маснави*», мы должны читать эту книгу медленно и очень внимательно, как любую книгу с чрезвычайно глубоким значением. Также желательно переписывать прекраснейшие строфы или отрывки из «*Маснави*» в блокнот и время от времени перечитывать их, чтобы в дальнейшем было легко их вспомнить. Чтобы понять те отрывки, которые символически объясняют понятие «*вахдат ал-вуджуд*» (единство бытия), следует найти книги и энциклопедии, в которых объясняется суть «*вахдат ал-вуджуд*», читать комментарии к «*Маснави*» и суждения специалистов об этом вопросе.

Мы должны открывать «*Маснави*» не для того, чтобы прочитать какой-либо рассказ или притчу, но для того, чтобы услышать голос Истины, скрытой за сюжетом, и постичь Божественную Любовь. Руми говорит: «Наша книга “*Маснави*” – это книга Единства. Если ты видишь в ней что-либо иное, помимо Господа, ты видишь идола». Когда человек осознает глубочайшее значение этих строк, то он понимает, как ошибаются те, кто ви-

дит разницу между Руми и Мухйиддином Ибн ал-Араби. Оба праведника объясняют доктрину «*вахдат ал-вуджуд*» - каждый в своей книге своими словами. По этой причине Ахмед Авни Конук, современный комментатор «*Маснави*», опирался на «*Маснави*» в своих комментариях к «*Фусус ал-Хикам*», а «*Фусус ал-Хикам*» - в комментариях к «*Маснави*».

Руми диктовал «*Маснави*» под сильным влиянием Хакима Санаи и Фаридэддина Аттара. Особое влияние на Руми оказала книга Аттара «*Илахинаме*». Но благодаря своей исключительной проработанности, глубокому значению и красноречивым описаниям именно «*Маснави*» ведет читателей к духовной радости и очень хорошо объясняет свои задачи, авторы книг по суфизму используют при объяснении концепций суфизма, помимо цитат из Корана и хадисов, цитаты именно из «*Маснави*».

Давайте посмотрим, как сам Руми объясняет в предисловии, что такое «*Маснави*»: «Это дорога для тех, кто хочет обрести Истину и осознать тайны Господа. “*Маснави*” - это суть сущности сути Веры. Это самый непреложный Закон Господа и Его просветленная дорога к Истине. Воистину, “*Маснави*” - это излечение сердец чистых людей. Эта книга изгоняет тоску. Она помогает лучше понять Коран. Никому не позволено прикасаться к “*Маснави*”, кроме тех, кто любит Истину». Необходимо правильно понимать выражение «Никому не позволено прикасаться к “*Маснави*”, кроме тех, кто любит Истину». Известно, что у наших братьев по вере существуют разные подходы. Те, кому не нравятся некоторые сюжеты в «*Маснави*», кто не может проникнуть во внутреннюю сущность притч и, соответственно, не может увидеть Истину, не смогут наслаждаться этой благословенной книгой. Из-за различий в подходах к интерпретации они могут не полностью понять скрытое послание, содержащееся в некоторых историях из «*Маснави*».

Господь открыл Пророку в Коране много примеров и аналогий, чтобы люди не верили слепо, но верили, обдумывая и понимая Силу Создателя. Давайте внимательно прочитаем следующий стих из Корана:

Бог не смущается дать в притчу -
 Будь то ничтожнейший комар
 Иль благороднейшее из Его творений.
 Но те, кто верует, те знают, -
 Сие есть (истина) от их Владыки.
 А те, кто отвергает веру, говорят:
 «Что хочет выразить Господь сей притчей?»
 Он ею многих вводит в заблужденье,
 А многих направляет праведным путем,
 Сводя (с пути) лишь нечестивых.

Св. Коран, 2:26

(Перевод Иман Валерии Пороховой)

Руми указывает на этот коранический стих и говорит: «Подобно Корану, *“Маснави”* тоже уводит некоторых людей с пути истины, а других ведет по пути истины». И в вышеупомянутом кораническом стихе, и в строках из *«Маснави»* нас не должны водить в заблуждение концепции «праведного пути» и «неверного пути». Мы должны знать, что Господь есть создатель и «праведного пути», и «неверного пути». Если бы Господь не создал неверного пути и направил всех к истине, то неверного пути бы не существовало, даже если бы люди захотели идти по нему. Но неверный путь выбирают те люди, которые его заслуживают. Господь создает праведный путь и неверный, а люди выбирают тот или другой по своей собственной воле и на свою ответственность. Нелогично думать, что Господь, который создал человечество со всей его способностью к праведному пути, заставляет кого-либо идти путем неверным.

Теперь вернемся к нашей основной теме. «Маснави» - это просветленный путь для чистых людей, жаждущих истины. Это лекарство для сердец. Особенно в наши дни, когда истинные праведники и великие духовные вожди редко встречаются, «Маснави» - это не только книга, но и духовный вождь. О «Маснави» говорят так: «Конечно же, эту благословенную книгу можно назвать муршидом (духовным вождем, наставляющим на верный путь), не обладающим языком во плоти, но это воистину муршид, имеющий сотню языков». Афлаки пишет: «Чтобы правильно понять тайны и тонкости “Маснави” и внутреннюю связь между притчами, цитируемыми кораническими стихами и священными хадисами, необходимо обладать искренней верой, нескончаемой любовью, бескомпромиссной этикой, чистым сердцем, острым умом и, по крайней мере, базовыми понятиями о науках. Если вы истинно любите Господа, тогда ваша любовь может привести вас к пониманию “Маснави”, и вы сможете добиться своей цели. Господь - это Тот, Кто дарует Успех. Он - Вождь на Пути Праведном и Истинный Помощник».

Рассказывают, что следующие строки были написаны на обложке одной старой копии «Маснави»: «Я диктовал “Маснави” не для того, чтобы эту книгу заучивали наизусть. Но я предназначил “Маснави” для тех, кто любит Господа, чтобы она стала духовным вождем, который поднимает их к небесам. “Маснави” - это не лестница, которую несут от города к городу на плече. Ибо поскольку мы не можем забраться на небо при помощи лестницы, мы узнаем и осуществляем желание наших сердец». В эпилоге, завершающем шестую часть «Маснави», Султан Велед пишет: «“Маснави” - это лестница сердец. Тот, кто взбирается по лестнице, добирается до крыши. Но эта крыша - это не кров голубых небес. Эта крыша превосходит небеса. Она выше неба»²¹.

²¹ Bediuzzaman Firuzanfar, *Mevlana Celaleddin*, tr. Feridun Nafiz Uzluk. (Ankara: Milli Egitim Bakanligi, 1986), p. 218.

Поскольку «Маснави» – это любимая книга, читатели которой могут возвыситься духовно, ее перевели на многие языки и к ней написано много комментариев. Как уже упоминалось выше, весь мир знает Руми и читает его шедевр, достопочтенную поэму «Маснави». Для того чтобы не делать этот раздел слишком длинным, упомянем только турецкие переводы и комментарии:

Комментарии к «Маснави»

1. Комментарий Сурири. Это неизданный комментарий, написанный Мустафой Сурири-эфенди (умер в 1561 году), который погребен в саду мечети, построенной им в районе Касым-паша, в Стамбуле. Мустафа Сурири-эфенди также написал комментарии к «Дивану» Хафиза и к «Гулистану» Саади.

2. Комментарий Суди. Суди-эфенди (умер в 1595 году), родом из Боснии, написал комментарии к «Маснави» Руми и к «Дивану» Хафиза. Его комментарии к «Маснави» не были изданы.

3. Комментарий Шами. Этот комментарий к «Маснави», который был начат во время правления султана Мурада III (правил в 1574-1595 гг.), писался долгое время. Автор начал писать комментарий к шестой части «Маснави» в 1600 году, но неизвестно, завершил ли он свой труд. Этот комментарий к «Маснави», который одобрил Эсрар Деде, не был опубликован.

4. Комментарий Анкарави Русухи Исмаила Деде. Исмаил Деде был шейхом братства *байрами* в Анкаре. Безмерно восхищаясь Руми, он вступил в братство *мевлеви* и был шейхом *текке* Кулекапысы братства *мевлеви* в Стамбуле. Он скончался в 1631 году и был похоронен в саду *текке* братства *мевлеви*, где и служил шейхом. Этот комментарий считают лучшим на турецком языке, и поэтому о его авторе обычно говорят «достопочтенный комментатор». Знаменитый английский ориенталист Р.А. Николсон широко использовал комментарии Исмаила Деде при

написании своего собственного комментария к «Маснави» на английском языке. Поскольку Исмаил Деде был великим ученым, а также шейхом, который жил в соответствии с собственными наставлениями, на протяжении веков его комментарий был поддержкой и опорой для тех, кто пытался осмыслить трудные строки в «Маснави».

К сожалению, поскольку он использовал язык, насыщенный арабскими и персидскими словами, не все могут пользоваться его комментариями в наши дни.

На достопочтенного комментатора оказали большое влияние Мухйиддин Ибн ал-Араби и Ибн ал-Фарид. Его комментарий был опубликован в Египте и в Стамбуле (1872 г.). Помимо комментария к шести частям «Маснави» Исмаил Деде по какой-то неизвестной причине написал комментарий к так называемой седьмой части - поддельной. Однако этот комментарий не был опубликован. Профессор Фирузанфар из Тегеранского университета доказал, что эта часть не имеет никакого отношения к Руми²². Тот факт, что некоторые шейхи *мевлеви* писали комментарии к поддельной седьмой части «Маснави» (например, Феррух-эфенди, умер в 1840 году, шейх братства *мевлеви* в Токате, Хафиз Мехмед Эмин-эфенди, Шакир Мехмет-эфенди, умер в 1836 году), считая, что она принадлежит перу Руми, надо считать свидетельством их глубочайшего почтения к Руми и их искренней сердечной привязанности к нему. Если бы они холодным умом проанализировали эту книгу, то никогда бы не поверили, что она написана Руми, но, только услышав имя Руми, они немедленно признали эту седьмую часть из-за своей любви к нему и не увидели изъянов в этой поддельной книге. Как и достопочтенный комментатор, они нюхали шипы в розарии, в своем забытьи считая их цветами...

²² Bediuzzaman Firuzanfar, *Mevlana Celaleddin*, tr. Feridun Nafiz Uzlu. (Ankara: Milli Egitim Bakanligi, p. 114.

5. Комментарий Абдулмеджида Сиваси. Абдулмеджид из Сиваса (умер в 1639 году) который был выдающимся суфием из братства *халватийя* в XVII веке, написал комментарий только к части первой книги «Маснави». Этот незавершенный комментарий не был опубликован.

6. Комментарий Сары Абдуллы-эфенди: Сары Абдулла-эфенди (умер в 1660 году), шейх братства *байрами*, написал комментарий к первой части «Маснави». Этот комментарий был напечатан в пяти томах (Стамбул, 1871) и назывался «*Джевахир-и Бевахир-и Маснави*» («Жемчужины из океанов “Маснави”»). Турецкая национальная библиотека обрела бы истинный шедевр суфийской литературы, если бы Сары Абдулла-эфенди, который был очень образованным человеком, искренне любившим Бога, сумел завершить свой комментарий.

7. Комментарий Бурсалы Исмаила Хаккы. Этот великий праведник из Бурсы (умер в 1725 году) написал хорошо известный десяти томный комментарий к Корану под названием «*Рух ал-Байан*» («Дух воззвания»), широко используя при этом «Маснави». Свой комментарий к «Маснави» он довел только до 738 строфы первой книги. Его комментарий напечатан в Стамбуле в двух томах.

8. Комментарий шейха Мурада Бухари. Шейх Мурад Бухари (умер в 1848 году) написал комментарий ко всем шести книгам «Маснави». Этот комментарий, который не был опубликован, ныне хранится в Отделе рукописей Библиотеки Стамбульского университета.

9. Комментарий Абидин-паши. Абидин-паша (умер 1907 году) написал комментарий к первым книгам «Маснави», который был напечатан в шести томах в Стамбуле.

10. Комментарий Ахмеда Авни Конука. Ахмед Авни Конук (умер в 1938 году) был выдающимся комментатором «Маснави»

XX века. Он написал также комментарий к «Фусус ал-Хикам», помимо всеобъемлющего и основательного комментария к «Маснави». Рукопись этого очень ценного комментария, который пока еще не опубликован, можно увидеть в библиотеке Музея Мевляны в Конье, а другую рукопись - в библиотеке Коджа Рагып-паши в Стамбуле.

11. Комментарий Кенана Руфаи. Кенан Руфаи, известный шейх братства *руфаи*, написал комментарий к первой книге «Маснави», который был обработан его выдающимися учениками и опубликован в Стамбуле в 1973 году под названием «*Шерхли Маснави-и Шериф*». В настоящее время это наиболее часто читаемый комментарий. Строфы переведены с дополнениями, чтобы помочь читателю лучше понимать материал. Стиль автора отличается особой эlegantностью. К сожалению, как и комментарии Сары Абдуллы-эфенди и Абидин-паши, это комментарий только к первой книге «Маснави».

12. Комментарий Тахира ал-Мевлеви. Тахир Олгун (Тахир ал-Мевлеви) (умер в 1951 году), выдающаяся фигура в общине *мевлеви*, написал комментарий к первым четырем книгам «Маснави» и частично к пятой*.

13. Комментарий Абдулбаки Гелпынарлы. Абдулбаки Гелпынарлы (умер в 1960 году), известный ученый, который написал много книг, а также полный перевод и комментарий к «Маснави». Этот комментарий был опубликован Министерством культуры Турции в шести томах. Абдулбаки Гелпынарлы, которого автор данной книги хорошо знал, придерживался шиитского джафаритского мазхаба, и в своих комментариях к «Маснави», как и во многих других своих книгах, проповедовал свои личные взгляды.

* Этот комментарий был завершен автором данной книги и готовится к публикации. - Прим. автора.

В приведенный выше список я включил тринадцать известных турецких комментариев к «Маснави». Это – известные нам, но только Бог ведает, сколько их еще собирает пыль на полках, или сгорело, или иным образом было утрачено по небрежению. Я не могу завершить этот раздел, не включив сюда мнение профессора Фирузанфара по поводу комментаторов и комментариев к «Маснави»:

«Поскольку трудно бывает понять все тайны и тонкости “Маснави”, ученые и суфии приложили много усилий, чтобы разъяснить достаточно сложные разделы книги, и написали арабские, персидские и турецкие комментарии к “Маснави” в целом или к отдельным ее частям. Это критическое замечание относится ко всем комментариям; комментаторы опираются на свой собственный опыт и свои познания, чтобы прояснить и проанализировать взгляды Руми. Некоторые из них даже обращаются к книгам по философии, чтобы истолковать отдельные места в “Маснави”, и используют философские методы познания. Вместо всех этих усилий пусть бы они объясняли “Маснави”, тщательно исследуя саму книгу, тогда они бы смогли написать куда более хорошие комментарии»²³.

Турецкие переводы «Маснави»

1. Первый стихотворный перевод «Маснави» был осуществлен Муини Челеби под названием «*Маснави-и Муради*». Муини Челеби перевел большую часть историй из «Маснави» стихами и посвятил свой труд султану Мураду II (1438 год). Оригинал рукописи этой работы хранится в библиотеке Орхан Гази в Бурсе.

2. Деде Омер Рушен из Айдына (умер в 1478 году), как считают, владел переводом «Маснави» под названием «*Нейнаме*».

²³ Bediuzzaman Firuzanfar, *Mevlana Celaleddin*, p. 222.

3. В восемнадцатом веке «Маснави» перевел на турецкий язык поэт *мевлеви* Нахифи Сулейман-эфенди. Этот перевод был опубликован в Египте в издательстве «Булак» в 1851 году. В 1967 году профессор Амил Челебиоглу переписал этот перевод современным языком и опубликовал эту версию вместе с оригиналом перевода. Нахифи также перевел поддельную седьмую часть «Маснави», которая, к сожалению, включена в издание «Булак».

4. Бурсалы Тахир-бей, историк турецкой литературы, пишет, что выдающийся шейх братства *ушак* Абдулла Салахи (умер в 1782 году) перевел «Маснави»²⁴.

5. Кютюкчу Сулейман Хайри-бей (умер в 1891 году) попытался перевести «Маснави» стихами, но сумел закончить перевод только части первой книги. Этот незавершенный и в целом неудачный перевод был опубликован в Стамбуле в 1890 году.

6. Енишехирли Авни-бей (умер в 1892 году) сделал стихотворный перевод «Маснави» вплоть до четвертой книги.

7. Фейзулла Саджид Улькю перевел стихами на турецкий язык первую книгу «Маснави». Этот перевод был напечатан в 1945 году.

8. Велед Челеби, потомок Руми, перевел шесть книг «Маснави» на турецкий язык прозой. Этот перевод был опубликован в 1942 году Министерством образования Турции как первый выпуск серии, посвященной восточной и исламской классической литературе.

9. Доктор Абдулла Озтемиз Хаджитахироглу перевел «Маснави» на турецкий язык с соблюдением оригинального стихот-

²⁴ Bursali Mehmed Tahir, *Osmanli Muellifleri* (Ottoman Authors) (Istanbul: Matbaa-i Amire, 1333). vol. I, p. 105.

ворного размера. В первом томе этого перевода, который вышел из печати в 1972 году, содержится 2108 стрóf.

10. Современный поэт Фейзи Халыджи начал переводить «Маснави» с соблюдением стихотворного размера оригинала. Его перевод опубликован. Это два небольших томика, в которых содержится 1 001 строфа.

«Диван-и Кабир»

«Диван-и Кабир» - «Великое собрание стихов» - так называется книга, в которой собраны стихотворения Руми. Сюда включены принадлежащие перу Руми стихотворения, которые написаны в различных жанрах восточной исламской поэзии (например, касыды, панегирики, катрены и т.д.). Хотя большинство стихотворений написано по-персидски, среди них есть также произведения на арабском и турецком языках.

«Диван-и Кабир» также называют «*Куллийат-и Шамс-и Тебризи*» или «*Диван-и Шамс*», поскольку, в отличие от других поэтов, которые упоминают свое имя или свой псевдоним в последней строфе каждого своего стихотворения, Руми использовал имя Шамса. В некоторых своих произведениях он также использует имена Салахэддин Заркуби или Хусамэддин Челеби. Общее число стихов, где используются два этих имени - около сотни. Руми также иногда использует псевдонимы, такие, как «Хамуш» («Молчаливый») или «Хамушкон» («Печальный»). Руми использовал в своих стихотворениях имя Шамса, поскольку они были друзьями сердца. Те, кто не знают этого, считают, что эти стихотворения были написаны Шамсом. Однако у нас нет никаких исторических свидетельств того, что Шамс когда-либо писал стихи.

В то же время в издание «Диван-и Кабир», опубликованное в Индии в 1885 году под названием «*Куллийат-и Шамс-и*

Табризи», включено много стихотворений, которые не принадлежат перу Руми. Авторами этих стихов были в основном Шамс-и Табаси и Шамс-и Машрики, которые использовали псевдонимы, сходные с именем Шамса. Аналогичным образом в некоторые иранские издания «Диван-и Кабир» включены стихотворения, не принадлежащие Руми. Например, таково издание «*Диван-и Шамс ал-Хакаик*», куда включена подборка стихотворений Руми, которую сделал Реза Кули-хан, - там есть много стихов, явно не написанных Руми. Эти стихи не соответствуют веру Руми, его личности и идеалам.

Например, читателей смущают поэмы, в которых обожествляется шиитский святой Али. Те из читателей, которым мало что известно о Руми, начинают ошибочно считать, что и Руми был шиитом. К сожалению, в этой подборке стихов «*Диван-и Шамс ал-Хакик*», куда включены самые красивые стихотворения Руми, переведенные Мидхатом Бахари Бейтуром, содержатся и не принадлежащие ему произведения. Этот перевод опубликован в трех томах Министерством образования Турции.

Самое надежное издание «Диван-и Кабир» подготовлено и опубликовано профессором Фурузанфаром из Тегеранского университета, который изучил десять наиболее старых рукописей Дивана. В этом издании нет произведений, автором которых не был бы Руми, но, возможно, из него оказались исключены и несколько стихотворений самого Руми. Тем не менее, это издание 1957 года - лучшее и самое изящное из всех «Диванов», опубликованных в Иране и Индии. В нем приводятся все разночтения в рукописях и даются краткие комментарии. Это тщательно оформленная книга большого формата, как и подобает ее названию. Да будет благословенна душа издателя!

Абдулбаки Гелпынарлы перевел на турецкий язык самую старую рукопись «Диван-и Кабир», которая хранится в Музее Мевляны в Конье. Этот перевод опубликован уже дважды.

Точное количество стихотворений и число строф в стихотворениях «Диван-и Кабир» неизвестно, поскольку в различных рукописях и изданиях имеются разночтения. В старейшей рукописи из Коньи содержится 2073 стихотворения и 21 366 строф. Точное количество стихотворений и строф в них можно определить, сравнивая между собой все различные рукописи и издания. Кроме того, существуют буквально тысячи катренов (рубаи) Руми, их точное количество неизвестно. Начав с исследований в библиотеках Коньи в 1964 году, я собрал все рубаи, которые приписывают Руми. Я разыскивал рукописи и отдельные издания в библиотеках Стамбула. Я просматривал «Диваны», изданные в Иране, Афганистане и Индии, и сравнивал напечатанные в них катрены с теми, которые мне уже удалось найти. Таким образом на свет появилась «Коллекция катренов» - «*Рубаилер Дивани*». Министерство культуры Турции опубликовало эту подборку в двух томах, где напечатаны оригиналы и переводы четверостиший, а также комментарии.

В «*Диван-и Кабир*» собраны лирические стихотворения. Это плоды любви и волнений. Друзья и ученики записывали эти благословенные, исполненные глубокого смысла поэмы, которые Руми иногда слагал в состоянии веджда (полного погружения в атмосферу божественной любви - прим.пер.). Как это было и с «*Маснави*», Руми читал вслух эти стихи по мере того, как они приходили к нему в сердце, не беря в руки перо. Иногда он проносил их, вертясь в сама (ритуальном вращении - прим.ред.), а иногда - во время прогулок в садах Мерам в Конье. В этих стихах, которые слагались без предварительного обдумывания или осознанной заботы о рифме и размере, мы ощущаем присутствие огня в сердце, экстаза и любви к Богу. Эти стихи - вдохновение и послания, направленные нам как будто из-за пределов нашего мира.

В некоторых «Диванах», особенно напечатанных, а не рукописных, мы встречаем стихотворения, которые не были плодом страстной природы Руми, его любви и волнений, его возвышенной души. Те, кто хорошо знает стиль и чувства Руми, немедленно опознают эти чужие стихи. Его собственные произведения чаруют читателя и дарят ему неопишное чувство радости и экстаза. В этих стихах существует сам Руми. В них мы находим любовь Руми.

В большинстве стихотворений этого великого святого читатель обретает боль разлуки, слезы, сердечную боль, стремление к Возлюбленному, жалобы и мольбы, но также и молитвы, исполненные радости, надежды и благодарности. Некоторые стихи написаны соответствующим их тематике стихотворным размером. Вы буквально ощущаете, как осенью облетают листья, содрогаются на ветру деревья и приходит конец лета. Чувствительный человек может понять, что хотел выразить Руми, даже не зная персидского языка, через гармонию и духовный настрой стихов. Иногда эти стихи заставляют читателя проливать слезы. Иногда они зачаровывают читателя, а иногда уводят его в иной мир.

Во введении к изданию «Диван-и Кабир», подготовленному профессором Фурузанфаром, Руми представляет свои стихи всем, кто любит Господа, следующими строками:

«Эти стихи - духовные тайны. Для тех, кто отдал свое сердце Господу, они подобны Ноеву ковчегу. Это святое дыхание, нежное дуновение ветерка для души и вдохновение, дарованное Всевышним. Они открывают сердца, подобно глазам, распахивающимся навстречу рассвету. Они - вдохновение от Господа, Который чист и не имеет каких-либо недостатков. Это исключительные знаки, удивительные фразы. Это свет от моря Единства Бога. Это крупные жемчужины от моря Невидимого. Этот «Ди-

ван» - «Диван всех, кто любит Господа». Это весна радости духа и свет сердец.

Таковы истинные слова, воспринятые возлюбившими Господа и познавшими Божественную мудрость. И ключ сообщества людей, достигших уровня Божественного Присутствия. Это место для свободных людей в невидимом мире. Это средоточие сердец тех людей, кто обладает возвышенной душой. Это цветок, раскрывающий свои лепестки в саду Души. Слова в этом «Диване» - это реки, которые несут благословение и радость духа к собравшимся истинным слугам Бога. Это слова, описывающие святых. Это алхимия блаженства для зрелых людей. Это проповедь для людей сильной веры. Это украшения для тех, кто любит Бога и воздерживается от зла. Эти слова - меч Всевышнего, направленный против лицемеров.

Это эликсир для великих и добрых людей. Это дар для идущего по пути Господа. Это язык, которым говорят птицы *джабарут**. Это хвала, которую возносят ангелы в невидимом мире».

«Фихи Ма Фих»

В этой книге собраны речи и проповеди Руми по самым различным вопросам, но сам он не готовил и не записывал эти выступления. Они были записаны его сыном Султаном Веледом или кем-то из учеников Руми и собраны в книгу. Некоторые из этих речей были обращены к Муинэддину Перване. Часть этих речей - комментарии к «Маснави». Здесь есть также упоминания Шамс-и Тебризи, Бурханэддина Термези и Салахэддина Заркуби. «Фихи Ма Фих» перевел на турецкий язык Ахмед Авни Конук, но этот перевод не был опубликован и сейчас хранится в Музее Мевляны в Конье. Позже был сделан еще один перевод этого сборника (автор - Мелиха Улькер), который опублико-

* Джабарут - иной, высший мир. - Прим. автора.

ван в 1954 году Министерством образования Турции в серии, посвященной классической литературе ислама.

«Маджалис-и Саб'а»

Как видно из названия, эта книга - сборник из семи проповедей, прочитанных в семи различных аудиториях. Как рассказывает Афлаки, после Шамс-и Табризи Руми читал проповеди по просьбе некоторых выдающихся деятелей Коньи. Семь из этих проповедей собраны в этой книге, их перевел на турецкий язык Хулуси-эфенди. Перевод опубликовал Феридун Нафиз Узлук вместе с оригиналом в 1937 году. Еще один перевод, сделанный Абдулбаки Гелпынарлы, был напечатан в Конье.

Мактубат

Эта книга состоит из писем, которые Руми направлял государственным деятелям. Как и все другие его произведения, Руми не писал эти письма своей рукой. Он диктовал их. Эта книга, в которой содержится 147 писем, была опубликована на персидском языке Феридуном Нафизом Узлуком в Стамбуле в 1937 году. На турецкий язык эти письма перевел Абдулбаки Гелпынарлы.

Смерть отца Руми

Султану ал-Улема было уже больше восьмидесяти пяти лет. Прошло два года, как он переехал в Конью. Он внезапно заболел зимой 1231 года. Утром на третий день болезни (12 января 1231 года) он закрыл глаза и расстался с этим бременным миром. На следующий день была проведена грандиозная похоронная церемония. На ней присутствовали сам султан Алаэддин Кейкубад, военачальники, ученые и шейхи. Султан ал-Улема, который за последние два года занял место в сердцах жителей Коньи, теперь двигался к месту своего вечного успокоения на плечах

и над головами этих людей. Все плакали. Обладавшие чувствительными сердцами люди глубоко переживали его кончину. Все они осиротели, потеряв духовного отца.

Описывая кончину Султана ал-Улема, Султан Велед писал в своей книге *«Ибтиданаме»*: «Когда несли гроб Султана ал-Улема, это было подобно Судному Дню. Мужчины и женщины - все проливали слезы горя. Ученые и военачальники вместе с султаном шли перед гробом с непокрытыми головами. Исполненный горя султан неделю не мог сидеть на своем троне». Траур во дворце сельджукского султана длился сорок дней. Сорок дней султан и его придворные не садились в седло.

На могильном камне, который был воздвигнут некоторое время спустя, написаны следующие слова: «Бог Вечен. Здесь покоится наш Господин, великий Законодатель, Источник мудрости, возродивший традиции Пророка, изгонявший искаженные верования, тот, кого любили и за кем следовали как за истинным мусульманином, человек Господа, улем, тот, кто жил так, как того требовала его вера, султан всех улемов, муфтий Востока и Запада, драгоценность закона и веры, шейх ислама и мусульман, Мухаммед, сын Хусейна, сына Ахмада из Балха. Да будет Господь доволен им и его предками. Он скончался в восемнадцатый день месяца рабиальахира шестьсот двадцать восьмого года хиджры, незадолго до полудня. Да сжалится над ним Господь».

Год спустя над могилой Султана ал-Улема была построена простая гробница из высушенных на солнце саманных кирпичей. Позже сельджукский везир Муинэддин Перване спросил Руми, что он думает по поводу постройки над этой скромной гробницей большой усыпальницы с высоким куполом, достойной славы султана улемов. Услышав это предложение, Руми задал везиру вопрос: «Можешь ли ты построить купол больше и выше, чем тот, что охватывает Вселенную?» Везир ответил: «Нет». И Руми отвечал ему: «Тогда не трудись сооружать новый».

Великолепная усыпальница, которую вы можете увидеть сегодня, была построена уже после смерти Руми. Она накрывает собой гробницы тех, кого любил Руми, в том числе и гробницу Султана ал-Улема. Высокий деревянный саркофаг на могиле Султана ал-Улема считают одним из лучших образцов деревянной резьбы эпохи Сельджукского султаната. До правления Сулеймана Великолепного он стоял на могиле Руми. В эпоху Сулеймана Великолепного этот высокий деревянный саркофаг сняли с могилы Руми и поставили над могилой его отца. Для могилы Руми было сооружено более низкое мраморное надгробие с крышкой, которую называют *пушиде*.

Вопреки устоявшемуся неверному мнению, Султан ал-Улема не вставал, когда Руми входил в комнату, дабы продемонстрировать свое уважение к познаниям и добродетелям своего сына. Ни отец, ни сын не нуждались в том, чтобы превозносить друг друга таким образом. Однако те, кто отдал им свои сердца, стояли в присутствии этих двух святых людей, выказывая этим свое волнение, любовь и уважение; и так будет до самого Судного Дня.

Султан ал-Улема Мухаммед Бахауддин Велед написал на персидском языке трехтомную книгу под названием «Ма'ариф»²⁵. Говорят, что «Ма'ариф» составили из проповедей и выступлений Султана ал-Улема, произнесенных им в различных местах. Афлаки Деде рассказывает, что Руми пересказывал то, что он запомнил из проповедей и выступлений своего отца, тогда как другие записывали это, а шейх Махмуд Сахиб даже сушил рукописи над очагом. Неважно, каким именно образом эта книга появилась на свет, но для Руми оказались очень полезны труды его отца, который был великолепным оратором. Но величайшим

²⁵ Muhammad Baha al-Din Valad, *Ma'arif* (Tehran: Ketabkhaneh-e Tahuri, 1977). Оригинальная копия этого труда хранится в Отделе персидских рукописей Библиотеки Стамбульского университета.

плодом трудов Султана ученых стал его сын - Руми, которому он был и отцом, и учителем, и духовным наставником. После смерти своего отца Руми на год остался без духовного наставника. Затем его духовным наставником стал Сейид Бурханэддин Мухаккик Термези.

Духовный наставник Руми после смерти отца

Смерть отца оставила Руми с ощущением пустоты - эмоциональной и духовной. Это произошло потому, что он потерял не только отца, но и духовного наставника, сердечного друга, образец познаний и добродетели, безупречного человека. И пусть самого Руми в молодом возрасте признали шейхом, главой братства и великим ученым, все равно после того, как Султан ал-Улема покинул этот бренный мир, Руми не мог считать себя равноценной заменой отцу в этом мире и страдал от духовного одиночества.

Через год после смерти Султана ал-Улема к нему в гости в Конью приехал один из его учеников, Сейид Бурханэддин Мухаккик Термези (умер в 1245 году). По приезде он узнал, что его шейх, которого он очень любил, скончался, и его заменил его сын Джалаледдин. Кто же был этот Сейид Бурханэддин, который приехал в Конью? Он жил в Балхе в то же время, когда там пребывал Бахауддин Велед, и был одним из учеников Султана ал-Улема. Когда Джалаледдин был еще ребенком, именно на Бурханэددина была возложена ответственность за его воспитание. Руми был очень рад тому, что сейид Бурханэддин приехал в Конью. Он поцеловал руку своего бывшего наставника и друга отца. Они вспоминали добрые старые времена, когда вместе жили в Балхе. И тогда Сейиду стало ясно, что же заставило его приехать в Конью. Когда-то он был воспитателем сына своего горячо любимого шейха, теперь ему суждено было стать его духовным наставником.

Рассказав о приезде Сейида в Конью и о его встрече с Руми, Султан Велед излагает, что же тот сказал своему бывшему воспитаннику: «Тебе нет равных в познаниях. Ты превосходишь многих и многих. Но твой отец был возвышен духовно. Тебе стоит отбросить праздные слова и сосредоточиться на обретении духовного возвышения. Старательно трудись на этой стезе, чтобы стать наследником своего отца не только в познаниях, но и духовно. Освети вселенную, подобно солнцу, и покажи тропу истины для тех, кто пребывает во мраке или сошел с пути истинного мусульманина».

Руми с радостью воспринял эти слова, идущие прямо из сердца, словно это были слова его отца. Он подчинился Сейиду Бурханэддину, который сказал: «Я хочу, чтобы ты воспринял от меня истину, подобно тому, как я воспринял ее от твоего отца, который был моим шейхом, духовным наставником. Не трать времени попусту, тебе следует идти по стезе дервишей. Постижение *ладун*, понимание того, как познать и обрести Господа, - это познание пророков и праведников. Теперь пришло время и тебе продвинуться в этом познании».

С этого дня Руми стал учеником Сейида Бурханэددина. Он начал постоянно повторять молитвы и восхваления Всевышнего, принятые в братстве *кубравийа*, которым обучал его шейх. Сначала Сейид на сорок дней запер Руми в его комнате, чтобы тот прошел *халват* - обряд уединения. Руми избавился от духовного одиночества, когда вновь обрел друга своего отца, Сейида Бурханэددина, и с восторгом и рвением повторял молитвы и словословия Бога, которым его обучал шейх.

Хотя Руми многому научился у своего отца и учителя Султана ал-Улема, Сейид Бурханэддин посоветовал ему поехать в Халеп (Алеппо) и Дамаск, чтобы там углубить свои познания в религии и законах. Таким образом, следуя указаниям своего шейха, Руми направился в Алеппо в сопровождении несколь-

ких дервишей - своих друзей. Отослав своего ученика и последователя в Алеппо ради углубления познаний, Сейид не остался в Конье, а возвратился в Кайсери, но это было только на время. Когда его дорогой ученик вернется, он тоже придет обратно в Конью.

В Алеппо Руми два года обучался в медресе Халавия, широко известной религиозной школе того времени. Его учителем исламского законодательства был Камалэддин, самый знаменитый ученый в тех краях. Этот уважаемый ученый в свое время встречался с отцом Руми. Поэтому он с большим вниманием и заботой относился к сыну Султана ал-Улема, которого он знал и очень любил. Он много занимался с ним, его изумили талант и сила разума Руми, и он помог Руми расширить его познания во всех областях наук того времени.

Из Алеппо Руми направился в Дамаск. В Дамаске жило огромное количество ученых и суфиев, которые бежали от монгольского вторжения. Рука Всевышнего все подготовила для того, чтобы Руми мог получить великолепное образование, - именно Руми, которому было суждено стать безупречным суфием и оказать бесценные услуги науке *ладун* - познания - в такой работе, как «Маснави». Дамаск был тем городом, куда приезжали праведники, почти Городом святых. Мухйиддин Ибн ал-Араби (умер в 1240 году), которого позже назовут самым великим суфием всех времен, тоже пребывал в Дамаске в это время. В Дамаске Руми жил в медресе Макдисийя. Он с огромной пользой для себя общался там с суфиями и учеными, с любовью и восторгом читал редкие книги, часто навещал видных ученых и суфиев, посещал их лекции и проповеди, задавал им вопросы и получал ответы. Он обрел более глубокое познание о воззрениях Мухиэддина Ибн ал-Араби. Руми провел в Дамаске более четырех лет, у него сложился широкий круг друзей. Все,

кто знал его, выказывали ему глубокое уважение. Всех изумляли его ум и духовное прозрение.

Пришло время возвращаться в Конью. Однако было бы неверным ограничивать опыт образования Руми двумя годами его пребывания в Алеппо и четырьмя годами в Дамаске, поскольку факты доказывают, что в этих городах Руми серьезно углубил свои уже весьма обширные познания. Его образование, по сути, началось еще в Балхе, в городе, где жило много ученых и суфиев. С учетом споров о его дате рождения, можно считать, что он был тогда еще очень молод, но тот факт, что он был способен понять книгу, подаренную ему великим мудрецом Аттаром, доказывает, что он уехал из Балха, уже получив определенное образование. Его настоящим учителем был его отец. И он всегда был рядом с ним. Это было великим даром свыше для Руми и великой милостью Господа - иметь такого отца, как Султан ал-Улема, иметь возможность впитывать его слова, идеи, советы и предложения, обучаться хорошим манерам по такому безупречному образцу.

Вернувшись в Анатолию, Руми, прежде всего, поехал в Кайсери навестить своего шейха Сейида Бурханэддина. Затем они вместе направились в Конью. Шейх был очень доволен плодами шестилетнего отсутствия Руми. Он увидел, что Руми очень изменился. Новые знания Руми, его душевная зрелость и приверженность законам ислама были очевидны. Сейид выполнил свой долг: направил сына своего друга по пути усовершенствования знания и веры. Теперь он мог сам заниматься с ним, стремясь направить его к еще большему совершенству своими советами и идеями.

Нам мало что известно о жизни Сейида Бурханэддина, который так много сделал для развития Руми. Как жизнь многих праведников, жизнь Сейида Бурханэддина остается скрытой от пустых пересудов. Говорят, что его род восходит к Хусейну, вну-

ку Пророка, да будет им доволен Аллах*. Также пишут, что он творил чудеса и знал, что скрывают сердца окружавших его людей, и даже что он предсказал приезд в Конью Шамса, хотя и не назвал его имени. Поэтому Сейиду дали прозвище «Сейид-и Сирдан» - «Сейид, которому известно тайное».

Руми был воспитан усилиями такого выдающегося духовного наставника и учителя. Сейид приложил много усилий к дальнейшему обучению Руми. Он велел ему снова и снова перечитывать книгу его отца «Ма'ариф» - месяц за месяцем и год за годом. С каждым годом Руми становился все более зрелым. Дни поста и аскетизма остались позади. Теперь Руми получил такое образование, какого и хотел добиться его учитель. Сейид испытывал внутреннее удовлетворение как духовный наставник, который выполнил свой долг.

По мнению Бурханэددина, безупречный человек, или *инсан ал-камил*, должен быть образован и любить Господа, быть ученым, другом Господа и возлюбленным Господа. Он умел очень просто и доходчиво объяснять самые сложные положения суфизма. Он говорил о философии, законах ислама, естествознании, химии и традициях Пророка. Он был воистину великим ученым.

Мы знаем, что после своего возвращения из Дамаска Руми приехал в Конью вместе с шейхом. По свидетельству Сипаксалара, хотя Сейид Бурханэддин просил разрешения Руми вернуться в Кайсери, Руми не хотел с ним расставаться. Вопреки просьбам Руми, Сейид Бурханэддин попытался уехать в Кайсери, но по дороге его лошадь оступилась, Сейид Бурханэддин упал с лошади и повредил ногу. Он вернулся в Конью и спро-

* По исламскому обычаю, если в разговоре или в письменной форме упоминается имя кого-то из соратников Пророка, принято добавлять формулу на арабском "Радыяллаху анх/анха", что означает «Да будет им (или ей) доволен Аллах». - Прим. ред.

сил Руми, почему тот преграждает ему путь и не позволяет уехать в Кайсери. На это Руми ответил ему встречным вопросом: «О мой шейх, почему ты хочешь покинуть нас?» Сейид Бурханэддин ответил: «В Конье появился сильный лев, но я тоже лев. Два льва не могут пребывать в одном городе, нам больше не ужиться рядом друг с другом. Поэтому я хотел бы уехать». Услышав это, Руми поцеловал руки своему шейху и отправил его в Кайсери в сопровождении нескольких своих учеников.

Когда Сейид Бурханэддин прибыл в Конью, его с восторгом приветствовал правитель города, Сахиб Шамсэддин Исфакхани. Сейида разместили в текке дервишей. Все крупные сановники города пришли приветствовать его и поцеловать ему руку, выказывая ему свое почтение и принося с собой различные дары. Сейид Бурханэддин приказал раздать эти подарки городским беднякам и юродствующим, то есть тем, кто впал в безумие от божественной любви. Сам он даже не прикоснулся к этим дарам. После этого он отвернулся от этого мира и стал жить в абсолютном уединении.

Руми несколько раз доставлял своему шейху большую радость, навещая его. Жители Кайсери выказывали большое уважение Сейиду Бурханэдину, приглашали его стать имамом местной мечети. Иногда он читал молитвы несколько часов кряду, совершая поклоны, простираясь на земле и вознося хвалу Всевышнему. Собравшиеся на молитву не могли вынести тяжкую ношу такого поклонения. Когда Сейид Бурханэддин заметил это, он попросил освободить его от обязанностей имама: «Считайте меня свободным от этой доли. Я - человек, который легко возбуждается. Когда я нахожусь в присутствии Господа, я теряю самого себя. Я не могу быть имамом. Найдите себя другого имама». И он снова уединился в своей небольшой келье.

Прошло меньше года с тех пор, как Сейид Бурханэддин вернулся в Конью. И этот святой человек почувствовал, что ему ос-

талось провести последние дни на этой земле. Он попросил своего слугу приготовить горячую воду. Когда вода согрелась, он совершил полное омовение тела. Потом он сказал слуге: «Иди и плотно закрой дверь, а всем, кого ты увидишь за дверью, объяви, что бедный Сейид расстался с этим миром». Удалившись в угол комнаты, он произнес свою последнюю молитву: «О великий Аллах, о мой друг, прими меня и возьми мою жизнь. Забери меня у меня. Возьми меня из этих двух миров. Я хочу Тебя. Возьми у меня все, что не есть Ты».

Слуга побежал к Сахибу Шамсэдину и сообщил ему печальную новость. Известие о смерти Сейида скоро распространилось по Кайсери, и большая толпа собралась у входа в его скромную келью. Готовясь к похоронам, Сахиб Шамсэдин сообщил Руми о кончине шейха. Погребальная церемония прошла с чтением молитв и многочисленными призывами к Богу. Когда Руми получил известие о кончине своего наставника, он чрезвычайно опечалился и немедленно отправился в Кайсери. Приехав туда, он сразу же отправился на могилу Сейида и часами читал над ней молитвы.

Сахиб Шамсэдин передал Руми книги, принадлежавшие шейху. С этими книгами Руми вернулся в Конью, опечаленный и с разбитым сердцем. Среди этих книг была и одна, принадлежавшая перу Сейида Бурханэдина, - знаменитая книга «Макалат». Сейид Бурханэдин Термези скончался в 1241 году.

Встреча Руми с Шамсом

После кончины Бурханэдина Термези Руми начал читать лекции в медресе Коньи и обучать студентов. Ведь свои первые уроки он получил у своего отца, короля ученых. С одной стороны, Руми преподавал в медресе, вел беседы с искателями истины и отвечал на их вопросы; с другой стороны, он служил проводником тем, кто любит Господа, и предупреждал их об опас-

ностях этого мира. Таким образом, Руми тоже стал королем ученых и в религиозных науках, и в других. Подобно своему отцу, он также стал королем познания во всем, что касалось суфизма.

Все, кто слушал Руми, очень сильно полюбили его и восхищались им. В глазах султана, его вельмож и простого народа он стал известен как мусульманин с чрезвычайно возвышенными взглядами, или *инсан ал-камил*. Свидетельством этому были его преданность Господу, преданность посту и молитве, все его добродетели: человечность, щедрость, скромность, которой он обладал, несмотря на свои великие познания, отрешенность от мира сего, преданность стезе Пророка, подобно его отцу, - и вся его исполненная благочестия, чистая жизнь.

Примерно в это время произошло одно событие, которому было суждено изменить всю жизнь Руми. В Конью приехал Шамсэддин из Тебриза.

Этот странный Шамс из Тебриза, который приехал в Конью, очаровал Руми, большого ученого, занятого со своими учениками, великого суфия и духовного наставника. Шамс превратил его в пылкого влюбленного в Бога, устремившегося к Нему.

Кто же такой был этот Шамсэддин, которому было суждено принести кардинальные перемены в жизнь Руми? Афлаки пишет, что отцом Шамса был Али, сын Маликдада. Поскольку он родился в Тебризе, возможно, он был родом из азербайджанских тюрок. Из книги *«Макалат»* явствует, что он получил очень хорошее образование и был знаком с науками того времени. Он никогда не задерживался на долгое время в каком-либо месте и много путешествовал, и поэтому ему дали прозвище Шамс-и Перенде - «Летучий Шамс». Поскольку он был морально безупречным человеком, он получил еще одно прозвище - Камил-и Тебризи, то есть Безупречный из Тебриза, или Безупречный уроженец Тебриза.

Хотя он был великим праведником, он скрывал от всех и свою святость, и свои чудеса. Он жил в каком-либо городе анонимно, никому не объявляя о своем пребывании, а когда кто-то узнавал его, он немедленно уезжал оттуда. Во время своих путешествий Шамс никогда не останавливался в дервишеских теке или при медресе. Он обычно останавливался в караван-сараях и прочно запирали двери своей комнаты, хотя там не было ничего, кроме камышовой циновки, на которой он спал. Он одевался скромно, словно обычный торговец, и никогда не носил великолепного одеяния, которое подобает шейхам.

Сипахсалар Фаридун Ахмад (умер в 1284 году), описывая Шамса, говорит, что это был человек, который обрел блаженство близости к Господу будучи еще живым: султан святых, высший из стремившихся к познанию, наследник пророков, корона всех, кого возлюбил Господь. Он также пишет, что если Руми был *инсан ал-камил*, обладавший предвидением и овладевший духовными богатствами, Шамс был подобен Мусе (Моисею) в своей прямой связи с Господом и подобен Исе (Иисусу) в своей отрешенности и замкнутости, да будет мир с ними²⁶.

Если бы он не обладал такими качествами, разве он мог бы стать другом Руми? Как могли бы эти два святых человека, возлюбивших Господа, соединиться, подобно двум морям? В своей книге «*Ибтиданама*» Султан Велед сравнивает встречу Шамса и Руми со встречей Мусы и Хизра (а.с.). Как всем известно, хотя Муса был пророком, который достиг состояния *калим Аллах* (того, кто говорил с Господом), он восхищался теми, кто возлюбил Всевышнего и стремился к встрече с ними. Подобным же образом и Руми, хотя он и достиг высот как преподаватель в медресе и духовный наставник многих учеников, восхищался теми, кто возлюбил Господа, и тоже любил их. И неверно утверж-

²⁶ *Risale-i Sipahsalar*, p. 164.

дать, будто бы Руми искал себе очередного духовного наставника. Он был воспитан знаниями и стремлением к познанию своего безупречного отца Султана ал-Улема и сам стал духовным наставником многих, пройдя через уровни духовного просветления под руководством величайшего из наставников - Бурханэдина Термези.

Шамс тоже был выдающимся человеком. Он, как и Руми, любил Господа. Он тоже путешествовал в разных землях и встречался с бесчисленными учеными и шейхами, однако, по его собственным словам, ни в одном из них он не нашел того, чего искал. Никто не мог до конца понять его душевное состояние. Никто не мог осознать истину его тайн.

Руми достиг уровня безупречности, обосновался в Конье, стал учителем и духовным наставником к тому времени, когда ему исполнилось пятьдесят лет, и он больше не нуждался в каких-либо путешествиях или в поисках кого бы то ни было. Шамсу же в это время уже было более шестидесяти лет. Однако он все еще бродил по свету в поисках духовного наставника и не мог нигде остановиться и обрести пристанище. В своей книге *«Макалат»* Шамс пишет: «Я уехал из Тебриза, чтобы найти себе духовного наставника. Я покинул город, но не мог обрести такого... В Тебризе у меня был шейх, которого звали Абу Бакр. Он плел корзины и этим зарабатывал себе на жизнь. Я очень многому научился у него, но было во мне что-то такое, чего мой шейх не смог разглядеть. Надо признаться, что этого не смог разглядеть никто».

Мы не можем с точностью сказать, к какому из суфийских братств принадлежал Шамс. Судя по словам некоторых исследователей, он был последователем Баба Камала, одного из учеников великого святого Наджмэддина Кубры, духовного наставника Султана ал-Улема, который мученически погиб, сражаясь с монголами. Другие утверждают, что он был сторонником вет-

ви *акбария* братства *халвати*. Во всяком случае, как указывалось выше, сам Шамс подтверждал, что он был дервишем шейха Абу Бакра из Тебриза. Однако Шамс был не таким дервишем, который будет цепляться за корзинщика Абу Бакра, который так и не смог разглядеть скрытых в своем ученике глубин, но хвалился тем, что он шейх. Шамс признается: «Я покинул его, и он очень сожалел об этом». Кто знает, вероятно, Шамс мог указать своему шейху на его ошибки, а затем покинуть его. Никто не может с уверенностью судить об этом. Шамс не мог видеть что-либо значимое в шейхе, который не сумел разглядеть что-либо сокровенное в самом Шамсе.

В те дни Шамс не сумел обрести то, что он искал в знаменитых шейхах, с которыми он встречался в разных городах, с кем он знакомился и чьи выступления и проповеди посещал. Он обнаружил, что неспособен посвятить себя кому-либо из них. Он искал идеального духовного наставника. В его внутреннем видении уже сложился образ чистого, незапятнанного шейха, который живет, подобно одному из соратников Пророка, ни на шаг не отступая от пути истинного мусульманина. Однако, поскольку он видел изъяны в тех, кто называл себя шейхами, он не мог стать учеником кого-либо из них. Он был чрезвычайно опечален тем обстоятельством, что не смог найти истинно мусульманского образа жизни среди тех, кого все очень уважали и кому все целовали руки. В книге «Макалат» Шамс пишет: «Только вчера он появился на свет из чрева своей матери, а сегодня он уже провозглашает: “Я есмь Истина”. Как может тот, кого произвела на свет женщина, утверждать, что он есть Истина? Большинство из этих шейхов - разбойники от ислама. Они преграждают людям путь к вере»²⁷. Шамс всегда сторонился тех шейхов, кото-

²⁷ Shams-i Tabriz, *Maqalat*. Рукопись хранится в Библиотеке «Фатих» в Стамбуле, Folio 45a. Cf.: Shams al-Din Muhammad Tabrizi, *Maqalat*, ed. Muhammad Ali Muwahhid. Tehran: Chapkhaneh-e Diba, 1349), pp. 274-275.

рых волновали пышность и репутация, и, пока он не встретил Руми, он так и не признал никого своим наставником. Когда Шамс из Тебриза встретил Руми, когда он разглядел в нем истину, он сказал: «Я обрел то, что я искал, в Худавендигаре (Повелителе - прим. ред.), в Руми». И он остался в Конье.

Афлаки рассказывает, что еще до того, как они познакомились в Конье, Руми и Шамс встречались в Дамаске. Он пишет, что однажды, когда Руми был на базаре, к нему подошел человек, одетый в черное и с конической шапкой на голове. Он поцеловал руку Руми и сказал ему: «О судья в мире знаний о вещах! Найди меня! Пойми меня!». Затем он исчез в толпе. Афлаки повествует, что этим человеком был Шамс.

Шамс приехал в Конью субботним утром 23 октября 1244 года. Как обычно, он сразу же отправился в караван-сарай. Утверждают, что он снял комнату или в караван-сараяе Пиринчджилер (торговцев рисом), или же в караван-сараяе Шекерджилер (торговцев сахаром). Также рассказывают, что для того, чтобы его сочли богатым торговцем, он повесил на дверь дорогой замок стоимостью в три динара, а ключ от этого замка привязал к концу своего тюбана и позволил ему свешиваться на плечо. Однако в комнате Шамса не было ничего, кроме старой камышовой циновки, разбитого кувшина и кирпича из высушенной на солнце глины, который он использовал вместо подушки. Нет никаких сведений о том, сколько времени прошло между приездом Шамса в Конью и его встречей с Руми.

Рассказов же о встрече Шамса с Руми существует множество. Судя по тому, что поведал Афлаки, как-то раз Руми покинул медресе Ипликчи в сопровождении учеников и последователей. Он ехал верхом на осле. В этот момент к нему подбежал Шамс. Схватив осла за поводья, он заговорил с Руми.

Сипахсалар излагает рассказ о встрече Руми и Шамса следующим образом. Шамсэддин из Тебриза приехал в Конью ночью. Он отправился в караван-сарай Пиринчджилер. Перед воротами караван-сарая стояла изящная скамья. Обычно на ней сидели какие-нибудь известные люди. Утром Шамс сел на эту скамью. Руми узнал, что Шамс прибыл в Конью. Утром, покинув свой счастливый дом, он пошел в том направлении, которое указал ему вещий сон. Встречавшиеся ему люди пытались приблизиться к Руми и выказать ему свое уважение, но вот внезапно взгляд Руми встретился со взглядом Шамса. Руми понял, что именно этот человек - тот праведник, который явился к нему во сне. Он ничего не сказал.

Мевляна Худавандигар подошел и сел на другую скамью, напротив Шамса. Некоторое время они сидели молча. Затем они начали беседу. Возможно, она звучала так:

Шамс: Скажи мне, кто более велик: Пророк Мухаммад или Баязид Бистами?

Руми: Что за вопрос? Конечно же, Пророк Мухаммад более велик.

Шамс: Да, но Мухаммад говорит: «Иногда на мое сердце спускается тень. И тогда я семьдесят раз ищущу покровительства у моего Господа и прошу простить меня». А Баязид говорит: «Я отрекаюсь от всего, что есть нечистого. Великое событие - мое появление на свет и мой облик», и еще: «Под одеждами, которые я ношу, нет ничего, что не было бы Богом». И он считает, что он сам более велик. Что думаешь по этому поводу? И что ты скажешь об этом?

Руми: Мухаммад каждый день поднимался на семьдесят уровней. И каждый раз, когда он поднимался на более высокий уровень, он стыдился себя - такого, каким он был на более низком, и просил прощения. С другой стороны, Баязид был изум-

лен величием первого уровня, которого он достиг. Он утратил самого себя и произнес эти слова.

После этой беседы Руми и Шамс встали со своих скамеек, обменялись рукопожатиями и обняли друг друга. Затем, встречаясь в небольшой келье Джелалэddина Заркуби, они шесть месяцев вели беседы²⁸. В «Ибтиданама» Султан Велед описывает их сближение и восхищение друг другом: «Когда Руми увидел лицо Шамса, для него стали явными тайны, он увидел невидимое, он услышал то, что никогда не слышал ни от кого другого. Это было так, словно тень Руми исчезла в сиянии святого света Шамса».

Описывая эту близость, эту истинную дружбу, эту божественную любовь, мы не можем сказать, что кто-то один из них был выше другого, или подчеркнуть разницу между этими двумя великими людьми, уточнив, кто именно стал чьим духовным наставником и кто стал чьим учеником. Следующие строки Амира Хусроу Дехлеви так описывают ситуацию, сложившуюся в жизни этих двух людей, возлюбивших Господа: «Я стал тобой, а ты - мной. Я стал плотью, а ты - душой. После этого никто не может сказать, что мы с тобой два отдельных человека».

Тот факт, что два этих великих святых встретились, полюбили друг друга, как два истинных друга Господа, и постоянно проводили время вместе, был плохо воспринят теми, кто их окружал. Ученики Руми, его студенты, известные имамы и другие служители веры и даже члены его собственной семьи не любили Шамса. Они не смогли увидеть и почувствовать истину, любовь и силу веры в Шамсе, который стал оказывать такое влияние на Руми.

²⁸ *Risale-i Sipahsalar*, p. 171.

Жена Руми Карра-хатун рассказывала, что до появления Шамса Руми обычно до рассвета при свете высокой свечи читал и перечитывал книгу своего отца Бахауддина Веледа «Ма'ариф». Шамс не только удерживал его от чтения книги его отца, но он также не позволял ему читать сборник стихов ал-Мутанабби, который Руми очень любил, и вообще какие бы то ни было книги. Причиной этого было то, что Шамс придавал решающее значение движению души, Божественному Вдохновению и Божественному Влечению, но не тому знанию, которому суждено быть забытым, которое ложится тяжкой ношей на человека и только разжигает в человеке самомнение. Знание сердца нельзя обрести из книг.

Шамс был убежден, что если даже человек проживет шесть тысяч лет, если ему будет дарован срок жизни, в шесть раз превышающий век Ноя, то, что будет даровано усилиями шести тысяч лет борьбы, не сможет сравняться с Божественным Вдохновением, полученным благодаря единению с Господом на одно мгновение. Шамс считал одинаково важными беседы и Божественное Влечение. Он утверждал, что знание не есть конечный результат, но лишь средство, позволяющее нам понять нашу неспособность осознать истину и приблизиться к Богу. Таким образом, лишая Руми того, что тот очень любил, Шамс старался еще больше приблизить к Богу Руми, который и так уже был к Нему близок.

Он отвлекал Руми, который большую часть своего времени читал книги в большом зале медресе, от того, чтобы он занимался только этими книгами. Он также не позволял кому-либо навещать его. Сидя у ворот медресе, Шамс спрашивал тех, кто приходил увидеть Руми: «Что ты несешь, как дар прощения и благодарности? Покажи мне это, а я покажу тебе Руми». Както раз один из пришедших разозлился на этого непонятного человека и спросил: «А что ты сам принес, из-за чего теперь мы то-

же должны нести что-то?» Шамс ответил ему: «Я принес самого себя. Я принес свою голову ему в жертву».

В «Ибтиданама» Султан Велед описывает, насколько близок был Шамс к Руми и как сильно он влиял на него: «Когда люди увидели эту привязанность, эту верность, этот экстаз и эту любовь, они позавидовали и начали роптать. Шейхи и другие важные люди открыто распространяли слухи и сплетни, говоря: «Что это за человек, который так изменил Руми? Ведь никто из нас не видит ничего хорошего в Шамсе, так почему же Руми смотрит на него, как на человека более благородного, и почитает его? Он не обладает ни духовным богатством, ни познаниями. Возможно, что нам придется называть его человеком с Божественным Взором и считать, что глаза его сердца открыты?» Когда Шамс увидел, что ситуация начинает ускользать из-под контроля и против него готовы выступить очень многие, он внезапно исчез. Проведя в Конье пятнадцать месяцев и двадцать дней, 15 февраля 1246 года Шамс покинул город.

В «Ибтиданама» Султан Велед пишет, что Руми был чрезвычайно опечален отъездом Шамса и не желал видеть тех, кто стал причиной их расставания. Он также сообщает, что эти люди раскаялись в содеянном, и Руми простил их²⁹. Султан Велед пишет, что, покинув Конью, Шамс сразу направился в Дамаск. Однако Сипахсалар утверждает, что никто не знал, куда Шамс уехал из Коньи. Через некоторое время он прислал Руми письмо из Дамаска, и только тогда стало ясно, что Шамс отправился именно в Дамаск.

Получив от Шамса письмо, Руми написал ему ответ. Поскольку в те дни не было почтовой службы, подобной нынешней, письма возили специальные курьеры, и на это уходило много времени. В книге Афлаки «Манакиму'л-Арифин» приводятся че-

²⁹ *Ibtidaname*, pp. 61-65.

тыре письма к Шамсу, которые Руми написал стихами. Из этих поэтических стихов я привожу несколько строф в качестве примера их бесед:

«О свет моего сердца, приди! О цель всех моих устремлений, приди! Ты знаешь, что наши жизни - в твоих руках. Не делай трудной сладкую жизнь. Не мучай своих рабов, приди! О любовь, о возлюбленный, преодолей все преграды, забудь упрямство и приди!

О ты, кто своим изяществом украшает землю! Я шлю тебе приветствия. Знай, что мое здоровье и моя болезнь - в твоих руках. Если даже я не болен физически и служу тебе, мой дух и мое сердце, конечно же, с тобой.

Да будет долгой жизнь нашего почтенного господина. Да будет Всевышний его защитником и покровителем. Пусть никто не останется без любви и с застывшим сердцем в его обществе, приносящем тепло и радость, полным мягкости и прекрасной беседы».

Получив письмо от Шамса, Руми позвал к себе Султана Веледа и сказал: «Будь моим посланником. Попроси его оказать мне услугу. Те, кто плохо обращался с ним, исполнены сожаления. Пусть он будет добр к нам и вернется». Султан Велед с готовностью принял на себя эту миссию, он тоже очень любил Шамса и видел все величие Шамса, понял его сущность. Описывая свое путешествие в Дамаск, Султан Велед рассказывает: «Я бежал, не ощущая усталости. Я пересекал горы, обращая внимание на них не больше, чем на кучи сена. Терновник на моем пути казался мне подобным розам».

Афлаки пишет, что с Султаном Веледом отправились еще двадцать спутников. Они нашли Шамса в Дамаске. Султан Велед выполнил все, что поручил ему Руми. И он согласился на просьбу вернуться в Конью. Султан Велед и его друзья оставались в Дамаске еще несколько дней... Отдохнув, они направились в Конью. Шамс ехал вместе с ними.

Когда караван из Дамаска приблизился к Конье, Султан Велед послал вперед гонца к своему отцу. Получив хорошие вести, Руми выехал из города вместе с дервишами, важными чиновниками и своими слугами навстречу каравану. 8 мая 1247 года Шамс вновь почтил Конью своим приездом. Когда Шамс увидел Руми, он слез с лошади, и они обнялись. Два моря сокровенных знаний еще раз соединились.

Когда Шамс вернулся в Конью, его противники вначале сожалели о том, что они совершили. Как и Руми, Шамс простил их, ибо оба они, и Руми, и Шамс, были истинными мусульманами. Ведь хорошо известно, что Пророк простил тех, кто бросал в него камни в Тайфе и ранил ему ноги. Руми уже простил тех, кто выступал против Шамса и распространял о нем сплетни. Шамс поступил так же, он был снисходителен к тем, кто плохо обращался с ним, и простил им их проступки. Было организовано несколько церемоний сама (т.е. с исполнением ритуальных танцев), и оба - Руми и Шамс получали приглашения от разных людей.

Но исполненные радости и восторга дни сама длились недолго. Вновь на поверхность выплыли обида и зависть. По городу поползли слухи и сплетни про Шамса. Вскоре за этим последовали ложь и клевета, которые вырвались из-под контроля.

На этот раз дело обстояло гораздо более серьезно. Как рассказывает Султан Велед, Шамс, не в силах более выносить оскорбления и угрозы, сказал: «На сей раз, когда я покину город, я сделаю это так, что никто не найдет моего следа. Я исчезну так, что пройдет время, и не найдут даже пыли от моего следа. Будут говорить: "Наверное, какой-то его враг убил его"».

Уезжая из Дамаска с Султаном Веледом и его друзьями, Шамс был исполнен великих надежд и мечтаний, что помогло ему пересекать горы и реки. Теперь его постоянно преследовали эти духовно незрячие люди, которые завидовали ему, его пре-

данности Руми, уважению, которое Руми питал к нему, и их духовной близости. Поскольку Шамс был очень благородным человеком, он скрывал от Руми все нападки на себя и сплетни замышляющих зло завистников. Жена Шамса Кимия, которую он очень любил, умерла вскоре после свадьбы. Шамс был велик духом, но он тоже был человеком. Смерть жены, с одной стороны, сплетни и слухи, с другой, измучили его. У него не было больше сил противостоять оскорблениям и угрозам. Его удерживали только привязанность к Руми и истина, которую он видел в нем, но все же в декабре 1247 года как-то в четверг Шамс исчез.

Как пишет Сипахсалар, утром в день исчезновения Шамса Руми отправился в медресе. Не найдя Шамса, он чрезвычайно опечалился, немедленно отправился в комнату, в которой спал Султан Велед, и окликнул его: «Бахаэддин, почему ты еще спишь? Вставай и иди искать шейха. Наши души вновь лишились его благоухания»³⁰.

С другой стороны, Афлаки приводит две версии исчезновения Шамса. Согласно рассказу Султана Веледа, Шамс и Руми сидели вместе, когда кто-то окликнул Шамса с улицы. Шамс сказал Руми: «Они призывают меня на смерть». Помолчав некоторое время, Руми процитировал следующие строки из Корана: «И разве не Ему дано творить и повелевать? Благословен Аллах, Господь [обитателей] миров» (Св. Коран, 7:54). Услышав это, Шамс вышел наружу. Семь человек, которые поджидали его там, набросились на него с ножами. Шамс испустил крик, и все они потеряли сознание. Когда Руми услышал крик Шамса, он сказал: «Всевышний поступает по Своей воле и судит, как Он пожелает». Когда нападавшие на Шамса пришли в себя, они увидели на земле несколько капель крови, но Шамс исчез.

³⁰ *Risale-i Sipahsalar*, p. 179.

Второй рассказ Афлаки гласит следующее: Шамс был убит, и его тело бросили в колодец. Однажды ночью Шамс явился во сне Султану Веледу и показал ему колодец, в который было брошено его тело. Султан Велед с несколькими друзьями отправился к колодцу, достал оттуда тело Шамса и похоронил его недалеко от медресе Руми, возле могилы Амира Бадрэддина Гавхарташа, который и построил медресе.

В свете этих рассказов, которые изукрасила фантазия, в голову приходит мысль, не исчез ли Шамс так, как он и сказал: «Я уеду таким образом, что никто не найдет меня». Уехал ли он в путешествие, из которого не было возврата, или принял мученическую смерть? Только Богу известна правда.

Анализируя два рассказа, изложенные Афлаки, мы можем прийти к определенным выводам. Когда Шамс был с Руми, его позвали на улицу, и он больше никогда не вернулся, и после этого его никто не видел. Может быть, его похитили? Или его убили? Или помогли ему уехать из Коньи? Может быть, Шамс уехал в Дамаск, как и в прошлый раз? Ответов на эти вопросы нет. Единственное, о чем можно сказать с уверенностью, так это о том, что Руми ничего не знал о мученической кончине Шамса. Может быть, эту трагедию держали в тайне от Руми? Произошла ли вообще эта трагедия на самом деле? Как можно было скрыть истину от великого праведника? Ведь Руми с самого начала узнал о приезде Шамса в Конью благодаря святому свету праведности, как пишет об этом Сипахсалар, он сразу направился в караван-сарай Пиринчджилер, где остановился Шамс, и разыскал его. Значит, он бы знал, что Шамс принял мученическую смерть, и не ездил бы дважды в Дамаск в поисках его. Как пишет Абдулбакы Гелпынарлы (умер в 1982 году), «Коранические строки, процитированные Руми, крик Шамса, обморок убийц и несколько капель крови на земле - все это эпические составляю-

щие, свидетельствующие о том, что в этих событиях имело место мистическое мышление»³¹.

Руми после исчезновения Шамса

Султан Велед следующим образом описывает состояние Руми после исчезновения Шамса: «Руми почти потерял рассудок. Известный шейх, который толковал духовные установления и давал заключения, превратился в пылкого поэта любви. Он был аскетом, а стал трактирщиком, но не тем трактирщиком, который пьет и продает вино, сделанное из винограда. Дух, который принадлежит Святому свету, не пьет ничего, кроме вина света»³². День и ночь Руми кружился в сама, и его плач слышали все, молодые и старые. Он все отдавал бедным. Тем, кто утверждал, что они видели Шамса. Руми, если у него не было с собой денег, отдавал свои одежды. Как пишет Султан Велед, «Некто сказал Руми, что он видел Шамса. Руми отдал ему свою одежду. Руми сказали: “Этот человек лжет. Его слова не имеют под собой никакого основания. Почему ты отдал ему свою одежду?” Руми отвечивал: “Что бы я ни отдал ему, было, право же, ради этой лжи. Если бы его слова были правдой, я отдал бы ему свою жизнь”»³³.

В книге «*Ибтиданама*» Султан Велед пишет, что в поисках Шамса Руми поехал в Дамаск, и там многие люди стали его учениками и последователями. Жители Дамаска со времен Адама не видели такой братской любви, и они восхищались Шамсом, как великим праведником, поскольку такой редкий человек, как Руми, искал его. Султан Велед продолжает: «Руми не смог найти Шамса в Дамаске, но он увидел, что истина и тайна Шамса проявились, подобно луне, в небе его существования, и сказал:

³¹ Abdalbaki Golpinarli, *Mevlana Celaleddin Hayati*, p. 84.

³² *Ibtidaname*, pp. 64-65; 249-251.

³³ Baha al-Din Valad, *Ma'arif*, (рукопись в Библиотеке Стамбульского университета), Folio 38b.

“Физически мы далеки друг от друга, но за пределами души и тела мы суть один свет. Увидишь его или увидишь меня, о ищущий, я - это он, и он - это я”».

В «*Ибтидана*ме» Султан Велед пишет о духовном единстве Шамса и Руми: «Шамс из Тебриза и мой отец - да благословит Всевышний тайны их обоих - были среди высших из возлюбленных слуг Господа. Они были единым целым, одним светом праведности. Различны внешне, но едины в истине». Он повествует о том, что несколько лет спустя Руми еще раз вместе со своими учениками поехал в Дамаск. Он оставался там несколько месяцев.

Точные даты как первой, так и второй поездок Руми в Дамаск не известны. Султан Велед пишет, что его отец предпринял первую поездку в Дамаск через несколько дней после исчезновения Шамса, но не сообщает, сколько времени он пробыл в Дамаске. Второе путешествие состоялось несколькими годами позднее.

Когда Руми, несмотря на все его поиски Шамса, не сумел найти друга, он утратил надежду. До него также дошли слухи об убийстве. Кроме того, он узнал, что во всей этой истории был замешан его сын Алаэддин Челеби. Он обрел утешение в выражении своих чувств посредством стихов, исполненных любви и тоски. Я хочу поделиться с вами одним из многих стихотворений, полных тоски:

О Друг Сердца! Какая жалость, ты уехал и оставил нас, исполненных печали и тоски.

Я знаю, что ты не хотел покидать нас. Ты печалился и жаловался. Но все это было бесполезно. Ты подчинился непререкаемому суждению и ушел, и исчез.

Ты стремился везде и всюду. Ты искал средства, чтобы переменить ситуацию и остаться с нами, и искал предлоги. Но ты не нашел никакого средства, и ты ушел, не имея никакого средства.

Что произошло с твоими коленями, на которых лежали розы, с твоим сияющим ликом, подобным луне? Как это случилось, что ты оказался погребенным тайно и с позором?

Почему ты оставил собрание твоих друзей и ряды твоих друзей, которые всегда были с тобой, и оказался под землей, рядом с муравьями и змеями?

Что произошло с этими словами, исполненными смысла, и прекрасными речами? Что случилось с разумом, которому были известны божественные тайны?

Что произошло с этими руками, которые держали наши руки? Что произошло с этими ногами, которые шли к садам Мерам, к розовым садам?

Ты был изящен и милосерден, ты знал, как привлекать к себе сердца людей и как любить людей. Теперь ты предан земле, которая не любит людей и поглощает их.

Что произошло? Какая мысль пришла тебе в голову, что ты пошел по неверной и трудной тропе?

Когда ты, плача, пошел по этой тропе, небеса тоже начали проливать слезы, а луна расцарапала себе лицо.

Мое сердце наполнено болью. Что я знаю? О чем мне следует спрашивать? Скажи мне, ты уходил в полном сознании?

Теперь, когда ты покинул нас, избрал ли ты общество праведников и возлюбивших Господа? Или ты был лишен любви? И уходил в отрицании?

Что произошло с этими нежными ответами, которые ты давал на задаваемые тебе вопросы? Теперь ты не участвуешь в беседах и прекратил разговоры.

Что это за огонь? Что это за тоска? Словно гость, ты никому ничего не сказал и удалился.

Куда ты ушел? Даже пыль от твоего следа невозможно найти. Дорога, по которой ты ушел в этот раз, — действительно дорога, полная крови³⁴.

³⁴ Оригинал этого стихотворения см. в издании, подготовленном профессором Фирузанфаром: *Divan-i Kabir* (Tehran: Majles, 1954), No. 2648.

Из этих двух великих праведников, которые видели истину друг в друге и восхищались друг другом, кто стоял выше?

Было бы ошибкой сравнивать двух праведников, которые растворяли свое «я» в божественной любви. Это были святые личности, которые очистились от всей земной, человеческой скверны, освободились от физических желаний, были благословены проявлениями Господа, погружены в океан Единства и стерли свои личности. Они не могут быть один выше другого. Разве не один и тот же солнечный свет отражается во многих зеркалах, которые чисты от пыли и грязи? Разве эти лучи можно отличить один от другого?

Когда Руми искал Шамса в Дамаске с сердцем, пылающим болью тоски, жители Дамаска были зачарованы знаниями Руми, его собственным стремлением к познанию Бога и любовью к Всевышнему. Те, чьи глаза были поражены светом праведности Руми, с удивлением увидели, что великий духовный вождь и наставник ищет себе духовного наставника. Подобно тому, как Руми искал Шамса, так и сам Шамс когда-то искал Руми. Шамс не мог обрести то, что он искал, ни в знаменитых шейхах, ни в духовных наставниках в тех многих городах, где ему довелось побывать. Но когда он встретил Руми, то сказал: «С тех пор как я покинул свой родной город, я не видел другого наставника, кроме Руми. В Руми я нашел, наконец, то, что искал».

Что эти двое увидели друг в друге? Что они нашли? Они стали зеркалом друг для друга. Они превзошли уровни общения шейха, духовного лидера, ученика и учителя и увидели то, что было у них внутри. Следовательно, нет смысла считать кого бы то ни было из них учителем и наставником другого. Зачем нам забивать себе голову такими мыслями? Зачем уверять себя, что между ними была какая-то разница? Нам следует знать только то, что оба они были из числа самых выдающихся ученых, философов и духовных наставников эпохи. Между ними было мно-

го сходства во мнениях и воззрениях. Было бы огромной ошибкой считать Шамса всего лишь довольно необычным дервишем, который пробудил интерес великого ученого Руми и привел его к вершинам духовного экстаза, не видя при этом познаний самого Шамса и его учености.

Подобно Руми, Шамс был великим ученым. Как видно из его книги «Макалат», подробные разъяснения, которые он приводит по самым разным предметам, свидетельствуют о его знаниях комментариев к Корану (тафсир), хадисов (преданий о жизни Пророка, его высказывания и изречения), поэзии и наук того времени. Подобно Руми, он не любил абстрактную философию как таковую. Согласно Шамсу, достичь Истины можно только придерживаясь пути Пророка, воздерживаясь от хвастовства, добываясь духовного богатства, живя в соответствии с заповедями своей веры и стремясь к Божественной любви. Как и Руми, Шамс был среди тех, кто возлюбил Пророка. Руми утверждал: «Я есмь прах под ногами Мухаммада Мухтара», Шамс говорил так: «Я бы не сменял кажущееся самым ничтожным замечание из сунны на книгу вроде «Ал-Рисалах» Кушайри^{*} или же другое столь же важное исследование. По сравнению с хадисами, все эти книги становятся скучными и безвкусными».

Взгляды Руми и Шамса были сходны. Они считали необходимым подчинение Закону, продвижение религиозной практики от имитации до сознательного уровня и продвижение по тропе веры и любви без того, чтобы гласно хвалиться этим. Может быть, между ними можно узреть некоторые различия в плане методологии. Руми был более осторожен, Шамс был пылким энтузиастом. Но если бы на его жизненном пути не встретился Шамс, Руми стал бы вторым Султаном ал-Улема. Может быть,

* Книга Абу ал-Касима ал-Кушайри (умер в 1072 году от Р. Х.) «Ал-Рисалах» — одно из самых ранних произведений, посвященных суфизму. — Прим. автора.

в «Маснави» он написал бы притчи, сходные с теми, которые мы читаем в «Мантик ал-Тайр» Фаридэддина Аттара (умер в 1229 году от Рождества Христова). Но тогда не были бы написаны пылкие любовные стихотворения, не возник бы «Диван-и Кабир».

Как пишет Абдулбаки Гелпинарлы, «Если бы не появился Шамс, Руми не стал бы Руми, а оставался бы шейхом из числа многих шейхов и суфием из рядов бесчисленных суфиев. Но остается также верным тот факт, что, если бы Руми не встретился с Шамсом, никто и никогда даже не услышал бы о Шамсе. Руми был уже готов к божественному экстазу. Он был подобен масляной лампе - вычищенной, заправленной маслом, с подготовленным фитилем. Чтобы эта лампа вспыхнула, достаточно было одной искры. Шамс и стал этой самой искрой. А затем Шамс стал подобен мотыльку, которого влечет пламя лампы. Он отдал этому пламени свою жизнь и присоединился к свету. Шамс был зеркалом Руми. Руми увидел в нем истину, охватывающую весь мир и самого себя. И он влюбился в себя самого и хвалил себя самого».

Шамс из Тебриза - всего лишь предлог.

Мы - это тот, чью красоту восхваляют.

Мы - это тот, чью щедрость воспевают.

Но сокройте эту истину от людей, сказал он:

«Он - милосердный государь, а мы - бедняки».

Если бы люди могли видеть, что сокрыто в них, и видели истину друг в друге, подобно Руми и Шамсу, этот мир стал бы раем. Руми говорит: «Наши тела, которые мы видим в этом мире, - по сути, это тени нашего реального существования. В действительности мы живем над этими теньями».

Мы живем сегодня в другом мире, в век атома, в век, когда люди гонятся за материальным достатком. Встречаются ли сейчас такие люди, как Руми или Шамс? Новые праведники не приезжают из Хоросана в Анатолию. Они не приезжают, но и

страны ислама не пустые. Как хорошо сказал Баба Кемаль Ходжанди: «Не думайте, что все возлюбившие Господа, все праведники исчезли, и град любви опустел. Мир наполнен людьми, подобными Шамсу из Тебриза, Но где же люди, подобные Руми, чтобы разглядеть в них истину?»

Руми отринул надежду найти Шамса живым и перестал искать его. Он понял, что не сможет найти Шамса ни в Дамаске, ни где бы то ни было еще, однако, как это сформулировал Султан Велед, он обрел его в своем сердце. Но его глаза продолжали искать друга сердца, подобного Шамсу. И пусть его семья, его сыновья, друзья, студенты и ученики окружали Руми, он ощущал пустоту внутри и испытывал чувство одиночества. Право же, величайшим другом каждого человека является Господь. Разве Он не говорит: «Где бы вы ни были, Он всюду с вами, и видит Аллах все, что вы вершите» (Св. Коран, 57:4)? Руми выразил эту истину такими словами: «Кто-то сокрыт здесь. Не думайте, что вы одни».

Но Руми был необходим друг Господа, зеркало, горизонт духа, подобный Шамсу, который разделял бы эти чувства и позволил ему ощущать то, что было скрыто в нем. Без такого друга он не мог обрести покой. Позже Руми опишет суть зеркала духа в одной из притч из *«Маснави»*:

Зеркало души - это просто лицо друга, но лицо такого друга, который принадлежит к иным мирам (потустороннему миру).

Когда твои глаза стали глазами моего сердца, мое слепое сердце утонуло в море видения.

Я увидел, что ты - Универсальное Зеркало вечного: я увидел в твоих глазах мое собственное отражение.

Я сказал: «Наконец я обрел себя: в его глазах я обрел сияющий Путь».

(Но) мое отражение подало голос из твоих глаз (и сказало): «Я - это ты, а ты - это я в (безупречном) единстве»³⁵.

После Шамса другом сердца Руми, зеркалом его духа стал Салахэддин из Коньи. Руми избавился от одиночества духа с этим спутником и обрел друга сердца, обрел мир и покой.

Шейх Салахэддин Заркуби или золотых дел мастер из Коньи

Салахэддин Фаридун родился в деревне недалеко от Коньи. Его отца звали Яги Басан. Их деревня находилась на берегу озера Бейшехир, семья зарабатывала на жизнь рыбной ловлей. Салахэддин переехал в Конью, обучился ювелирному мастерству, открыл мастерскую и лавку и этим зарабатывал на жизнь. Салахэддин был достойным и глубоко религиозным человеком, который в свое время стал последователем близкого друга и ученика отца Руми, Сейида Бурханэددина, и под его руководством продвинулся по тропе суфизма. Его манеры, искренность в вере и преданность Всевышнему были таковы, что он сам стал шейхом и признанным последователем своего собственного наставника Сейида Бурханэددина.

Шейхи очень любили этого чистого человека, возлюбившего Господа. Как передает Афлаки, Сейид Бурханэддин говорил о Салахэддине Заркуби так: «Я добился двух вещей благодаря моему шейху Султану ал-Улема: Одна из них - это искусство внятной беседы, а другая - это высокая степень духовного богатства. Я передал искусство внятной беседы мевляне Джалаледдину, поскольку он обладает огромным духовным богатством. Свое же духовное богатство я передал шейху Салахэд-

³⁵ Muhammad b. Muhammad b. Husayn Mevlana Jalal al-Din Rumi, *Mesnevi*, translation and commentary by Olgun Tahir Mevlevi (Istanbul: Ahmet Said Matbaasi, 1967), vol. II, no. 96, 99-101, 103.

дину, поскольку он им не обладал». Надо признать, что Салахэддин был неграмотен, но при этом он был очень благочестивым, искренним и сияющим верой человеком. Он отдал свое сердце божественной любви и обрел духовное богатство.

Когда шейх Сейид Бурханэддин переехал в Кайсери, Салахэддин вернулся в свою родную деревню. Там он женился, у него родились дети. Как-то в пятницу он приехал в Конью, чтобы совершить пятничную молитву в мечети Абу-л-Фазла. После молитвы Руми начал читать свою проповедь, говоря при этом очень пылко и очень красиво. В тот день в своей проповеди Руми говорил о духовном богатстве, о добродетелях и о божественной любви Сейида Бурханэddина. Золотых дел мастер Салахэддин внимательно слушал слова Руми, когда вдруг в образе Руми он увидел своего шейха Сейида Бурханэddина. Это выглядело так, словно Руми ушел, а вместо него пришел Сейид Бурханэddин, сел на его место и начал говорить эти пылкие и прекрасные речи. Салахэддин не смог удержаться. Вскочив, он закричал и бросился вперед. Добежав до того места, где читал проповедь Руми, он упал к его ногам. Это событие произошло после кончины Сейида Бурханэddина в 1239 году, еще до приезда Шамса в Конью в 1244 году.

Салахэддин Заркуби очень любил Руми. Он относился к нему с глубоким уважением, поскольку оба они получили благословение от одного и того же шейха, Бурханэddина Термези. Оба они принадлежали к одному и тому же братству *кубравийя*, оба они растворились в Господе. Руми тоже очень любил шейха Салахэddина и обычно оказывал ему разные услуги. Однако поскольку Руми был тесно связан с более близким ему другом сердца, он вначале не выказывал особого интереса к шейху Салахэddину. Когда же он утратил надежду найти Шамса, он всем своим сердцем и со всем вниманием обратился к Салахэdd-

дину. Он избрал его своим ближайшим последователем и призвал всех своих друзей и учеников следовать за Салахэджином.

Поскольку при истолковании истины или при обучении своих последователей Руми никогда не ограничивался терминологией и методикой, принятой среди других великих суфиев, он никогда не придерживался строгого кодекса правил. Он говорил: «Я не знаю многого. Я опьянен чашей божественной любви». Им завладели божественная любовь и экстаз, и у него не было времени заботиться «о том и об этом».

Руми не занимался с людьми, которые стремились вступить в его братство. После встречи с Шамсом он передал эту обязанность одному зрелому шейху из числа своих избранных друзей. Когда он возложил долг духовного лидерства на Салахэджина, то сделал то же самое. В этом новом друге своего сердца, в шейхе-ювелире, он увидел божественный свет Шамса и начал смотреть на него как на воплощение Шамса. Султан Велед рассказывает нам о том, каким образом Руми сделал Салахэджина другом своего сердца и своим спутником: «Когда он обрел в Салахэджине священный свет и отражение Шамса, он сказал своим друзьям: “С сего момента я больше ни в ком и ни в чем не нуждаюсь. Я не хочу более быть шейхом. С сего момента ваш шейх - Салахэджин. Стремитесь обрести его благосклонность и следуйте за ним”. Он призвал меня и сказал мне: “Взгляни на лицо Салахэджина, это сам Шамс. Теперь ты тоже должен следовать за ним”». Описав это в «Ибтиданаме», Султан Велед продолжает: «Я с радостью воспринял приказ моего отца и последовал за Салахэджином». Увидев в этом старом неграмотном золотых дел мастере священный свет Шамса, Руми очень привязался к нему. Как пишет Афлаки, Руми часто повторял тем, кто любил его: «Не говорите о Шамсе в присутствии Салахэджина и не говорите о Салахэджине в присутствии Хусамэджина. Между ними нет раз-

личий, но это противоречит хорошим манерам. И праведникам присуща Божественная Ревность».

Привязанность Салахэддина к Руми была также бесконечна. Однажды он сказал Руми: «Во мне были источники света, но я сам не осознавал этого. Ты открыл их и позволил им изливаться беспрепятственно и полноводно». Как пишет Сипахсалар, однажды Руми проходил мимо ювелирной мастерской Салахэддина, и от равномерных и гармоничных звуков удара молотка по металлу он впал в экстаз и начал вертеться в ритуальном танце. Когда Салахэддин увидел это, он продолжал бить по золоту, не беспокоясь о том, что золото под его молотком придет в негодность.

Афлаки описывает эту встречу, коротко обрисованную Сипахсаларом, более подробно. Когда Салахэддин увидел Руми, приближающегося к его мастерской, он оставил работу своим подмастерьям и вышел на улицу. Когда Руми увидел его, они обнялись и расцеловались и начали вместе ритуальный танец. Но старый ювелир Салахэддин, который ослабел вследствие своего аскетического образа жизни, заметил, что он не может вращаться в танце так, как это делает Руми. Он остановился, и Руми не настаивал, чтобы он продолжал танец. Салахэддин приказал своим помощникам продолжать ритмично стучать по золоту, не думая о том, что же с этим золотом станет. Таким образом Руми один кружился в ритуальном танце от полудня и почти до вечера, и во время этого танца он читал оду, начинающуюся следующими строками:

Сокровище смысла было явлено мне в мастерской этого ювелира.

Какой благозвучный мотив, какой приятный смысл, какая красота, какая красота!

Те, кто был лишен божественной любви, кто не мог побороть свои физические желания при помощи аскетического образа жизни и молитвы, теперь завидовали золотых дел мастеру Салахэд-

дину, как ранее они завидовали Шамсу. Это произошло по той причине, что после исчезновения Шамса Руми избрал этого ювелира своим спутником и другом Господа, просил их признать Салахэддина шейхом и повиноваться ему. Султан Велед описывает эту ситуацию в «Ибтиданама», и никто не мог бы рассказать об этом лучше.

Султан Велед пишет, что те жители Коньи, которые не могли узреть глубину его веры, чистоту божественной любви и духовное величие, решили избавиться от этого праведного золотых дел мастера Салахэддина: «Они все собрались вместе. Они решили так и сказали: “Тот, кто изменит своему слову, станет отступником от веры”». Один из них сумел покинуть ряды заговорщиков. Он принес Руми известие о том, что произошло, и о том, какое решение было принято. Эта новость достигла ушей Салахэддина, света очей и зеницы ока всех тех, кто видел путь истины. Услышав об этом решении, Салахэддин многозначительно улыбнулся и сказал: «Это слепцы, это неверующие, это грубые люди, которым ничего не известно о той истине, что даже клочок сена не может быть сдвинут с места, если на то не будет воли Божьей. Кто может попытаться убить меня, пролить мою кровь, если на то не будет дозволения Господа?»

Как сам Руми был исключительно предан этому другу Господа и зеркалу своего сердца, так и его истинные ученики и его сыновья тоже восприняли его как духовного отца и последовали за ним по тропе познания Всевышнего. Как пишет Сипахсалар, во время беседы, когда Руми произнес слово «хум» («кувшин» по-персидски) как «хумб», один из присутствовавших попытался поправить Руми. Руми отвечивал: «Да, я знаю, что правильно это слово произносится «хум». Но поскольку Салахэддин всегда произносит это слово как «хумб», я поступаю так, как поступает он». И этими словами Руми заставил замолчать неделикатного педанта.

Хотя золотых дел мастер Салахэддин был неграмотен и никогда не посещал никакой школы, он был великим праведником, далеко продвинувшимся по пути духовного познания. Нам следует помнить, что каждый, кого столь возлюбивший Господа человек, как Руми, любит и делает своим спутником, по определению является великим праведником и безупречным человеком. Каждый друг, которому он находит место в своем сердце, также праведен и безупречен. Думать о них иначе и выискивать их ошибки, было бы сущей слепотой и несправедливостью.

К сожалению, жители Коньи не понимали этих друзей Всевышнего. Пусть шейх Салахэддин был неграмотен, но он был благословлен шейхом Бурханэдином Термези. Шамс из Тебриза тоже любил его. Иногда мы видим людей, которых Господь одарил познаниями, причем без того, чтобы им пришлось перечитать горы книг или годами учиться в школах. Иногда знания, книги, философия и таланты одевают человека высокомерием и эгоизмом. Салахэддин, золотых дел мастер, который никогда не учился в школе, но наслаждался обществом философов, был осенен милостью Божией. Из его скромной мастерской Руми явилось духовное сокровище, а из его сердца, не обремененного схоластическими познаниями, исходил источник познаний потустороннего мира. С помощью Господа он стал шейхом шейхов, и именно так обращается к нему Руми в одном из своих писем: «Салахэддин, шейх шейхов, султан шейхов, праведник Божий на Земле, свет Божий среди простых смертных, сын духа и сердца Сейида Бурханэдина, единственный истинный последователь Сейида, дух стремящихся к познанию, благословенный священным светом Господним, властитель сердца и людей сердца, полюс двух миров, сберегающий истину и веру».

Шейх Салахэддин был очень мягким и деликатным человеком. Он был всем сердцем предан молитве и аскетическому образу жизни и был известен как человек, который стремится во

всем ограничивать себя и подавлять свои телесные устремления. Тот факт, что он столь спокойно воспринял новость о заговоре с целью убить его и никогда ничего не боялся и не проявлял беспокойства, показывает, насколько аскетический образ жизни и постоянные молитвы укрепили его волю. Султан Велед следующим образом описывает его деликатность и его талант вести за собой последователей: «При нем пылкость Руми немного успокоилась. Его талант вести за собой был иного рода. Его воздействие было более сильным, чем у кого-либо еще. То, к чему стремились праведники и чего достигали годами молитв, он обрел в одно мгновение, одним вздохом. Он открывал тайны, не пошевелив губами или языком. Человек обретал благодать от самого факта его присутствия, даже если он не говорил ни одного слова и вообще не издавал ни одного звука, это было подобно тому, что он говорил напрямую с сердцем каждого. Его слова в молчании передавались от сердца к сердцу».

Когда те, кто не мог понять духовное величие и богатство Салахэддина, увидели ту любовь и уважение, которые Руми при каждой возможности выказывал золотых дел мастеру, то устыдились слухов и сплетен, которые сами распространяли, и пожалели о своей зависти. Более того, поскольку противники Салахэддина не посещали собрания, они уже и без того впали в уныние. Они не могли более нести подобную ношу и вновь приняли единое решение. Все вместе они отправились к шейху Салахэддину и к Руми с выражениями своей вины и сожалениями. Они кричали, плакали, умоляли, каялись и, наконец, были прощены. С этого момента прекратились все сплетни, и люди успокоились. Все проводили время в радости и упоении.

Примерно в это же время Руми устроил свадьбу своего сына Султана Веледа и дочери Салахэддина Фатимы-хатун. Руми был очень доволен тем, что его сын женился на дочери его спутника и последователя, Салахэддина. Султан Велед пишет, что его

отец и шейх Салахэддин прожили в радости и счастье десять лет. Жители Коньи душевно радовались и обретали просветление от них обоих, но десять лет спустя шейх Салахэддин заболел и покинул этот мир 29 декабря 1258 года.

Руми был очень опечален физической кончиной своего дорогого друга. Он прощался с ним на похоронах, где присутствовали все видные жители Коньи. Когда Салахэддин почувствовал приближение своей кончины, он высказал свою последнюю просьбу: «Никогда не плачьте обо мне. Этот день - счастливейший из моих дней, ибо я воссоединюсь с моим Возлюбленным. Несите мой гроб весело, играйте на барабанах и тамбуринах и хлопайте в ладоши. Проводите меня до могилы, вертись в танце»³⁶. Поэтому Руми в своей элегии говорит: «Если бы ты хотел, чтобы я плакал, я бы проливал слезы, подобные дождю. Но лучше, чтобы мое сердце плакало тайно, проливая кровь». Руми полностью исполнил последнюю волю и завещание своего друга сердца и спутника. Барабаны, тамбурины и прекрасные голоса, расппевающие религиозные песни, сопровождали похоронную процессию шейха Салахэддина. Пока гроб несли по улицам, Руми с непокрытой головой совершал *сама*. Шейха Салахэддина похоронили рядом с могилой Султана ал-Улема. Это произошло в первый день месяца мухаррама 657 года хиджры, что соответствует 1258 году от Рождества Христова.

Жители Коньи вновь изумились тому обстоятельству, что били барабаны, пели песнопения и люди вращались в танце на похоронах шейха-арифа, который придерживался аскетического образа жизни, мало ел, мало спал, молился всю ночь до утра и тщательно следовал законам шариата. И делалось все это по его собственному желанию! Люди не одобрили, что Руми сам вертелся в танце, пока несли гроб. Те, кто был предан иск-

³⁶ *Ibtidaname*, p. 141.

лючительно внешней стороне обрядов, были разгневаны и выступили с осуждением. Те же, кто понимал законы ислама глубже, чем простое следование внешним ритуалам, не думали, что Руми или шейх Салахэддин отступили от законов ислама даже на один шаг. Они знали, что золотых дел мастер Салахэддин всегда был аскетом и всегда стремился тщательнейшим образом следовать законам шариата.

Руми продолжал выказывать свою преданность золотых дел мастеру и при его жизни, и после его кончины. Он заботился не только о нем, но и о его семье. Благодаря ему дочь Салахэдина Фатима-хатун научилась читать, писать и читать Коран. Если между Фатимой-хатун и ее мужем Султаном Веледом происходили какие-либо споры или ссоры, как это случается в каждой семье, Руми утешал Фатиму-хатун и советовал своему сыну не обижать жену и быть добрым к ней. Руми также демонстрирует свою преданность своему второму ближайшему другу в своей поэзии. Золотых дел мастеру Салахэддину посвящена семьдесят одна ода, которые можно прочесть в «Диван-и Кабир». Во время долгой болезни шейха Салахэдина Руми каждый день навещал его, чтобы поднять его дух. Шейх Салахэддин устал от своей долгой болезни, он хотел воссоединиться с Господом и попросил у Руми разрешения на это и просил молиться за него.

В конце этого раздела я хотел бы добавить следующее: по своему характеру шейх Салахэддин был терпеливым и спокойным человеком, который ценил молчание гораздо больше, чем разговоры. Поэтому в своей духовной дружбе с ним Руми обрел определенную долю умиротворенности. Очаг любви, в котором пылала божественная любовь, не угас, но пламя сокрылось под золой. Зарубцевалась рана, причиненная разлукой с Шамсом. Это было преходящее состояние и временный покой, поскольку Руми по природе своей был не таким человеком, который мог

долго оставаться на одном месте и спокойно пребывать в подобном состоянии. Ему всегда было необходимо двигаться дальше, стремиться вверх, пылать и вечно обжигаться в пламени любви к Господу. Однако он не был разлучен ни со своим отцом, ни с Сейидом Бурханэдином, ни с Салахэдином. На протяжении какого-то ограниченного времени он был обожен их любовью и взял от них то, что ему суждено было взять. И затем, обретая их в себе, в своем благословенном сердце, он продолжал свое страстие вместе с ними. Все эти великие люди оставались с ним - как этап обучения, образования, воспитания, пример морали, любви и веры в жизни Руми. Казалось, что Бог создал всех этих замечательных людей для того, чтобы Руми мог духовно расти, ибо, если бы Руми не почтил этих знаменитых людей, он сам не стал бы столь выдающимся человеком.

Руми продолжал продвигаться по тропе Господа, по пути истины вместе с возлюбленными, которых он разместил в своем сердце, как слуга Корана, возлюбивший Пророка Мухаммада (с.а.с.), и он не оставался на одном месте. Его конечной целью не были его смертные друзья. Его целью было пребывание с истинными друзьями, которые возлюбили Всевышнего, чтобы достичь Истинного Друга, Друга Друзей. Этот великий праведник, чье сердце было наполнено любовью к другу, любовью к человечеству и любовью к Господу, был факелом веры, факелом любви, не только для верующих его дней, но и для всех верующих и тех, кто любит Господа, на многие и многие века вперед.

Хусамэддин Челеби

После кончины золотых дел мастера Салахэдина Хусамэддин Челеби стал спутником и соратником Руми. Сипахсалар описывает Хусамэдина Челеби как человека, в котором был отчетливо виден божественный свет, учителя тайн истины и познания Господа, человека, которым гордятся праведники, следу-

ющие по пути Мухаммада. Его семья была родом из Урумий (город в средневековом Западном Азербайджане - прим. ред.), но переехала в Конью и осела там. Хусамэддин Челеби родился в Конье в 1225 году. Можно подумать, что Хусамэддин был родственником Руми, поскольку потомков Руми тоже называют Челеби. Однако «Челеби» означает также «воспитанный, знающий человек»; это слово используется при обращении к уважаемому почтенному человеку. Помимо титулования «Челеби» Хусамэددина также именовали почетным титулом «Ахи Тюркоглу». Настоящее имя Хусамэددина Челеби было Хусамэддин Хасан. Его отца звали Мухаммед, а его деда - Хасан.

Дед Хусамэددина Челеби был великий праведник шейх Таджэддин Абу ал-Вафа, курд по происхождению, который скончался в Багдаде в 1107 году. Хотя этот праведник был неграмотен, он был мудрецом и арифом. Некоторые члены общины, которые ценили только уровень образования, высокое положение, богатство и красивую наружность, попросили его прочитать им проповедь, стремясь смутить и сконфузить великого праведника. Шейх Абу ал-Ваха ал-Курди ответил: «Если будет на то воля Господня, я прочитаю проповедь завтра. Приходите». В эту ночь он искренне воззвал к Господу, совершил все положенные молитвы и лег спать. Во сне он увидел Пророка Мухаммада. Пророк поделился доброй вестью с безграмотным курдским праведником: «Господь дал ему знать о Себе через Свои имена *Алим* (Всезнающий) и *Хаким* (Премудрый)». На следующий день, когда он сел на *курси*, или стул, чтобы начать свою проповедь в мечети, его первой фразой было: «Ночью я лег спать неграмотным курдом, а утром проснулся просвещенным арабом». Он прочитал очень красивую, очень грамотную и полную глубокой философии проповедь, которая изумила всех.

Поскольку отец Хусамэددина был главой братства, или *ахи*, члены которого жили в Конье и вокруг нее, его называли «Ахи

Тюрк», а Хусамэддина прозвали «Ахи Тюркоглу». «Ахи» - это организации, объединяющие всех мелких ремесленников и торговцев. Члены братства должны были придерживаться в жизни определенного устава, и такой образ жизни называли *футуеват*. Поскольку отец Хусамэддина был главой братства *ахи* в Конье и ее окрестностях, он был весьма уважаемым человеком. Все члены *ахи* в Конье воспитывались под присмотром его отца и матери и учились у них. Таким образом, все они были на службе у отца Челеби.

После кончины отца Хусамэддина хотели видеть на посту главы *ахи*. Но этот великий человек, осознавая, что слава, богатство и высокое положение ничего не дают душе, собрал всех своих последователей, которые намеревались сделать его новым главой братства, и припал головой к порогу дома Руми. Хусамэддин Челеби попросил каждого из своих людей заниматься своим ремеслом или другим привычным делом, а ему приносить его долю, и отдал все свое имущество Руми, так что у него самого больше ничего не осталось. Его наставник пожаловался: «Не осталось больше никакого источника дохода или богатства». Тогда он велел продать все, что было у него в доме. Несколько дней спустя к нему пришли его слуги и сказали, что в доме действительно ничего не осталось, кроме них самих. Услышав это, Хусамэддин Челеби сказал: «Вознесем хвалу Всевышнему. Теперь у нас есть возможность следовать заветам нашего Пророка по крайней мере в том, что касается внешних проявлений. Ради нашего Господа и ради любви к Руми я освобождаю вас всех. Идите и найдите себе новую службу».

Руми тоже очень привязался к этому щедрому человеку, возлюбившему Господа, который принес в жертву Руми все свое состояние. Если Хусамэддин отсутствовал, то Руми не мог испытывать радости в таком обществе. Как пишет Афлаки в своей книге «Манакиб ал-Арифин», однажды Муинэддин Перване уст-

роил в своем дворце большую церемонию с ритуальными танцами. Туда были приглашены Руми, изветные шейхи и знаменитые ученые. Руми был очень тихим, поскольку среди собравшихся не было Хусамэddина Челеби. Когда окружающие поняли это, они, с разрешения Руми, пригласили Хусамэddина. Когда Челеби пришел, Руми встал и приветствовал его со словами: «Добро пожаловать, о мой друг и моя вера, добро пожаловать, о мой свет и мой господин, добро пожаловать, о возлюбленный Господа и Пророка». После этого везир Муинэddин Перване начал оказывать знаки великого уважения Хусамэddину Челеби.

Все дары, которые получал Руми, он передавал Хусамэddину Челеби, а Хусамэddин Челеби распределял их в соответствии с заслугами каждого в общине правоверных.

Однажды эмир Таджэddин Мутази Хорасани послал Руми большую сумму денег и попросил его потратить эти деньги на пир для дервишей. Надо было устроить *сама*, и дервиши возносили бы за него молитвы. Когда Руми передал все эти деньги Хусамэddину Челеби, его сын Султан Велед, испытывая неловкость, пожаловался: «В доме ничего нет. Что бы ни попадало к тебе, ты немедленно все отсылаешь Челеби. Что же мы будем делать?» Руми ответил: «Бахаэddин, трижды клянусь тебе Господом, что если бы сотня долго постящихся аскетов умирала от голода, а у нас был бы один каравай хлеба, мы все равно отослали бы его к Челеби». Таким образом он желал напомнить своему сыну, каким сочувствующим и достойным доверия был Челеби и как он заботился о бедных.

Однажды Руми увидел человека, который нес на спине корзину с едой к дому Хусамэddина Челеби. Руми сказал: «Как я хотел бы быть на твоём месте, а ты чтобы был на моем!» Он снял с себя халат и отдал этому человеку.

Хусамэддин был настолько благородным духом и безупречным человеком, что Руми выказывал ему свою любовь и осыпал его хвалами, как никого другого. Он настолько почитал его, что можно было подумать, будто Хусамэддин - шейх Руми. Удивительно, сколько знаков своей любви и хвалы Руми выказывает Хусамэдину Челеби при любом возможном случае в своей книге «Маснави»! Священный свет, свет любви, который проявился в этих двух безупречных созданиях (*инсан ал-камил*), покори́л их семь столетий назад. И тот же свет, который сильнее времени, освещает сердца бедных слуг, подобных нам, которые любят Руми и его творчество, и это увеличивает наше восхищение ими. Если бы Руми не воспринял Хусамэдина Челеби как своего друга в Господе, если бы он не увидел в нем истину, если бы он не был столь привязан к этой истине, сегодня человечество не имело бы такого безупречного в своем величии произведения, как «Маснави».

Верно также и утверждение, что если бы Руми не существовало, ни Шамса из Тебриза, ни золотых дел мастера Салахэддина, ни Хусамэдина бы никто не помнил. Так случается каждый век: кто знает, сколько еще Шамсов, ювелиров и предводителей различных братств приходили в этот мир, жили, освещали своей дружбой сердца и учили своих последователей. Некоторые из них упоминаются в книгах, посвященных жизни праведников, других не упоминают вовсе, и о них не написаны книги. Очень интересно одно высказывание из хадисов, которое приводит Руми:

«Есть некоторые праведники Господни, которые сокрыты. От недостатка ухода их волосы похожи на войлок, их лица покрыты пылью. Когда они хотят увидеть какого-нибудь высокопоставленного человека, им отказывают. Их не видят в толпе, никто не ищет их, если они не присутствуют на собрании, их туда не призывают. Если они заболевают, никто не справляется об

их здоровье. Никто не приходит поведать их. Когда они умирают, никто не приходит на их похороны. Их не знают на земле, но на небесах они знамениты»³⁷.

Юнус Эмре тоже имел в виду таких праведников, когда писал:

Пусть они скажут, что умер незнакомец.
Пусть они услышат об этом три дня спустя.
Пусть они омоют (мое тело) холодной водой.
Это просто бездомный скиталец, подобный мне.

Самым прекрасным памятником дням дружбы Руми с Хусамэдином Челеби, без сомнения, стала его работа, достопочтенная книга «Маснави». Если бы рядом не было Хусамэддина Челеби, этот великий и безупречный суфийский труд не был бы написан, и исламский мир лишился бы этого шедевра. Люди не могли бы обретать духовную радость и неисчислимые благословения от этого божественного чуда, которое переведено на многие языки. Единственной причиной появления такого великого божественного благословения и того, что «Маснави» доступно всем возлюбившим Господа, стал Хусамэддин Челеби.

Рассказывают, что Хусамэддин видел, что последователи Руми и возлюбившие Господа читают книгу Хакима Санаи (умер в 1131 году от Р. Х.), «Хадика» и «Мантик ал-Тайр» Фаридэддина Аттара, и его сердце не было удовлетворено этим. Он сожалел об этом, ибо Руми читал вслух много прекрасных стихотворений, и его *диван* (собрание стихов) каждый день прирастал новыми стихами, но Руми еще не составил книг, подобных тем, что написали Санаи и Аттар, таких, которые объясняли бы Истину, Путь и все сложности суфизма.

³⁷ *Mesnevi*, vol. III, следующая строфа no. 3103.

Как-то Хусамэддин застал Руми одного. Упомянув ему о большом количестве написанных им стихов, он попросил его изложить суфийские притчи, чтобы дервиши руководствовались ими, - подобно историям, которые рассказывали Санаи и Аттар. Руми хотел, чтобы те, кто стремится познать истину, могли делать это благодаря притчам, которые будут понятны всем, и он принял решение. Выслушав эти слова Челеби, он достал из складок своего тюрбана листок бумаги. На нем были записаны первые восемнадцать бейтов, или строф, достопочтенной книги «Маснави». «Челеби, - сказал он, - если ты согласен записывать, я буду диктовать тебе». Хусамэддин с восторгом согласился с этим радостным предложением. Так началась работа над достопочтенной книгой «Маснави». Когда именно Руми начал писать «Маснави»? Точно мы этого сказать не можем. Однако Руми продолжал работать над «Маснави» до конца жизни.

После того как Руми принял решение написать «Маснави», его дни и ночи были наполнены трудами. Особенно ночью, когда все засыпали, в ночной тишине Руми диктовал, не прикасаясь к бумаге или перу. А Хусамэддин Челеби быстро записывал все, что говорил Руми. Примерно в то время, когда была завершена первая часть, скончалась жена Хусамэddина Челеби. Поэтому работу над второй частью нельзя было начать немедленно. Два года спустя Руми начал работать над второй частью, и все продолжилось так же, как было раньше. Иными ночами работа над «Маснави» продолжалась до утра. Челеби записывал слова Руми с радостью и восторгом, не испытывая утомления или скуки. Одухотворенная радость и возбуждение, которые испытывал Руми, диктовавший ему стихотворные строки, помогали забыть об усталости. Казалось, что Всевышний создал Хусамэddина Челеби с единственной целью - записать эту святую книгу; Господь предназначал его именно для этого благословенного дня. Руми также был готов к тому, чтобы эта исключительная книга была создана, продекламирована вслух и записана.

Ни один другой суфий, кроме Руми, не мог бы стать создателем столь огромной и великолепной книги, ибо Руми получил образование от своего отца и своего шейха Сейида Бурханэддина. Он обладал огромными познаниями благодаря бесчисленным книгам, которые он прочитал, отличной памятью и выдающимися талантами. Ему была присуща созерцательность, благодаря чему он был способен осознавать такие тонкости, которые не заметил бы никто другой, и эти тонкости он излагал очень достойно и приятно. Такая острая наблюдательность и проницательность, столь глубокая чувствительность и умение сопереживать редко встречаются. Помимо всех этих свойств, ему были присущи глубокая вера и бесконечная любовь. Бог наполнил сердце своего праведника знанием, любовью и стремлением к познанию.

Он любил всех праведников, начиная с Пророка ислама, и всех людей вообще. Ему была присуща бесконечная снисходительность и терпимость, он не видел каких-либо изъянов в людях, созданных Всевышним. Более того, чтобы Руми стал Руми, Господь одарил его друзьями в Боге и зеркалами его сердца. Первым из таких был Шамс. Сам Руми был чрезвычайно аскетичным суфием, а Шамс из Тебриза смягчил этот сухой аскетизм и ввел его в мир Божественной любви и привлекательности. Золотых дел мастер Салахэддин своим спокойствием и осторожностью привел его из этого брэнного мира к покою. Хусамэддин Челеби помог Руми стать духовным солнцем для всех возлюбивших Господа и для всего человечества тем, что распространил знания и видения Руми после того, как он успокоился, возвысился и достиг совершенства.

Хусамэддин Челеби стал спутником и наместником Руми в братстве через пять лет после кончины Салахэддина. Но Хусамэддин Челеби был в числе очень близких друзей Руми даже тогда, когда рядом с ним был Шамс из Тебриза. Я не могу не

отметить некоторые хвалы, которые Руми возносил своему последнему другу в сердце, и причины появления книги «Маснави», продиктованной им. В самом начале второй части он объявляет: «Хусамэддин, свет Господа, вновь изменил направление движения с высот небес и приступил к продолжению “Маснави”». В третьей части он пишет: О, Хусамэддин, свет Господа. Заставь появиться на свет третью часть, ибо это указано в хадисах - делать что-либо трижды... О, Хусамэддин, твоя сила проистекает из Силы Господней». В четвертой части Руми признается: О, Хусамэддин, свет Господа. Ты такой человек, что “Маснави” освещена твоим светом». Он также говорит: «Ты - причина того, что я вообще приступил к написанию “Маснави”. Если же эта книга увеличивается в объеме и удлиняется в смыслах, то это ты увеличиваешь ее объем и удлиняешь ее смысл. И если ты хочешь этого, то это означает, что Бог тоже этого хочет. Бог исполняет желания праведных... О, Хусамэддин, распространи священный свет на четвертую часть, поскольку солнце восходит на четвертом небе и наполняет светом вселенную».

В пятой части он говорит нам: “Хусамэддин-шах, свет звездный, хочет, чтобы была начата пятая часть... О, свет Господа! О, щедрый Хусамэддин, ты - учитель учителей для тех, кто спасает людей от искаженного видения и приводит их к ясности. Если бы люди не были скрыты за завесой, если бы глаза их сердец были распахнуты и их понимание не было ограничено, я бы начал воспевать тебя духовно, и я бы открыл рот для того, чтобы выговорить слова, что не были бы этими словами. Не подобает воспевать тебя перед теми, кто заключен в темницу. Я буду воспевать тебя в собрании духов и ангелов и распространять хвалу тебе среди них. Нет необходимости рассказывать о тебе людям, принадлежащим к этому миру. Я храню твою тайну как тайну божественной любви».

В шестой части «Маснави» Руми превозносит и восхваляет своего друга в Господе, который стал причиной написания «Маснави», тем, что называет «Маснави» «Хусам-наме»: «О, Хусамэддин, жизнь моего сердца! Ты давно хотел, чтобы эта шестая часть была написана. «Хусамнаме» распространяется благодаря привлекательности такого ученого человека, как ты.. О, человек души! Я посвящаю тебе эту шестую и последнюю часть “Маснави”».

Все эти восхваления и тот факт, что между завершением первой и началом второй части прошло два года, поскольку Челеби не мог участвовать в создании книги из-за кончины своей жены, показывают нам, что, если бы не Хусамэддин Челеби, книга «Маснави» никогда не была бы написана.

Руми отправляется в мир вечный

Я не мог позволить себе использовать такие выражения, как «смерть», «кончина» или «воссоединение со Всевышним» при описании завершения жизни Руми, который познал тайну хадиса «Умри до того, как ты умрешь». Он растворил свою сущность в Боге, еще будучи живым. Поэтому я предпочел бы рассматривать переход Руми из этого бренного мира в мир вечный как путешествие. Завершились шестьдесят или семьдесят лет благословенной, праведной, почтенной жизни нашего властелина, Султана ал-Ашикин (Султана возлюбивших Господа), Худавандигара. Почти подошли к концу исчисленные для каждого смертного вдохи и выдохи. Достопочтенная книга «Маснави» была завершена, и Руми устал. Печаль его детства с отцом Султаном ал-Улема, годы странствий, полные физических и духовных страданий, годы обучения вдалеке от семьи в Дамаске и Алеппо, утрата матери, а затем отца и его возлюбленного шейха Сейида Бурханэддина - все это оказало свое воздействие на него. Более того, потеря его сердечных друзей Шамса и Салахэд-

дина, неуважение, которое ему оказывал его собственный сын Алаэддин Челеби, критика со стороны некоторых противников, сплетни, которые доходили даже до его слуха, его постоянные высокие устремления, молитвы и аскетический образ жизни - все это довело Руми до изнеможения. Он проводил последние мгновения своей жизни в постоянных размышлениях. Великий праведник сосредоточился на себе самом, и внутри себя он обретал вечный покой и внутренний мир, к которым он стремился.

Как-то раз жена Руми Карра-хатун сказала: «Худавандигару необходимо наполнить этот мир истиной и значением, и для этого необходимо, чтобы ему была дарована драгоценная жизнь в три или четыре сотни лет». Услышав это, Руми ответил своей жене: «Зачем, зачем, мы же - не фараон и не Нимрод. Какое отношение мы имеем к этому миру праха? Как мы можем обрести мир и постоянство в этом брэнном мире, мире праха? Нас заключают в тюрьму этого мира, чтобы некоторые пленники были освобождены. Мы надеемся, что вскоре мы вернемся вновь в присутствие дорогого друга самого Господа, нашего Пророка».

Я оставался в тюрьме этого мира ради других.

Но где эта тюрьма? Где я? И разве я вор, что меня заключили в тюрьму?

Руми ощущал, что его жизнь приходит к концу, и время от времени он читал трогательные стихи о смерти, доводя до слез тех, кто окружал его. Я не хочу продолжать свое повествование, не поделившись с вами некоторыми из этих стихотворений.

«О, птица, которая выпорхнула из тесной клетки теля! Ты взяла все, чем владеешь, и вознеслась в небесные высоты.

После этого, смотри, приходит новая и свежая молодость, придет новая жизнь; до каких же пор ты собираешься продолжать эту беспорядочную жизнь, эту полную несчастий жизнь на земле?

Смерть - это неизбежное явление в жизни на этой земле. По сути, смерть, которая так пугает нас, - это сама жизнь. Было бы неверием считать обратное, считать смерть полным уничтожением, а не возрождением в ином мире.

Если Всевышний разрушит дом твоего тела, не жалуйся и не печалься. Знай же, ты заключен в тюрьму своего тела. Когда придет смерть и это здание рухнет, ты станешь свободным»³⁸.

«О, моя душа, за этой земной завесой есть скрытая радость, тайная счастливая жизнь. За завесой, скрывающей все, - сотни Иосифов Прекрасных.

Когда исчезнет материальное существование, это физическое тело, останется дух, твоя истинная сущность. О, дух, который бессмертен, о, тело, которое смертно!

Если хочешь узнать, как это произойдет, смотри на себя каждую ночь. Когда ты засыпаешь, твое тело кажется мертвым. Но твой дух расправляет свои крылья над райскими садами»³⁹.

«Как же может дух не взлететь ввысь, когда ему говорят: Приди, мой слуга! Когда звучит сладчайшее воззвание к духу от Творца этой вселенной и каждого создания, Властелина Величия и Красоты.

Когда звуки прибой достигают слуха рыбы, разлученной с чистым морем и лежащей на сухом песке, разве рыба при этом не прыгнет немедленно в море, свое истинное место обитания?

Под солнечным светом вечности, что спасает его душу от уничтожения, разве не будет суфий дрожать, подобно мельчайшей частице, и танцевать?

Как несчастен, как плох и как далек от истины тот, кто не может найти, познать и полюбить Высшее Существо, которое так Благодетельно, так Прекрасно, так Великолепно и так Жизнетворно.

³⁸ *Divan-i Kabir*, vol. VII, no. 3172.

³⁹ *Там же*, vol. V, no. 2573.

О, птица духа! Ты теперь очищена от своих устремлений и грехов. Ты освобождена из клетки твоего собственного низменного «я». Твои духовные крылья распахнуты, приди! Лети туда, откуда ты пришла, лети к своей родине, лети!»⁴⁰

О, те, кто ныне расстался со своими клетками, покажите нам снова ваши лица, придите и расскажите, где же вы были!

Корабль вашего тела потерпел крушение на этом море. О, вы, кого, подобно рыбе, пустили в море смерти, пусть даже на одно мгновение, выйдите из этой воды, покажитесь!

Или вас растолкли в прах с течением дней, и вы стали солью, словно растолченные жемчужины? Но соль - это лекарство для глаз тех, кто стремится к истине.

Чтобы хорошо видеть, приложите это снадобье к глазам, приложите. О, вы, кто пришел в этот мир благодаря рождению из мира духов! Не бойтесь, когда придет смерть! Это не смерть, это второе рождение, рождайтесь, возрождайтесь в потустороннем мире»⁴¹.

Возлюбившие Господа, которые умирают, осознав истину, тают, подобно сахару, в присутствии Возлюбленного.

Те, кто испил Воды Жизни в собрании людей просвещенных, принявших Божественный аманат (то, что оставляется на временное хранение)*, в мире духов, умирают иначе.

Те, кто осознал существование иного мира, которые собираются во имя любви к Господу, не умирают так, как многие прочие.

⁴⁰ *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1353.

⁴¹ *Там же*, vol. II, no. 656.

* «[Вспомни, Мухаммад,] как твой Господь породил из чресел детей Адама их потомство и заставил их свидетельствовать против самих себя [вопросив]: «Не Господь ли Я ваш?» Они отвечали: «Да, мы свидетельствуем [что Ты наш Господь]».» (Св. Коран, 7:172). - Прим. автора.

Возлюбившие Господа превосходят даже ангелов в своей ясности мысли и чистоте души. Следовательно, смерть в каком-то ином качестве далека от них.

Неужели вы думаете, что львы умирают на пороге, подобно собакам?

Если возлюбившие Господа умирают на тропе любви к нему, их приветствует король ангелов.

Возлюбившие Господа, которые стали духом друг друга и которые знают, что они несут один и тот же дух, тот же дар, умирают в любви друг к другу.

Возлюбившие Господа возносятся к небу, тогда как неверующие умирают в безднах ада.

В миг смерти очи сердец возлюбивших Господа открыты, и они видят мир невидимый.

Другие умирают ослепленными и оглушенными страхом смерти.

Когда приходит время смерти, те, кто проводил ночи в молитве и не забывался от страха перед Господом, умирают спокойно и без стеснения души.

Те, кто сосредоточен только на вещах материальных и заботятся лишь о том, что им выпить и как поесть, уподобляются волам и ослам, и умирают они так же.

Те, кто не желает исчезнуть из взгляда Господа при жизни сегодня и кто ищет этого взгляда, умирают с радостью, улыбаясь тому, что видят.

Властелин ангелов принимает их в лоно своего благоволения. Они не умирают, как все прочие.

Те, чей характер и сущность напоминают черты Мустафы, умирают, уподобившись Абу Бакру и Умару*.

Вообще смерть далека от тех, кто возлюбил Господа. Они не умирают и не исчезают. Я говорю эти слова для того, чтобы описать, что было бы, если бы они умирали»⁴².

* То есть праведным халифам. - Прим. перев.

⁴² *Divan-i Kabir*, vol. II, no. 972.

В конце жизни утомленное тело Руми было ослаблено его последней болезнью. У Руми не прекращалась лихорадка. Врачи Акмаледдин и Газанфери, из числа его добрых друзей, не отходили от его ложа. Но они никак не могли понять эту болезнь. Его тело пылало в лихорадке. Он часто опускал руку в чашу с водой, что стояла возле его постели, и окроплял водой лоб. И он излагал присутствующим свою последнюю волю: «Я советую вам жить в страхе Господнем - и открыто, и тайно. Я советую вам мало есть и мало спать, воздерживаться от грехов, продолжать поститься и молиться, воздерживаться от похоти, с терпением переносить все тяготы и обиды от других, избегать общества невежественных людей и тех, кто устремлен к утолению своих желаний, пребывайте в обществе людей добрых и щедрых. Ибо лучшие из людей - это те, кто оказывает благодеяния другим. Лучшие из высказываний - это краткие, но существенные». Он готовился к своему последнему путешествию. Необходимо было оставить дом и отправиться далее, в Вечность. Руми готовился покинуть дом этого мира.

Однажды навестить Руми пришел шейх Садреддин Конави вместе со своими самыми выдающимися дервишами. Он выказал большое уважение Руми. Он очень сожалел о его состоянии и высказал вслух свои пожелания: «Да исцелит его Господь вскоре. Пусть эта болезнь станет причиной того, что в ином мире твой ранг повысится. Если будет на то воля Господня, в скором времени ты обретешь вновь полное здоровье. Руми - это дух миров. Он заслуживает здоровья». Руми отвечал так: «После этого пусть Господь дарует тебе исцеление. Между влюбленным и Возлюбленным остается лишь рубашка, сделанная из очень тонкого полотна. Разве ты не хочешь, чтобы священный свет объединился со Священным Светом?»

В субботу 16 декабря 1273 года Руми почувствовал себя немного лучше. Он до вечера разговаривал с теми, кто приходил навестить его. Но каждое его слово было

подобно завещанию. Затем пришла ночь, и Конья погрузилась в ночной мрак. С Руми оставались друг его возвышенного сердца Хусамэддин Челеби, его сын Султан Велед и врачи. В эти дни Султан Велед очень ослабел, поскольку из-за беспокойства почти не мог есть и спать. Незадолго до рассвета Руми посмотрел в полные слез глаза своего сына и негромко сказал: «Бахаэддин, я хорошо себя чувствую, иди и поспи немного». Султан Велед не мог больше терпеть. Он встал, едва удерживая слезы. Когда он выходил из комнаты, Руми смотрел ему вслед полным печали взором.

Руми возлежал на смертном одре. Он сделал свой первый вдох, когда почтил своим появлением этот мир, то было в Балхе много лет назад, а теперь он был готов испустить свой последний вдох в Конье. Отмеренные ему вдохи и выдохи, исчисленные в благословениях, любви и вере, заканчивались. Он пребывал в полном сознании и в доброй памяти. Скорее всего, именно Хусамэддин Челеби, проливая слезы, записал на листке бумаги, дрожавшей в его руке, кровью своего сердца последнюю газель Руми, которую тот прочитал на смертном одре. Сипахсалар повествует:

После этого дыхание Руми затруднилось. День и ночь к нему шли все выдающиеся люди из Коньи. Доктора Акамалэддин и Газанфери были из числа лучших врачей своего времени, и именно они лечили Руми. Оба держали его за руку, считая его благословенный пульс. Затем они выходили из дома, смотрели медицинские трактаты, пытаясь поставить диагноз, и снова возвращались в его присутствие, снова считали пульс и размышляли. На этот раз пульс бился по-другому. Я попросил их попытаться понять, каково же благоуважаемое состояние Хазрата Худавандигара. Они увидели, что не могут установить диагноз, и поняли, что истина кроется в чем-то другом. Они осознали, что воля Руми уже устремлена к иному миру. Им ничего не оставалось больше делать, кроме как печалиться. Все были преисполнены беспокойства. Жители

Коньи бросили свои занятия, а люди из окрестных деревень пришли в город. В воскресенье, 17 декабря 1273 года, на закате солнца, Руми, солнце в мире знаний, также отправился в мир вечный. Руми закрыл глаза в этом бренном мире в Конье, в городе, который он почтил своим пребыванием на протяжении сорока четырех лет»⁴³.

В ту ночь друзья Руми выполнили свой последний долг. Все жители Коньи, молодые и старые, присутствовали на похоронах. Поскольку Руми был толерантным, миролюбивым человеком и великим праведником, который творил добро и желал добра всем, в похоронной процессии, проливая слезы, шли не только мусульмане, но также и иудеи и христиане. Все плакали и толпились и перед гробом, и позади него. Главная улица города была заполнена народом. Чтобы хотя бы раз притронуться к гробу, люди пробирались к нему по боковым улочкам. Надзиратели и стражники едва могли остановить толпу, пустив в ход палки и мечи в ножнах. Улицы были столь запружены народом, что гроб, вынесенный из дома утром, смог донести до места молитвы только к вечеру. Когда гроб поставили на камень *мусалла*, где читается погребальная молитва, глашатай города Муарриф обратился к Садреддину Конави: «О властитель шейхов! Прошу тебя, подойди сюда, ты возглавишь чтение погребальных молитв. Такова была воля Руми». Не в силах удержаться, доктор Акмалэддин закричал: «Ты забыл о хороших манерах, Муарриф. Властитель шейхов только один - это Руми».

Садреддин вышел из толпы и встал перед гробом, чтобы читать молитвы. Едва он начал молитву с фразы «Аллаху акбар», как он сильно заволновался, залился слезами и без сознания рухнул на землю. Тогда вперед выступил кади Сираджеддин и прочитал молитву. Как повествует Сипахсалар, когда шейха Садреддина спросили, почему он упал без сознания, тот ответил сле-

⁴³ *Risale-i Sipahsalar*, p. 154.

дующее: «Когда я встал перед гробом, чтобы начать читать молитву, то увидел, что возле гроба в ряд стоят ангелы. Я был настолько потрясен этим, что потерял сознание»⁴⁴.

После того, как молитвы были прочитаны, гроб подняли над головами людей и так пронесли его к могиле, приготовленной перед могилами отца Руми Султана ал-Улема и Салахэддина Заркуби. Солнце клонилось к закату. Это был печальный вечер для Коньи. Телесная сущность Руми была сокрыта от всех, но его духовная сущность присутствовала в сердцах, и ей было суждено оставаться там. Хорошо осознавая эту истину, Руми в свое время сказал: «После нашей кончины не ищите нашу могилу на земле. Наша могила - в сердцах арифов, познавших божественную мудрость».

Благословенное тело Руми было погребено рядом с могилой его отца Султана ал-Улема. Но он живет как Султан ал-Арифин (Султан арифов) и как Султан ал-Ашикин (Султан возлюбивших Господа) в каждом доме, в каждом собрании, в сердце каждого. Руми сокрылся от взгляда, но поселился в сердцах. Удивительно, но вплоть до сегодняшнего дня на могилу Руми приходят люди, хотя его гробница превращена в музей, и теперь за вход туда надо платить. Не только мусульмане, но люди всех верований приходят к Руми каждый день.

В те дни произошло еще одно событие, которое опечалило семью Руми и его друзей и заставило их горевать еще больше. Принадлежавшая Руми кошка после его кончины перестала есть и пить и прожила всего семь дней. Дочь Руми Малика-хатун завернула кошку в ткань и, проливая слезы, похоронила ее недалеко от могилы своего отца. Она приготовила сладости и раздала их тем, кто любил Руми. Как пишет Афлаки, незадолго до смерти Руми эта кошка подошла к его ложу и начала жа-

⁴⁴ *Risale-i Sipahsalar*, p. 156.

лобно мяукать. Руми улыбнулся и спросил окружающих: «Вы поняли, что сказала эта кошка?» Те ответили: «Нет». Руми объяснил: «Вскоре ты в безопасности отправишься на небеса, которые и являются твоей истинной родиной. Что же я буду делать здесь без тебя?»

Через несколько месяцев после того, как Руми отбыл в вечность, эмир Аламэддин Кайсери, крупный чиновник в Конье, с одобрения Султана Веледа начал строительство гробницы, которая до сих пор поражает всех посетителей своей архитектурой и духовным великолепием. Гробница сооружалась под надзором архитектора Бадрэддина из Тебриза, при финансовой и моральной поддержке Гюрджи-хатун*, дочери султана Алаэддина Хосрова II и жены Муинэддина Перване. Другой архитектор, Абд эль-Вахид, соорудил великолепное надгробие из орехового дерева высотой 2,65 метра. Его считают одним из шедевров сельджукской резьбы по дереву. Первоначально это надгробие стояло над могилой Руми, но позднее, в XVI веке, по приказу османского султана Сулеймана Великолепного оно было перемещено на могилу его отца Султана ал-Улема. Над могилами Руми и Султана Веледа было воздвигнуто мраморное надгробие.

Хотя это прекрасное деревянное надгробие, покрытое золотым кружевным чехлом, изначально было сооружено для могилы Руми, почему султан Сулейман Великолепный позже заменил его на мраморное? Сулейман Великолепный, да упокоится он в раю**, как и его отец султан Селим Явуз***, был почитателем Руми. Он сам был поэтом и почитателем поэзии великого Руми. Стремясь угодить духу праведника, которого он любил, султан

* Согласно сохранившейся до сих пор и удивительно устойчивой легенде, Гюрджи-хатун (то есть «грузинская госпожа») была внучкой грузинской царицы Тамары. - Прим. ред.

** Одна из фраз в исламской традиции, которые употребляются при упоминании человека, который уже скончался.

*** «Явуз» - по-турецки «Грозный». - Прим. перев.

велел убрать надгробие из орехового дерева и заменить его на мраморное, изготовленное лучшими мастерами того времени. В этом факте мы тоже видим одно из проявлений духовной силы Руми.

Дело в том, что Руми был истинным праведником, который не любил излишней пышности. Он счел бы, что великолепное высокое надгробие, которое воздвигли над его могилой, больше подошло бы могиле его отца Султана ал-Улема. Султан в мире земном Сулейман Великолепный, сам того не зная, фактически исполнил пожелание Руми, ушедшего в мир иной. Когдаходишь в усыпальницу, то кажется, будто это надгробие встает, и те, кто испытал это, уверяют, что отец Руми вставал, чтобы выказать свое уважение сыну. Надо отметить, что все, кто погребен в этой усыпальнице, как будто встают навстречу Руми, как они делали это при жизни.

ГЛАВА 2

Личность и взгляды Руми

Своеобразие жизни Руми

Жизнь великого праведника Руми, который почтил своим присутствием этот бранный мир в Балхе, а в Конье, отсчитав отмеренные ему Господом вздохи, отправился в иной мир, очень отличалась от того, как жили другие известные праведники.

Руми провел свою жизнь вдали от родины: и от своей настоящей родины - мира вечности, и от того места на земле, где он родился. Покинув прекрасный Балх, город своего детства, Руми странствовал от города к городу и, наконец, осел в Конье, где он и закончил свои дни. Жизнь Руми не похожа на жизнь других великих людей. В моей библиотеке есть множество книг о Руми, написанных на самых разных языках. Ниже я упомяну имена тех авторов, на книги которых я буду ссылаться. Однако в этих книгах я не мог увидеть самого Руми. В этих книгах изображены отец Руми Султан ал-Улема, его духовный наставник Сейид Бурханэдин Термези, Шамсэдин из Тебриза, золотых дел мастер Салахэдин, Хусамэдин Челеби, но там нет Руми, султана наших сердец.

Мои почтенные читатели, возьмите с полки в вашей библиотеке любую книгу о каком-нибудь великом человеке, неважно, где и когда он (или она) жил, просто книгу о том, кто оставил о себе добрую память, и начните листать страницы. Вы увидите, что в книге изложена жизнь этого человека, через что ему пришлось пройти, что он сделал и какие достижения оставил после себя - весь его путь от рождения до самой смерти. Но в книгах о Руми вы не найдете самого Руми. Так где же Руми? Хочу

вам сказать, что Руми сокрыл свою жизнь в жизни тех, кого он любил. Ведь нет поэта по имени Джалаледдин Руми в «Диван-и Кабир», где содержатся тысячи лаконичных, но многозначных стихотворений, а их не мог бы создать ни один другой творец. Он скрыл свое имя в «Маснави Шериф», то есть в форме стихосложения, которую он почтил своим использованием. И «Хусамнаме» (Книга Хусамы) не носит название «Джелалнаме» (Книга Джелала). Точно так же он отдал свою жизнь тем, кого он любил.

Внутренние и внешние отличительные черты Руми

Существует множество картин, портретов и миниатюр, изображающих Руми. Сохранились даже имена художников, которые рисовали Руми при его жизни. Другие, как, например, Афлаки, оставили подробные описания его внешности. Например, некто сообщил Муинэддину Перване, что Руми всегда бледен от постоянного поста, тогда как у Султана Веледа румяные щеки. Можем ли мы представить себе Руми, опираясь на эти рассказы и на изображения?

Руми отличался тонким и стройным телом и бледной кожей. Рассказывают, что однажды он отправился в баню. Посмотрев на себя в зеркало, он отметил свою необычайную худобу. Он пожалел себя и сказал: «Всю мою жизнь я ни перед кем не испытывал чувства стыда. Однако сегодня, когда я увидел в зеркале мое исхудавшее тело, я устыдился самого себя». Хотя Руми и отличался постоянной бледностью, он всёгда выглядел благожелательно и вызывал восхищение и почтение в сердцах своих собеседников. Большое внимание всегда привлекали глаза этого праведника. У Руми был очень внимательный, наполненный сиянием взгляд. Этот взгляд обладал такой притягательной силой, что если какой-нибудь человек, не знающий о силе взгляда Руми, глядел прямо в его сияющие глаза, он попадал

под влияние этого взора и был вынужден отвести свои глаза от великого Руми.

Все эти рассказы и описания относятся к внешнему виду Руми. Но каковы были его внутренние черты? В «Маснави» он говорит о себе так:

«Интересно, как я увижу свое собственное лицо, чтобы узнать, каков у меня цвет лица и похож ли я на день или на ночь;

Долго я искал отражения своей души, но мой облик не был отражен ни в ком.

«В конце концов, - сказал я, - для чего предназначено зеркало? Чтобы каждый мог узнать, что и кто он есть».

Зеркало, которое мы знаем, предназначено только для отражения шелухи - внешнего вида: зеркало, которое отражает движения сердца, очень дорого.

Зеркалом души может быть только лицо друга, лицо того друга, что принадлежит иному миру, миру духовному»⁴⁵.

Где найти того Возлюбленного, который может отразить внутренний мир Руми и его характер? Кто может изобразить внутренние черты сына Султана ал-Улема - Султана ученых? Как можно описать Султана ал-Ашикин, Повелителя влюбленных в Него?

Никто не может до конца понять или описать этого великого праведника, который был взращен благодаря мудрости, манерам и характеру его отца, Повелителя ученых, и который пылал и таял в огне Божественной Любви. Он был высшим существом, которому неведомы обида, ненависть, зло, эгоизм и напыщенность, который очистился от слабостей, присущих человеку, через опыт Божественной Любви. Он был безупречным человеком, полным добра, полным любви и стремления к познанию. Когда он погрузился в океан Божественной Любви, он освободи-

⁴⁵ *Mesnevi*, vol. II, no. 95.

дился от всех противоречивых взглядов. Он равно отстранился от добра и зла. В «Маснави» он говорит: «С тех пор как отсутствие цвета (чистое Единство) стало пленником цвета (явлений в материальном мире), Муса примирился с фараоном»⁴⁶. Волны, рябь, пена, синий и зеленый цвет существуют только на поверхности океана. В бездонных глубинах океана нет ни волнения, ни цвета.

Вот почему Руми видел все народы и все религии в одной и той же перспективе. И именно с такой точки зрения он подходил ко всему и ко всем. Он одинаково обращался со всеми. Он видел всех равными. С его точки зрения, мусульмане, христиане, евреи и огнепоклонники были одинаковы. Поэтому он напоминал людям, как важно не смотреть сверху вниз на немусульман и уважать чужие религии и верования. В странах ислама вполне обычное явление - церкви и синагоги рядом с мечетями. Мусульмане уважают все религии. Эту точку зрения Руми, которая абсолютно согласуется с основами ислама, не следует неправильно понимать. Пророк ислама - Пророк Последнего дня, и после него нет других пророков. Взгляд Руми на все религии как на нечто единое не следует воспринимать так, будто он считал, что ислам и прочие религии - одно и то же. В рамках существования единобожия все религии равны. Они различаются по своим предписаниям. Однако их суть - одна и та же.

Руми рассматривал все религии, религиозные группы и все народы как волны в океане Единства. Так Всевышний видит всех пророков едиными, как сказано в Коране: «Не различаем Мы между кем бы то ни было из Его посланников» (Св. Коран, 2:285). В той же главе Он отмечает, что считает некоторых пророков превосходящими других: «Одним посланникам Мы дали преимущество перед другими. Среди них были такие, с которыми беседовал Аллах, а некоторых Аллах вознес степенями» (Св. Коран, 2:253). Вот почему, хотя все религии и секты едины, они

⁴⁶ *Mesnevi*, vol. V, no. 2467.

различаются в тех предписаниях и обрядах, которые они исполняют. Руми затрагивает этот вопрос в другой части «Маснави», говоря: «В этом мире есть лестницы, которые, ступенька за ступенькой, устремлены к небу. Для каждой группы есть своя лестница. Для каждого в этой жизни есть свое небо, к которому следует подниматься. И каждый из них не знает о существовании кого-либо другого. Цель путешествия - бесконечная вселенная. У нее нет ни начала, ни конца»⁴⁷. Эти слова иллюстрируют прекрасные строки из хадисов: «К Господу ведет столько дорог, сколько людей во Вселенной».

Способность видеть все и всех как единое целое (*вахдат ал-вуджуд*) и терпимость в Руми достигли своего максимума. Рассказывают, что однажды, когда Руми самозабвенно вращался в *сама*, среди вертящихся дервишей затесался какой-то опьяненный человек. Вращаясь, он то и дело шатался и неоднократно задевал и даже ударял Руми. Друзья Руми принялись ругать его. Увидев это, Руми сказал: «Друзья мои, он пил вино, а вы опьянели. Зачем вы ругаете его?» Всех удивили терпение Руми, его терпимость и заботливость по отношению к людям. Он никогда не реагировал на оскорбления и не отвечал в том же духе, когда о нем распространяли сплетни его противники, ведь их духовные очи были слепы. Его благовоспитанность, благожелательность и мягкость в обращении с людьми помогали ему обратить этих людей к истине.

Также рассказывают, что однажды Руми сказал: «Я - с семьюдесятью двумя сектами и верованиями». Сираджеддин из Коньи был человеком мрачным. Чтобы уязвить Руми и дискредитировать его в глазах окружающих, он послал одного из своих друзей публично спросить Руми, действительно ли тот сказал, что он, Руми - «с семьюдесятью двумя сектами и верованиями». Он посоветовал ему излить на Руми оскорбления, прок-

⁴⁷ *Mesnevi*, vol. V, no. 2556.

лятия и ругательства в том случае, если Руми признает, что говорил это. Этот человек пришел и сказал Руми: «Утверждают, что ты говорил: “Я - с семьюдесятью двумя сектами и верованиями”. Это правда?» Руми не отрицал своих слов. Он ответил: «Да, именно это я и говорил». Тот человек немедленно начал выкрикивать ругательства и проклятия. Руми просто улыбнулся ему и сказал: «Несмотря на все, что ты говоришь, я и с тобой тоже».

Будучи великим ученым и великим праведником, Руми оставался чрезвычайно скромным человеком. Он скромно общался со всеми: старыми или молодыми, знатными или простыми людьми. В жизни Руми невозможно обнаружить ни малейшего следа высокомерия, гордыни или заносчивости. Он не видел разницы между старыми или молодыми, верующими или неверующими.

Рассказывают, что в те дни один знаменитый христианский ученый священнослужитель, живший в Константинополе - Стамбуле*, услышал о величии Руми и приехал в Конью, чтобы увидеть его. Католические священники, жившие в Конье, с почетом приняли этого стамбульского священника. Их гость пожелал встретиться с Руми. Они случайно встретились на дороге. Священник почтительно поклонился и коснулся лбом земли. Он тридцать раз отвесил перед Руми земные поклоны. Когда же он поднял голову, то увидел, что Руми перед ним тоже отдает ему земные поклоны. Утверждают, что Руми поклонился ему тридцать раз. Священник возопил и разорвал на себе одежды. Затем он сказал: «О султан веры, какая скромность, какое смирение! Разве бедный священник вроде меня достоин таких почестей?» Руми ответил: «Пророк Мухаммад сказал: “Благословен человек, которого Всевышний одарил богатством, красотой, честью

* Константинополь стал называться Стамбулом через некоторое время после взятия его турками-османами в 1453 году - примерно через двести лет после кончины Руми. - Прим. перев.

и уважением других людей, и который щедро делился своим богатством, защищал свое достоинство и сохранял смирение, несмотря на все почести и оказанное ему уважение”, - таков наш властитель и повелитель. Когда я нахожусь среди последователей такого Пророка, как я могу не проявлять смирение перед лицом других рабов Божьих? Почему я не могу продемонстрировать свое смирение? И если я не буду делать этого, то ради чего и ради кого я буду хорошим?»

Услышав эти слова, тот священник и его друзья обратились в ислам и стали учениками Руми. Они сменили свои священнические одеяния на одежду мусульман. Когда Руми вернулся в медресе, где он жил и обучал своих учеников, он сказал Султану Веледу: «Бахаэддин, сегодня один бедный христианский священник попытался забрать наше смирение из наших рук. Однако, благодарение Всевышнему, с Его соизволения и с помощью нашего Пророка мы не расстались с нашим смирением». Это произошло потому, что мусульмане унаследовали смирение и скромность от Пророка Мухаммада.

Поскольку Руми всегда следовал по пути, указанному Пророком, и был истинным мусульманином по духу, он считал себя малозначимым человеком и всегда воздерживался от любых проявлений высокомерия и гордыни. Нам следует перечитывать это четверостишие Руми и учиться: «Они оценили мой тюрбан, мой халат и мою голову, все вместе, в один дирхем (мелкую монету) или даже меньше. Разве ты никогда не слышал моего имени в этом мире? Я - ничто, ничто, ничто...».

Суть дела в том, что мы все влюблены в самих себя, но не можем открыто признать этого*.

* Нам следует тщательно обдумывать этот катрен. В то же время известный турецкий поэт Мехмет Акиф говорит: «Человек обожает статую, изображающую его самого. Но почему-то об этом странном романе ничего не рассказывают». - Прим. автора.

В другом стихотворении Руми говорит: «До тех пор пока мы остаемся сами в себе, и пока мы поклоняемся сами себе, не будет пути, ибо сам человек - препятствие на Пути. До тех пор пока длится твое существование, существует и заблуждение, будто ты что-то представляешь собой. Не думай, что ты когда-нибудь обретешь мир, потому что ты до сих пор поклоняешься идолу под названием "Я". Некоторые люди действительно гордятся своим богатством или положением в обществе, тогда как другие хвастаются своим умением делать что-то или своей профессией. Те неразумные, что считают, будто они идут по тропе Истины, думают, будто они выше других, лишь вследствие своих молитв, своих четок и паломничества». Эти строки демонстрируют всю глубину смирения Руми, а также его другие многочисленные достоинства и качества, но они очень загадочны. Как сам Руми оценивает свою голову, которая воистину была солнцем вдохновения? Как смотрит он на тюрбан, окружающий эту голову подобно нимбу и являющийся символом знания и познания, или на халат, который укрывает созданную Господом драгоценную красоту?

Насколько мы зачарованы скромностью и смирением, проявленными Руми, настолько же нас потрясает уважение, которое Руми выказывал немусульманам⁴⁸. Терпимость, которую проявлял Руми по отношению к христианам, бесчисленно пролившим кровь мусульман и разрушившим их города во время Крестовых походов, и к их священникам, - удивительное свидетельство величия Руми и его гуманизма. В тот век, когда еще поднимался к небу дым от мечетей, сожженных христианскими фанатиками, Руми видел все это, как проявление воли Божьей и Его предначертание, и не обращался с христианами дурно. Как рассказывает Афлаки, однажды по дороге Руми попался мясник-армянин, который жил в Конье. Он совершил земной поклон, уви-

⁴⁸ Furuzanfar, *Mevlana Celaleddin*, p. 191.

дев Руми. Руми тоже совершил такой же земной поклон, чтобы выказать свое уважение к этому мяснику.

Руми выказывал любовь, уважение и привязанность по отношению ко всем: женщинам, детям и мужчинам. Однажды Руми шел по улице и увидел играющих детей. Когда они, в свою очередь, увидели Руми, то подбежали к нему и почтительно поклонились. Руми приветствовал их с любовью и приязнью. Тем временем один из мальчиков не успел подбежать к своим товарищам. Он закричал издали: «Подождите меня, я тоже иду». Руми подождал, пока мальчик приблизился к нему, приветствовал и приласкал его и тем сделал ребенка счастливым.

Однажды везир Перване устроил в своем дворце церемонию сама в честь Руми. Когда Руми прибыл во дворец, он долго ждал возле дверей, чтобы вошли все его дервиши и друзья. Только после того как во дворец прошли все его ученики, он последовал за ними. По окончании церемонии все гости покинули дворец, а Руми остался там ночевать. Везир Перване выказывал Руми большое уважение и благодарил Всевышнего за то, что такой великий праведник был его гостем. Однажды Хусамэддин Челеби спросил Руми, почему он ждал перед воротами дворца, прежде чем войти. Руми ответил: «Если бы мы вошли во дворец первыми, привратник, быть может, не впустил бы некоторых из наших друзей, которые прибыли туда после нас. Тогда они не смогли бы присоединиться к нашему обществу. Если мы не можем помочь нашим друзьям войти во дворец везира в этом мире, то как мы сможем помочь им в мире горнем войти во Дворец Будущего, в Высший рай?»

Как и его отец Султан ал-Улема, Руми пользовался большим уважением и любовью со стороны султанов, везиров и правителей. Эти высокопоставленные люди всегда стремились увидеться с ним. Однако, как мы уже видели выше, Руми редко принимал их приглашения. Он проводил большую часть времени сре-

ди бедных и нуждающихся. Некоторые из его учеников были султанами и везирами, но среди его учеников было также множество бедных и простых людей. Он порой затворял двери перед султанами. Избегая двора султана Иззеддина Кейкавуса и ряда эмиров, он выказывал глубокое сочувствие простым людям и беднякам и тратил много сил, пытаясь помочь им обрести истинный путь и направляя их по этому пути.

Те, кто не мог согласиться с тем, как Руми обходится с бедняками и с людьми, попавшими в затруднительное положение, видели только внешнюю сторону вещей. Они критиковали Руми и повторяли: «Ученики Руми - странные люди. Большинство из них мелкие ремесленники и городские торговцы. Редко среди них можно увидеть богатого или ученого человека. А если к нему придет портной, бакалейщик или торговец тканями, Руми принимает его своим учеником». Такие слухи распускались о Руми. Сам он игнорировал сплетни и слухи, некоторые из которых он слышал своими ушами, и не обижался на них. Он не скупился на помощь тем, кто в ней нуждался. Он никогда не злился на тех, кто возражал ему, но всегда отвечал им успокаивающими и нежными словами. Он повторял: «Если бы мои ученики были людьми, которые не нуждаются во мне, я стал бы их учеником. Поскольку они нуждаются во мне, я принял их в свои ученики. Делая это, я стремился к тому, чтобы они переменились, достигли Божественного Присутствия и стали хорошими людьми».

Руми всегда старался быть полезным для людей - хороших или плохих, и обычно оказывал людям любые услуги, какие только мог.

Однажды Руми молился в уединении и при этом был так сосредоточен, что не заметил человека, который вошел к нему и сказал: «Я очень беден, у меня ничего нет». Когда человек понял, что Руми полностью погружен в молитву, он взял его мо-

литвенный коврик и вышел. Когда об этом узнал ходжа Маждэддин Мараги, он немедленно отправился на поиски этого вора и нашел его, когда тот пытался продать коврик на базаре в Тизе. Ходжа притащил его к Руми. Но Руми сказал: «Должно быть, он взял этот коврик потому, что очень нуждался. Прости его. Мы должны выкупить у него мой коврик»⁴⁹.

Афлаки рассказывает, что однажды Руми беседовал со своими почтенными учениками: «Все праведники распахивали дверь в нищету, чтобы сокрушить гордость своих учеников и подавить их *нафс* (собственное естество). С масляным светильником в руке и с корзиной за плечами, они отправлялись просить зекят, подаяния и милостыни. Мы, с другой стороны, закрыли дверь к нищенству и ничего не просим у наших друзей. Мы выполняем начертания хадисов: “Удерживайся от того, чтобы просить, так долго, как только сможешь, чтобы наши друзья могли зарабатывать на жизнь торговлей, службой, ремеслом и любым другим делом, добывай себе на жизнь трудом своих рук и потом своего тела. Тот, кто не следует по этому пути, по нашему мнению, не стоит и гроша”»⁵⁰.

Руми распределял между бедняками и нуждающимися все деньги, которые присылали ему султаны и везиры, раздававшие дары и занимавшиеся благотворительностью. Он привык жить на те заработки, которые получал, истолковывая законы и преподавая в медресе. Таким образом, он не полагался ни на кого и не был никому обязанным. В одном из своих стихотворений он пишет: «Пока передо мной стоит моя чашка с айраном, клянусь Всевышним, я не буду тянуться к чужому меду. Даже если мне будет угрожать смерть от нищеты, я не смогу продать свободу ради сытого рабства».

49 Furuzanfar, *Mevlana Celaleddin*, p. 405.

50 Там же, p. 267.

Руми отвернулся от мира и всех мирских вещей. Он вел жизнь дервиша. Если в его доме ничего не было, он радовался этому и повторял: «Благодарение Всевышнему, сегодня наш дом напоминает дом Пророка». Хотя он не был богат, он всегда помогал бедным, причем скрывал от нуждающихся свои добрые дела.

Он также скрывал ту финансовую поддержку, которую оказывал учащимся в медресе. Действовал он следующим образом: тайно подкладывал деньги под циновки, на которых спали студенты, - в соответствии с заслугами и нуждой каждого. Когда студенты поднимали циновки, чтобы стряхнуть с них пыль, они с удивлением обнаруживали под ними деньги.

Трудно описать, с каким уважением Руми относился к людям. Когда он посещал какое-либо собрание, люди вставали, чтобы почтить и приветствовать его. Он бывал очень опечален, если кому-либо приходилось покинуть свое место, чтобы Руми мог сесть. Афлаки пишет, что однажды Руми отправился в баню. Он вошел в помещение бани, но немедленно вышел оттуда, оделся и приготовился уходить. Друзья спросили его: «О наш господин, почему ты так быстро вышел?» Руми ответил: «Когда банщик увидел меня, он отодвинул человека, расположившегося на краю бассейна, чтобы освободить место для меня. Я так устыдился того, что причинил беспокойство этому человеку, так опечалился».

Благовоспитанность Руми, его вежливость и милосердие, одним словом, человеколюбие его характера трудно подробно описать в ограниченных рамках этой книги. Руми жил в эпоху, когда рабов покупали и продавали, словно животных. Их заставляли работать в домах, садах, на полях, везде, где требовались рабочие руки. Такая ситуация имела место не только в мусульманских странах. И в ту эпоху Руми сказал: «Я верю, что Господь не создавал никаких рабов». Он считал всех лю-

дей едиными и равными, как об этом говорит строфа из Корана: «Сотворить вас и воскресить вас для Него так же [легко], как сотворить одного человека» (Св. Коран, 31:28).

Однажды Руми вошел в комнату в своем доме и увидел, что его дочь Малика-хатун наказывает свою рабыню. Он сказал: «Почему ты бьешь эту рабыню? Откуда у тебя появилось право причинять ей боль? Что бы ты делала, если бы ты была рабыней, а она - госпожой? Как бы тебе понравилось, если бы я обнародовал фетву, что в этом мире ни у кого нет рабов, кроме как у Господа? Ведь все рабы - это наши братья и сестры». Его дочь осознала свое заблуждение. Она попросила прощения у своей рабыни и освободила ее, сняла с себя богатые одежды и отдала их своей бывшей невольнице. До конца своих дней она не причинила вреда ни одному рабу и строго следовала предписаниям священных хадисов⁵¹.

Руми проявлял милосердие и оказывал помощь не только беднякам и нуждающимся из числа людей, но и животным. Как рассказывал шейх Нафизэддин из Сиваса, «однажды Руми попросил меня купить лепешек на два дирхема. В те дни за поднос лепешек просили один дирхем. Я немедленно купил лепешки. Взяв их у меня, Руми завернул их в тряпку и куда-то направился; я последовал за ним. Наконец он пришел к развалинам хижины. Возле нее я увидел собаку, у которой недавно родились щенки. Руми дал лепешки собаке. Я был удивлен милосердием и добротой этого великого праведника. Руми сказал мне: "Эта несчастная собака ничего не ела семь дней. Она не могла отойти от своих щенков"».

Также рассказывают, что однажды Шихабэддин Гуйанда ехал верхом на осле, и неожиданно осел начал оглушительно кричать. Шихабэддин рассердился и несколько раз ударил ос-

⁵¹ Aflaki, *Manaqib al-Arifin*, vol. I, p. 438.

ла по голове. Увидев это, Руми сказал: «Этот осел везет тебя на своей спине. А ты, вместо того, чтобы любить и ласкать этого осла, ибо ты - всадник, а он тебя везет, бьешь это несчастное животное. Ради Господа, если бы ситуация оказалась обратной, как бы ты поступил?»

Рассказывают, что однажды ремесленник-христианин сооружал очаг в доме Руми. Друзья Руми захотели посмеяться над ремесленником и говорили ему: «Почему бы тебе не стать мусульманином? Ислам - это лучшая из религий!» Ремесленник ответил им: «Пятьдесят лет я возношу молитвы Иисусу Христу. Мне страшно было бы отречься теперь от своей веры и стыдно было бы предстать перед ним». Услышав это, Руми сказал: «Суть веры - это страх. Тот, кто боится Господа, тот - человек Господа, пусть он и христианин». Ремесленник-христианин был тронут этими словами Руми и принял ислам⁵².

Однажды Руми сказал: «Уже сорок лет я день и ночь борюсь, стараясь избавиться от этой болезни под названием “ученость” и раздвинуть эту завесу. Но вижу, что до сих пор во мне есть ее следы. Чем чище зеркало сердца, тем легче оказаться ближе к Истине». И еще он сказал: «Мой отец Бахаэддин Велед, который был султаном ученых мира, всегда говорил: “Если бы я не владел знанием, обретенным благодаря учебе, моя мудрость была бы сильнее знания”».

Когда я очистил свое сердце от познаний и мирской учености, я достиг большего осознания Истины и большей близости к ней.

Я избежал мрака существования и достиг света⁵³.

Познание, которое не подвигает нас ближе к Истине и не дает нам больших знаний об истине, - это не есть истинное поз-

⁵² Aflaki, *Manaqib al-Arifin*, vol. I, p. 516.

⁵³ Там же, p. 446.

вание. Юнус Эмре говорит: «Быть мудрым означает Знать, это означает знание об Истине».

Более того, как уже говорилось выше, когда познание ведет того, кто им обладает, к эгоизму и гордыне, оно уводит этого человека от Истины и ведет его к подозрению и скептицизму. По этому поводу один из наших поэтов пишет: «Разве не лучше оставаться неграмотным и при этом привлеченным к вере, чем быть ученым и страдать от безверия?» Иными словами, неграмотный человек, который покорен влечением веры и таким образом обретает Истину в своем сердце, более драгоценен, чем ученый человек, которого мучают сомнения и неверие.

Однажды Руми приоткрыл шкатулку с жемчугами мудрости человеку, занимавшему видное положение: «На своем месте ты подобен золоту, но тебе нужно быть больше золотом, нежели само золото. Тебя бросят в котел, и ты будешь долго кипеть там, и много раз тебя ударит молот на наковальне аскетизма, чтобы ты мог стать кольцом Соломона или серьгой в ухе султана. Посмотри на все эти создания, что вокруг тебя, - это люди, и они кажутся мусульманами. Но только после того, как они войдут в сосуд Божественной любви, претерпят мощные удары на наковальне терпения, перенесут невыносимое и выдержат боль и неудобства своего положения, они смогут очиститься и стать людьми Истины».

Однажды во время прогулки Руми остановился перед кожевенной мастерской, расположенной недалеко от берега реки, что протекала через город. Сначала вода текла через городские кварталы, затем достигала кожевенной мастерской, а потом текла дальше. Руми увидел, что вода здесь была очень грязной и мутной. Он долгое время стоял и смотрел на воду, а затем сказал: «О бедная вода, будь благодарна, что ты не течешь через сердца жителей города. Если бы ты протекала через их сердца, то увидела бы, насколько мутной и грязной ты бы стала. И все же надо надеяться, что Истина, которая является олицетворе-

нием Чистоты, освободит тебя от этой грязи присущей ей чистой прозрачностью». Руми также говорит, что вода бывает по-разному загрязнена. Она бежит в садах, исчезает под землей и делает много полезных дел. Она питает растения, поднимается в воздух вместе с солнцем, становится облаком и, наконец, в образе чистого и прозрачного дождя вновь падает на землю как Божья благодать. «Когда на следующий год эта грязная вода возвращается на землю, ее спрашивали, касаясь края ее одежды: “О, ты, которая есть море удовольствия, где ты была?” “Я была запачкана здесь, но оделась в прекрасные одеяния и пришла на землю. О вы, которые запачканы! Придите ко мне. Мой путь - вместе с путем Господа. Я исправляю всю вашу скверну, даже дьявола делаю чистым, подобно ангелу. Когда я испачкаюсь здесь, я снова вернусь туда. Я возвращаюсь к своей сути, к сути всей Чистоты. Она снимает с меня грязные одежды и дает мне одежды новые и чистые. Вот что она делает, и вот что делаю я. Господин всех миров украшает и разукрашивает мир”»⁵⁴.

Однажды один из выдающихся хафизов в Конье, человек, который знает наизусть весь Коран, попросил Руми разъяснить положение такого хадиса: «Многие из тех, кто повторяет строки Корана, прокляты Кораном». Руми сказал так: «В большинстве строк Корана содержатся заповеди и запрещения, внутреннее и внешние дела. Один человек читает строку: «Вершите салат и вносите закят» (Св. Коран, 4:77), но он не молится и не раздает милостыню. Кто-то другой читает строку «Аллах велит вершить справедливость, добрые деяния» (Св. Коран, 16:90), но не воздерживается от угнетения других людей. Такой человек - скупец, скряга и обманщик. Конечно же, Коран проклинает таких людей языком своих установлений, считает их проклятыми и будет худшим их врагом в Судный День»⁵⁵.

⁵⁴ Aflaki, *Manaqib al-Arifin*, vol. I, p. 582.

⁵⁵ Там же, p. 578.

Спрашивайте о значении Корана только у Корана и у человека, который умертвил все свои плотские желания и растоптал собственной стопой все свои дурные привычки.

Как-то раз ученые мужи Коньи снова обратились к Руми за разъяснением положения хадиса: «О делах, молитвах и действиях судят по их результатам». Руми объяснил возникновение этого положения хадисов следующим образом: «Во времена Пророка жил один молодой человек, который обрел дурную славу из-за своих многочисленных плохих поступков. Этот молодой человек, прославившийся только своими грехами, внезапно скончался. Поскольку его родственники очень стыдились всего, что натворил этот человек, они похоронили его ночью, тайно, не сообщив об этом никому. На следующее утро архангел Джебраил, Достойный доверия, явился Пророку и велел ему молиться за этого молодого человека. Пророк спросил, какая мудрость сокрыта за этим. Джебраил ответил так: “Господь сказал, что со своим последним вздохом этот человек утвердил себя в вере, сказав: «Я свидетельствую, что нет божества кроме Бога, и свидетельствую, что Мухаммад - Его слуга и посланник Его», и попросил прощения за свои грехи. Тогда я сжалился над ним и простил все его грехи”. Услышав это, Пророк возрадовался и сказал: “О делах, молитвах и действиях судят по их результатам”».

Не смотри свысока на неверующего, ибо он может умереть уверовавшим. Сказал Господь: «Даже если ты неверующий или идолопоклонник, когда ты вознесешь мне молитву, Я отвечу».

И снова в один прекрасный день знатные люди Коньи пришли навестить Руми. В то время он разъяснял значение строки из Корана: «Тот, грудь которого Аллах расширил для ислама» (Св. Коран, 39:22). Он сказал: «Когда этот стих был ниспослан с небес, Пророка спросили, существуют ли какие-либо признаки расширенных сердца и груди. Пророк сказал: “Когда святой свет Истины снисходит в чье-то сердце, это сердце открывает».

ся и расширяется. Когда Господь желает украсить и раскрыть чье-то сердце и сделать его «властителем видения», Он открывает это сердце Своим святым светом. Знаком этого является то, что обладатель такого сердца отстраняется от мира, выказывает склонность к миру грядущему и уходит от этого мира прежде, чем этот мир уйдет от него».

Вот так Великий Пророк воссоединился с Господом.

И в этой мирской жизни тот, кто желает добиться какой-либо цели, встречает на своем пути определенные трудности и неудобства. Тот, кто не жертвует своим сном, пугается и отходит в сторону от своего пути, а тот, кто не может перенести тяготы этого пути, никуда не придет. Как может человек, который любит Истину и хочет идти по пути Истины, достичь Истины, если он много спит, досыта набивает себе желудок и ведет спокойную, полную удобств жизнь?

Удивительно, как может спать влюбленный! Ибо для влюбленного сон - вещь запретная. О Давуд! Если тот, кто спит и не думает обо мне, клянется в любви ко мне, он лжет. Когда спускается темнота, влюбленный сходит с ума.

О влюбленный! Пробудись ото сна и встань. Пусть тебе будет неудобно, пусть ты будешь переносить трудности. Если в стороне шумит вода, как может спать тот, кто испытывает жажду?⁵⁶

Султан всех образованных людей Салахэддин из Малатьи рассказывал: «Я пребывал в городе Эрегли, в доме Нурэддина Вефадара, в обществе великих людей и ученых шейхов. Шейх Джанади приехал вместе с некоторым числом суфиев из Коньи. Его приветствовали с большим почтением. После обмена приветствиями, трапезы и беседы я спросил шейха Муиэддина, что говорил о Руми шейх Садрэддин Конави (умер в 1273 году) и как он описывал Руми в его отсутствие. Шейх Джанади сказал:

⁵⁶ Aflaki, *Manaqib al-Arifin*, vol. I, p. 585.

«Однажды мы беседовали с шейхом Садрэдином и его ближайшими друзьями. Там также присутствовали Фахрэддин Ираки, Шарафэддин Мавсили и шейх Саид Фергани. Разговор шел о Руми, его достоинствах и характере. Шейх из Коньи, который отличался полной откровенностью и глубоким пониманием, сказал: «Если бы Баязид и Джунайд жили сегодня, они бы выказывали уважение и любовь к Руми, человеку Бога. Он также служит всем нуждающимся, кто придерживается пути Мухаммада. Все мы испытали на себе его благодеяния. Все наши восторги и самозабвение происходят от изобилия его святых следов». Все присутствовавшие там дервиши были мудрыми людьми и признали эти слова и выразили свое восхищение ими». Рассказав это, он продолжил: «Я, бедняк, также принадлежу к числу тех, кто обращается за помощью к этому великому султану знания», - и процитировал следующие строки: «Если есть в нас Божественное проявление, Божественная форма, то это ты. Я говорю об этом без колебаний»⁵⁷.

Руми и Садрэдин были два известных праведника, которые в одно и то же время жили в одном городе. Оба вели к Истине возлюбивших Господа. Нельзя было не восхищаться любовью и уважением, которые они выказывали друг другу. Нам следует всегда с уважением и благодарностью вспоминать двух этих безупречных праведников, которые оставили зависть и ревность уделом мелочных шейхов. Как-то один из друзей Руми затосковал. Руми сказал ему: «Вся тоска этого мира происходит оттого, что мы любим этот мир. Когда ты осознаешь, что отошел от этого мира и стал для него чужим, когда понимаешь, что все краски и красоты, которые ты знаешь и которыми любишься, все, что тебя восхищает, - все это преходяще и временно, а тебе суждено перейти в другой мир, - вот тогда вся твоя тоска исчезнет. Как счастлив человек, который общается с людьми мудрыми, а не высокомерными, который проводит свое время с

⁵⁷ Aflaki, *Manaqib al-Arifin*, vol. I, p. 397.

теми, кто считает себя недостойными». Потом Руми продолжил: «Свободный человек, зрелый человек - это тот, которому не приносит вреда тот, кто пытается нанести ему вред. Мужественный человек - это тот, который не обидит человека, заслужившего наказание»⁵⁸.

Однажды Руми выступал с проповедью о самоотречении, стойкости и смирении. Он сказал: «Бесплодные деревья, такие, как кипарис и тополь, поднимают свои головы высоко в небо, и их ветви тоже вытянуты вверх. Когда фруктовые деревья отягощены плодами, их ветви опускаются вниз. Зрелые люди скромны, подобно фруктовым деревьям». Пророк был очень скромным человеком. Без сомнения, Пророк был более скромнее, чем все праведники и пророки до него. Он говорил: «Мне велено быть добрым по отношению к людям и хорошо обращаться с ними. Ни одному пророку не приходилось выносить столько дурного обращения, как мне». Когда они поранили его благословенную голову, когда ему сломали благословенный зуб, он, исполненный бесконечного милосердия, молил Господа: «О, Аллах, направь мой народ по верному пути, ибо они невежественны и ничего не знают». Когда оскорбляли других пророков, некоторые из них проклинали свой народ. Они позволяли камням падать с неба. Их народы подвергались многим бедам; тогда как наш Пророк так хотел благоденствия людей!

Природа человека - из глины. Если человек не смирен, подобно глине, он - не человек⁵⁹.

Однажды цирюльник подстригал Руми бороду. Цирюльник спросил: «Как прикажет мой господин подрезать ему бороду?» Руми ответил: «Ровно настолько, чтобы можно было отличить мужчину от женщины». В другой раз он сказал: «Я завидую дер-

⁵⁸ Aflaki, *Manaqib al-Arifin*, vol. I, p. 432.

⁵⁹ Там же, p. 164.

вишам-каландарам, поскольку они не носят бороды». Он упомянул положение хадисов: «Небольшая борода пристала мужчине. Это потому, что борода - знак мужчины. Большая борода заставляет человека хвастаться, и это духовно убивает его». Руми к этому добавил: «Суфии любят большие бороды, но пока суфий расчесывает свою бороду, мудрец достигает Бога».

Умер один из близких друзей Руми. Люди пришли к Руми и спросили его: «Как нам хоронить умершего - в гробу или без гроба?» Руми ответил: «Делайте так, как посчитают нужным наши друзья». Карамэддин, сын Бектемура, мудрец, исполненный священного света и достигший высокого положения среди людей, обладавших видением, сказал: «Лучше опустить его в могилу без гроба». Друзья спросили: «Почему это будет лучше?» Карамэддин ответил: «Мать заботится о своем ребенке лучше, чем его брат или сестра. Человек по своей природе создан из глины, а дерево гроба - как ребенок этой глины. Таким образом, гроб подобен брату человека, а земля - его матери. Значит, лучше предать усопшего объятиям его любящей матери». Руми чрезвычайно восхищался этим объяснением и сказал: «Об этом ничего не говорится ни в одной из книг».

Султан Велед так передает слова своего отца: «Бахауддин, если ты хочешь полюбить своего врага и сделать так, чтобы твой враг возлюбил тебя, в течение сорока дней говори хорошо об этом человеке. Тогда враг становится своим другом, поскольку есть тропинка от языка к сердцу, точно так же, как есть тропинка от сердца к языку. Также возможно добиться любви Господа, повторяя Его Достославные Имена. Сказал Господь: "О рабы, чтобы сердца ваши исполнились чистоты, не воздерживайтесь от частого упоминания меня. Чем больше чистоты, тем ярче святой свет Господа в сердце"»⁶⁰.

⁶⁰ Aflaki, *Manaqib al-Arifin*, vol. I, p. 324.

Однажды шейх Садрэддин читал среди дервишей проповедь о толковании хадисов. На этом собрании также присутствовали самые благородные и именитые жители Коньи. Неожиданно в дверях показался Руми. Шейх попросил Руми прочитать намеченную на тот день проповедь. Объясняя каждое из положений хадисов, Руми упоминал другие, близкие к теме хадисы и давал совершенно необычные истолкования. Он также упоминал, при каких именно обстоятельствах звучали те или иные положения хадисов. Он приводил такие глубокие истолкования, что все слушатели были просто изумлены. Шейх Садрэддин подумал: «Интересно, значение этого хадиса действительно таково, как об этом говорит Руми, или оно иное, поскольку мы никогда не слышали таких истолкований от наших наставников и никогда не слушали проповедь, произнесенную в таком стиле». В ту же самую ночь шейх Садрэддин увидел во сне нашего Пророка. Пророк сидел в конце той комнаты, где Руми читал свою проповедь. Шейх Садрэддин подошел к Пророку и поцеловал его благословенную руку. Пророк сказал: «Значение этих хадисов и моя цель, которая содержалась в этих высказываниях, именно таковы, как об этом говорил Руми. Он ничего не добавил к ним».

От радости шейх Садрэддин проснулся. Прежде чем он успел рассказать свой сон дервишам, к нему пришел Руми, сел на софу и процитировал Коран: «О Пророк! Воистину, Мы ниспослали тебя свидетельствующим [об истине]» (Св. Коран, 33:45). И затем он сказал: Это значит, что утверждение такого честного свидетеля о рабах достойно доверия, поскольку, если этого пожелает Господь, оно становится достоверным». Это укрепило веру шейха Садрэddина, его любовь и доверие к Руми⁶¹.

⁶¹ Aflaki, *Manaqib al-Arifin*, vol. I, p. 424.

Однажды в присутствии Руми некто играл на рубабе (музыкальном инструменте). Руми с большим удовольствием слушал музыку. Неожиданно в комнату вошел один уважаемый человек и сказал: «Звучит призыв на послеполуденную молитву». Руми остановился на мгновение, а затем сказал: «Нет-нет, тот голос взывает к Богу, но и этот голос взывает к Богу. Призыв на молитву приглашает внешнюю оболочку людей к исполнению долга, тогда как голос этого рубаба приглашает дух человека, его внутреннюю сущность и эту невидимую сторону к любви к Богу и к осознанию Его»⁶².

Сельджукский везир Муинэддин Перване хотел назначить нового судью в Конье. Он выбрал сына везира Таджэддина. У него было много достоинств, он был хорошо образован, но, возгордившись своими познаниями, исполнился высокомерия и дурных манер. Он сказал везиру Перване: «Я приму пост судьи при выполнении трех условий. Во-первых, ты запретишь использовать рубаб. Во-вторых, ты уволишь старых судебных чиновников, которые похожи на придворных палачей. В-третьих, ты будешь хорошо платить новым чиновникам, чтобы у них не возникало соблазна что-либо брать у людей». Перване сказал: «Я принимаю и обещаю исполнить два твоих условия. Но я не могу запретить рубаб, поскольку на нем играют по повелению одного великого владыки». По этой причине сын везира Таджэддина не согласился стать судьей. Когда эта история достигла ушей Руми, он воскликнул: «Хорошая работа, о святой рубаб! Хвала Господу, что рубаб удержал его руку и спас себя от руки судьбы».

Давайте послушаем, что говорит о Руми в своем «Рисале» Сипахсалар*, который был благословен судьбой, позволившей ему много лет прожить рядом с Руми:

⁶² Aflaki, *Manaqib al-Arifin*, vol. I, 424.

* Эту знаменитую книгу «Рисале-и Сипахсалар» написал на персидском языке Маджэддин Феридун, сын Ахмеда, по прозвищу Сипахсалар - буквально

О, Руми, источник «Воды Жизни Вечной» полностью погружен в стыд от зависти к красоте и величественности твоих слов. Он никому не показывает себя.

О, Руми, который собрал в себе все хорошие манеры и моральные заповеди Пророка, который почтил собой этот мир, чтобы совершенствовать хорошие манеры и моральные заповеди! О, уникальный толкователь, который объясняет стихи Корана самым подходящим и самым прекрасным образом!

Что я могу написать, описывая тебя? Что я могу сказать? Даже если я использую все слова, твои достоинства все равно окажутся описанными не полностью, поскольку твои достоинства нескончаемы. Твои хорошие манеры и привычки неисчислимы; их нельзя описать словами.

Толерантность и другие высокие качества Руми, которые обычно приписывают всем праведникам, по сути своей – толерантность и другие высокие качества Пророка Мухаммада. Сипахсалар говорит о Руми как об «уникальном толкователе, который объясняет стихи Корана самым подходящим и самым прекрасным образом». Комментируя некоторые строки Корана в своем почтенном труде «Маснави», Руми затрагивает некоторые аспекты этих строк с божественным вдохновением, которого не мог достичь ни один толкователь Корана из живших до него. По этой причине Исмаил Хаккы Бурсеви (умер в 1725 году) объяснял некоторые строки Корана в своем труде «Рух ал-Бейан», цитируя строки из «Маснави». Сипахсалар, который, близко зная Руми, выражал свое восхищение им, удерживался от

«полководец»; его так прозвали, поскольку он действительно командовал отрядом в сельджукском войске. Сипахсалар умер в Конье в 1312 году и похоронен в усыпальнице Руми, рядом с могилой благословенного отца Руми. Поскольку Сипахсалар служил Руми сорок лет, его книга очень важна для того, чтобы изучать и понимать жизнь Руми. Так давайте изучать Руми, опираясь на свидетельство о его жизни, которое было написано почти семь веков назад, но все еще доносит до нас священный аромат Руми, и не будем выдумывать каких-либо недостоверных историй. – Прим. автора.

того, чтобы сеять раздор между другими дервишами, ибо он любил не только Руми, праведника, которому он был предан, но и всех других праведников, и тем показывал хороший пример всем, кто любит Бога и Истину.

Степень того, насколько Сипахсалар восхищался Руми, можно понять, прочитав следующие его высказывания: «Я тысячу раз прополоскал рот мускусом и розовой водой, но все равно не считаю, что мои уста достойны упоминать твое имя». И Сипахсалар продолжает: «Я собственными глазами видел некоторые из бесчисленных выдающихся достоинств Руми, другие из них я обнаружил в своем сердце и своем сознании. Как я могу объяснить то, что я видел своими собственными глазами, что я ощутил всем своим сердцем, своим языком - таким же неспособным к этому и неподходящим, как мое перо, слишком коротко обрезанное на одном конце? Не все то, что известно, можно увидеть; не обо всем том, что можно увидеть, можно рассказать; и не все то, что можно рассказать, можно записать».

Доказательством тому служит следующее: каждый из праведников обретает некоторые из атрибутов Бога благодаря тому, что убирает все, что не есть Бог, из зеркала своего сердца. Он полностью излечивается от зависти, гнева и похоти благодаря своим молитвам, добрым деяниям и терпению, с которым относится ко всему, что с ним происходит, своим усилиям и борьбе против плотских устремлений (*нафс*) и намеренному ослаблению своего тела. Пророк говорит: «Если человек желает найти Господа в своем сердце и сидеть с Ним, ему следует сидеть в обществе суфиев». Мой шейх Руми также сказал в «Маснави»: «Тот, кто хочет общества Бога и стремится ощутить Аллаха в своем сердце, должен сидеть в присутствии праведников. Поскольку они полностью освобождены от человеческих слабостей, эти особые слуги Господа должны жить с Господом, говорить с Господом и слышать Господа. Великий Пророк говорит нам в досто-

верных хадисах: “Всевышний Аллах говорит: когда Я люблю его (своего слугу), Я становлюсь его слухом, которым он слушает, и его глазами, которыми он видит... и его стопами, которыми он ступает”».

Те, кто в «собрании людей Договора»^{*} отдал свои сердца Богу, остаются опьяненными заветами Договора с Богом. Подобно рабам, их ноги прикованы к этому миру, месту страданий, но они щедро отдают свои жизни. Эти особые рабы Господа растворились в Боге, и в своем существовании их поддерживает Друг. Самое удивительное - это то, что на самом деле они не существуют, хотя кажется, что в этот момент они находятся здесь. «Это истинные люди Единения»⁶³.

Сипахсалар продолжает следующим образом описывать Руми: «Есть много серьезных причин, по которым бедный Сипахсалар говорит о тех высотах, которых достиг Руми. Во-первых, разрешите мне сказать, что наш почтенный господин прекрасно владел арабским языком. Он знал все тонкости арабской грамматики и имел огромный словарный запас. Он был одним из лучших знатоков шариата, тафсира, хадисов, наук логических и словесных своего времени, а также добился выдающихся достижений во многих других областях знания.

В Алеппо, где он совершенствовал свои знания в молодости, друзья просили его разъяснить им сложные места. Руми показывал им так много способов разрешить эти проблемы, что те, кто слушал и начинал понимать эти казавшиеся такими трудными вопросы, впадали в возбуждение от радости понимания. Благословенные решения, которые он предлагал для всех этих задач, не были записаны в каких-либо книгах. Руми хватало одного благословенного взгляда, чтобы прочитать ответ на са-

* То есть мусульмане. - Прим. перев.

⁶³ *Risale-i Sipehsalar*, p. 37.

мые трудные и сложные вопросы в книге своего сердца». Написав это о Руми, Сипахсалар предлагает следующие строки, которые выражают изливания души того, кто возлюбил Господа⁶⁴:

О, сердце, которое, подобно зефиру, ощутило радость раннего утра и почувствовало значение божественных проявлений этих времен!

Скажи, тебя захватило то, что ты видишь, или то, чего ты не видишь?

То, что ты видишь, или то, чего ты не видишь, увело тебя от себя самого?

Иногда ты бежишь к подножью горы, ты трудишься там и видишь руду истины и янтарь любви.

Ты стремишься дальше того, что может видеть взор и почувствовать сердце.

Для тебя открылись сотни окон, ты уходишь за пределы земли и неба, летишь и видишь сотни небес.

Такой восторг, такой туман упал на море, что от радости видеть это вся его голова превратилась в глаз.

Слезы любви вливаются в волны из глаз, соединяясь с морем.

Как удивительно! Как это потрясает!

Слезы и море стали океаном, или же море стало глазами. Перед его взглядом оба мира - словно зернышко, которое положили перед птичкой.

Воистину ясные глаза, которые видели истину и величие, таковы. Во вселенной единства тот, кто видит признаки ищущего и искомого как две разные сущности, - не ищущий и не искомый.

Кто знает Господа?

Тот, кто избежал неверия.

Скажи тому, кто спрашивает: «Кто спасен от неверия?» - «Влюбленный, пораженный несчастьями».

Влюбленный в Бога понял истинное значение слов Базиды Бистами: «Под моим халатом нет никого, кроме Бо-

64 *Divan-i Kabir*, vol. IV, no. 2406.

га», - и увидел этот халат как простое, бесценное одеяние и пожелал снять это одеяние с самого себя, чтобы видеть себя с этим реальным созданием⁶⁵.

Прочитывая эти поэтические строки, Сипахсалар продолжает: «Надобно понять: чтобы постичь взгляды, высказанные в этом стихотворении, и ощутить духовную радость, одного познания недостаточно». Он утверждает, что экзотерические знания и занятие ими иногда могут оказаться препятствием и преградой на духовном пути. Сипахсалар завершает раздел, цитируя следующие строки Руми: «Я хотел бы смыть познание с моего сердца, бежать от самого себя, заставить себя перестать осознавать себя, поскольку это неправильно - отправляться на встречу с долгожданным Возлюбленным в образе ученого человека».

Радение и аскетизм Мевляны

Руми, который вел образ жизни, полностью подобающий мусульманину, и считал Пророка Мухаммада для себя примером во всем, был очень богобоязненным, усердным и аскетичным, поскольку в нем в избытке пребывала божественная любовь. Давайте посмотрим, что об этом пишет Сипахсалар:

«Я, недостойный раб Господа, был в услужении Руми сорок лет. С юности и до смерти Руми не уменьшал свои преклонения Творцу. Я никогда не видел, чтобы он склонял голову к подушке и удобно располагался отдыхать на постели. Воистину, Господь всегда приводил в движение тело святого праведника, который был привержен к самоуничижению, и Он придавал ему силы. Как можно описать его бессонницу и неудовлетворенность? Однажды, ночью после *сама*, когда сон одолел всех присутствовавших, святой праведник прислонился спиной к стене и опустил свою благословенную голову себе на колени. Шейх Мухаммед Хадим пришел и принес широкий

⁶⁵ *Risale-i Sipehsalar*, p. 43.

плащ и покрыл им его благословенные плечи и укрыл все его тело. Когда его друзья заснули, святой праведник встал и начал молиться. Затем он начал ходить вокруг. Он ни разу не остановился и никогда не отдыхал».

Сипахсалар пытается объяснить состояние беспокойства и неудовлетворенности, в котором пребывал Руми, стихотворением из его же «Диван-и Кабир»:

«Я подобен Меджнуну, ибо в моем бедном и слабом сердце нет сил сопротивляться Его любви.

Каждый день и каждую ночь я стараюсь, чтобы освободиться от уз - цепей любви связавших меня .

Оказавшись под взорами Возлюбленного, сердце мое обливается кровью. Я - лишь частично в сознании, и я боюсь, что могу обагрить Его кровью моего сердца.

Поистине, Ты, о Возлюбленный, должен расспросить обо всем фей: они знают, как я пылал всю ночь напролет. Все остальные крепко спали.

Мое сердце, разбившееся на кусочки, странствует всю ночь, ибо горит подобно звезде.

Чарами несправедливого и жестокого Возлюбленного сон покинул меня.

О, мой Возлюбленный, позволь мне надеть одежды огня, уподобившись солнцу, и этим огнем позволь мне украсить и просветить мир, подобно солнцу.

Моя жизнь - лишь мгновение Твоей любви.

Даже если мне удастся сбежать и отдохнуть, мой дух никогда не успокаивается и не отдыхает.

Я достигну мира и покоя в то мгновение, когда больше не буду разделен с Твоей любовью, никогда не отдыхая, но постоянно горя и обжигаясь»⁶⁶.

В другом стихотворении Руми описывает такое же состояние духа и говорит: «Все уснули, только я, влюбленный, который

⁶⁶ *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1438.

расстался со своим сердцем, не спал. Всю ночь мои глаза считали звезды в небе. Твоя любовь смогла так отогнать сон от моих глаз, что он никогда не возвращается. Мой сон испил яд расставания с Тобой и умер».

Когда Руми постился, его терпение и выносливость достигали поразительных высот. Он постиг суть значения хадиса: «Голод есть пища Бога на земле. Он поддерживает тела тех, кого Он любит, живыми благодаря голоду». Руми жил в соответствии с этим хадисом.

В соответствии с установлениями ислама, лишь один месяц в году надо придерживаться обязательного поста. Благочестивые люди, которые живут в страхе Божьем и следуют заветам Всевышнего, также постятся по несколько дней в другие святые месяцы. Есть и такие, кто постится три дня в неделю и больше. Но все, кто постится, принимают пищу на закате солнца. Рассказывают, что даже те, кто проводит сорок дней в уединении, как положено новообращенному суфию, на закате солнца принимают пищу. Но Руми довел голод до его высшей степени. Годами он ел столько пищи, чтобы его желудок не заполнялся полностью. Он говорил: «Сорок лет по ночам в моем желудке не было пищи».

Когда он впервые повстречал Шамса из Тебриза, они сидели и беседовали шесть месяцев, и им не мешали такие человеческие потребности, как желание есть и пить. Когда они совершали разговорение, они ели только один вид пищи. Если Руми что-либо ел, он делал не более десяти глотков. Он говорил: «Во мне живет дракон, который не выносит еды». О голоде он сказал: «Птица твоего сердца не может вылупиться из яйца, поскольку ты много ешь и плохо чувствуешь себя из-за этого. Она остается в тюрьме этой скорлупы. Вылупись из скорлупы пле-

на нафса, чтобы твои крылья смогли раскинуться и ты сумел взмыть в духовные небеса».

Вышеприведенные описания относятся к тому, как Руми постился физически. Но он был и тем, кто лучше всех соблюдал пост духовный, пост сердца, что означает отречение от всего, что не есть Бог. Мудрые люди говорят: «Есть три вида поста: пост, который соблюдают обычные люди; пост, который соблюдают люди возвышенные; и пост, который соблюдают самые возвышенные из возвышенных. Пост обычных людей – это просто отказ от еды и питья. Пост людей возвышенных – это пост рук, ног, глаз, языка и других частей тела, который состоит в том, чтобы удерживаться от греха. Пост самых возвышенных из возвышенных – это отречение от всего, что не есть Бог». Пост, которого придерживался Руми, был именно третьим постом.

Он огорчился, когда его семья начинала много думать о том, как готовить пищу. Если в доме мало заботились о том, чтобы что-то приготовить, он казался очень счастливым и хвалил свою семью, повторяя: «Сегодня свет бедности сияет на челе членов моей семьи». В одной из своих поэм он говорит так: «Тот, кого убивает похоть, осквернен. Но мученик во имя любви чист и непорочен. Бедность разбила свой шатер в месте, которое далеко и от того, кто чист, и от того, кто грязен. Сердца всех влюбленных создали кольцо вокруг бедности. Она – словно шейх, а сердца – его ученики»⁶⁷. И еще в одном месте в «Диван-и Кабир» Руми говорит: «Каждый человек, который спасает свое сердце от желаний двух миров, очищает его и никогда не стремится к удовольствиям ни в этом мире, ни в последующем, понимает, что это есть воздержание и готовность ответить “Да” на вопрос: «Разве я не Господь твой?»»⁶⁸.

⁶⁷ *Divan-i Kabir*, vol. II, no. 890.

⁶⁸ Там же, vol. V, no. 2492.

Как пишет Сипахсалар, когда бы ни наступало время молитвы, Руми поворачивался к кыбле (по направлению к святой мечети в Мекке) и изменялся в лице. Приготовления Руми к ежедневным молитвам напоминали молитвы Али. Как всем известно, лицо Повелителя правоверных Али меняло цвет, а он сам начинал дрожать от страха, когда приходило время молитвы. Когда его спросили: «О Повелитель правоверных, что с тобой происходит», - он отвечал: «Пришло время обратиться к Богу и совершить дело Божественно Договора, который Господь предложил небесам, земле и горам, и они убоялись и отказались от этой ответственности. Боюсь, что я не знаю, смогу ли я выполнить долг, который принял на себя».

Руми молился с открытым сердцем, полностью отрекаясь от самого себя. Во время молитвы он полностью растворялся в Боге и воссоединялся с Богом. Воистину, цель молитвы есть духовное обретение Бога, воссоединение с Богом, для чего следует забыть самого себя и отречься от своего воображаемого существования. По этой причине Пророк говорит: «Молитва есть воссоединение с Господом». Но те, кто смотрит только на внешнюю сторону вещей, не могут увидеть и понять, каким образом произойдет это воссоединение. И это одна из причин, почему на молитву смотрят как на столп веры и как на лестницу, ведущую верующего на небо. Часто отмечают, что Пророк начинал молиться после ночных молитв и продолжал читать молитвы до следующего утра, совершая молитву двух ракатов*, забываясь в присутствии Господа. Также отмечают, что он оставался простертым в молитве и совершал поклоны целый день или целую ночь.

* Ракат (ракаат) - совокупность движений, состоящих из одного кыяма (кыям-стояние на ногах), одного руку' (поясного поклона) и двух сажд (сажда-земной поклон) и молитв, читаемых при этом (прим. ред.).

Молитвы Руми были не такими, как молитвы любого другого верующего, которые совершаются только для того, чтобы добиться милости Божьей. Молитвы Руми были не только молитвами во имя милости Господней, но также молитвой сердца и молитвой любви. Следующий отрывок из «Диван-и Кабир» показывает, в каком состоянии Руми находился во время молитвы:

Когда наступает время вечерней молитвы, все освещают свои дома и накрывают столы, я обретаю дух Возлюбленного (Господа) в своем сердце и начинаю плакать и возносить мольбы.

Поскольку я совершаю омовение своими слезами, мои молитвы пылают.

Когда звук азана (призыва к молитве) достигает дверей моей мечети, моя мечеть сгорает в этом пламени.

В каком направлении находится Кыбла?

Я пропустил молитву, я должен восполнить этот пропуск.

Ты и я получили не один вызов из-за этих пропущенных молитв.

Интересно, насколько верны молитвы тех, кто зачарован любовью к Господу.

Ты говоришь мне об этом, поскольку тот, кто впал в самозабвение, никогда не замечает ни времени, ни места.

Я читаю второй ракат? Или же четвертый? Какую главу (Корана) я читал?

Я не могу говорить от волнения.

Как я могу стучать в двери Господа, когда у меня не осталось ни рук, ни сердца? Я сам не в себе.

Ты забрал мои руки и сердце. О, Господь мой! От меня не осталось ничего. Только Ты даешь мне уверенность и доверие.

Клянусь Господом, я не знаю, как я молюсь.

Завершил ли я положенные поклоны? Кто этот имам? Я не имею понятия.

Позволь мне с этого мгновения быть подобным тени перед каждым имамом и позади него, чтобы я иногда мог съежиться и класть поклоны в страхе перед Тем, кто создал меня...⁶⁹

Поскольку мы любим земной мир и сосредоточиваем слишком много внимания на своих повседневных делах, мы не понимаем, что во время молитвы мы предстаем перед Господом, и думаем о том, что мы уже сделали или что нам предстоит сделать. И как бы мы ни пытались, мы не можем избежать этих случайных мыслей. Мы концентрируемся на мирских вещах, которые случайно возникают в наших мыслях, и путаемся в молитве.

В отличие от Руми, который путался в молитве, поскольку был полностью поглощен любовью к Господу, мы путаемся в своих молитвах, поскольку опьянены любовью к этому миру.

Сипахсалар пишет: «Если бы я попытался описать одну десятую веджда (самозабвения, божественного экстаза) Руми, его любви и божественного притяжения, я не смог бы уместить все это в мою книгу»⁷⁰. О читатель, пусть Всевышний дарует тебе успех. Знай же, что восторг привлекательности – это состояние зачарованности и веджда, вызванное тем, что Господь влечет к Себе Своего слугу. Это состояние такого безграничного влечения, что человек забывает самого себя. Это зачарованность величием Всевышнего, Его властью и Его атрибутами. Это влечение есть воссоединение с Господом, смерть до смерти и постижение Господа при жизни. Если в человеке нет духовного таланта, позволяющего идти по пути, предначертанному Богом, то неважно, сколько усилий прилагает он или как умерщвляет плоть: он никогда не достигнет единства с Богом. Привлечение есть милость Господа в вечном прошлом. Это ду-

⁶⁹ *Divan-i Kabir*, vol. VI, no. 2831.

⁷⁰ *Risale-i Sipehsalar*, p. 22 (Persian edition).

ховный дар, который Всемогущий ниспослал душам некоторых людей в мире духов еще до того, как они пришли в этот мир.

Наш Пророк говорил: «Есть влечение среди влечений к Господу, которое лучше, чем молитвы всего человечества и всех ангелов» Бу хадис тугилмиш. Если человек, преодолевающий препятствия, безрадостность, безнадежность, идет по пути Аллаха и уже достиг определенного уровня, то Всевышний, являясь Самым Могущественным и Самым Прославленным, направляет путешественника по Его пути к безопасности благодаря Своему влечению, совершая это деяние из милости Своей, и помогает ему достичь цели.

Вечное влечение, которым одарил Господь Руми, было ясно видно в нем. Он рассказывал о каждом этапе и каждом уровне, которого достигал, постоянно переполненный божественным влечением:

Любовь - Бурак сокровенного - забрала мое сердце и мой разум.

Спросите меня: «Куда она забрала их?»

Она увела мое сердце и мой разум в страну, которая вам неведома, в иной мир. Я достиг пространства, где я не увидел ни луны, ни неба.

Я достиг такого мира, где даже мир перестает быть миром. На одно мгновение пощадите меня, пожалейте меня, чтобы разум вернулся ко мне и я смог рассказывать вам, что такое дух, и говорить о его красоте.

Не надо пренебрегать моими словами. Выслушайте меня, ведь вы тоже обладаете духом.

Попытайтесь понять дух. Это милости Возлюбленного, оказанные нам, - дары, подарки и дарования.

Это удивительные, никогда не виденные милости и дары.

Это уникальные подарки.

С тропы наших чувств исходит ясный свет, и сердца просвещаются.

Когда дух, который напоминает звезду Канопус, появляется со стороны йеменского угла Каабы, луна исчезает из вида, и солнце, и семь небес.

Свет духа побеждает их. На мгновение прими веру, которая сияет как золото, и почувствуй ее, чтобы понять, какая драгоценность есть в твоём сердце, внутри тебя.

Зажги свет пяти чувств, которые есть в тебе.

Смотри на них как на пять ежедневных молитв.

Твое сердце - словно Фатиха (сура Корана - Прим. перев.), которая состоит из семи строф.

Каждое утро спускается глас с небес.

Если сможешь изгнать любовь к этому миру из своего сердца, ты сможешь услышать этот глас, найти истоки истины и начать свой путь к ней⁷¹.

В другой поэме Руми описывает то же состояние:

Снова счастье пришло к нам и зацепилось за край одежды.

Мы вновь разбиваем наш шатер на небесах.

Вчера Возлюбленный спросил меня: «Как ты можешь отдаваться на милость этого неверного мира?»

Как живет тот, кто видит его улыбающуюся удачу и счастье?

Благодарение Всевышнему, я нашел сладость, о которой не мог даже мечтать Египет, возле своих уст.

Мы - великий человек, пусть даже мы небогаты и не занимаем высокого поста. Мы - король, у которого нет ни подданных, ни войска.

Мы едим сахар, полученный из сахарного тростника, что вырос на нашем собственном поле.

Вращение луны изнашивает нашу жизнь и укорачивает ее, хотя наш Возлюбленный даровал нам много долгих лет жизни⁷².

⁷¹ *Divan-i Kabir*, vol. VI, no. 3038.

⁷² Там же, no. 1272.

Сипахсалар объяснял Руми через самого Руми. Он объяснял его идеи, чувства и взгляды, приводя примеры из его собственных трудов. Поэтому Руми, пытаясь объяснить духовную радость в мире духов, говорит:

О, Господь мой, моя любовь находилась на уровне безупречности, когда Ты создал меня в вечном прошлом (не имеющем начала).

В то время не существовало земли, не было вселенной. Ни солнца не было, ни луны, ни звезд, ни головы человека.

Не существовало ничего, когда Ты избрал меня для своей любви. Я был с Тобой в вечном прошлом. Я был Твоим спутником и другом.

Но если я был с Тобой, и Ты был со мной, почему теперь Ты скрываешься от меня? Почему Ты не являешь Себя?

Глаза, которые видят, - это Ты; тот, кто говорит, - это Ты; тот, что слушает, - это Ты.

Ты - Тот, кто помещает завесу перед нашими глазами, чтобы они не разглядели Истину, и Тот, кто срывает эту завесу⁷³.

Большая часть стихов Руми, прекрасных и оказавших большое влияние на людей, звучали, когда он находился в состоянии погружения в восторг - *истиграк*^{*}, исполненный божественной любви. Что же это за состояние - погружение в восторг? Когда избранные слуги Господа достигают уровня близости и единения с Богом, они зачарованы Его Красотой, Мощью, Величием и Великодушием. Подпадая под влияние Создателя, Абсолютной Красоты, они впадают в *веджд*, опьяненные, словно они пили духовное вино, вино любви. Пророк говорит нам об их состоянии: «Господь приготовил такое вино для своих пра-

⁷³ *Divan-i Kabir*, vol. VI, no. 3238.

* Истиграк - суфийский термин, обозначающий погружение в Бога, вплоть до растворения в Нем. - Прим. ред.

ведников, выпив которое, они пьянеют; опьянев, они впадают в восторг; почувствовав восторг, они замолкают». Наш Пророк был почтен близостью к Богу, как сказано об этом в строке Корана: «Он был [от Мухаммада] на расстоянии двух стрел и даже ближе» (Св. Коран, 53:9). Когда он был одарен такой милостью, когда он увидел духовным взглядом Господа, Обладателя Абсолютного Величия и Абсолютной Красоты, когда он открыл Божественный аманат, оставляемый на временное хранение и Откровение, он впал в состояние неопишуемой радости. Духовное вино, которое привело в восторг нашего великого Пророка, было вином любви, вином истины.

Руми создал много стихов, которые описывают это духовное вино, погружающее в восторг праведников и избранных слуг Господа. Я не могу продолжать свое повествование, не приведя здесь одно из этих стихотворений. Если мы будем внимательно читать эти стихи и размышлять над ними, то, с милостью и помощью Всевышнего, сумеем хотя бы отчасти понять это состояние души, которое очень трудно объяснить и понять:

Это такое вино, что, если хотя бы капля его падает на землю, на пустой и неплодородной земле расцветают розы.

Это такое рубиновое вино, что если оно вспенится и польется через край в полночь, земля и небо наполняются светом, и все вокруг освещено.

Конечно, конечно, в моем сердце скрываются тайны. Налей этого рубинового вина, налей его, чтобы завесы сердца распахнулись и все тайны стали явными.

Посмотри на отроков в пещере. Они испили этого вина и были опьянены и проспали в пещере триста девять лет.

Что это было за вино, которое Муса предложил чародеям, и те были опьянены, и им отсекали руки и ноги?

Женщины Египта были опьянены красотой Юсуфа и искололи себе пальцы.

Спутники Пророка, которые бросались на вооруженных мечами противников, не имея ни кольчуги, ни щи-

та, были опьянены вином истины, что разливал Пророк Мухаммад.

Нет, я неверно сказал. Мухаммад не был виночерпием, поэтому он не мог подавать вино. Он сам был кубком, полным вина Господня.

Сам Всемогущий Господь подавал вино хорошим людям.

Что за вино пил Ибрахим Адхам, что он бросил свой трон и корону и бежал из своей страны? Что за восторг овладел им?

Когда Баязид* выпил этого вина, он сказал: «Я отрекаюсь от всего, что небезупречно».

Когда ал-Халладж** испил этого же вина, он вскричал: «Я есмь Истина!» и отправился на виселицу.

Когда вода почувствовала запах этого вина, она стала кристально чистой. Опьяненные ею простерлись в поклоне и побежали к океану, подобно ручьям в половодье.

Что за вино сокрыто в этой темной ночи, что один бокал его погружает людей в сон и удерживает их от всего?

Какую именно из милостей Великого и Неповторимого Художника могу я упомянуть?

Невозможно разглядеть берега океана Его могущества... Давайте выпьем вина любви. Давайте, подобно пьяным верблюдам, присоединимся к каравану и понесем груз любви.

Где чистое и ясное вино Господа?

Где вино, полученное из винограда?

Баязид ал-Бистами (умер в 875 году) - прославленный персидский суфий, один из символов суфизма. - Прим. ред.

Мансур ал-Халладж (ок. 858-922 гг. от Р. Х.) выдающийся суфий. Был взят под стражу в 911 году по обвинению в «корыстном публичном чудотворстве», заключен в тюрьму, остаток жизни провел в заключении. Казнен в 922 году, но не за свою знаменитую фразу «Я есмь Истина», поскольку она относится к 908 году. Легенды об ал-Халладже были очень популярны в исламском мире. Идеи и взгляды ал-Халладжа оказали заметное влияние на взгляды Руми. - Прим. ред.

То ясное и чистое вино дарует жизнь вечную. Другое вино - грязь.

Виноградное вино превращает того, кто его пьет, иногда в свинью, иногда - в обезьяну.

От красного вина твое лицо может сделаться черным.

Сосуд для вина Господня - это сердце. Открой крышку этого сосуда, поскольку человеческие желания, которые по сути своей зло, покрыли крышку грязью. Сними эту грязь с крышки сосуда и выброси ее прочь⁷⁴.

В другом стихотворении Руми объясняет тайны сердца, охваченного божественной любовью:

О, сердце, ты изменилось с утра. Ты настолько сияешь, настолько охвачено любовью, что не видишь меня, погруженного в восторг и рассеянного не меньше тебя.

О, сердце, что за огонь тебя обжигает, если любой порыв ветра раздувает его и повергает тебя в восторг? Нет, ты стоишь выше ветра и выше пламени.

О, сердце, я не могу объяснить тебя. Ты есть то, что ты есть. Но я знаю одно: теперь ты, подобно солнцу, разрываешь ткань небесной завесы.

О, сердце, что ты за жемчужина? Ни небеса, ни планета Юпитер не могут оценить тебя по достоинству. Пусть моя жизнь станет жертвой Тебе, ибо Ты создал сердце.

О, мой Господь! Тридцать лет я бежал за тобой, словно безумный влюбленный. Я бежал за тобой на дикий необитаемый остров, на котором нет ничего сухого или мокрого. Тогда я не знал, что все и все - это Твое создание.

В моем сознании крутились мысли о вере и безверии. Но ведь вера - это дар Твоего святого света, который исходит от Тебя.

Безверие, подозрение и вера в то, что Ты всемогущ, - все это Твое Предначертание. Ты - и рай, и ад, и полное растворение.

⁷⁴ *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1135.

О, сердце, ты - из этих двух миров, ты - вселенная,
все - в тебе, ты выше и превыше всего⁷⁵.

Если мы попытаемся объяснить тайны сердца и любви, которые затрагивает Руми, будут написаны тома книг, и все равно мы не раскроем тему. О, друг, который стремится обрести Бога и истину, знай, что наш Худавендигар Повелитель обладал безграничным величием, великолепием и славой в любви. С того дня, как он вырос, и до того дня, когда он скончался, его любовь и воодушевление только росли. Он никогда не был удовлетворен своей любовью и воодушевлением, он всегда хотел увеличить их. В одном из стихотворений о веджде и самоотречении он явно указывает на самого себя и говорит:

Явления нашего физического бытия, нашего тела ограничены, но наше духовное существо, пребывающее выше нашей физической сущности, совершенно.

Совершенство было достигнуто с первым бокалом вина, выпитым изначально. Мое сердце разрушено на тропе любви.

Его сильная привязанность к таверне любви разрушила его, обратила в руины.

Скажи любви: «Если ты ищешь кого-то, кто отдал тебе свое сердце и изнемогает от твоей любви, то знай, влюбленный, которого ты ищешь, упал на землю и лежит здесь».

Подойди, возьми его за руку и помоги подняться. Не подходи слишком близко к этому бедняге, потрясенному твоей любовью, смотри на него издали, поскольку я опасюсь, что языки пламени внутри меня могут обжечь и тебя тоже.

Если же этот огонь подожжет и тебя, тогда подойди ко мне, к моим глазам, слезы, которые потоком льются из них, подобны рассыпавшимся жемчужинам. Мои слезы могут загасить твой огонь.

⁷⁵ *Divan-i Kabir*, vol. VI, no. 2978.

Воскликни: “Его больные глаза исцеляются!” Скажи: “Если где-то есть больные, пусть приходят сюда, ибо настало время исцеления”.

Ступай к горам, и где бы ты ни увидел человека, чье сердце спит, дай ему знать, что пробудившаяся удача любви дарует видение и знание каждому, чье сердце спит. Зови их “Придите! Придите!”⁷⁶ *Каупак bulunamadi*

«Разве тот, чью грудь Он раскрыл для [приятия] ислама, который озарен светом от Господа своего, [равен тому, чье сердце запечатано]?» (Св. Коран, 39:22), исходит от такого факела, чей огонь не умещается в двух мирах. Эти строки Руми напоминают о следующей строфе шейха Галиба: «Светильник духа наделен пламенем, которое не умещается в свете небес».

Таухид и иттихад

О читатель, который стремится к истине! Пусть Господь позволит тебе достичь высочайшей истины и внутреннего знания, к которому ты стремишься. Знай, что это очень трудная задача - и понять эти духовные состояния, и описать их. Те духовные уровни и ступени, которых достигают возлюбленные слуги Господни, - это не физические состояния, не видимые степени или ступени, которые можно описать и объяснить. Пусть все это так, давайте, по крайней мере, попытаемся отчасти понять.

Таухид, убежденное единобожие, означает осознание и понимание чего-либо как единственного. То есть это означает понимание и веру, что Бог Один, уникален и несравненен. В Благородном Коране сказано: «Не поклоняйся наряду с Аллахом другому богу» (Св. Коран, 17:22). *Иттихад* означает быть единым*. Уровень *иттихад* выше уровня *таухид*, поскольку вто-

⁷⁶ *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1282.

* Точнее - это тождественность божественной и человеческой сущностей в их разных, стремящихся к единству видах. - Прим. ред.

рой означает *понимание* Бога как Единого во всем, а первый - понимание единства человека с Богом.

Как это возможно? Как может человек, бессильное и смертное создание, быть единым с Богом? Воистину, Бог - не физическое существо: мы не можем прийти к Нему и быть с Ним и пребывать рядом с Ним.

Некоторые люди с ограниченным пониманием рассматривают реальное единство человека с Богом как *хулул*^{*} и ошибаются в этом. Концепция *хулул* имеет значение обретения тела и как таковая не является исламской, приводя верующего к безверию. По этому поводу Руми говорит следующее: «Иттихад - это не хулул, это твое отступничество». Суть единства с Богом, или иттихад, в следующем: Если человек, который вступает на путь Бога, очищает свое собственное естество (*нафс*) благодаря четкому и истовому соблюдению аскезы, самоуничужения, совершению добрых дел и поклонению Творцу, значит, этот человек нашел путь иттихада. Единство этого человека с Богом означает, что он абсолютно подчиняется Господним заповедям, что он полностью растворил свой личный выбор и свою волю в выборе и воле Господа. Великий праведник Авхадэддин Кирмани сказал по этому поводу следующее: «Иди по этому пути, пока не исчезнет двойственность. Если существует двойственность, ее поможет устранить приверженец истины. Ты не становишься Им, но если ты борешься и терпишь, то приходишь к моменту, когда твоя "твойственность" выходит из тебя».

Если воля человека растворилась в воле Всевышнего, значит, этот человек достиг Бога. Если человек, не умеющий плавать, падает в море, он начинает беспорядочно двигать руками и ногами в попытке выбраться, но делает это неверно и в результате только глубже погружается в воду. Если этот человек

* Хулул - субстанциональное единство с Богом. - Прим. ред.

умрет и останется неподвижным на поверхности воды, все движения его тела будут зависеть от моря. По этому поводу Руми говорит в «*Маснави*»: «Вода моря берет мертвого человека в свои волны и несет его по поверхности воды. Как может живой человек избежать моря? Если ты убьешь свои желания и избавишься от того, что делает тебя человеком, море тайн понесет тебя на своих волнах»⁷⁷. В этом случае, если человек становится *инсан ал-камиль*^{*}, или идеальным человеческим существом, любое слово, относящееся к этому подлинному значению, которое будет исходить от него, будет исходить от Всевышнего. Как об этом сказано в Благородном Коране, такое слово прозвучало даже от дерева: «Когда Моисей прибыл туда, к нему обратилось дерево, что росло справа от священной воды: “О, Моисей, истинно я Бог, Властелин Миров”». Вдохновленный этими словами Руми говорит следующее в одном из своих стихотворений:

Я увидел дерево огня. Оно звало меня: «О мой, возлюбленный!» Этот огонь призывал меня.

Или я Муса, сын Имрана? Пораженный бедами, я оказался в пустыне; я ел манну и перепелов.

Я бродил по пустыне сорок лет, как Моисей. О, мой возлюбленный, приди, ты ведь тоже Моисей.

Это тело - твой посох. Если ты схватишься за свое тело и будешь держаться за него, я превращу его в деревянную палку.

Но если ты бросишь его, если бросишь его на землю, я превращу его в дракона, обладающего большой силой.

Ты - Иса, и я - твоя птица. Ты сделал птицу из глины, а когда ты подышал на нее, я обрел жизнь, расправил крылья и взмыл в небеса.

Я - колонна в мечети в Медине, Пророк читал проповеди, прислоняясь ко мне. Когда он оперся плечом на

⁷⁷ *Mesnevi*, vol. I, no. 2844-45.

* Ал-инсан ал-камил - «совершенный человек», т.е. пророки и все высшие ступени в иерархии суфийских святых. - Прим. ред.

другую опору, колонна начала жаловаться и плакать от тоски разлуки.

О, Господин всех господ! О, Король королей! О Всемогущий Творец, который создал фигуры и образы, оставаясь чистым от них!

Какой облик Ты хочешь придать мне? Я не могу этого знать. Только Ты можешь знать это⁷⁸.

Наш Худавендигар (наш Руми) говорит в своем стихотворении:

Я не знаю, каким образом я оказался растворенным, может быть, причиной тому вино божественной любви?

Или где я оказался благодаря этой Красоте Пустоты? Я оказался в таком месте, что теперь я неуместен нигде в мире.

Теперь я не гожусь никому, кроме этого Уникального Возлюбленного, который не ассоциируется с каким-либо местом.

Ты говоришь мне: «Почему бы тебе не прийти в себя? Ты покажи мне меня самого и кто я такой, и я приду в себя. Ты свет, ты сказал Мусе: «Я - Бог, Я - Бог!»⁷⁹».

Если голос, провозглашающий «Я - Бог!», мог прозвучать от дерева, то почему такой голос не может исходить от человека, самого прославленного из творений Господа, на которого возложена Божественная Миссия?

Руми говорит: «Господь воззвал из дерева: «Я - Бог!» Все услышали и все были довольны этим зовом. Если то же самое скажет человек, не говорите, что это слово нельзя произносить, из-за вашей духовной слепоты».

Султан мудрецов Баязид Бистами в состоянии веджда заявил: «Я отказываюсь от всех небезупречных атрибутов. Вели-

⁷⁸ *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1414.

⁷⁹ Там же, no. 1526.

ка моя Слава!» И он увидел в самом себе божественные проявления.

Кутб* своего времени Джунайд из Багдада** сказал: «Под моим халатом нет ничего, кроме Господа».

Мансур ал-Халладж, который восхищал сердца тех, кто возлюбил Господа, своим духовным состоянием и которого повесили из-за его любви к Богу, сказал: «Я есмь Истина (Бог)», и его отвели на виселицу.

Руми тоже испытывал такие проявления и достиг высочайшей точки на этом духовном уровне. В состоянии божественного экстаза он тоже говорил много подобных вещей. Например, в этой строфе он говорит: «Все выпили бокал этого божественного шербета, шербета “Я есмь Истина”. Я же, со своей стороны, выпил его полный кубок». В другом стихотворении он выражает эту же идею:

Мы живы благодаря святому свету Господню, свету,
который поддерживает в нас жизнь.

Мы оба очень близки к Нему, очень хорошо знакомы
с Ним и очень далеки от него, совсем чужие Ему.

Если бы мы показали наше истинное лицо, луна бы
раскаялась в том, что видит себя и показывает свой лик.

Если бы мы расправили свои крылья, мы бы обожгли
даже крылья солнца. Наше чистое тело, наше физическое
существо, которое появляется в человеческом облике, -
это вуаль, скрывающая настоящее существование.

Поистине, мы - кыбла всех, кто простирается (в молитве).

* Кутб - «точка опоры», «полюс благоденствия», один из высших рангов в иерархии суфиев. - Прим. ред.

** Абу-л-Касим Джунайд из Багдада (умер в 910 году) - родоначальник одного из двух основных течений в тасаввуфе - рационалистического, именуемого «учением о трезвости» и учением о полном самоконтроле. - Прим. ред.

Не смотрите на Адама, созданного из глины, но скорее разглядите дыхание, которым дохнули на него, и будьте очарованы им.

Сатана увидел только наш внешний облик, а не то, что было в нас, и поэтому подумал, что мы разъединены с Господом⁸⁰.

Еще в одном месте Руми говорит: «Мансура* повесили, поскольку он намекнул на тайны таухида. Если бы он был жив сегодня, он сам повесил бы меня из-за изобилия и избыточности моих тайн»⁸¹.

Руми объяснял тайны единобожия во многих своих стихотворениях, исполненных глубокого смысла, подобно тем, что были приведены выше. Я не хочу еще больше расширять эту главу, приводя новые и новые стихотворения. Но я не могу продолжать свой рассказ без того, чтобы не процитировать две строфы, которые Сипахсалар приписывает Руми, хотя я не смог найти их в «Диван-и Кабир»:

О Мой Господь, эта колочка, что воткнулась мне в ногу и не позволяет мне воссоединиться с Тобой и спокойно идти по Твоей тропе - мое собственное существование.

Значит, я бы хотел уйти от самого себя, спасти себя от себя. Таким образом, когда я сбегу от самого себя, своего эго, исчезнет двойственность. Я стану Тобой, Ты станешь мной.

Я не могу пребывать с Тобой так много, как хочу, пока Твоя любовь не уберет меня из меня и пока я не откажусь полностью от себя самого, своего эго⁸².

⁸⁰ *Divan-i Kabir*, no. 1576.

* Имеется в виду ал-Халладж. - Прим. перев.

⁸¹ Там же, no. 1459.

⁸² *Risale-i Sipehsalar*, p. 90.

Как утверждают мудрецы, это духовное состояние *итти-хад* представляет собой такой высокий духовный уровень, такое духовное состояние, что человек, который будет иметь счастье обрести его, не сможет бесконечно оставаться в таком состоянии. Он не сможет нести такую тяжелую ношу.

**“Нет ничего на земле или на небе,
что не славил бы Господа”**

Если бы кто-то подошел к тебе, мой читатель, и сказал, что те вещи, которые мы видим на земле и отличаем от растений и животных, поскольку считаем их неодушевленными, на деле являются живыми, поверил бы ты такому человеку? Что означает «неодушевленный»? «Неодушевленный» - это значит, что данный объект не обладает душой или духом; например, камни или почва. Растение или животное - живые, поскольку животное двигается, ест, пьет и размножается, а растение растет, цветет и приносит плоды. Мы можем отметить и понять, что это живое, но мы не можем извлечь особого смысла из утверждения, что скала, почва, срубленное и высохшее дерево, вода, которую мы пьем, одежда, которую мы носим, и все предметы, которые мы используем, - все это живое.

Однако Благородный Коран говорит нам, например, следующее: «Семь небес, земля и те, кто обитает там, славят его. Нет ничего, что не славил бы Его хвалой, но вы [о неверные], не понимаете их славословия» (Св. Коран, 17:44). «Воистину, Мы сделали подвластными ему горы, и они вместе с ним возносят славословия [Аллаху] и вечером, и на восходе, а также всех птиц. И все они обращаются [со славословием к Аллаху]» (Св. Коран: 38:18-19).

Для того чтобы какие-то предметы восхваляли Господа, они должны быть одушевленными каким-то образом. В некоторых хадисах Пророк подчеркивал, что предметы тоже облада-

ют некоей формой жизни. Например, он напоминает нам: «Не тревожьте предметы без нужды, ибо они пребывают в восхвалении». В одной из книг, наиболее заслуживающих доверия, приводится следующее высказывание, которое донесли до нас хадисы: «Еще до того, как на меня был возложен долг пророчества, я знал камень в Мекке, который обычно приветствовал меня. Я до сих пор знаю, что это за камень»⁸³. Ибн ал-Масуд умер в 653 году - Прим. ред.], один из спутников Пророка, сообщает: «Когда мы принимали пищу вместе с Пророком, то слышали, как еда, стоявшая перед ним, возносила ему хвалу». Абу Зар говорил: «Когда Посланник Господа брал в руку несколько камешков, мы слышали, как эти камешки возносили ему хвалу, и это было похоже на жужжание пчелы. Мы также слышали такие же восхваления от камней, которые брали в руку Абу Бакр и Умар». Пророк также сказал: «Не оставляй животных с грузом, привязанным к спине. Вы можете ехать верхом на животных, но не используйте их в качестве кафедры при беседе на улице», поскольку они также находятся в восхвалении. Воистину, сколько животных оказывается более ценными, чем те, кто едет на них верхом?

И в «*Маснави*», и в «*Диван-и Кабир*» Руми подробно рассуждает об этом вопросе. Например, он говорит: «(Все утверждают, что) мы обладаем слухом и зрением, и мы счастливы, (хотя) с вами, непосвященными, мы немы»⁸⁴. Поскольку наши древние ученые черпали свою веру из Корана и хадисов, они считали, что объекты, подобные камням и почве (собираательно джамад, или безжизненное), живые.

Они считали, что животные обладают животным (анималистическим) духом, растения - растительным (ботаническим)

⁸³ Sulaiman bin Ahmad bin Ayyub al-Tabarani, *al-Mu'jam al-Kabir* (Mosul: Maktabat al-Ulum wa al-Hikam), vol. II, 245.

⁸⁴ *Mesnevi*, vol. III, no. 1019.

духом, предметы вроде камней и почвы - неорганическим духом, но человек наделен одновременно и животным духом, и человеческим. Тот факт, что все создания и вещи славят Господа и, следовательно, они живые, что впервые было открыто нам в Благородном Коране пятнадцать веков назад, сейчас также признается наукой.

Сейчас наука и технология четко доказывают, что все вокруг нас, что мы привыкли считать неодушевленным, обладает своей формой жизни и сознания, которую мы пока не в силах понять. Все предметы, которые мы видим вокруг, и все создания сложены из атомов. В центре каждого атома лежит ядро, которое состоит из протонов и нейтронов. Электроны вращаются вокруг ядра с огромной скоростью. Например, в атоме водорода электрон вращается вокруг ядра со скоростью 50 000 км/сек. В каждом объекте, одушевленном или неодушевленном, существует постоянное движение, то есть, существует «жизнь». Пусть это будет камень, почва, вода, железо или медь, одни и те же явления происходят во всех атомах. В атомах всех этих веществ электроны, которые движутся с огромной скоростью, каждую секунду совершают миллионы обращений вокруг своих орбит. Таким образом, становится ясно, что объекты, которые движутся, нельзя назвать неодушевленными: они живые. Такой порядок, существующий в атоме, самой маленькой частице материи, зачаровывает человека Мощью Творца, Его Силой, Искусством Создания, Неповторимостью и Величием. Движение всех предметов вокруг нас ясно показывает, что они живут, восхваляют Всевышнего и говорят о Величии Его Славы. Представляется, что атом, мельчайшая частица, является наиболее безупречной моделью уникального строения гигантской солнечной системы.

Верующий верит в невероятные вещи, о которых говорят Коран и Пророк, не стремясь к научному объяснению. Он ве-

рит в них, но ему нравится, когда наука и технология подтверждают его веру новыми открытиями. Подтверждение истин, изложенных в Коране много веков назад, наукой и технологией наших дней служит приглашением к исламу для ученых-немусульман.

Атом - это модель солнечной системы, в которой мы живем. Можно представить ядро атома Солнцем, а его электроны - планетами. Если кто-то осмелится проникнуть в ядро атома и увеличить эту частицу в миллиарды раз, он сможет создать гигантскую вселенную - вселенную слишком удивительную и слишком необычную для того, чтобы разум смог ее представить. Диаметр атома - примерно десять миллионных миллиметра. И все же в каждом атоме заключена солнечная система. Ощущая эту истину, автор «Гюльшан-и Разз» (шейх Махмуд Шабастари - прим. ред.) писал: «Если ты расколешь сердце капли воды, сотни чистых морей образуются из него». Атомная бомба показывает нам пример силы атома. По расчетам ученых, при высвобождении энергии, заключенной в чайной ложке угольной пыли, можно было бы обогреть город с миллионным населением.

Семь веков назад Руми объяснил, используя аналогии, как некоторые предметы, которые считают неодушевленными, могут обладать способностью говорить. Например, давайте прочитаем следующие строфы:

Поскольку Он (Господь) сделал из тебя, комка глины, человека, тебе стоит признавать реальную сущность всего, что собрано в частицах почвы:

Ведь с этой точки зрения ты мертв, и с этой точки зрения они живы: поскольку они молчат здесь и говорят там.

Когда Он посылает их из тех краев к нам, посох становится драконом по отношению к нам.

Горы тоже поют песнопения, подобно Давуду, и железо становится воском в руке.

Ветер становится вестником для Сулеймана, море приобретает способность понимать слова, когда это касается Мусы.

Луна обретает возможность увидеть знаки, покоряясь Ахмаду (Мухаммаду), огонь расцветает дикой розой для Ибрахима⁸⁵.

В другом томе «*Маснави*» Руми упоминает, что камешки в ладони Абу Джахла начали говорить в результате чуда, сотворенного Пророком:

Абу Джахл зажал несколько камешков в ладони. «О, Ахмад, - сказал он, - скажи нам сейчас, что это такое?

Если ты Посланник (Господа), скажи, что спрятано в моем кулаке? Скажи, ведь ты знаешь о тайнах Небес?»

Он сказал: «Как ты хочешь, чтобы я это сделал?

Должен ли я сказать, что за вещи спрятаны в твоей руке, или пусть они сами объявят, что я искренен и прав?»

Абу Джахл сказал: «Второй вариант более необычен». «Да, - ответил ему Пророк, - но власть Господа выше этого».

И немедленно из его сжатого кулака каждый камешек начал произносить мусульманский символ веры.

Каждый сказал: «Нет божества», и каждый сказал: «кроме Господа»; каждый завершил речь жемчужиной: «Ахмад (Мухаммад) - посланник Его».

Когда Абу Джахл услышал это от простых камней, он в гневе своем бросил их на землю⁸⁶.

Руми также затрагивает этот вопрос в других томах «*Маснави*». Например, «Покорность камня Пророку и посоха - Мусе делаются явными и свидетельствуют о других безжизненных вещах; они говорят: "Мы осознаем Господа и покорны Ему: мы

⁸⁵ *Mesnevi*, vol. III, no. 1011-1016.

⁸⁶ Там же, no. 2154.

все - свидетели Его мудрости, мы созданы не случайно и не напрасно»⁸⁷. Руми упоминает камни: «Мы - не какие-нибудь ненужные предметы, которые созданы понапрасну». Это напоминает мне о следующих строках в разделе «Слово Исаака» в «Фусус ал-Хикам» Мухйиддина Ибн ал-Араби: «О Ты, который создал все сущее в Себе! Ты - все, что Ты создал». Однако из этого не надо делать вывод, что все созданное - это сам Господь. Так считают пантеисты. Исламское понимание этой доктрины именуется «Единство существования». Мухйиддин Ибн ал-Араби, величайший представитель этого воззрения, хочет сказать: «О мой Господь! Во всех вещах, которые Ты создал, в мельчайших частицах, равно как и в звездах, проявляются Твое Величие, Твоя Бесконечность и Власть. Они подобны галактикам, что вращаются вокруг звезд с невероятной скоростью, не сталкиваясь друг с другом и небесах, в космосе, этом символе пространства, глубины и бесконечности. Все частицы и атомы во всех существах вращаются вокруг своих ядер на удивительной скорости. Это выглядит так, словно целая галактика уместилась в сердце атома. О мой Господь! Свет Твоей Власти, который сияет на все существа, что Ты создал, оживляет их, и они вращаются в любви к Тебе и славят Тебя».

В другой строфе «Маснави» Руми упоминает плач и жалобы ствола финиковой пальмы, колонны в *ханнанае*, поскольку ее разлучили с Пророком^{88*}:

⁸⁷ *Mesnevi*, vol. IV, no. 2827.

⁸⁸ Muhammad bin Hibban al-Tamimi (d. 354 A.H.) *Sahih Ibn Hibban*. Ed. Shuayb al-Arnaout. (Beirut: Muassasah al-Risalah, 1993), vol. XIV, 435.

Это событие носит наименование «Хани ал-Джиз» - «Стенания ствола финиковой пальмы». Пророк имел обыкновение читать проповеди, прислонившись к колонне, сделанной из ствола финиковой пальмы. Его соратники сделали новую колонну, и во время очередной проповеди старая стала испускать жалобные стоны, печалась о своем расставании с Пророком. - Прим. автора.

Стеная, колонна жаловалась о своей разлуке с Пророком, как это могло делать разумное существо.

Пророк сказал: «О колонна, что тебе нужно?» Она ответила: «Моя душа обливается кровью из-за расставания с тобой.

Я была твоей опорой: теперь ты покинул меня: ты нашел новую опору возле кафедр».

«Желаешь ли ты, - сказал он, - стать финиковой пальмой, чтобы люди Востока и Запада собирали твои плоды?»

Или же пусть Он, Господь сделает тебя кипарисом в ином мире, чтобы ты оставалась вечно свежей и пышной?»

Она ответила: «Я желаю того мира, где есть жизнь вечная». Слушайте, о вы, которые не слышат! Не будьте меньшим, чем кусок дерева!

Он (Пророк) похоронил эту колонну в земле, чтобы и она восстала из мертвых, подобно людям, в Судный День.

Так что знайте отныне, что каждый, кого Господь призвал (к Себе), остается свободен от всех трудов этого мира.

Тот, кто трудится и работает во славу Господа, получает доступ туда и оставляет труды этого мира.

Тот, кто не посвящен в духовные тайны, как он может поверить в жалобы неодушевленного предмета?

Он говорит «Да», но не от всей души, только ради согласия, чтобы люди не сказали, что он лицемер в своей вере.

Без тех, кто знает о Божественном приказе «Будь!», эта доктрина (что неодушевленные предметы могут говорить) была бы отвергнута в этом мире⁸⁹.

Как можно увидеть в вышеизложенных строках из «Маснави», Руми желает пробудить наш внутренний взор и сознание, погружаясь в глубины нашего духа. «О те, кто разочаровался в материальном мире, те, кто имеет высокое мнение о себе и полагается на свой разум! - говорит он. - Вы не можете

⁸⁹ *Mesnevi*, vol. I, no. 2113.

извлечь смысл из того факта, что предметы, считающиеся неодушевленными, обладают жизнью и эмоциями, не так ли?»

При жизни нашего Пророка были такие люди, как Абу Джахла, которые не уверовали даже тогда, когда услышали, как камешки в его ладони провозгласили символ веры*. Были даже такие, кто возражал против аятов Корана, где говорится о воскрешении после смерти. Господь ответил им следующими аятами: «Оживит их Тот, кто создал поначалу!» (Св. Коран, 36:79). И еще: «Когда Он хочет чего-либо, то стоит только Ему произвести: "Возникни!" - и творение возникает» (Св. Коран, 36:82).

Можем ли мы охватить все это своим разумом? Зия-паша (умер в 1880 году), османский интеллектуал [писатель и общественный деятель - Прим. ред.], почувствовал эту истину и выразил ее так: «Наш маленький разум не может охватить эти высшие истины, поскольку масштаб нашего разума не способен вместить эти мысли, исполненные глубокого значения». Действительно, разве может наш разум понять глубину и протяженность космоса, или, точнее, его бесконечность? Спутник «Галилей», который запустили в космос, пронесся со скоростью пули 3 700 000 000 километров и достиг орбиты Юпитера. В галактике Млечного пути есть бесчисленные солнца и звезды. Как свидетельствуют последние исследования, во вселенной имеется 50 миллиардов галактик. Открыты звезды, которые находятся на расстоянии пятнадцати миллиардов световых лет. Разве может разум человека когда-либо охватить бесконечность пространства? «Подумайте о самолете, который может лететь со скоростью 186 000 миль в час, - сказал один ученый. - Этот самолет может облететь вокруг вселенной, для открытия которой понадобился миллиард лет». Ученые пришли к такому выводу после точных расчетов. Это не продукт нашего воображе-

* См.: Коран, 44:43; 96:6-19. - Прим. ред.

ния. Чтобы иметь какую-то идею о Величии Господа, Его Мощи и Силе Созидания, мы должны думать о бесконечных небесах, изумляться и молиться Всевышнему, как молился наш Пророк, повторяя: «О, Господи, увеличь мое изумление!» И когда мы говорим «Господь велик!», нельзя это только говорить, не ощущая какого-либо возбуждения. Наши сердца, наша способность к интуиции и наш разум также должны осознавать это величие и эту бесконечность.

Мухйиддин Ибн ал-Араби пишет в «Футухат ал-Маккийя»: «Я собственными ушами слышу хвалы, возносимые предметами. Среди всего существующего больше всего возносят хвалы Господу те предметы, которые мы считаем неодушевленными, например, камни и почва. Затем идут растения, животные и, наконец, человек. Удивительно, что именно человек, которого Господь создавал с любовью и который «самое почтенное из всех созданий», - то существо, что менее всего хвалит Господа, по сравнению с иными существами, поскольку он больше всего привязан к иным существам». Как говорят Коран, наш Пророк, святые и праведники, все, что существует на Земле, славит Господа. Наш Пророк запретил нам убивать лягушек, говоря, что их кваканье - это хвалы Творцу. Лягушки хвалят Господа, деревья хвалят Господа, шум бегущей воды, скрип двери возносят хвалы, ибо нет ничего, что не хвалит Господа. Я не могу завершить этот раздел, не приведя следующий фрагмент из творения поэта-мудреца:

Все звуки созидания, высокие или низкие, - все это звуки мудрости, вслушивайтесь в них и услышите. О сердце, все они - знаки от Господа.

Море, суша и небеса - все они словно школа, одухотворенные создания обучаются там, открыто или тайно, со своим учителем, интеллектом.

Рык львиный исходит от Величия и вселяет страх в создания. Мелодии птиц исходят из Красоты и сложены из добрых известий.

Не думайте, что они говорят «ква-ква»; гусь и утка на озере говорят «йа-хакк»*. Воркование горлицы на дереве - это молитва Господу.

Соловей поет в розовом саду; об этом распространяются слухи. Возлюбленная этой птицы - роза. Думать, что это гиацинт - невежество.

Канарейка поет и взмахивает крылышками на волне единения. Думать, что причина тому - звук чудесного запаха, - заблуждение.

В звуке *нея* (камышовой флейты) всегда звучит: «Владыка наш, ты пощади нас!» (Коран. 2:286).

Скрипка, без сомнения, не говорит ничего, кроме «Господь велик!»

Если влюбленный в Господа слушает звуки музыки, он повергнут в духовный восторг. Все, что он слышит от струн саза (лютни), - это песня единства.

«О Господи, ты - моя конечная цель» - вот цель всех звуков. Удовольствие Господа - это желание и устремление всех. Все остальное - только слова.

Любовь

После того, как Руми обрел самого себя и почувствовал, что есть в нем, он начал видеть и в других то, что было в нем. Таким образом он соединил Любовь к Господу с Любовью к Человечеству. Он пришел к выводу, что любить людей значит любить Бога. Если прочитать внимательно следующие строки, то становится ясно, к кому в действительности обращена бесконечная любовь Руми к Шамсу: «Шамс из Тебриза - это предлог. Только нас восхваляют в красоте, только нас восхваляют в милости»⁹⁰. В другом стихотворении Руми советует нам ценить

* «Йа-хакк» - «истина». - Прим. ред.

⁹⁰ *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1576.

каждого из нас и любить друг друга, поскольку мы любим наших возлюбленных не ради их физического существования, но благодаря Богу.

Любовь Руми к человечеству бесконечна. В стихах Руми проявляется эта любовь к человечеству, понятны его мысли об этом. Руми готов прошептать много секретов на ухо тем, кто внимательно читает его и размышляет над его словами.

Каждый праведник и святой ощущает мир по-своему. Как праведник Руми всегда говорит о любви и о влюбленных. По этой причине Руми называли «Султаном влюбленных». В одном из своих стихотворений Руми говорит:

Путь нашего Пророка - путь любви.
Мы - дети любви, и наша мать - любовь.

Несомненно, что Руми во всем своем творчестве ставит концепцию любви выше всего остального. Во многих притчах, изложенных в его книге «Маснави», и в стихотворениях, составивших его книгу «Диван-и Кабир», в центре внимания - любовь. Любовь, о которой говорит Руми - это не преходящая любовь. Это не метафорическая любовь *ишк маджази*, это любовь реальная. Любовь, о которой он говорит, направлена к Истине, именуемой Божественной любовью, Любовью, которую испытывают к Богу. Заявляя, что любовь является атрибутом Бога, Руми говорит:

Любовь - это атрибут Бога, который не нуждается ни в ком. Испытывать любовь к кому-либо другому, помимо него, - значит испытывать любовь только метафорическую⁹¹.

Чтобы понять концепцию любви, мы должны внимательнее рассмотреть концепции *ишк маджази* и *ишк илахи*, которые также известны как истинная или абсолютная любовь. Два этих

⁹¹ *Mesnevi*, vol. VI, no. 971.

вида любви известны в учении Руми. Первая, *ишк маджази*, относится к материальному миру и телесной любви, это любовь между мужчиной и женщиной. Что же касается абсолютной, истинной Любви, *ишк илахи*, то это любовь к Богу. Другими словами, метафорическая любовь является преходящей и, следовательно, недолговечной. Однако же реальная Любовь вечна и бесконечна.

Некоторые святые и праведники считают, что метафорическая любовь не является пустой до тех пор, пока она не запятнана и не загрязнена телесными желаниями. Считается, что такой тип любви может быть мостиком к Любви истинной. Как считают эти святые и праведники, любовь к красоте не является любовью к личности, но любовью к той красоте, которой эта личность обладает. Удивительная красота прекрасного есть отражение красоты Создателя, Его Искусства, Его Власти и Его Могуущества. Изумление перед такой красотой открывает дорогу истинной любви. Руми говорит:

Любовь, будь она реальной или метафорической,
В конце пути приводит людей к Богу⁹².

Здесь надо ответить на вопрос. Почему эта метафорическая любовь, *ишк маджази*, была дарована людям? За века до Фрейда, психоаналитика нового времени, Руми упоминает об этой концепции в следующих строках:

Господь создал желание между мужчиной и женщиной.
В результате их союза продолжается жизнь на Земле⁹³.

Ибн ал-Араби, выдающийся суфий, рассматривал это желание, упомянутое выше, как комплементарное. Он говорил следующее: «Люди, мужчины или женщины, становятся завершенными после брака. В одиночку женщина - это половина,

⁹² *Mesnevi*, vol. I, no. 111.

⁹³ Там же, vol. III, no. 14-15.

и мужчина - это половина. Мужчина дополняет себя женщиной. Женщина дополняет себя мужчиной. Этот союз не материален, но он духовно комплементарен»⁹⁴. Следовательно, это желание романтической любви является отражением стиха Корана, который говорит: «Я вдохнул мой дух в Адама и детей Адама». Следовательно, союз между женщиной и женщиной - это не мирское, или ложное, желание; это, скорее, взаимоотношения с миром, который лежит за материальной жизнью. Это взаимоотношения между знакомыми духами, и это - выражение любви одного к другому. Однако эту любовь не следует сводить до простого биологического уровня, подобного животному.

Как наиболее совершенные создания Божьи, мы должны обладать иными уровнями этой любви, осуществляемой путем брака и на принципах шариата. Следовательно, исламская религия не запрещает романтическую любовь и также не запрещает брак. Как говорит Руми, «эта романтическая любовь, или желание, была дарована людям ради продолжения человечества. В то же время можно ожидать, что люди будут бороться против своих биологических желаний».

В исламе не существует институализированного celibата для мужчин или женщин, но существует целомудрие, и чистая жизнь, и контроль над своими желаниями. Взаимоотношения между мужчинами и женщинами ограничены концепцией брака. Руми считал, что брак дает удовлетворение, позволяя человеку контролировать свои желания. Аморальные взаимоотношения искажают сознание человека. Следовательно, этот тип взаимоотношений запрещен в исламе. Любовь не запрещена,

⁹⁴ Abu Abdillah Muhy al-Din Muhammad b. Ali Ibn al-Arabi, *The Wisdom of The Prophets (Fusus al-Hikam)*, tr. Angela Culme-Seymour (Wiltshire: Beshara Publications, 1975), pp. 116-133.

но запрещено прелюбодеяние. Следующее положение хадисов объясняет это измерение любви. Пророк говорит:

Тот, кто влюбляется и держит эту любовь в тайне и остается целомудренным и умирает - тот мученик⁹⁵.

В этом хадисе разъясняется, что тех, кто избегает прелюбодеяния, борясь со своими желаниями, после того, как они умирают незапятнанными, считают мучениками, поскольку биологические желания - из числа самых опасных врагов человеческой безупречности. Победа над этими желаниями считается одним из самых героических поступков. Руми говорит:

Гнев и желание ослепляют людей.

Следовательно, они изменяют направление духа⁹⁶.

Если романтическую любовь не сдерживать, она может оттолкнуть верующих от поклонения Богу, разрушить их счастье и даже отвлечь их от истинного ощущения человечности. Все телесные желания преходящи, удовлетворение их сменится болью и угрызениями совести после того, как желания исчезнут. Как говорит один турецкий поэт:

Некоторые из них затронули совесть,

а другие затронули тело и дух.

Что бы я не делал ради своего желания,

В последствии я раскаивался в этом.

Некоторые желания, которые мы стремимся удовлетворить, ранят нашу совесть, другие ранят наше тело, а третьи разрушают здоровье. В итоге мы раскаиваемся.

Отдавать наше сердце вещам преходящим, нестабильным, подобным временам года, и преходящей красоте - бессмыслен-

⁹⁵ Al-Munawi, Muhammad Abd al-Rauf, *Faydh al-Qadir* (Beirut: al-Maktabah al-Tijariyyah, 1972) vol. VI, p. 180.

⁹⁶ *Mesnevi*, vol. I, no. 333.

но. Руми, который весной наблюдал за цветком, что растет, улыбается и танцует на ветру, думает о взаимоотношениях между этим цветком и солнцем. Солнце говорит этому цветку следующее:

«О улыбающиеся цветы! О зеленая трава! Увидим, когда я пройду над вами. Сейчас вы радуетесь, поскольку не задумываетесь над своим будущим. Люди, юные и прекрасные, подобны вам. Красавицы раскрываются подобно цветам. Они горды прелестью своего тела. Они глядят в зеркало и наполняются любовью, поскольку обретают силу от духа, спрятанного в них. Он дает им жизнь и делает их счастливыми».

Дух говорит с красавицами, которые гордятся своим прекрасным телом:

«Вы живете благодаря моему свету. В чем же причина вашей гордости? Благодаря той власти, которую я даю вам на день или два, вы двигаетесь, чувствуете себя счастливыми и убеждены, что эта материальная жизнь никогда не кончится. Ваша радость так велика, что она не вмещается в этот мир. Подождите и увидите, что произойдет, когда я покину вас. Те, кто очень любил вас, похоронят вас в могиле, где тело ваше будет съедено муравьями и змеями. Разве кто-то может быть удовлетворен смертью? Даже те, кто удовлетворен смертью, будут затыкать себе носы, чтобы не ощутить запах ваших тел»⁹⁷.

Турецкий поэт Аданалы Зия говорит:

Солнце любви, в конце концов, заходит.

Я влюблен в Вечного.

Я не люблю тех, кто преходящ.

Кратко упомянув о концепции преходящей любви, *ишк маджази*, поговорим теперь подробнее о концепции Божественной любви. Нам надо найти ответ на вопрос: как могут люди любить Бога, которого нельзя увидеть, познать и понимать во всей пол-

⁹⁷ *Mesnevi*, vol. I. no. 3-6.5.

ноте? Поистине, об этом говорит Посланник Божий Пророк Мухаммад:

О Боже, мы не понимали Тебя так, как Тебя следовало понимать.

Пророк ислама, несмотря на свою близость к Богу, признается, что не может понимать Господа так, как Тот того достоин. Тем более простым людям трудно понять, как же они могут любить Его? Али, двоюродный брат и зять Пророка, говорит: «Я не поклоняюсь Господу, которого я не знаю». Конечно, Всевышний - это не материальная сущность, которую можно увидеть воочию. Мы не можем увидеть Его так, как мы видим Его создания. Как говорит турецкий поэт Муаллим Наджи:

Разумные знают, что есть один Бог,
хотя Его личность нельзя понять.

Для того чтобы любить Бога, прежде всего мы должны ощутить Его существование своим разумом, сознанием и подчинением. Мы должны принять Его существование. Как прекрасно сказано в стихах Ибрахима Халэддина:

Когда ты читаешь книгу,
ты спрашиваешь, кто ее написал.
Когда ты видишь красивое здание,
желаешь узнать, кто его построил.
Разве у небес и земли нет владельца?
Когда человек думает об этом, он понимает,
что все доказывает нам:
есть Великий и Всемогущий Бог.

Создатель этой вселенной, включающей нашу планету, украсил вселенную прекрасными произведениями искусства, скрылся за Своими произведениями и превратил Свои труды в завесу для Самого Себя. Мы не можем увидеть Его, но Его труды очевидны. Все было создано прекрасно. Миром правят неиз-

менные законы. Создатель великолепен и уникален. В одном из своих стихотворений Руми славит Господа следующими словами:

О, Господь, который дал жизнь моей жизни, сними завесу со своего лица.

О, Ты, который со мной в моих заботах и печалях.

О, мой Господин, где бы я ни был, Ты всегда со мной.

О, Возлюбленный, который со мной ночью.

О, Тот, кто всегда слышит мои мольбы.

О, мой Господь, который послал огонь любви всем атомам моего тела. Ты прекрасней всех образов и тел, и ты чище всех духов.

У Тебя нет образа или подобия, но ты притягиваешь к Себе все мои мысли, подобно магниту.

Все мое существо стремится к Тебе и теряет себя в Тебе.

Как говорит Руми в вышеприведенных строках, мы не можем думать о природе Господа, который стоит по ту сторону любого образа или подобия. Пророк ислама также завещал своей общине: «Думайте о благословениях Господних. Не думайте о (личности) Господа». Мы можем понять Бога через Его прекрасные имена и атрибуты и через Его творения, которые мы можем видеть и ощущать. Каждый, кто смотрит на сотворенное Всевышним, поймет и почувствует Бога в меру своего понимания и милости Творца. Значит, человек понимает Бога через Бога. Если Он не позволит вам видеть, вы не увидите. Мы, люди, должны молить Господа показать нам Его Власть, Его искусство и Его Красоту. Господь создал нас самыми почтенными созданиями во всей вселенной. Наше существование, существование людей, не ограничено телесной жизнью. Мы стали людьми благодаря Божественному Доверию, которое было даровано нам.

Как говорит Руми: «Все те, кто живет на Земле, едят и пьют, двигаются и путешествуют. По сути, все наши тела - тени. Реальность нашего существования лежит за пределами этого тела».

Турецкий поэт и мистик Юнус Эмре говорил: «Во мне есть “Я”, которое за пределами моего “Я”». Есть также строка из хадисов, согласно которой Господь сказал: «Я желал, чтобы меня узнали, поэтому я создал человечество». Желание быть признанным скрыто в концепции любви. Господу не нужно, чтобы его знали и любили, но Он любит, когда его знают и любят.

Вопрос в том, как мы можем любить Господа? Мы знаем, что у нас есть пять чувств, но на самом деле мы обладаем и шестым чувством. Мы можем концептуализировать и ощущать Господа именно этим шестым чувством. Люди стали отличаться от животных благодаря разуму, сердцу, свету и внутреннему чувству. Внутреннее зрение в людях называют «глаза сердца», или *басир*^{*}. Эти глаза видят яснее, чем обычные глаза.

Руми сказал: «У тебя две головы. Одна принадлежит мирской жизни, созданной из праха. Другая принадлежит небесам. Это чистая и духовная голова». Благодаря этой духовной голове и духовным глазам мы можем понимать реальность. То, что мы не можем понять посредством наших пяти чувств, можно понять посредством духовного знания и духовного зрения, можно почувствовать и увидеть глазами сердца. Никто не может отрицать любовь Господа, кроме тех, кто опустился с уровня человека на уровень животного и не имеет никаких других чувств, кроме биологических пяти.

Любить Бога значит возносить благодарность Богу. Если мы глубоко задумаемся, то увидим и почувствуем, что Господь любит человечество, поскольку Он дал нам то, чего не дал ни

* Басир - Бог Видящий. Упоминание в Коране - 42 раза (Св. Коран, 2:96, 110, 233 и др.). - Прим. ред.

одному другому созданию. Не любить Господа, несмотря на его нескончаемые щедроты, значило бы проявлять неблагодарность. Поистине, в людях существует потребность в любви и вере. Человек, который отрекся от этой духовной потребности, становится неблагодарным, не только по отношению к Богу, но и ко всему мирозданию, ибо он отверг свой истинный долг. Это создает пустоту духа, и такие люди чувствуют, что им не хватает чего-то очень важного. Размышляя, можно прийти к выводу, что есть крепкая связь между Господом, Создателем, и человеком, Его слугой. Это состояние редко осознают. Большею частью мы ищем убежища в Господе, когда нам плохо, мы тоскуем или столкнулись с бедой, иногда даже в радостные времена, поскольку Господь ближе к нам, чем мы сами. Коран говорит: «И Мы более близки к нему, чем яремная вена» (Св. Коран, 50:16). Те, кто поступает в соответствии с повелениями своей совести, часто поминают Господа, работают на благо человечества, делают добрые дела и все поступки совершают безупречно, несмотря на природу своих обязанностей. И те, кто много молится Богу, счастливые люди, которые достигли этого уровня близости к Богу.

Бог - это не что-либо материальное. Следовательно, близость к нему не следует понимать в материальном или физическом смысле. Эта близость не имеет ничего общего с расстоянием и пространством. Эта близость - через чувства, любовь и атрибуты Бога. Как сказано в Коране: «Когда же Я отолю его и вдохну в него от Моего духа» (Св. Коран, 15:29). Человек, который стал отражением этого стиха, - близок к Богу; по этой причине Бог приказал ангелам поклониться Адаму. В Коране сказано: «Мы назначили тебя [Своим] наместником на земле» (Св. Коран, 38:26), что указывает на более высокий уровень человека по отношению ко всем другим созданиям. Возникла особая связь между Господом и человечеством благодаря такому особому сотворению человечества. Это потому, что Господь соз-

дал человека и сделал его правителем на земле. Он возвысил человека над всеми другими существами. Руми, описывая ситуацию, в которой находится человек, испытывающий чувство одиночества, поскольку все его друзья покинули его, говорит:

Не испытывая одиночества. Здесь есть Некто сокрытый⁹⁸.

Некто, о котором говорит Руми, - это Тот, который не может быть вмещен землей и небесами из-за Своего величия, но он может уместиться в сердце верующего, поскольку сердце верующего может быть больше, чем вся вселенная, до тех пор пока оно привязано к Богу. В другом стихотворении Руми отмечает:

В твоей душе есть другая душа. Ты ищешь эту душу.

В горах твоего тела сокрыта драгоценная руда. Ты ищешь залежи этой руды.

О, суфий, который оглядывается в поисках Его!

Если ты ищешь Его, не смотри снаружи, ищи его внутри.

Душа нашей души - это дух, который пришел от Него. Поиски души есть поиски Бога. Понимать Бога - значит любить Бога. Но что такое любовь к Богу в сердце Его слуги? Это ощущение в сердце, и это ощущение слуги невозможно описать словами. Это тонкое, радостное и чистое чувство. Оно заставляет людей превозносить Господа превыше всего, искать Его радости прежде всего. Когда человек выполняет свой долг перед Творцом, он испытывает чувство успокоения внутри своей сущности. Следовательно, те, кто является другом Господа и испытывает дружбу к Господу, остаются в состоянии чистоты, получив это ритуальное очищение, не только во время пяти ежедневных молитв, но они всегда думают о нем так часто, как только могут.

⁹⁸ *Divan-i Kabir*, vol. I, no. 188.

Они помнят Его своим сердцем, они ощущают Его своим внутренним чувством и усердно трудятся над тем, чтобы еще больше устремиться к Нему. Слуга обнаруживает силу Господа, Его искусство во всем и в каждом событии и испытывает изумление. Когда люди ощущают аромат прекрасного цветка, они видят искусство Всевышнего. Когда люди вкушают фрукты, они думают о появлении этих изысканных плодов из земли, и их изумляет щедрость Господа, который даровал им это, и они благодарят Его. Те, кто путешествует по направлению к Господу, должны верить в справедливость Творца. Если они видят какую-то несправедливость в обществе, они верят, что раньше или позже Его справедливость восторжествует, здесь, в этом мире или в последующем.

Цель мистики суфиев - понять и возлюбить Того, кто создал человечество. Любовь слуги к Господу невозможно описать через склонность, ограничения или всеохватность, поскольку Господа невозможно охватить или ограничить. В суфийской традиции любовь описывается как растворение в Возлюбленном. Следовательно, любовь нельзя описать, понять, ограничить или заключить в какие-нибудь рамки. В то же время, нет ничего более ясного и уверенного, чем любовь в сердце влюбленного, до тех пор, пока влюбленный чувствует и понимает.

Хорошо известно, что если мы чего-нибудь не понимаем, мы стремимся объяснить это. Благодаря этим объяснениям мы избегаем какой-либо двусмысленности. Когда дело доходит до концепции любви, нет никакой необходимости объяснять ее. Руми разъясняет:

Когда мне бывает необходимо объяснить концепцию любви и думать об этом, я испытываю раскаяние, когда на меня влияет любовь.

Мое перо движется по бумаге, но затем перо не смеет писать об этом и ломается.

Если дело касается любви, то разум уподобляется ишаку, застрявшему в грязи.

Наконец любовь сама объяснила, что такое любовь и влюбленный⁹⁹.

Аналогично этому, Руми в начале «Маснави» говорит: «Кто-то спросил меня, что такое любовь. И я ответил ему: когда ты станешь таким, как я, ты поймешь. Любовь нельзя посчитать или измерить. В реальности она является одним из атрибутов Бога. Аллегорично она может относиться к слуге. В Коране сказано: «Аллах явится с людьми, любимыми Им и любящими Его» (Св. Коран, 5:54). Поистине, говорить о любви не значит любить, поскольку любовь - это ощущение, которое невозможно передать словами. Нет сомнения, что это - результат познания Бога, того, что мы обретаем Его в своих сердцах благодаря чрезвычайным усилиям и долгим размышлениям, через молитвы, добрые дела, помощь другим. Тогда лишь человек получает возможность испытать, пусть даже на самом низком уровне, секреты существования. Через это открытие человек может достичь более высокого уровня духовного развития и испытать неопишуемую радость духа. Следовательно, можно сказать, что духовное наслаждение, которое приходит из познания и любви к Богу, выше всех наслаждений. Цель всех любящих Господа - достичь этого уровня. Здесь лежит духовное ощущение, которое мало кто способен испытать. Говорят, что те, кто испытывает это ощущение и достиг этого уровня, уничтожили все свои устремления и не испытывают печали. Их сердца заполнены духовными трудами. Даже если их бросают в огонь, они не ощущают пламени благодаря высшей радости, которую они испытывают. Даже если им предлагают весь рай, они не смотрят на него, поскольку радость, которая в них, превышает рай.

Руми описывает состояние таких мистиков в своем стихотворении:

О, мой Господь, утешение моей души, когда я в печали!

⁹⁹ *Mesnevi*, vol. I, no. 112-15.

О, мой Господь, сокровище моего духа, когда я, нищий, голодаю.

Чего не может достичь воображение, не могут охватить разум и рассудительность, поскольку все красоты исходят от Тебя, Ты - моя путеводная звезда.

Мой Господь, благодаря Твоей красоте и щедрости я гляжу свысока на мирские вещи. Как может этот преходящий мир, его богатства и роскошь обмануть меня? О Всемогущий, если бы благодаря Своей огромной щедрости Ты дал мне бесчисленное имущество и представил передо мной все Свои скрытые сокровища, я бы распростер свое внутреннее существо перед тобой и уткнулся лицом в землю и сказал: «О мой Господь, для меня Твоя любовь дороже всего этого»¹⁰⁰.

Возлюбленный всех мусульман - это Пророк ислама. Поистине, не только Руми, но и все святые и праведники испытывают любовь и уважение к Пророку. Более того, они любят не только Пророка ислама, но и всех Посланцев Господа. Руми отвел Пророку ислама особое место в своем сердце, поскольку тот предложил более высокий этический уровень для человечества, такой, как освобождение рабов и заботу о бедных. С исторической точки зрения, не было такого выдающегося деятеля, как Мухаммад, который принес свободу рабам и низшим классам*. Не только мусульманские праведники, но и философы, как Томас Карлайл, и немецкий поэт Гете испытывали любовь к Пророку Мухаммаду, поскольку тот всю свою жизнь служил человечеству. В своих книгах они выражали свое почтение к Пророку Мухаммаду. Сравнительно недавно Майкл Харт напи-

¹⁰⁰ *Divan-i Kabir*, vol. I, no. 207.

* Очевидно, что автор излагает широко распространенный в мусульманском мире взгляд на всемирную историю, расходящийся с концепциями, принятыми в мировой исторической и социологической науках. См.: ЮНЕСКО. История человечества / Под ред. Питера Берка и Халила Иналджика (Турция). При участии Исмаила Хабиба, Ж. Ки-Зебро и др. Т. I-VII. Перевод на рус. язык. М.: Изд. Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 1992-2005. - Прим. ред.

сал книгу о ста наиболее влиятельных исторических личностях и поставил Мухаммада на первое место¹⁰¹.

На протяжении всей истории ислама мусульманские поэты и ученые выражали свою любовь к Пророку ислама. Их труды составили огромное количество литературы о любви Пророка к людям. Руми, как один из выдающихся исламских поэтов и мистиков, также писал об этом сюжете. Когда он пишет о Пророке, его поэзия обретает возбуждение и теплоту, поскольку строки, описывающие любовь Пророка, озарены его светом. Например, он говорит о любви к Господу, и немедленно его мысли обращаются к любви к Пророку:

Мы все время слышим справа и слева голос Божественной любви.

Под влиянием этого голоса мы поднимаемся в небо.

Кто обладает способностью следить за нами?

Прежде чем мы пришли в этот мир, мы пребывали в небесах.

Мы были друзьями ангелов.

Там - наша истинная родина, и мы вернемся туда.

Как далеки между собой чистая жемчужина Божественного и грязный мир праха. Не думая о своей чести, ты пришел в этот нижний мир. Собирай свои вещи и связывай их во вьюки. Это не наше место. Мы должны покинуть его.

Юный шанс - это наш друг. Принесение в жертву души - наша работа. И во главе нашего каравана - Мустафа, Пророк, которым гордится вся вселенная.

Мустафа, да пребудут с ним мир и благословение, настолько велик, что луна не осмелилась увидеть его лицо и треснула.

Аромат ветра этой весны исходит от его благословенных волос. Сияние нашего воображения приходит от его красоты, которая напоминает нам о восходящем солнце.

¹⁰¹ Michael H. Hart, *The 100: A Ranking of the Most Influential Persons in History* (New York: Kensington, 1992).

В этих строках Руми вспоминает Пророка и его Любовь. Иногда он говорит о Пророке, называя его Ахмад, иногда - Мухаммад, а иногда - Мустафа. Все это почетные имена Пророка. Как известно, в исламе каждый праведник имеет особый смысл и несет определенную нагрузку. В том, что касается Руми, любовь к Господу и любовь к человечеству, благодаря их проявлению любви Господа, всегда подчеркиваются. Благодаря своей великой любви к человечеству Руми терпеливо относился к ошибкам людей. Хорошо известный титул Пророка Мухаммада - *Хабибуллах*, т.е. «любимец Господа». Пророк - это идеальный образец для всех людей, и любовь Руми к Пророку основана на этом принципе. Руми говорит:

Я служу Корану до тех пор, пока я жив. И я - та почва, на которую ступила нога Мухаммада.

Этим Руми выражает свою глубокую любовь к Мухаммаду. Руми можно считать одним из великих поэтов, которые выражали свою любовь к Пророку в своем творчестве. В некоторых поэмах он посвящал Пророку целые газели. Они называются нат, и в них рассказывается об атрибутах Пророка. Иногда Руми, говоря о разных вещах, неожиданно обращается к любви к Пророку. Например, говоря об отношениях между сердцем и любовью, Руми вспоминает про Пророка Мухаммада и его великого сподвижника Абу Бакра и говорит:

Сердце и любовь стали друзьями, как Ахмад и Абу Бакр стали друзьями в пещере. Имена этих двух друзей были различны, но их дух был един¹⁰².

В другом стихотворении Руми понимает свет Пророка Мухаммада как свет, озаряющий целый мир:

Свет Мухаммада рассыпался миллионами частиц и охватил весь мир.

¹⁰² *Divan-i Kabir*, vol. II, no. 901.

Пророк был подобен молнии этого света.

Когда эта молния бьет, все вуали неверия срываются, и тысячи людей испытывают влияние Мухаммада и бегут к нему¹⁰³.

В другой поэме Руми говорит о неверии в свет Пророка Мухаммада:

Когда явился свет Мухаммада, неверие надело черные одежды.

Когда пришло время царства вечного, неверующие ударили в барабаны, чтобы избежать смерти.

Весь лик земли стал зеленым. Небо позавидовало земле и оторвало себе рукав. Луна раскололась. Земля обрела жизнь и ожила.

Прошлой ночью произошло большое волнение среди звезд, ибо безупречная звезда опустилась на землю¹⁰⁴.

В другом стихотворении Руми говорит о заступничестве Мухаммада в этом мире и в другом мире.

Достопочтенный Мухаммад, да пребудет с ним мир и благословение, - заступник в этом мире и в другом.

Этот мир - мир религии, а другой мир - мир рая.

Он указывает им путь в этом мире и в другом мире, он показывает им свое луноликое лицо.

И тайной, и явной молитвой Мухаммада было:

«О, мой Господь, наставь моих последователей на путь истинный. Поистине, они не знают».

После его благословенной смерти открылись двери обоих миров.

Его молитва была принята в обоих мирах.

Никто подобный ему не приходил в мир, и никто подобный ему не придет¹⁰⁵.

¹⁰³ *Divan-i Kabir*, vol. II, no. 1137.

¹⁰⁴ Там же, vol. I, no. 882.

¹⁰⁵ Там же, vol. VI, no. 167-171.

Как считает Руми, и это видно из его стихов, все слова Мухаммада приходили из океана реальности. Он говорит:

Его слова полностью из океана реальности,
поскольку его сердце было соединено с океаном истины¹⁰⁶.

В другой части «Маснави» Руми с большим энтузиазмом рассказывает о сотворенных Мухаммадом чудесах:

Рассказывали про Анаса, сына Малика, что некий человек стал его гостем.

Этот человек рассказал, что после трапезы Анас увидел, что столовая салфетка пожелтела, покрыта пятнами и грязью. И сказал Анас служанке, чтобы та немедленно бросила салфетку в очаг.

После чего послушная служанка бросила салфетку в пылающий ярким пламенем очаг.

Все гости после этого были чрезвычайно удивлены: они ожидали, что увидят дым горящей салфетки.

Через некоторое время служанка достала салфетку из огня, чистую и белую и очищенную от грязи.

Все сказали: «О достопочтенный Спутник Пророка, как это случилось, что она не горела, и как она очистилась?»

Он ответил: «Потому что Мустафа (Мухаммад) часто вытирал руки и губы этой салфеткой».

О, сердце, которое боится огня и мучений (ада), придвись поближе к такой руке и таким губам!

Поскольку (благословение Пророка) одарило такой честью безжизненный предмет, так какие же вещи оно откроет душе влюбленного!

Ведь Пророк сделал камни Каабы кыблой, поэтому ты, о душа, будь как прах святых и праведников в твоей войне против плоти.

¹⁰⁶ *Divan-i Kabir*, vol. VI, no. 816.

Потом они сказали служанке: «Не расскажешь ли нам о твоих чувствах по этому поводу?»

Почему ты так быстро бросила салфетку в огонь по его указанию? Наверное, он знал эту тайну. Но почему ты, дева, бросила в огонь такую драгоценность?»

Она ответила: «Я доверяю щедрым; я не отчаиваюсь в их щедрости. Что такое кусок ткани? Если бы он велел мне самой без сожаления войти в самое сердце огня,

Я, испытывая абсолютное доверие к нему, кинулась бы туда: я возлагаю огромные надежды на тех, кто предан Господу.

Я брошусь в огонь сама, а не только кину туда салфетку, поскольку верю каждому щедрому, кому известны тайны».

[...] ¹⁰⁷

В стихотворении из «Диван-и Кабир» Руми говорит о влиянии Пророка ислама на его соратников и о том, как они были изумлены его личностью и его учением¹⁰⁸.

Еще в одном стихотворении оттуда же Руми говорит о свете, который Мухаммад принес человечеству, и о том, как люди, которые блуждали во тьме, ожили благодаря свету, принесенному Мухаммадом¹⁰⁹.

И еще Руми говорит об исламе, который Мухаммад открыл человечеству, и о той силе, которая остается в этой религии даже по прошествии веков¹¹⁰.

В «Маснави» Руми говорит о Пророке ислама и о Коране, который остался неизменным как обещание Господа. По словам Руми, это указывает на силу ислама и его Пророка.

¹⁰⁷ Divan-i Kabir, vol. III, no. 3110-3129.

¹⁰⁸ Там же, vol. II, no. 1135.

¹⁰⁹ Там же, vol. II, no. 792.

¹¹⁰ Там же, vol. I, no. 490.

Руми писал эти стихи семь веков назад, во времена смуты и почти полного уничтожения мусульманского мира монголами и крестоносцами. Разрушались мечети, и тысячи мусульман потеряли жизнь. Несмотря на эту страшную катастрофу, Руми не был пессимистом. Он пел о любви и надежде и верил, что ислам как религия пребудет вечно, говорил о том, что мусульмане должны переносить угнетения с выдержкой и надеждой.

Вера и неверие

В нашем мире, населенном миллиардами людей, существует много религий и верований. По всему миру рассеяны мечети, церкви и синагоги. С самого раннего периода истории люди разных цветов кожи и разных народов возносили молитвы в бесчисленных храмах, обращаясь к богам, которых творили сами. Неоспоримый факт, что человек испытывает потребность в молитве. Человек, который не верует, обязательно будет ощущать пустоту внутри себя. Утратив религиозную веру, Тевфик Фикрет, известный турецкий поэт двадцатого столетия, ощутил потребность верить и жаловался: «Все пусто, земля пуста, небо пусто, сердце и сознание опустели. Я хотел бы ухватиться за что-нибудь, но передо мной ничего нет». Поэт Мехмет Акиф, автор турецкого национального гимна, сказал: «Не имеющее веры, ржавое сердце - только лишь ноша в груди».

Даже сегодня, несмотря на то, насколько материалистичными они стали, люди не могут стоять в стороне от религиозных верований. Примером самых последних лет для всего мира стала Россия. Религию, которую запретили коммунисты, они не смогли истребить. Несмотря на все усилия, взгляд, что «религия - опиум для народа», оказался неверен [и несостоятелен - Прим. ред.].

Как Руми смотрел на эти «религиозные чувства», неизбежную духовную потребность, существующую в людях? Поскольку Руми видел людей как существа, которым дан Божественный

аманат, он любил все человечество, без различия веры или верований, которых люди придерживались, и, следовательно, уважал все религии. По этой причине позади гроба этого великого праведника со слезами на глазах шли не только мусульмане, но и христиане и евреи.

Как пишет Афлаки, один проповедник в Конье, говоря о христианах, сказал: «Благодарение Господу, что Он не создал нас среди христиан». Когда об этом рассказали Руми, тот сказал об этом проповеднике: «Он ошибается сам и уводит других с пути истинного. Он взвешивает себя на весах христиан и хвастается, поскольку он на один гран тяжелее. Если бы он взвесил себя на весах пророков и праведников, он осознал бы свою истинную ценность».

Поскольку все, все существа, отражают проявления Божественных Атрибутов, события, которые кажутся противоречивыми, основаны на Высшей мудрости, которую наш разум не в силах охватить. Все под контролем Господа. Все исходит от Него. Последователи всех религий и верований исполняют Его приказания и идут по тропе судьбы, которую Он начертал. Мы не имеем права критиковать кого бы то ни было в этом плане. Каждый последователь верования считает свою веру истинной и идет по этой тропе, пусть даже она ошибочна по отношению к другим верованиям. Руми объясняет это в следующих строках из «Маснави»:

В мире есть невидимые лестницы, ведущие, ступень за ступенью, к вершинам Небес.

Есть своя лестница для каждого народа, есть свое небо для каждого путешественника на его пути.

Каждый из нас не осознает положения другого в царстве, которое огромно и не имеет ни конца, ни начала¹¹¹.

¹¹¹ *Mesnevi*, vol. V, no. 2556-2557.

Поскольку предначертания Господа в извечности и Его воля выражаются в том, как люди веруют и молятся, те, кто остается вне «тропы верной», - это люди, идущие «тропой неверной», и все известны Богу. Поистине, Святой Коран не начинается словами «Господь мусульман», но словами «Господь миров» (Властелин всех существ, всего и вся, что не есть Господь).

Мы должны очень хорошо уяснить себе, что только Господь создает верный и неверный путь. Все зависит от Его воли и предначертания в извечности. Если Господь пожелает, Он может направить заблудшего человека на путь истинный. Он также может увести того, кто идет по истинному пути, на путь неверный. Все это - в Господней воле, которую не может охватить разум. Хотя обнаружение истинного пути или отклонение от этого пути - это результат предначертания в извечности, с Божьего позволения, наши усилия и устремления также играют определенную роль в этом. По этой причине мудрецы говорят: «Предначертаниям в извечности нравятся усилия». Если человек относится к этому внимательно, то он может увидеть и почувствовать, что Господь ведет каждого к успеху на том пути, где тот прилагает усилия. Если душа человека охвачена и испорчена злом, то от него исходят дурные дела и неблагоприятные поступки. Если суть человека исполнена добра, от такого человека исходят добрые дела и приятные деяния. Таким образом, хорошая или дурная суть поступков зависит от хорошей или дурной сущности души.

Среди мировых религий есть много общих взглядов. Например, убийство, воровство и ложь признаются грехами во всех религиях. Рассматривая эти общие аспекты всех религий, Акбар-шах, великий Могольский правитель Индии, пожелал изобрести новую синкретическую религию, соединив все религии и

верования, но великий святой Ахмад Сирхинди воспрепятствовал этой попытке и помог миллионам мусульман в Индии*.

Руми по-разному глядел на веру и неверие и объяснял эти взгляды:

Взгляни на верующего и неверующего глазами своего сердца:

У них не может быть ничего, кроме крика «О, Господи» и вопля «О, Вечноживущий», в соответствии с их собственными взглядами¹¹².

Если мы посмотрим на небо, как на купол огромного храма, то под этим куполом окажутся многие мечети, церкви и синагоги. По-разному, во многих различных храмах, внутри многих различных религий, используя многие и различные слова, люди всех цветов кожи молятся единому и безупречному Богу и просят Его о помощи. Как Он велик, могуч и славен, что Его Святое Имя произносится на стольких языках!

Он знает все языки, понимает то, что говорит каждый, слушает молитвы Своих слуг, которые обращаются к нему с распахнутыми руками, и неважно, где на земле могут быть эти люди и в каком храме это происходит. Он знает даже то, что происходит в их разуме и сердцах.

В строфе из «Маснави» Руми объясняет, что Господь Всемилолюбивый, Всемилолюбивый защищает Своих слуг, заявляя:

* Джелаледдин Акбар (родился в 1542 году, правил империей Великих моголов с 1556 по 1605) предложил (1582) «дин-и илляхи», «божественную религию», эклектически соединив различные религиозные учения, без мифологии, без писания. Ахмад Сирхинди (1654-1624) был главой суфиев индийской ветви братства накшбандийя, выступал против «новшеств» в исламе. См.: История Востока: В шести томах. Т. III-V. Председатель Главной редколлегии Р.Б. Рыбаков. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999-2006. - Прим. ред.

¹¹² *Divan-i Kabir*, vol. V, no. 2578.

«Что бы ни захотела сделать душа, которая есть в мужчине или женщине, глаза и уши Царя души рядом»¹¹³.

Разве вы не видели, как мотылек летит на огонь свечи, будь это в мечети, церкви или синагоге, не делая никаких различий между ними? Господь накрыл Свой стол не только для мусульман, но и для немусульман и даже для тех, кто отрицает Его, и щедро питает их всех. Он не делает различий между верующим и неверующим в том смысле, что поддерживает жизнь в каждом. В своем стихотворении Руми сказал: «Поистине, вера и неверие - словно белок и желток в одном яйце. Их разделяет тонкая пленка, поэтому они не смешиваются друг с другом. По воле и доброте Господа, когда наседка берет яйцо под свое крыло, исчезают и вера, и неверие, и цыпленок единения раскалывает скорлупу и выходит наружу».

Руми, который различал не внешние атрибуты религии, но ее истину, говорит в одном из своих катренов: «Знай же, что возлюбивший Господа не может быть мусульманином, в секте любви нет ни веры, ни безверия. Во влюбленном нет тела, нет разума, нет души, нет сердца; и если какой-то человек не таков, значит этот не человек - не возлюбивший Господа».

Руми хочет сказать, что если возлюбивший Господа не способен достичь состояния единения и поверить, что все люди, которые молятся в мечетях, церквях и других храмах самыми различными способами, действительно обращаются к Богу, молясь ему на самых разных языках, и что суть всех религий одна, значит, такой человек не может быть истинным мусульманином. Понимание ислама таким мусульманином еще остается на стадии имитации; он еще не достиг стадии осознания. То есть, такой человек не смог стать мусульманином в истинном смысле.

¹¹³ *Mesnevi*, vol. I, no. 1824.

Еще в одном катрене Руми говорит: «Ты - и неверующий, и неверие, и ты хуже, чем эти оба. Ты - и вера, и верующий, и ты глава обоих». Следует учесть, что есть еще один способ выражать то же верование. Как первого из таких людей называют «*кафир*» (неверный, тот, кто скрывает правду), поскольку он скрывает семя внутри почвы, человека, который не знает, что есть внутри его и скрывает правду, тоже называют *кафир*. По этому самому признаку человек, который знает, что внутри него, - это тот, кто придерживается веры, верующий. Поскольку в Благородном Коране сказано: «Где бы вы ни были, Он всюду с вами» (Св. Коран, 57:4). Человек, который не осознает Божественный аманат в себе, - неверующий, человек, который сознает это - верующий.

Когда в поэзии Руми и других суфиев, которые пишут обо всем с точки зрения суфизма, т.е. с точки зрения единения, мы встречаем слова «вера» и «неверие», нам следует рассматривать их с осторожностью и удерживаться от ошибок в толковании. Руми говорит: все, во что ты веришь в себе самом, ты видишь во мне, ибо я - твое зеркало; если ты приглядишься, ты увидишь и веру, и неверие. Руми не считает верой веру тех, кто молится напоказ, и тех, кто ценит форму более, чем дух. Он хочет, чтобы они продвинулись в вере от имитации к реализации. Он пишет в катрене: «До тех пор, пока медресе и минарет не разрушают, духовное состояние тех из возлюбивших Господа, кто идет по тропе истины с искренностью и без напыщенности, не достигнет стабильности. Ни одного слугу Господа нельзя считать мусульманином, пока молитва, произносимая ради выгоды, и вера, основанная на имитации, не будут рассматриваться как неверие; пока вера искателя истины, которую считают неверием те, кто не может узнать истину, не будет считаться истинной верой». Тема этого катрена - вера тех, кто не полагается на любовь Господа и не поднимает свою веру от имитации к реализации, не является верой истинной, согласно Руми, но безверием.

Когда незрелые суфии обвиняют в неверии тех возлюбивших Господа, которые не ставят на первое место формальности обрядов, возлюбившие Господа, в свою очередь, тоже считают их неверующими, ибо они не проникли в суть и не познали истину. Поэтому Руми говорит: «Разве ты не знаешь, что наше неверие - это дух ислама?»¹¹⁴. Руми часто напоминает нам, что нельзя называть кого-то неверующим только из-за того, что вы видите лишь его внешний облик.

В другом катрене Руми говорит: «Если ты идешь и не видишь, то твоя тропа есть квинтэссенция ошибки. Если ты полагаешься на свой взгляд, считая, что ты видишь все, то это стрела несчастья. Как ты можешь узнать истинное положение людей в медресе и в церкви и их истинную сущность, если будешь глядеть только на внешние проявления, не познав, в метафорической форме, их сущность?»

Как мы видим из вышеприведенных примеров, Руми проник в суть веры и неверия; он достиг Любви и Единения и обрел Господа и Истину. Он ясно и четко объясняет это в следующих катренах: «За пределами мира веры и безверия есть место. Оно не предназначено для очень юных, незрелых и красивых. Чтобы достичь этого места и этого необычайного уровня, надо принести в жертву свою жизнь и сердце в виде благодарности за такое достижение». Этот духовный уровень - не ранг, которого может добиться любой слуга.

В другом катрене Руми говорит о мудреце, который достиг такого уровня: «Есть равнина за пределами неверия и ислама. В центре этой равнины - наша любовь. Когда на эту равнину приходит мудрец, он падает ниц и опускает голову на землю, ибо на этой равнине нет неверия и нет ислама».

¹¹⁴ *Mesnevi*, vol. V, no. 2508.

В следующих строках Руми объясняет, как именно он преодолел препятствия неверия и веры, определенного уровня веры и скептицизма посредством любви к Господу и обрел Бога и истину: «И если он говорит о неверии, то в этом чувствуется аромат (истинной) религии; и если он говорит о сомнениях, его сомнение обращается в уверенность»¹¹⁵. «Я растаял, подобно соли, в море ясности, море духовной радости. Во мне не осталось ни неверия, ни веры, ни приближения к вере, ни скептицизма. В моем сердце появилась звезда. И такова была эта звезда, что и семь небес, и все, что обретается в них, исчезло в этой звезде».

Когда вы слышите рассуждения о взглядах Руми на религию, веру и неверие, не считайте, что он высказывал какие-либо новые идеи, т.е. стремился внести реформы в области религии и веры. Просто дело в том, что поскольку Руми был не только великим праведником, но и великим и очень талантливым поэтом, он разъяснял очень трудные для понимания вещи красиво и ясно. Другие поэты также проявляли свой интерес к этой области.

Например, всемирно известный поэт Хафиз из Шираза* говорит: «Куда бы ты ни повернулся, - ты с Богом, и что бы ты ни увидел - это Его Мощь и Красота». Другой поэт пишет: «Иногда я уединяюсь в церкви, иногда я сижу в мечети. О Господи, я ищу тебя от дома к дому». И еще один поэт отмечает: «О Господи, я бросил в огонь и сжег эту религию и эти верования, которые не привели меня к Тебе. Вместо верований я делаю Твою любовь моим проводником. До каких пор я могу скрывать Твою любовь? Единственная моя цель - это Ты, я стремлюсь к Тебе. Я не имею никакого отношения к религии или верованиям». И не считайте этого поэта человеком нерелигиозным и неверую-

¹¹⁵ *Divan-i Kabir*, vol. V, no. 2508.

* Шамсэддин Хафиз Ширази (ок. 1325 - ок. 1390) - великий персоязычный поэт и суфий.

щим. Он хочет сказать: «О Господи, я поставил впереди всего остального Твою любовь, я бросаю в огонь ту религию и те верования, которые не ведут меня к Тебе».

Когда турецкий поэт и суфий Юнус Эмре сказал: «Вера в любовь - вот моя религия», - разве он хотел сказать «У меня нет религии»? И разве не Юнус Эмре поставил впереди всего остального любовь Бога и искренне объявил Богу, что он не стремится к раю?

То, к чему люди взывают: «Рай! Рай!», -
это всего лишь несколько зданий и гурий.

Отдай их тем, кто их хочет.

Но я стремлюсь к Тебе, только к Тебе.

Эти взгляды, в центре которых вера в единение и Божественная любовь, - не просто индивидуальные попытки отдельных людей. Именно такой толерантности, с исламской точки зрения, искали мусульмане в людях тех земель, которые они покоряли с уважением. Они не вмешивались в их веру и не трогали их церкви. И благодаря таким убеждениям Мехмед II, которому было двадцать с небольшим лет, выказал уважение к Константинопольскому патриарху и вернул ему положение Вселенского патриарха*.

Я хотел бы завершить этот раздел строками Хафиза из Ши-раза. Как известно, Иса (а.с.) сказал: «Если кто-то ударит тебя по правой щеке, подставь левую». Население Таифа забросало Пророка камнями, и его святые ноги были окровавлены. Если бы Пророк Мухаммад использовал свой авторитет пророка, он мог бы сделать так, что камни и огонь обрушились бы на них с неба, или он мог бы разметать их ураганом и сильными ветрами. Однако Пророк взмолился Господу: «О Господи, не карай

* Мехмед II Фатих (Завоеватель) (1432-1481) - османский султан. Занял Константинополь в 1453 году. - Прим. ред.

их из-за меня, прости их, они невежественны, они не знают, что творят». Это потому, что пророки знают, что нельзя отнестись с ненавистью к людям, созданным Господом, поскольку это огорчит Его.

Нельзя согласиться с заблуждением, что неверие - это только отрицание Господа. Неверие - это отказ от исламских принципов. Неверие - это отказ от жизни в соответствии с исламом. Хафиз из Шираза выразил эту идею в следующих строках: «Давайте будем верными, будем принимать вину на себя, пусть на нас смотрят сверху вниз, презрительно. Но давайте все равно будем удовлетворенными и счастливым в своем состоянии. Давайте не держать обиды на кого-либо, поскольку по нашему Закону обижаться, быть уязвленным и огорченными - значит впасть в неверие».

Спасение

Все мы стремимся к тому, чтобы найти безупречное, прекрасное по сути человеческое существо. Как трудно найти безупречного человека в наши дни! Когда мы видим изъяны в тех драгоценных людях, которых мы уважаем и любим, мы испытываем разочарование, внутреннюю боль, но ощущаем стремление любить людей и принимать их такими, как они есть, со всеми их хорошими и дурными сторонами. Мы говорим: «Нельзя найти безупречных людей». Но мы не должны утрачивать надежду. Хотя в этом мире люди обратились к материальным ценностям, теряя ценности духовные, все еще возможно найти людей, превосходящих других, людей безупречных, людей без изъяна, пусть даже это будет один такой на миллион. Такие люди - солнце духовного мира и мира всего человечества.

Давайте на мгновение представим, что солнце этой нашей ощутимой, материальной вселенной темнеет до тех пор, пока не погаснет совсем; все на земле погибнет и жизнь прекратится.

Но что же с солнцами мира духовного? Мы живем благодаря им. Мы осознаем свою человеческую сущность благодаря им. Если они исчезнут, духовная жизнь оборвется, и человеческие существа утратят свою человечность. Обида, гнев, ложь, лицемерие, зависть, похоть и многие другие пороки охватят землю, и люди начнут пожирать друг друга, подобно животным. Известно, что когда-то Диоген, философ, живший в Синопе, городе на берегу Черного моря, при свете дня ходил по улицам с фонарем в руках, разыскивая человека. Разве вокруг него были не люди? Действительно, их было много вокруг, но философу они напоминали волков, лис, кроликов и свиней, принявших человеческий облик. По его мнению, на улицах не было людей: было много животных в человеческом обличье.

Однажды Рабия ал-Адавийя* выбежала на улицу в чрезмерном волнении, не укрыв себя платком так, как подобало по традициям той эпохи, и направилась на базарную площадь. Когда она встретила великого праведника Хасана ал-Басри, она прикрыла половину своего лица. Когда возбужденное состояние прошло, ее спросили, почему она вышла на улицу, не прикрыв лица, и она ответила: «Я не видела на улице никаких людей. Я видела несколько лис, которые сидели перед торговыми лавками, много волков, идущих по улице, и несколько собак, которые рычали друг на друга. В этом сборище животных я увидела одно создание - наполовину человека, и поэтому прикрыла половину лица». В следующих строках Руми напоминает нам о Диогене, ищущем человека среди бела дня с фонарем в ру-

* Рабийя ал-Адавийя (условно 713-801) - выдающаяся представительница исламской школы аскетизма (зуххад) и благочестивого подвижничества (уббад). Оказала большое влияние на басрийскую школу суфизма. Мусульманские теологи считали именно ее первой из исламских аскетов. Сформулировала идею о всеобъемлющей любви к Богу как главной, до абсолюта, части духовной жизни правоверного. - Прим. ред.

ке: «Вчера один шейх взял в руки фонарь. Он сказал: «Я устал от демонов и животных. Я ищу истинного человека»»¹¹⁶.

Один философ сравнивал людей со зданиями. Те стены, которые выходят на улицу, красивы, чисты и разукрашены. Их обратные стороны плохо убраны и покрыты грязью. Кто-то, кого мы называем «хорошим человеком», – это тот, кого мы видим только с внешней стороны, замечая его хорошие качества. Однако же в человеке, хорошую сторону которого мы видим и который нам этим нравится, может быть много плохих качеств. И наоборот, в человеке, в котором мы замечаем только плохое, может скрываться много доброго. Руми не рассматривал людей только с одной стороны. Он смотрит на них со всех сторон. Он ищет пути спасения для всего человечества. Он стремится очистить людей от их изъянов и сделать их истинными людьми. В «Маснави» Руми говорит:

Человеческое тело подобно джунглям, где бродят хищники. Мы должны быть очень осторожны и осмотрительны, чтобы не пасть их жертвой и не быть разорванными в клочья. В нашем теле живут тысячи волков, тысячи свиней, чистых и грязных, прекрасных и уродливых, тысячи качеств. Если одно из этих качеств преобладает, мы подпадаем под его влияние... Иногда волк в человеке берет контроль над городом его тела и действует. Тогда на поверхность вылезают признаки волка. Иногда человек становится прекрасным, подобно Юсуфу, с красивым ликом, подобным луне. Добро, зло, ненависть, затаенная обида продолжают перетекать от сердца к сердцу через скрытые каналы. Иногда человек превращается в демона, иногда в ангела, иногда в капкан, а иногда в зверя¹¹⁷.

¹¹⁶ *Divan-i Kabir*, vol. I, no. 441.

¹¹⁷ *Mesnevi*, vol. II, no. 1416-1426.

Очевидно, что Руми рассматривает человечество во всей его полноте, оценивая все качества людей. И человек никогда не бывает ни абсолютно дурным, ни абсолютно хорошим. Руми говорит: «Иногда ангелы завидуют нашей чистоте, а иногда демоны бегут от нашего зла». Он также говорит в «Маснави»: «Поскольку существует много демонов с ликом Адама, нехорошо давать свою руку любой руке»¹¹⁸.

Анализируя особенности и привычки человека, Руми говорит в одном из своих стихотворений: «Физический облик и внешность человека были сделаны так, что вселилось в человека много противоположных качеств. Они соединялись вместе в мастерской печалей, где глину месили с тоской. Иногда человек становится ангелом, иногда – дьяволом, иногда – диким зверем. Что за таинственное создание – человек, в котором сплетаются различные привычки, добродетели, зло и добро»¹¹⁹. Взглянув на человечество взглядом, постигающим истину, – как на создание, в котором собрались и добрые, и дурные качества, Руми ищет пути спасения для него.

Как может быть спасено человечество? Как можно уничтожить этих диких зверей, что властвуют в джунглях? Как мы можем победить в себе животное начало и вновь обрести утраченную человечность? Как мы можем покончить с дурными привычками? Согласно Руми, наши страсти, гнев и похоть взяли в плен нашу человеческую сущность. Как мы можем освободиться из этого плена?

Руми предлагает: «Выброси из своего сердца страсти, зависть и обиды. Измени свои дурные привычки и дурные мысли. Отречение от всего приносит тебе вред, поэтому отрекись от немногого. С другой стороны, утверждение полезно. Поэтому

¹¹⁸ *Mesnevi*, vol. I, no. 316.

¹¹⁹ *Rubaiyat in Divan-i Kabir*, vol. VIII, no. 664.

утверждайся во многом»¹²⁰. Руми хочет, чтобы мы не только отказались от дурного поведения, но и отошли от украшательства этого мира и от стремления к материальной выгоде, и при этом были смелы: «До каких пор ты будешь думать об этой душе, что трепещет внутри твоих потребностей, до каких пор ты собираешься тревожиться об этом мире, полном трудностей и борьбы? Все, что может этот мир отобрать у тебя - это твое тело. Считай, что ты сам, твое материальное существование, это только плоть, которой суждено гнить и кормить муравьев и червей мусором, и не тревожься так много»¹²¹.

Это не означает, что Руми не хочет, чтобы мы трудились. Он скорее не желает, чтобы мы слишком любили этот материальный мир. В другом месте он говорит: «Что есть этот мир? Это состояние неведения о том, что есть Бог. Это не богатство, изобилие, владение и обретение детей». Человек - не самое большое, сильное или мощное создание в этом мире, в этой материальной вселенной. Он стал хозяином вселенной благодаря своему уму и способности мыслить, и он покоряет даже самых сильных и смелых животных. Он использует огромного слона как работника, хотя слон мог бы с легкостью отшвырнуть его в сторону хоботом или растоптать ногами. Человек сажает в клетку, словно беспомощных птиц, самых опасных хищников - львов и тигров. Но, к несчастью, человека побеждают животные, живущие в нем самом. Им он покоряется.

Властитель этого материального мира, храбрый, умелый, неистощимый и сильный человек, который покоряет животных, взлетает в небеса, отправляется на луну, изобретает радио и телевидение, добивается ослепительных успехов, - как же странно, что он сдается на милость животных внутри себя! Он становится

¹²⁰ *Rubaiyat in Divan-i Kabir*, no. 1473.

¹²¹ Там же, no. 1828.

ся рабом волка голода, змеи похоти, собаки, которая олицетворяет *нафс*. Руми жалуется: «Я думал, что если я посажу собаку *нафса* на цепь раскаяния, если я состарю таким образом этого пса, я, возможно, смирю его бунт. Но когда бы он ни увидел падаль, он срывается с цепи и бежит к ней. Я не знаю, как вести себя с этим псом. Не знаю, что мне делать с ним»¹²².

Если верить Руми, человек - это бедный раб, который только выглядит свободным и независимым. У каждого из этих рабов есть невидимые наручники на руках и кандалы на ногах. Человек - это раб, который должен служить и своим желанием, и тем животным, что внутри него. Поэтому обрести реальную свободу значит освободиться от внутренних зверей.

Наш великий Пророк считал, что эта внутренняя борьба, борьба человека с его *нафсом*, - это «величайший джихад», и описывал его как величайшую борьбу во славу Господа на пути независимости.

Согласно Руми, ради победы в этой битве мы должны, прежде всего, обрести себя и познать, откуда мы пришли и что мы такое есть. В тот момент, когда мы познаем себя, до нас дойдет добрая весть о нашем освобождении. Как формулирует это Руми, прежде всего мы должны снять с нашего духа оковы нашего тела. Мы должны обратить наши головы к небу, поскольку наше место - не на этой земле. Мы подобны животным в том, что мы - создания из плоти и крови, но мы не животные.

Руми утверждает, что мы должны очистить наши тела, которые загрязнены желаниями. В «Маснави» он говорит: «О загрязненный телом, чаще окунайся в хауз: как может человек очиститься, не омывшись в хаузе? Чистый телом, которого отстранили от водоема, отдаляется и от духовной чистоты. Чистота это-

¹²² *Rubaiyat in Divan-i Kabir*, no. 1249.

го водоема бесконечна. Чистота нашего тела мало что значит. Человек может легко очистить свое тело, но чистоты сердца достичь непросто»¹²³.

Согласно Руми, у человечества есть два серьезных врага, которые не позволяют ему достичь истинной гуманности: один из них - похоть, а второй - гнев. «От гнева и похоти человека перекашивает, они изменяют его дух, так что тот прощается с покоем»¹²⁴.

Человечество было создано, по Руми, на среднем уровне мироздания. Выше него - ангелы, а ниже - животные. Люди близки к ангелам благодаря своему разуму и способности учиться. Они близки к животным из-за своего гнева и похоти. Руми объясняет, что человек, поддающийся желаниям своего нафса и похоти, далеко отходит от истинной тропы: «Если тебя одолела похоть и желания твоего нафса, то, позволь мне сказать тебе, ты уйдешь отсюда с пустыми руками и без какой-либо выгоды. Если ты отвергнешь похоть, то увидишь, почему ты пришел в этот мир и куда ты идешь»¹²⁵.

Как считает Руми, чтобы обрести спасение, мы должны заглянуть внутрь себя и увидеть свои ошибки. Мы должны очистить дом нашего сердца от грязных мыслей. Мы должны содержать его чистым, как дом молитвы. Нам следует переносить все беды, которые приходят к нам. Нам следует верить, что все приходит от Бога и ничего не происходит без Его воли, и поэтому нам не следует жаловаться на болезни, нищету и горести. Мы должны смотреть на все несчастья, которые приходят к нам от Возлюбленного, как на лекарства: «О сердце, вот ты, а вот Его Беда. Как приятно испытывать бедствия, присланные Им. Его

¹²³ *Mesnevi*, vol. II, no. 1361-1363.

¹²⁴ Там же, vol. I, no. 333.

¹²⁵ *Rubaiyat in Divan-i Kabir*, vol. VIII, no. 418.

беда - твоё лекарство. Поэтому переноси стойко все беды и ту боль, что Он насылаёт на тебя, не жалуйся и не плач. В этом Его воля и Его приказ. Если ты растопчешь свои материальные желания, ты убьёшь пса своего внутреннего «Я», и это будет истинным жертвоприношением»¹²⁶.

Мы созданы из почвы, и мы живём на этой почве. Наши тела привязывают нас к этой почве, и, подобно животным, мы едим и пьём, но есть у нас Божественный Договор, и поэтому наши головы достигают небес. Нашим физическим естеством и нашими телами мы напоминаем животных, но по своему духу мы - люди, и Божественный Договор пребывает с нами. Мы берём от почвы пищу, которая питает нас. Питание наших душ нисходит свыше, с небес. Пища наших душ и нашей человечности - святой свет Господа, который наполняет землю и небеса. В «Маснави» Руми пишет: «Истинная пища человека - Свет Господень: животной пищи ему недостаточно. Однако, вследствие болезни, его разум впал в заблуждение, что день и ночь он должен питаться этой глиной и водой. Он бледен, слаб в ногах, слаб сердцем - где же пища Небес, которая оставляет звездные следы? Это пища избранных, признавших верховенство Господне. Для поглощения этой пищи не нужно горло или принуждение»¹²⁷.

Чтобы побороть дурные привычки и животное начало, которое скрывается в нас, Руми советует нам питаться небесной пищей и найти тот клад Божественного Договора, что сокрыт в нас. Чтобы открыть глаза наших сердец, избежать животности и достичь человечности - иными словами, позволить нашим хорошим сторонам одержать победу и достичь преобладания той человечности, что сокрыта в наших телах, - мы должны задуматься о Боге, который создал всю вселенную и который властвует над всеми созданиями. Мы должны ощутить Его в своем

¹²⁶ *Rubaiyat in Divan-i Kabir*, no. 311.

¹²⁷ *Mesnevi*, vol. II, no. 1083-1086.

сердце, осознать, что мы всегда в Его присутствии, где бы мы ни были. Если мы осознаем Его Власть, Его Мощь и Величие, глядя на то, что Он создал, и будем часто поминать Его, наши сердца вознесутся. Мы обретем Его в наших сердцах, увидим Его святой свет и воссияем с Его святым светом. Наши глаза и наши сердца воссияют с Ним, и мы осознаем, что мы не одиноки.

В «Диван-и Кабир» Руми говорит: «Кто-то есть здесь. Не думай, что ты одинок». И еще в «Маснави»: «Когда Человек обретает свет от Господа, его восхваляют ангелы, ибо он избран»¹²⁸.

Чтобы человек обрел самого себя, Руми предлагает набор притч и примеров. Он говорит, что кувшин, который находит тайный проход к морю единения, перестает быть кувшином и сам становится морем: «Великие реки падают ниц перед кувшином, в который впадает канал из моря»¹²⁹. Человек создан из почвы, но когда он воспринимает Божественное Проявление и принимает на себя Божественный аманат, он обретает превосходство и становится самым почтенным и высшим из всех созданий. Руми доказывает это в следующих строфах из «Маснави»:

Когда земля Адама стала посланником Господа, ангелы Господни склонили головы перед Его землей... Он - Правитель, и Тот, кто сказал, что Господь делает все, что в Его воле: из квинтэссенции боли он создает лекарство. Затем стало ясно, что Ты возносишь того, кого пожелаешь. Он сказал это земным созданиям: «разверните ваши крылья». Созданию огня он сказал: «ступай и стань Иблисом (Сатаной): уйди под седьмой слой земли из-за своей заносчивости! О, земной Адам, вознесись над звездой Суха! О огненный Иблис, пади сквозь землю»¹³⁰.

¹²⁸ *Mesnevi*, vol. II, no. 1353.

¹²⁹ Там же, no. 23.

¹³⁰ Там же, no. 1614, 1619-1624.

Когда мы пытаемся осознать Божественный аманат в себе, мы должны одновременно отогнать дьявола, который присутствует в нас, в самые дальние уголки души и заключить его там в клетку. Чтобы спасти нашу человеческую сущность, которая находится в плену нашей животной природы, необходимо осознать, откуда мы пришли и куда идем. Руми открывает нам эту истину в следующих строфах:

Я не принадлежу к тому же ряду, что и Царь царей - да буду я далек от этого! - но я обрел свет от Него. Его свет, озаривший меня, пришел ко мне как Его проявление. Однородность - это не уважение к форме и созданию, мы не равны ему в форме и сущности. Мы имеем отношение к Нему, поскольку мы - отражение Его имен и атрибутов: вода становится однородной с почвой в растении. Ветер становится однородным с пламенем в постоянстве. Вино становится, наконец, однородным с природой, поскольку приносит наслаждение природе. Поскольку наш род не есть род нашего Владыки, мое «Я» исчезло ради Его существования.

Поскольку мое «Я» исчезло, Он остался один: я, подобно праху, лежу у ног Его скакуна. Душа моя стала прахом, и единственный след ее - отпечаток Его ноги на этом прахе. Стань прахом у Его ног ради этого отпечатка, тогда ты станешь короной на главах высоко вознесенных. Пусть мой облик не обманывает тебя: испей от моей пустыни и вкуси от моих духовных плодов, прежде чем я покину тебя. Много таких, кого обманул внешний облик: они хотели ударить человека, а ударили Бога. Ведь душа соединена с телом, но разве эта душа чем-нибудь напоминает свое тело? Искра света в твоём глазу соединена с жиром; свет сердца скрывается в капле крови; радость сокрыта в почках; печаль - в печени; разум, горящий подобно свече, - в мозгу, что прячется в голове. Эти связи не могут объяснить «почему» или «как», но это помогает понять, почему рассудок наш тут бессилён. Всеобщая Душа, которая приходит к контакту с каждой индивидуальной душой, принявшей в дар жемчужину и

спрятавшей ее у себя в груди. Через прикосновение этой жемчужины душа стала в тягости, как Мария, Мессией, манящим сердце. Это не тот Мессия, что путешествует по земле и воде, но тот, кто превыше ограничений пространства. И когда душа обременена Душой души, такой душой обременен мир¹³¹.

Когда человек осознает свою сущность, он пытается понять эту сущность и обрести человечность. Согласно Руми, истинная человечность, любовь, которую мы испытываем к Богу, создавшему нас с осознанием нашей человечности, разрушит все наши дурные привычки, очистит нас и вознесет духовно. Наше осознание того, кто мы есть по сути и откуда мы пришли, спасет нас от всех грехов.

Какое великое счастье для верующего - осознать, что мы живем с Ним и чувствуем, что Он находится рядом с нами, где бы ни были. В «Маснави» Руми говорит: «Мы должны прийти к осознанию, что мы - это не только тело: за пределами этого тела мы живем благодаря Господу»¹³².

Разум

Руми рассматривает разум, т.е. способность к мысли, размышлению и обобщению, с двух точек зрения. Согласно Руми, разум - это способность человека, которая иногда может быть очень ценной, а иногда не приносит пользы. Он рассказывает о двух этапах. На первом этапе разум - это драгоценный божественный дар, который отличает человека от животного и позволяет ему обрести человечность. Человек побеждает свое низменное существо при помощи разума и становится высшим существом, отдаляясь от желаний своего тела. Разум - святой свет в сердце. С его помощью можно различить истину и ложь. По-

¹³¹ *Mesnevi*, vol. II, no. 1170-1186.

¹³² Там же, vol. V, no. 3340.

этому Пророк говорит: «Тот, кто глуп (т.е. не обладает разумом) - наш враг». Объясняя эту строку из хадисов, Руми говорит:

Пророк сказал: тот, кто глуп, - наш враг и разбойник, который встает на пути путешественника.

Тот, кто разумен, - наша душа, тот ветерок и эфир - наш сладкий базилик.

Если разумность ругает меня, я доволен, ибо в этом есть что-то от милости господ Бога.

Такая ругань не остается без употребления, как гостеприимство не остается без стола. Но если глупец вложит сладкую конфету в мой рот, меня бьет лихорадка от этого вкуса¹³³.

Руми сложил много других строф, которые подчеркивают важность разума. Он говорит нам, что разум останавливает желания нафса и противостоит похоти¹³⁴.

Руми метафорически поясняет, что эгоистичные желания и похоть - это чувства, которые присущи нашему телу, а разум, как божественный дар, остается странным гостем в нашем смертном теле. Большею частью наша низменная сущность одерживает победу над разумом. Причиной тому - то, что пес нашего нафса бунтует в собственном доме. «Ты в лавке своего тела, продающей разные товары. Два драгоценных дара спрятаны под полом лавки... Скорее выкопай их, пока не кончилась твоя аренда на эту лавку, и ты не остался без какой-либо выгоды от этого»¹³⁵.

Руми говорит о борьбе между разумом и человеческой сущностью в следующих стихах. Как психолог, он объясняет чувства постепенно, используя метафоры, и предупреждает нас.

¹³³ *Mesnevi*, vol. IV, no. 1947.

¹³⁴ Там же, no. 2301.

¹³⁵ Там же, no. 2557.

Плотская сущность желает выместить злобу, отомстить своему противнику: разум - это железная цепь, наложенная на плоть.

Он приходит и не дает плоти хода и сдерживает ее: разум - словно стражник, который контролирует добрые и злые деяния плоти.

Разум, который вступает в союз с Верой, - словно надсмотрщик над стражей: это сторож и судия в городе твоего сердца.

Он всегда настороже, словно кот; вор остается в своей норе, словно мышь. Когда мышь одерживает победу, кота нет поблизости, или же остается только нереальный облик кота.

Какого кота можно сравнить с разумом? Вера и разум вместе в теле - это лев, который побеждает других львов¹³⁶.

В другой строфе Руми сравнивает человека, обладающего разумом, с духовным проводником, несущим факел, который озаряет истинную тропу, и ведущим тех, кто остался в темноте и заблудился: «Умный человек - это тот, у кого есть фонарь; он идет впереди и показывает путь каравану»¹³⁷. Руми продолжает восхвалять разум: «Если Ум покажет свое лицо в видимом облике, день покажется тьмой рядом с его светом. А если образ глупости станет видимым, рядом с ним тьма ночи воссияет»¹³⁸. И еще: «Дыру, которую сделали глупость и невежество, невозможно зачинить: не стоит сеять там семена мудрости, о советник»¹³⁹. В «Маснави» приводится о притча об Исе (а.с.), который убегает от глупца:

¹³⁶ *Mesnevi*, vol. IV, no. 1984-1989.

¹³⁷ Там же, no. 2188.

¹³⁸ Там же, no. 2181.

¹³⁹ Там же, no. 2265.

Иса, сын Маряма, бежал к горе так, словно он убегал ото льва, стремящегося выпить его кровь. Кто-то догнал его и спросил:

«Что случилось? за тобой никто не гонится. Почему ты бежишь быстро, словно летит птица?»

Иса бежал так быстро, что даже не обернулся, чтобы ответить этому человеку. Тот пробежал еще немного и вновь окликнул Ису:

«Ради Бога, остановись на мгновение. Почему и от кого ты так бежишь?»

Иса ответил:

«Я убегая от глупца. Не останавливай меня, дай мне убежать».

Человек спросил:

«Разве ты не Мессия, который открывает глаза слепых и уши глухих?»

Иса:

«Да, это я»,

Человек:

«Разве не ты заставил мертвого человека вскочить, подобно льву, нашедшему добычу?»

Иса:

«Да, я».

После этого человек сказал:

«О чистый и прозрачный дух! Чего же ты боишься, если можешь сотворить такие чудеса?»

Иса сказал:

«Я прочитал Величайшее Имя, которое доверил мне Господь, слепому человеку, и тот прозрел. Я прочитал его глухому, и тот начал слышать. Я прочитал его над камнем размером в гору, и камень раскололся и рассыпался на кусочки. Я прочитал его над умершим, и тот ожил и восстал. И я сто тысяч раз прочитал его глупому человеку, но это не помогло»¹⁴⁰.

¹⁴⁰ *Mesnevi*, vol. III, no. 2570-2588.

Объяснив с разных точек зрения, что разум – это великий дар человеку, Руми использует метафору, чтобы показать нам, что разум не может провести нас дальше, чем ведет нас тропа Господа, тропа любви. Он сравнивает разум с архангелом Джеб-раилом и говорит: «Пока Пророк поднимался к Господу во время Ночи Вознесения (*мирадж*) под руководством Джебраила, они поднялись до места, где разум сказал: “О, Ахмад, если я сделаю еще один шаг вперед, я сгорю. Оставь меня здесь, а сам иди дальше, о султан духа, здесь мой предел”».

Как указывает Руми, приходит время, когда разум больше не нужен. Как это происходит, что разум, который побеждает сущность человека, во многом приносит пользу, поднимает нас до уровня человечности, помогает нам обрести веру, – отбрасывается, словно старомодный светильник. *Акль*, арабское слово, означающее «разум», происходит из того же корня, что и *икаль* – часовая цепочка. Он подобен цепочке, которая прикрепляет часы к жилету: если вы попытаетесь натянуть ее слишком далеко, за пределы ее возможностей, она порвется. Поэтому Зияпаша говорит так о жизни в раю: «Осознание этих более высоких концепций не является необходимым для малого разума, поскольку на этих весах нельзя взвесить такой груз». Голландец Эразм Роттердамский (умер в 1536 году), один из величайших мыслителей эпохи Возрождения, в своем труде «Похвальное слово глупости» утверждает, что разум иногда бывает бесполезен.

Великий средневековый поэт Физули* жалуется на разум в одном из своих стихотворений: «Я ищу у разума верного направления, а он направляет меня по ложному пути». Руми заявляет, что разум нельзя называть разумом, когда он становится

* Мухаммед Физули (1494-1556) – выдающийся поэт и философ Востока, автор трактата «Восхождение убеждений», поэмы «Лейли и Меджнун». – Прим. ред.

препятствием на пути к достижению великих истин: «Когда твой разум становится препятствием на твоём пути к Богу, это больше не разум. Это змея, это скорпион»¹⁴¹. Руми называет провокатором способность разума, которую он сам когда-то очень хвалил и которая позволила нам продвинуться на пути к человечности: «Такой разум приводит человека к злу»¹⁴². «Продай ум и разум и купи вдохновение», – говорит он. «То, что ты называешь разумом и интеллектом – это лишь догадки и иллюзии, но воодушевление – это внутренний взгляд, интуиция. Принеси разум в жертву в присутствии Мустафы (Пророка ислама) и скажи «хасбий Аллах» (Бога довольно для меня) [аллюзия на коранический стих: «Достаточно мне Аллаха!» (Св. Коран, 9:129) – Прим. автора]¹⁴³. Где бы и как бы ты ни заметил эгоистичный интерес, беги от него, выпей яд и излей на землю Воду Жизни Вечной. Если кто-то хвалит тебя, ответь ему оскорблениями и проклятиями. Отдай свои деньги тому, кто разорился. Откажись от безопасности и уйди туда, где страх и опасность. Откажись от своей репутации и достоинства. Пусть тебя публично унижат. Я уже пытался жить по указке разума, который тщательно рассматривает и анализирует будущее, так что теперь я попытаюсь руководствоваться безумием»¹⁴⁴.

В «Маснави» Руми упоминает о хорошо известной притче о Мусе (Моисее) и Хызре, которая изложена в Коране (Св. Коран, 18:65–82). Он объясняет, что хотя Муса и был пророком, он не смог понять смысл некоторых поступков Хызра: «Поступки, которые были тривиальными для Хызра, ошеломляли разум Мусы. Когда Муса видел, что делает его спутник, он не мог понять смысла этих деяний. Они казались Мусе ненужны-

¹⁴¹ *Mesnevi*, vol. I, no. 2329.

¹⁴² Там же, vol. IV, no. 1255.

¹⁴³ Там же, no. 1408.

¹⁴⁴ Там же, vol. II, no. 2328.

ми и несвоевременными, ибо он не обладал духовным видением Хызра. Если разум Мусы не мог познать смысл Невидимого, тех вещей, что происходят в ином мире, то как может твой разум, подобный мозгам мыши, осмыслить их?»¹⁴⁵.

В других строках «Маснави» Руми рассуждает о возможностях разума:

Предвидение этого разума простирается до могилы. Но разум того, кто «обладает сердцем», видит события, которые должны произойти до Судного Дня и до Трубы архангела. Этот разум идет не дальше могилы и земли. Эта стопа не может шагнуть за пределы поля, на котором происходят удивительные вещи. Откажись от этого разума и этих ног, иди вперед. Ищи себе такие глаза, которые смогут увидеть невидимое, и ты будешь спасен¹⁴⁶.

Когда человек отказывается от разума, переполненного желаниями, страстями и устремлениями, он обнаруживает сотни тысяч изумительных разумов¹⁴⁷.

В любви есть много иных ярких и прекрасных вещей, помимо тех, которые может охватить этот разум. В Боге есть много других вещей, помимо тебя, с помощью которых он управляет бесконечными небесами и бесчисленными мирами в их пределах. Одним разумом ты обретаешь пищу этого мира. С помощью другого разума - возносишься выше семи небес. Если ты позволишь себе раствориться в любви к Господу, избежишь своего эго и отрицешь скептический ум, Господь даст тебе разум в десять раз сильнее, даже в семьсот раз сильнее прежнего¹⁴⁸.

Я представил здесь некоторые из взглядов Руми, изложенных в «Маснави», о реальных путях, которые приведут нас к Бо-

¹⁴⁵ *Mesnevi.*, vol. II, no. 3262.

¹⁴⁶ Там же, vol. IV, no. 3311-3313.

¹⁴⁷ Там же, no. 3649.

¹⁴⁸ Там же, vol. V, no. 3233.

гу. Считаю важным также процитировать несколько строф из «Диван-и Кабир», где обсуждаются те же вопросы:

Разум - это цепь, обвитая вокруг ног тех, кто отправился по тропе Бога и возлюбил Господа. Сын мой, разорви эту цепь, тропа явственна перед тобой. Разум - это оковы, а сердце - иллюзия. Телом владеют высокомерие и гордость. Сама душа сокрыта за завесой и не показывается никому. В таких условиях, обремененный столь тяжелой ношей, как ты можешь направиться к истине? Тропа невидима и сокрыта. Остается надеяться, что если ты отречешься от разума, сердца и души, ты сумеешь увидеть тропу полного понимания и осознания Всевышнего¹⁴⁹.

...Вчера разум босиком сбежал из нашего собрания, поскольку мы находимся вне мира разума и предположений.

Ты погружен в размышления, ты ищешь средство от своей болезни, хотя причиной усиления твоей болезни и раздражения является то, что ты погружен в размышления. Твои мысли не дают тебе идти дальше по тропе к Богу. Если хочешь обрести Господа и истину, отринь разум и увеличь свое возбуждение. Ты не человек мыслей, ты - человек ясности, человек сердца. Мысли превращаются в драконов на тропе, что ведет к Богу. О, душа, будь безумной, будь сумасшедшей, почему ты полагаешься на разум, зачем ты привязываешь себя к разуму?¹⁵⁰

Я схватил свой разум за ухо и сказал: «О, Разум! Убейся прочь, сегодня я избавлен от тебя. О, Разум, убери от меня свои руки. Сегодня я обрел безумие, и я буду держаться за него»¹⁵¹.

...Да пребудут далеки от возлюбивших Господа люди, обладающие разумом. Пусть смрад, доносящийся из сточных труб бани, остается в стороне от зефира. Если кто-то, обладающий разумом, приблизится к нашему собра-

¹⁴⁹ *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1082.

¹⁵⁰ Там же, vol. VII, no. 3134.

¹⁵¹ Там же, vol. III, no. 1185.

нию, не подпускайте его к нам. Но если придет возлюбивший Господа, приветствуйте его и сто раз скажите: «Добро пожаловать, ты почтил нас»¹⁵².

У тебя две головы. Одна - голова земли, которая принадлежит этому миру. Другая - духовная голова, что принадлежит небесам¹⁵³.

Руми называет «головой земли» тот разум, который обеспечивает нам материальные блага, возносит нас выше животных. На первой стадии Руми восхвалял этот тип разума, но затем увидел, что его недостаточно, и тогда он отрекся от него и оставил его позади себя. Сказав, что это безумие - держаться за этот материальный разум, он начал описывать разум духовный, который обретается в другой нашей голове - той, что принадлежит небесам. И это очевидно, что мы можем обрести Господа и истину только через разум, что находится в той чистой голове, которая принадлежит небесам.

Красота

Концепция красоты, которая оказывает воздействие на нас, ласкает нашу душу, изменяет нас духовно и доставляет нам неопишное и сладкое возбуждение, зачаровывала людей с древнейших эпох. Это наука эстетики. Философы и ученые истолковывали значение красоты в меру своего разумения. Об этом предмете написано много книг, которые пытаются объяснить красоту с мировоззренческой, научной точки зрения. С другой стороны, Руми выражает свое мнение о красоте не в терминах разума, а в терминах сердца, любви и веры.

Согласно Руми, все, что есть красивого и красота вообще, принадлежит Господу, Который и есть Красота. Все прекрасное, что мы видим в этом мире, - лишь крохотные частички Красоты

¹⁵² *Divan-i Kabir*, vol. I, no. 172.

¹⁵³ Там же, no. 464.

Господа, ибо Господь есть Абсолютная Красота. Истинная красота, полная и всеобъемлющая красота - это Его Красота. Он проявляет Свой атрибут Красоты во всем, что Он творит. В звездах, что сияют в ночи, в лунном свете, в солнечном восходе и закате, в морях, небесах, лесах, горах, реках есть красота. В цветах, бабочках, созданиях, что живут в морских безднах, в высоко летящих птицах - во всем - красота. Физическую и духовную красоту человека, самого благородного из всех творений, нельзя даже описать. Равным образом, нельзя даже пытаться заключить в рамки красоту всех произведений искусства, которые создало человечество.

Руми, которому были ведомы тайны сердца, прояснил причины того очарования и восхищения, которое мы испытываем, когда слушаем красивый голос или рассматриваем прекрасный пейзаж, даже если мы сами не можем точно объяснить, что же нас так привлекает, и говорим: «Мне это нравится». Как считает Руми, восхищение, которое вызывает в нас красота, приводит нас ближе к Самому Прекрасному из всех Прекрасных, к Богу. Через эти чувства наше сердце входит в иное состояние, и мы испытываем неопишное и сладкое возбуждение. Например, когда кто-то с истинным чувством играет на *нее* (флейте или свирели), скрипке, фортепиано или каком-то другом инструменте, мы ощущаем влияние этого. Прекрасная поэма, пьеса, в которой говорится о храбрости, самопожертвовании, любви и сочувствии, трогают нас.

Когда мы слушаем песнопение, исполняемое в соответствии со всеми канонами, наша личность меняется. В этот момент мы покидаем свое тело и оказываемся в каком-то ином мире. Наш дух освобождается от тюрьмы тела, и мы расстаемся со своей физической оболочкой. В такой момент каждый из нас как будто становится новым человеком. Мы оказываемся в присутствии нашего Возлюбленного Господа, словно чистые и безупречные

люди, которые избавились от своих амбиций, дурных привычек и грехов. В этот момент мы питаемся духовной пищей у небесного стола Всевышнего, источника благодати, которую Он изливает на нас красивыми голосами и божественными мелодиями.

Когда замирает голос, который нам так нравится, мы возвращаемся в свое прежнее состояние - падаем с небес, словно птица с подбитым крылом. Нам хочется, чтобы и дальше звучала божественная мелодия, которая унесла нас за пределы этого мира. Артисты, которые дарят нам эти божественные звуки, - это люди, которые ощущают что-то из другого мира и по-своему выражают это. Артисты обладают духовным чувством, которое не каждому присуще. Иногда даже сам артист не осознает свою собственную духовную власть. Некоторые чаруют нас своими голосами, другие - игрой на музыкальных инструментах, третьи - произведениями искусства, которые они создают, четвертые - своим обликом и поведением. Об этом говорит Руми: «Прекрасные лица - зеркало Красоты Господа. Любовь к ним - эхо нашей любви и стремления к Господу. Это размышление о Всевышнем»¹⁵⁴.

Здесь есть один момент, по поводу которого надо проявлять большую осторожность. Чтобы избежать безверия, мы должны думать о Красоте Господа в духовных образах. Руми предупреждает нас об этом: «Вознеситесь над формой красоты тел и лиц и не будьте соблазнены ими. Может быть, вино и налито в бокал, но бокал - это не само вино»¹⁵⁵.

Может ли смертная и преходящая красота действительно быть такой же, что и Красота Господа? Отблеск Божественного Света можно увидеть на этом теле, которое есть всего лишь комбинация плоти и костей. Солнечный свет падает на стену.

¹⁵⁴ *Mesnevi*, vol. VI, no. 3181.

¹⁵⁵ Там же, vol. VI, no. 3708.

Стена ярко сияет. Но эта стена - не солнце. Поэт выражает это чувство таким образом: «Солнце красоты тех, кто красив, в конце концов, садится. Я не люблю смертных красавиц. Я люблю Прекрасного, которому не пределов и который никогда не заходит». Чтобы избежать неверия, Руми призывает нас видеть и любить красоту, а не красивых: «Ты идешь навестить друга. Но ты ведь хочешь не просто увидеть его физическую суть и внешний облик. Ты идешь к его внешнему облику, чтобы он выразил свою близость любовью и привязанностью к тебе. По сути, ты не идешь к своему другу. Духовно ты отправился во вселенную бесконечности, где нет каких-либо форм. Но ты не имел ни малейшего понятия об этой цели, поскольку ты ничего об этом не знаешь»¹⁵⁶. В одном из катренов Руми говорит: «О Господи, после того как я узнал о Твоей любви и устремился к обретению Тебя, мой взгляд перестал видеть красоту этого мира». В «Диван-и Кабир» он возносит молитву о красоте: «Мы, суфии, приблизились к Тебе. Ради Твоей Святости, дай нам чего-либо от Твоей Красоты».

Поскольку вся красота - это проявление Красоты Господа, очарование, которое вызывает в нас красивое лицо, не принадлежит ему самому, т.е. материальной красоте. Оно исходит от Прекраснейшего из Прекраснейших, который и одарил нас этой красотой. По этой причине восхищение внешней красотой без мыслей о Творце - порок и один из самых страшных грехов. Видя красоту, которая зачаровывает нас, мы должны помнить строки Корана: «Благословен Аллах, наилучший из создателей!» (Св. Коран, 23:14). Вся красота принадлежит Ему. Увидеть Создателя, Прекраснейшего из всех Прекраснейших, в красивых лицах и быть очарованным Им - это милость Господня, дарованная Им истинно верующим.

¹⁵⁶ *Mesnevi*, vol. VI, no. 3708.

В «Маснави» Руми говорит: «Я - основа и разума, и божественного экстаза. Теперь мы понимаем, что красота, которую мы видели во внешних образах и своих фантазиях, была отражением нашей красоты»¹⁵⁷. Поскольку восхищение красотой есть милость Господня истинно верующим, настоящий человек сосредоточивается на духовных аспектах красоты, а не на ее физических проявлениях, и на Создателе Красоты, от которого верующий принимает все. Господь создает живые бокалы, в которых искрится вино духа, вино суфия Мансура (ал-Халладжа).

Почему нам нравится красота и все красивое? Как считает Руми, красота и все прекрасное не только приближают нас к Богу, но и напоминают нам о красоте мира духовного. Точно так же, как есть выражение тоски и устремлений в музыке, в красивых голосах и божественных мелодиях, так есть в красоте и во всем прекрасном воспоминание о мире извечного. По этому поводу Руми говорит: «В моих ушах не осталось ничего, кроме шума любви. Ни мысли, ни смысла не осталось в моем духе, кроме красоты мира вечного прошлого».

По мнению Руми, перед той жизнью, которой мы живем, была жизнь иная. Прежде чем мы пришли на эту землю, наши души жили в мире духов. В этом мире извечного были проявления неопишуемой красоты. По этой причине мы любим красоту, которую встречаем в этом мире. Она напоминает нам о красоте мира извечного. Руми говорит об этом и в «Маснави», и в «Диван-и Кабир»: «Моя вселенная, мой мир освещен святым светом вечного прошлого. Мое счастье существует благодаря Величайшему из Великих, Прекраснейшему из Самых Красивых».

Руми выражает эти же чувства в своем стихотворении:

Знаешь ли ты, откуда ты явился? Ты пришел из укромного и святого места, принадлежащего Господу. Разве ты

¹⁵⁷ *Mesnevi*, vol. V, no. 3278.

не помнишь этот мир духов? Всю его красоту? Ты забыл их и заблудился в этом мире. У тебя кружится голова, ты отдал свою жизнь в обмен на пригоршню праха. Какая невыгодная сделка! Верни этот прах. Познай свою цену, ведь ты не раб. Ты - король, султан, и не подозреваешь об этом. Многие прекрасные лица тайно спустились на землю с небес ради тебя¹⁵⁸.

Может быть, эти прекрасные лица, которые мы видим в этом мире, пришли с небес, чтобы напоминать нам о красоте мира извечного? Какая тонкая и приятная аллегория - в метафорическом плане. В мире духовном были собраны самые красивые, самые безупречные, самые яркие образцы всего, что мы видим в этом мире. Все, что нравится нам в этом мире, - красивый пейзаж, прекрасное лицо, произведение искусства, музыка - напоминает нам о красоте духовного мира в вечном прошлом. Наш великий Пророк также говорил о Красоте в хадисах: «Воистину, Господь Прекрасен и любит красоту»¹⁵⁹. И еще: «Зеленые поля, реки и красивые лица помогают человеку расслабиться и обрести покой». И: «Ищи мудрость возле тех, кто одарен красивым ликом».

Согласно Руми, красота освобождает нас от тюрьмы собственного тела и приводит нас ближе к другому миру, к Господу. Таким образом мы обнаруживаем Всевышнего в воздействии произведений искусства на чувствительных людей. Красота Бога проявляется в красоте творений великих художников, которые зачаровывают и ошеломляют людей. Это происходит потому, что все эти произведения искусства - творения тех, кто несет на себе Божественный аманат (то, что оставлено на хранение) и обрел Милость Господню, и неважно, к какой стране или нации принадлежат эти люди. Человек проявляется в шедев-

¹⁵⁸ *Divan-i Kabir*, vol. VI, no. 2927.

¹⁵⁹ *Faydh al-Qadir*, vol. II, p. 224.

рах, которые он создает, в своей гуманности, своих чувствах и мыслях. Однако именно Господь дарует художнику силу для того, чтобы создать произведение искусства. Ни один комар не может шевельнуть крылышком без Его воли, и ни один шедевр не может быть создан без Его поручения. Только Он позволяет создавать шедевры, дарует художникам вдохновение, силу и талант.

Но сам этот Великий и Безупречный Художник скрывает себя. Разве может кто-то познать все типы способностей, таланта, красоты и восторга красоты, которыми Господь одарил человека, самое славное из всех Его созданий?

Знаменитый исследователь эстетики Шарль Лало говорит: «Подобно тому, как вид прекрасного заката вызывает у селянина мысль об ужине, что вовсе не является эстетической концепцией, он вызывает у физика мысли об анализе светового потока, который ни эстетичен, ни неэстетичен, а может быть только истинным или ложным. Закат прекрасен только для тех, кто ощущает красоту».

Руми следующим образом доказывает, что не все способны воспринимать красоту:

Для тех, чьи глаза озарены светом мудрости, Господь создал шесть направлений в доме мира, которые подвластны Его знакам. Куда бы они ни смотрели, они видят там Силу и Искусство Всевышнего.

Те, глаза чьих сердец открыты, получают пищу духовную из садов Искусства и Красоты Господней, они ощущают ее, невзирая на то, на какое растение или животное они смотрят.

Поэтому возлюбившим Господа было сказано: «Куда бы ты ни обернулся, там Его Лик и Его Красота».

Если ты жаждешь и испил стакан воды, ты видишь Бога в воде.

Но тот, кто не возлюбил Господа, увидит в этой воде свое отражение.

Кого же видит в воде влюбленный, когда его сущность растворена в Боге?

Подобно тому, как луна сияет на водах и видна в них, влюбленные в Господа видят Его Красоту на лицах прекрасных.

Те, глаза чьих сердец широко распахнуты, видят Искусство Господа, Его Красоту и Мощь во всем, в каждом атоме, и они повторяют: «Мир есть зеркало Красоты нашего истинного Возлюбленного. Каждый атом - свидетель Его Красоты». Согласно Руми, если возлюбивший Господа видит Искусство Всевышнего, Прекраснейшего из Прекраснейших, и Его Власть в создании красоты на прекрасных лицах, которые он видит в этом мире, и не испытывает очарования; если его побеждают животные чувства, он смотрит на красоту иными глазами, не воспринимает красоту красиво, а охвачен похотью и его взгляд замаран, тогда такой человек утрачивает любовь Господа. Он погружается в бездну, уходит из мира человечности и становится похожим на животное.

Давайте закончим этот раздел строками человека, возлюбившего Господа:

«О Господи, Ты проявил Свою Красоту в облике прекрасных. Поэтому глазами влюбленных Ты смотришь на Свою собственную Красоту».

Женщины

Некоторые люди утверждают, что, за исключением чисто анатомических различий, все различия между мужчиной и женщиной - результат того, каким образом женщины воспитаны, т.е. итог социального воздействия. Те, кто возражает против этих взглядов, верят, что разница исходит из создания человеческо-

го существа в материнской утробе и основана на разнице генов. Согласно исследованиям ученых, социологов психологов, спор «природа против воспитания» разрешается более просто. Они утверждают, что личность человека формируется в результате общего воздействия двух этих факторов, т.е. природы и воспитания. Мужчины и женщины равны в том, что касается их ответственности за свои поступки в этой жизни. Однако они созданы различно. В чем же заключается эта разница в творении?

Научные исследования показали, что сердце эмбриона женского пола бьется с большей частотой, и что девочки быстрее взрослеют. Новорожденные девочки проявляют иные реакции, нежели мальчики, на различные раздражители. Например, они более ярко реагируют, если с них снимают пеленку, они более восприимчивы к прикосновению или боли. Было доказано, что в возрасте двенадцати недель девочки смотрят на изображения людей дольше, чем на яркие геометрические фигуры. Следует также отметить, что девочки в младенческом возрасте проявляют больше интереса к другим людям, чем мальчики. Мальчики, в свою очередь, дольше смотрят на изображения ярких геометрических фигур, чем на изображения людей.

В тестах интеллекта мужчины и женщины показывают в среднем одинаковые результаты. Социологи и психологи, используя новейшие достижения, изучали причины того феномена, что женщины не так часто встречаются, как мужчины, в области науки, техники и искусства. Они пришли к выводу, что женщины менее предприимчивы, чем мужчины, поскольку боятся совершать ошибки и на них оказывает большее воздействие негативная критика.

Мужчины и женщины разнятся между собой в биологическом плане. Природа женщины отличается от мужской в том, что касается физиологии и психологии. Однако это не значит, что женщина превосходит мужчину или что мужчина «важнее»

женщины. Мужчины и женщины - словно азот и кислород в воздухе. Воздух состоит не только из азота или кислорода. И мы не считаем, что один из них важнее другого для дыхания. Каждое существо, что живет на Земле, нуждается и в кислороде, и в азоте для дыхания. Так что мы можем прийти к выводу, что оба пола равны друг перед другом и дополняют друг друга. Мы - люди, и нас объединяет наша человечность. И мы не можем жить друг без друга. Мы нужны друг другу. Поэт выразил эту истину следующими словами: «Женщинам нужны мужчины, молодым нужны старые, нужно их знание и опыт; луку нужна стрела, каждому человеку на земле нужны другие люди».

Взгляды Руми на женщин - это взгляды правоверного мусульманина. Впрочем, это относится и ко всем другим вопросам. Я пытаюсь объяснить мнения Руми по разным проблемам, приводя примеры из его собственных трудов, чтобы у читателя не возникало впечатления, будто бы его праведность привнесла в ислам какие-то инновации. Этот великий праведник, который повторял: «Я - раб и слуга Корана, я - прах, на который ступает нога Пророка Мухаммада», не мог оказаться вне пути Пророка. Он не отклонялся от этого пути ни в том, что касалось женщин, и ни в каком-либо ином вопросе. Любые верования, образ жизни или поведения, которые противоречат его взглядам, - для него суть неискламская ересь. На самом деле Руми вернул на истинный путь те исламские взгляды, которые были извращены другими верованиями, происходившими из разных регионов. Руми не привнес никаких изменений в исламские верования, поскольку ислам не нуждается в реформировании.

Поскольку Руми объясняет отдельные моменты своим излюбленным способом, приводя в качестве примеров многозначные и красивые притчи, мы лучше всего понимаем основы исламской религии именно через его стихи. Некоторые люди, которые не понимают принципов ислама, утверждают, что в ис-

ламе на женщин смотрят сверху вниз, и они обладают меньшими правами, нежели мужчины. Чтобы лучше понять суть проблемы, давайте посмотрим, какими правами обладали женщины до появления ислама и что нового внес ислам в этом плане.

Примерно в то время, когда появился ислам, положение женщины на Аравийском полуострове было поистине ужасным. Женщины не имели никаких прав в вопросах, касающихся брака, рождения детей или наследования. Широкое распространение получило прелюбодеяние. Рождение дочери было моральным позором для семьи, поскольку девочка рассматривалась только как финансовое обременение семьи. Отец, обладавший всей полнотой власти над своей семьей, не видел никакого препятствия в том, чтобы убить свою дочь; часто это выражалось в том, что ее хоронили заживо. Ислам спас женщин, на которых смотрели свысока, лишив их каких-либо прав. Ислам запретил хоронить заживо новорожденных девочек. Он приказал выказывать женщинам любовь и привязанность. Пятнадцать столетий назад, в то время, когда женщин унижали во всем мире, наш Пророк сказал: «В главе «Ал-Бакара» Корана сказано: «Жены имеют такие же права, как и обязанности, хотя мужа и выше их по положению» (Св. Коран, 2:228). В своей хорошо известной Прощальной Проповеди Пророк напомнил нам о правах женщин: «О, люди, советую вам не забывать о правах женщин и бояться Бога в этих делах. Бог вручил вам женщин, заботьтесь о них».

Поскольку проблема положения женщин - это тема, о которой высказывалось много идей, потому что люди часто заявляют, что в исламе женщин не ценят, я кратко представил вам информацию о положении женщин в разных обществах, придерживавшихся различных религий. Думаю, что вы поймете меня лучше, когда я расскажу вам о взглядах Руми на эту проблему.

Взгляды Руми на положение женщин концентрируются вокруг двух моментов. С одной стороны, Руми рассматривал высшие аспекты женской природы и прославлял женственность; с другой стороны, он очень реалистично описывал человеческие слабости женщин, их страсти и склонности. Те, кто внимательно читал труды Руми, отметят, что он часто говорит шутливо или с преувеличениями о какой-либо теме, чтобы его лучше понимали. Например, в одной притче он говорит о том, как египетский халиф влюбился в служанку султана Мосула¹⁶⁰, и далее рассказывает об отношениях, которые сложились у этой служанки и молодого воина, которому было приказано отвезти эту юную красавицу в Египет. Он указывает, насколько эта красавица оказалась слаба перед соблазном физического наслаждения: «Эта прелестница с лицом, подобным полной луне, была изумлена его мужской силой»¹⁶¹. Далее, описывая встречу этой служанки с халифом, он говорит: «Когда же служанка увидела слабость халифа, который испугался мыши, она начала громко хохотать»¹⁶².

Эти притчи в “Маснави” излагаются не для того, чтобы унижить женщин, но для того, чтобы показать истинную природу и устремления человеческой природы. Автор подчеркивает, что именно женщины оказались слабы; но если бы они не обладали большей чувствительностью, чем мужчины, если бы их сердца не были переполнены любовью и привязанностью, человеческий род не мог бы размножаться и заселить всю землю.

Известно, что для женщины родить ребенка так же трудно, как умереть. Многие молодые женщины действительно теряют жизнь, рожая дитя. После рождения ребенка его не так-то легко вырастить. Женщина сталкивается с бесчисленными трудностями. Она теряет сон и покой, выкармливая ребенка грудью. По

¹⁶⁰ Mesnevi, vol V, no. 3881.

¹⁶¹ Там же, no. 3890.

¹⁶² Там же, no. 3947.

этой причине Пророк восхищался этими обязанностями женщин и восхвалял их. И он поместил рай не под ногами мужчины, но под ногами матери. Пророк, который почитал женщин и видел в них личности, обладавшие чувством чести, приказал нам избегать только тех женщин, которые становятся рабами своих чувств и не могут сопротивляться своей чувственности¹⁶³.

Господь вложил в сердце женщины больше любви и нежности, чем в сердце мужчины. Он сделал это для того, чтобы женщина смогла переносить тяготы рождения ребенка и материнства. Женщины более терпеливы, они переносят боль и страдание лучше, чем мужчины. Они живут дольше мужчин. Они лучше сопротивляются болезням, нежели мужчины. Эти качества - дар Господень женщинам. Более того, если женщина держит свои чувства под контролем и побеждает свои чувственные устремления, она оставляет мужчин позади себя на пути устремления к Господу и достигает истины быстрее, нежели мужчины.

То, что женщины щедро наделены от Господа любовью, привязанностью и милосердием, - дар Господа не только их детям, но и их мужьям. Многие великие художники и изобретатели обязаны своим успехом заботе, любви и привязанности своих жен. Неужели тот факт, что женщины слабее мужчин физически и более чувствительны, чем они, вводит в заблуждение и мужчин, и женщин? Неужели это уводит их с пути истинного? Нет. Руми придает большое значение достоинству женщин, как делал это и Пророк, которого Руми горячо любил и к чьим заповедям был глубоко привязан. Пророк сказал: «Если кто-то влюбляется в женщину, но не открывается в своей любви и хранит целомудрие и умирает, никому не открывшись, этого человека считают мучеником».

¹⁶³ Вся историю целиком см.: Mesnevi, vol V, no. 957.

Руми критикует и обвиняет тех, кто стремится воспользоваться эмоциональной уязвимостью женщин. Он говорит в “Маснави”: «Тот, кто плохо обращается со своей женой, станет сутенером своей собственной жены, ибо наказание за дурное деяние равно сотворенному греху. Наказание за преступление равно совершенному преступлению. Если ты по какой-то причине соблазняешь чужую жену, то сам становишься рогоносцем, подобно обманутому мужу, и даже хуже»¹⁶⁴. Это следует понимать так: Руми не хотел уязвить женщин, указывая на их слабости. Разве страсти и чувственное желание присущи только женщинам? Разве мужчины свободны от них? И женщины, и мужчины – всего лишь люди, человеческие существа. Эта двойственность, обладание как хорошими, так и дурными качествам, и есть то, что делает нас людьми. Даже если обладание чувствами есть фактор природный, уступка своим чувствам унижает человека. Разве не сказано в Коране: «Мы сотворили человека в прекраснейшем облике. А потом Мы обратим его в низжайшее из низших [состояние]» (Св. Коран, 95:4-5).

Что же говорил Руми о женщинах за много веков до многих знаменитых философов? Давайте очень внимательно прочитаем, что он пишет:

Господь создал женщину для мужчины, чтобы тот радовался с ней, а она сопровождала мужчину. Разве можно разъединить Адама и Еву? Как он может жить без Евы? Даже если мужчина превосходит своей доблестью Рустама, сына Заля, и превзошел Хамзу, дядю Пророка, своей смелостью, он все равно остается рабом повелений своей жены. Даже Пророк, который покорил весь мир своими прекрасными словами, просил свою жену: «Поговори же со мной, моя маленькая роза!»

Если воду изольют на огонь, огонь погаснет. Вода выше огня в том, что касается формы и внешних проявлений. Но поместите воду в котел, вскипятите ее. Если ко-

¹⁶⁴ Mesnevi, vol V, no. 3999.

тел станет препятствием между водой и огнем, огонь уничтожит воду, и та превратится в пар.

Внешне ты превосходишь женщину, как вода превосходит огонь. Но, по сути, ты повержен ею. Ты поражен женщиной и нуждаешься в ней. Ты не можешь обойтись без нее. Ты хочешь ее и любишь ее. Такие чувства можно найти только в людях. Любовь мало свойственна животным. Это специфическое свойство их природы.

В хадисах наш Пророк говорит: «Женщины обычно властвуют над людьми умными и людьми, обладающими сердцем. Но невежественные и жестокие люди властвуют над ними, поскольку обходятся с ними очень грубо и резко. Милосердие, щедрость и любовь редко встречаются в таких людях, поскольку в них преобладает животная сторона природы. Любовь и привязанность - чувства, присущие человеку. Гнев и похоть - животные чувства»¹⁶⁵.

То, что Руми иногда описывает женщину как «созидательницу», не должно приводить нас к ложным выводам. Здесь он говорит о чести женщины как матери и о способности женщины привести ребенка в этот мир. Разве не женщины рожали известных мужчин этого мира, особенно пророков? Как матери, женщины одаряют своих детей не только молоком, но и своей любовью, терпением, смелостью и выносливостью. Воистину, если бы не было женщин, не было бы жизни и человечества. Из следующего хадиса явствует, насколько высоко Пророк ценил женщину: «Я был создан, чтобы любить три вещи из вашего мира: женщину, приятный аромат и молитву, которая есть зеница моего ока». То, что Пророк упоминает женщину до того, как упоминает молитву, показывает, как высоко он ее ценил.

Поэзия

Это удивительно: хотя Руми всегда выражал свои взгляды и чувства поэтическими строками и обрел славу одного из ве-

¹⁶⁵ *Mesnevi*, vol. I, no. 2426-2435.

личайших поэтов не только Востока, но и Запада, он сам не считал себя поэтом и почти стыдился, если его так называли. Действительно, вряд ли можно называть возлюбившего Господа так, как это сделал Руми, «поэтом». Покойный Зия-паша почувствовал это и сказал: «Называть таких людей, обладавших высоким духовным чувством, поэтами значит подорвать их зрелость, безупречность и превосходство и обидеть их духовно». Суть в том, что слово «поэт» не может описать Руми. Для этого мы должны найти другие слова и выражения. В своей книге «Фихи Ма Фих» Руми выражает свои чувства по этому поводу:

Есть у меня такая привычка - я не хочу, чтобы чье-то сердце разбивалось из-за меня. Например, некоторые люди во время сама задевают меня. И некоторые друзья ругают этих людей и пытаются остановить их. Мне это не нравится. Я сто раз говорил друзьям: «Не говорите ничего никому из-за меня. Я доволен теми, кто задевает меня». Я так хочу, чтобы люди вокруг меня были счастливы, что когда ко мне приходят друзья, я читаю стихи, чтобы никто не испытывал сожаления или скуки. Затем я прекращаю читать стихи, и они жалеют об этом и просят меня продолжить. Я не могу отказать им и читаю стихи. И где я и где поэзия? Видит Бог, я далек от поэзии. По моему мнению, нет ничего хуже поэзии. На что похожа эта ситуация? По просьбе своего гостя некто моет брюху зарезанного животного. Он делает это, перенося дурные запахи, чтобы выполнить желание своего гостя, так как знает, что гость любит блюдо, которое готовят из брюхи. В нашем родном городе Балхе не было занятия или ремесла более презренного, чем поэзия. Если бы мы не переехали сюда [в Конью], а остались на родине, мы бы жили так, как там было принято. Мы бы работали так, как положено там. Мы бы учили студентов, читали проповеди, перебирали книги, и никто бы не читал стихи¹⁶⁶.

¹⁶⁶ *Risale-i Sipehsalar*, p. 97.

Руми настолько погружен в любовь, что, по его мнению, поэзия остается далеко позади. Он опьянен бесконечным духовным ощущением, возбуждением и радостью и говорит:

«Я не знаю того и этого. Я опьянен, погружен в восторг, испив из бокала любви». По сути Руми, который не считает себя поэтом (хотя он по праву принадлежит к величайшим поэтам земли), прав. Он не мог сравнивать себя с другими поэтами, поскольку говорил: «Какую ценность имеет для меня поэзия, что я могу говорить о ней? Я владею искусством, талантом, отличным от искусства и умения других поэтов. Я возлюбил Господа».

Стихи тех поэтов, что не относятся к возлюбившим Господа, являются продуктом мысли и воображения. Цель таких авторов в написании стихов - обрести славу. Другими словами, мирские поэты пишут стихи, чтобы их узнали, а поэты Всевышнего пишут стихи, чтобы другие познали Бога. Поэтому стихи писали большинство святых и праведников. Но никто из них не написал столько стихов, как Руми. Сравнить святых друг с другом противоречит хорошим манерам, это дурно. Но мы можем сказать: поскольку Руми был и великим праведником, и великим поэтом, его влияние оказалось велико. Сам Руми - поэма. Это поэма, дарованная Господом общине последователей Мухаммада. Если бы стихи, которые изливались с его благословенных уст, не были записаны, мы бы не узнали Руми. И если кто-то хочет узнать Руми, он должен читать его стихи. Его любовь, вера, возбуждение, чувства и мысли - все они в его стихах. Если бы не было «Маснави-и Шариф^{*}» и «Диван-и Кабир», не было бы самого Руми. Руми, поэт, присланный Господом из иного мира, в то же время велик как поэт и сам по себе.

* «Шариф» - «благородный». Почетное титулование «Маснави» в турецкой литературе. - Прим. автора.

- Но он другой поэт, который читает другие стихи. Он не хочет, чтобы его стихи читали обычным языком. Он молит: «О слова, произнесенные обычным языком! Когда я оставлю вас, когда я освобожусь от вас, чтобы я смог обрести моего истинного Султана света мудрости и найти убежище в Нем? Когда я смогу воззвать к нему сердцем? О Господи! Прежде чем придет смерть, спаси меня от знаний и действий. Спаси меня особенно от слов, которые не идут из сердца, я выговариваются ртом»¹⁶⁷. В другом стихотворении Руми говорит:

Мои слова и утверждения – завеса моим чувствам.

Мое сердце, что подобно розарию, стыдится моих мыслей, подобных шипам.

О, Господи, одари меня другим языком, не таким, как этот, чтобы я освободился от уз безверия, воспевая единение.

Если только один день я мог бы пребывать в восторге и не заботиться о дурном и хорошем и перечислять атрибуты Бога в моем сердце, не используя при этом язык и губы!¹⁶⁸.

Если отнестись к этому с большим вниманием, то можно увидеть, что Руми красноречиво выражает свои чувства, взгляды и любовь к поэзии. Но все равно он ощущает, что не может достойно выразить свои чувства к Богу. В этом плане он считает поэзию недостаточной и желает воззвать к Всевышнему от всего сердца, без помощи губ и языка. И наш Пророк умолял Всевышнего: «О, Господи, Чье существование мы знаем и ощущаем! Мы не сумели воистину узнать Тебя так, как того заслуживает Твоя Слава». Не то чтобы Руми не любил поэзию и поэтов: просто поэзии ему недостаточно. Он говорит: «О, Господи! Я не способен выразить Тебя и Твою Любовь так, как это

¹⁶⁷ *Mesnevi*, vol. V, no. 2279.

¹⁶⁸ *Divan-i Kabir*, vol. IV, no. 1791.

подобает Твоей Славе. О, Господи! Я не могу выразить то, что я чувствую к Тебе, словами и стихами».

И здесь я хочу сделать одно отступление. Много лет назад в каком-то журнале я прочитал о завещании одного английско-го поэта. Там говорилось: «Мое самое прекрасное стихотворение записано на граммофонную пластинку. Его следует прослушать через пятьдесят лет после моей смерти». Эта пластинка хранилась в университетской библиотеке. Пятьдесят лет спустя в газетах было объявлено, что состоится прослушивание этой записи. Любители поэзии заполнили зал заседаний университета, чтобы услышать самое прекрасное стихотворение знаменитого поэта, автора многих поэтических книг. Пластинку, которую в запечатанном виде тщательно хранили на протяжении пятидесяти лет, поставили на граммофон. Затаив дыхание, сотни людей ждали... Но с пластинки не доносилось ни звука.

Тщательная проверка показала, что на пластинке не было сделано никакой записи. Заставив всех прождать пятьдесят лет, поэт хотел сказать, что самое прекрасное стихотворение - это не то, которое изложено словами, но то, которое сохраняется в сердце. Он хотел сказать это тем языком, который превосходит написанное и произнесенное слово. Руми тоже утверждал, что самая прекрасная поэзия - это не та, что изливается с губ, но та, что прочувствована сердцем.

Музыка и сама

Давайте послушаем, что сам Руми говорит о музыке и ритуальных танцах:

Умные люди говорят: «Мы взяли эти божественные звуки и мелодии от вращения небес. Эти приятные звуки, которые люди извлекают из своих голосов или музыкальных инструментов, исходят из вращения небес. Все мы - части Адама. Мы слышали эти звуки, когда обре-

тались на небесах. Хотя наш приход в это тело, клетку, созданную из грязи и воды и облаченную в глину, вызвал сомнения в нашем духе и увел нас с пути истинного, мы все равно помним некоторые из этих мелодий. По этой причине музыка и ритуальные танцы вращающихся дервишей - это пища возлюбивших Господа. Вращаясь, мы ощущаем мир в сердце, связь с Богом и надежду обрести Возлюбленного. Когда мы слушаем эти прекрасные звуки, укрепляется воображение наших сердец. Эти образы даже обретают облик в нашем дыхании»¹⁶⁹.

Руми объясняет, что очарованность человека музыкой с самых ранних эпох есть выражение его стремления к Богу. Это факт, известный из самых ранних исторических записей, что музыка всегда оказывала очень сильное воздействие на человека. Женщины, которые слышали звуки волшебной флейты Кришны (красивый смуглый молодой человек, эквивалент Аполлона в индийской мифологии), были очарованы, бросали свои дома и бежали в лес, чтобы увидеть Кришну. Благодаря влиянию музыки они избавлялись от страха, сожаления и усталости. Последний герой греческой мифологии, Орфей из Фракии, играл такие приятные мелодии на своей лире, что даже хищники выходили из своих пещер и укладывались у его ног, чтобы послушать музыку. Когда он начинал играть на лире, не только животные, но даже деревья содрогались в экстазе; камни срывались с места и катились к нему.

Пророк Давуд обладал очень красивым голосом, обладавшим исключительным воздействием на слушателей. Рассказывают, что когда он начинал петь псалмы, реки останавливали свои воды и слушали его. Птицы падали на землю, деревья склонялись перед ним, и даже дикие звери были укрощены. В древние времена люди объясняли наличие прекрасных голосов мифами, которые возбуждали их души, поскольку они не осоз-

¹⁶⁹ *Mesnevi*, vol. I, no. 733.

навали невидимое и не знали, что музыка - это воспоминание о мелодии Небес.

Как говорит Руми, в музыке есть звуки, которые приходят из потустороннего мира. Что-то просыпается в нашем сердце, когда мы слушаем музыку. Прекрасные голоса и мелодии уносят нас за пределы нас самих. Мы забываемся. Мы словно входим в тайный и загадочный мир, который мы не знаем и не можем осознать. Мы словно сбегает из клетки нашего тела и расправляем крылья к небу, чтобы быть очищенными. Мы становимся иными. Кто-то, кто стремится к своему Вечному Возлюбленному, с Которым он разлучен, кто ощущает всю несуразность своего изгнания в этот мир, плачет в нашей душе. Так что же представляют собой ритуальные танцы вращающихся дервишей, которые упоминает Руми? То вращение в танце, которое он описывает как пищу для возлюбивших Бога?

Кружиться в танце *сама* означает - одновременно слушать музыку, двигаться в возбуждении, вызванном музыкой, впасть в экстаз и вращаться. Как считают суфии, вращение оказывает различное воздействие на души людей. Оно увеличивает любовь человека к Богу и вызывает многие необычные состояния души. Эти состояния души очищают сердце от грехов и наконец открывают глаза сердца. Можно сказать, что вращение в танце есть выражение любви к Богу и влечения, которое возлюбивший Бога испытывает к Нему, в форме поворотов вокруг своей оси и одновременно по периметру помещения. Это вращение спасает дервиша от самого себя, от своего существования и духовно приближает его к Богу. Это словно цыпленок, который пытается вылупиться из яйца: птица духа, заключенная в клетку тела, расправляет крылья, чтобы взмыть в небо, Божественный аманат, который погрузился в грязь, пытается выбраться из трясины. Вращаться значит обрести Бога в сердце через влияние музыки и сделаться подобным мотыльку в этом возбужде-

нии. Вращение - это не просто повороты тела. Это вращение сердца, духа, любви, веры и вообще всего физического и духовного существа в человеке.

В таком вращении возлюбивший Господа растворяется в Боге, отказавшись от своего воображаемого существования, своего нафса. Такое растворение частицы целого подобно тому, как, вращаясь и дрожа, атом поднимается к солнцу. Когда истинный *самазан*, находящийся в *сама*, который очистил свое сердце от всех желаний, находится в состоянии ритуальной чистоты и, одев *кафан* (длинное свободное одеяние, саван), вращается под звуки духовной музыки, он больше не осознает себя. Зрители могут наблюдать, как вращаются дервиши, но они не осознают, что самих дервишей здесь больше нет. Можно увидеть только тела вращающихся дервишей. Их сущности ушли в потусторонний мир.

Если вы думаете, что эти слова - нечто заученное, обычные клише или просто общепринятый взгляд на вертящихся дервишей, то вы ошибаетесь. Если вы не испытываете перенапряжения, если ваш ум не перегружен заботами, если вы пребываете в покое, то во время церемонии вращения, когда дервиши плавно плывут под священные мелодии, звучащие в зале, вы тоже испытаете своего рода вращение духа. Это вращение, эта гармония заставят вас забыть свое эго, и вы тоже прикоснетесь к потустороннему миру. Если все это можно почувствовать, просто присутствуя при этой церемонии, то что бы вы ощутили, если бы участвовали в ней? Многие люди объясняли, что такое вращение. О нем говорилось много хорошего, но лучше всего прочувствовал это состояние, объяснил его и заставил других ощутить его сам Руми:

Знаешь ли ты, что такое *сама*? Это голоса духов, отвечающих «Да!» на вопрос Всевышнего «Или я не Гос-

подь ваш?» Это спасение от своего эго и воссоединение с Господом.

Знаешь ли ты, что такое *сама*? Это когда ты видишь состояния нашего Друга, слышишь тайны Господа из-за завесы невидимого.

Знаешь ли ты, что такое *сама*? Это избавление от своего существования, постоянное ощущение существования вечного в абсолютном не-существовании.

Знаешь ли ты, что такое *сама*? Это когда твоя голова становится мячом перед ударом любви Друга, и ты бежишь к Другу без головы и ног.

Знаешь ли ты, что такое *сама*? Это когда ты познал печаль Иакова и ее излечение, это ощущение запаха воссоединения с Иосифом, который доносится от рубашки Юсуфа.

Знаешь ли ты, что такое *сама*? Это когда ты побеждаешь чары фараона, как это сделал посох Мусы, каждое мгновение.

Знаешь ли ты, что такое *сама*? Это тайна, упомянутая в хадисах: «Есть мгновение для меня с Богом, когда ни архангел и ни пророк не могут стать между мной и Богом». Это когда ты абсолютно легко оказываешься в месте, куда не добраться ни одному ангелу.

Знаешь ли ты, что такое *сама*? Это то, что, подобно Шамсу из Тебриза, открывает глаза сердца и позволяет увидеть священный свет.

Давайте теперь внимательно прочитаем следующие строки из “Маснави” и пойдем, как Руми относился к музыке и *сама* дервишей:

Оно хлопало в ладоши, поскольку избежало смерти, и танцевало в воздухе, словно ветки и листья деревьев.

Когда ветки и листья выходят на свободу из тюрьмы почвы, они поднимают голову над землей и становятся друзьями с ветром и начинают танцевать с ним.

Когда листья показываются из почек на ветвях, они взбираются на дерево до самой вершины. Каждый лист и каждый плод поет славу Господу языком своей почки.

Без губ, безо рта каждая ветка, каждый лист, каждый плод возносит хвалы и поминает Бога.

Они говорят: «Господь, который обладает избытком милосердия и щедрот, вскормил наши корни, и из этих корней выросло сильное дерево, оно выросло широким, прямым и высоким».

И когда души, которые обрелись в воде и грязи, были спасены от трясины, воды и грязи, их сердца исполнились радости.

Они танцуют под мелодии любви и достигают безупречности, уподобясь луне, когда она становится полной. Их тела двигаются и танцуют. Но в каком состоянии их души? Не спрашивай меня, в каком состоянии их души.

Когда дело доходит до тех, в ком не осталось материального тела и кто полностью обратился в дух, даже не спрашивай о них. Объяснить их состояние невозможно¹⁷⁰.

Вращение - это атрибут не только самого Руми или братства *мевлеви*. Церемонии с *сама* проводились еще во времена Абу Саида Абу'л Хайра (умер в 1049 году от Р. Х.). Не существует полных исследований того, как именно *сама*, которое признают почти все суфии и принимают его как результат веджда, проводится в различных суфийских братствах. Но известно, что ветвь *гюлшани* братства *халвати** исполняет *сама* так, как это делали в братстве *мевлеви*.

Можно ли с религиозной точки зрения принимать ритуальные церемонии с вращением, основанные на музыке и танцах? Это остается причиной многих дебатов. Даже сегодня есть лю-

¹⁷⁰ *Mesnevi*, vol. I, no. 1341.

* Халватийа - западнотюркский суфийский орден, назван так от имени основателя - Мухаммеда ал-Халвати ал-Хваризми. Умер в 1310 году. - Прим. ред.

ди, которые утверждают, что Руми не участвовал в таких церемониях, и не ассоциируют его с ними, но они не изучали труды Руми, исторические источники той эпохи, такие, как труд Сипхасалара и труды Султана Веледа. Однако утверждают, что только позже Руми начали приписывать участие в этих церемониях. Другие рассматривают Руми как реформиста, из-за его склонности к музыке и ритуальным церемониям с *сама*. Все эти люди заблуждаются. Руми, который неоднократно называл себя рабом Корана и прахом под ногами Пророка Мухаммада, ни на иоту не отклонялся от пути Пророка. Наоборот, он старался избавиться от отклонений, которые возникали, и восстановить традиции Пророка, которого он очень любил.

Те, кто действительно внимательно читает “Маснави”, видят, как Руми боролся против ложных верований мутазилитов и против тех, кто был привержен букве закона, забывая о его духе, и как он пытался помочь своим последователям продвигнуться от начальной стадии имитации к реализации. Ислам не запрещает музыку. Поистине, в Благословенном Коране восхваляется красивый голос, тогда как голос уродливый называется «неприятнейшим из звуков» (Св. Коран, 31:19). Также хорошо известно, что когда наш Пророк и его соратник Абу Бакр покинули Мекку и почтили своим приездом Медину, некоторые из жительниц Медины приветствовали их, пели песню “*Тала ал-бадру алайна*” («Полная луна взошла над нами») и играли на тамбуринах. Есть записи о том, что, когда строилась первая мечеть, соратники Пророка носили камни и кирпичи, и сам Пророк помогал им в этом. Во время работы соратники Пророка хором пели песни. Эти песни также зафиксированы историками.

Пророк объяснял, что «есть украшение всему, и украшение Корана - красивый голос» (которым его читают). Когда он покорила Мекку, то, въезжая в город на верблюде, нараспев читал главы из Корана: «Открывающую» (*ал-Фатиха*) или «Победу»

(*ал-Фатх*)¹⁷¹. Музыка усиливает аскетизм аскета. Как говорит Зу-н-Нун*, «музыка - это божественное влияние, которое ведет сердце в поисках Бога. Те, кто слушает музыку сердцем, в конце концов обретают Бога». Суфии, которые изучали воздействие музыки и поэзии на человеческий дух, а также веджд и возбуждение, которые они вызывают, размышляли, можно ли считать музыку законной или нет.

Рассказывают, что Анас, Абдаллах бин Джафар, Абдаллах бин Умар, из числа соратников Пророка, и многие другие его последователи утверждали, что музыка законна. Имам Шафии утверждает, что музыка допустима до тех пор, пока она не подорывает честь мужчины, и что запрещена та музыка, что исполняется с дурными намерениями и провоцирует зло¹⁷². Анкарави, автор комментария к «Маснави», пишет: «Имам Газали утверждает, что куда бы ни глядел возлюбивший Бога, он всюду видит Власть и Красоту Господа. В каждом приятном звуке, который ловит его слух, он обнаруживает милость и щедрость Господню. Следовательно, музыка увеличивает стремление к Господу, страсть к Нему и любовь возлюбившего Господа и опаляет его сердце огнем»¹⁷³.

В одной из последних глав книги Ибн ал-Араби под названием «*Футухат ал-Маккийя*» рассказывается следующее:

Шейх Джафар рассказывал: «Мы были в дороге, отправившись в хадж в Мекку, вместе с Джунайдом из Баг-

¹⁷¹ Рассказано в: Abu al-Husayn Muslim b. al-Hajjaj al-Qushayri, *al-Sahih* (Cairo: Daru Ihya al-Kutub al-Arabiyyah, 1954), vol. II, 193.

* Зу-н-Нун ал-Мисри (ок. 796 - 860-62) - наиболее известный представитель раннего суфизма в Египте. Герой легенд - аскет, чудотворец и алхимик. - Прим. ред.

¹⁷² Abdalbaki Golpinarli, *Mevlevilik Adab ve Erkani* (Istanbul: Inkilap ve Aka Kitabevleri, 1963), p. 50.

¹⁷³ Ismail Rusuhi Ankaravi, *Risalah Hujjat al-Sama* (Istanbul: Riza Efendi Matbaasi, 1869), p. 26.

дада. На своем пути мы поднялись на гору Синай. Мы сели на землю там, где сидел Муса. Мы подпали под влияние этого святого места, горы Синай. Среди нас был один певец с прекрасным голосом. Джунайд попросил его что-нибудь пропеть. Тот пропел такие трогательные строфы, что услышавший их Джунайд впал в божественный экстаз и начал *сама*. Мы тоже были очарованы и начали вращаться в *сама*. Мы пришли в такое состояние, что не осознавали, где мы - на земле или в небесах.

Недалеко от этого места стояла церковь. Там был один-единственный священник. Он вышел из церкви и окликнул нас. Мы не ответили. Он позвал нас снова: "О, мусульмане, ответьте мне". Мы были в таком состоянии, что ни один из нас не мог дать ему ответ. Священник не удержался и снова воззвал к нам: "О, мусульмане, отвечайте, во имя любви к Господу. Почему вы молчите?" И снова ответа ему не было. Потом мы утомились и пришли в себя. Мы сказали Джунайду, что священник окликал нас, но мы не отвечали ему, хотя он заклинал нас во имя любви к Господу.

Джунайд попросил нас позвать к нему священника. Тот вышел и приветствовал нас. Он спросил: "Кто ваш шейх?" Мы указали на Джунайда. Священник спросил: "То, что вы делали - это ваш обычай? Это часть вашей религии? И вы все вращаетесь в *сама*?" Джунайд ответил ему: "Вращением занимаются некоторые из нас. То есть не все мусульмане вращаются в *сама*. Только некоторые из нас занимаются этим". Священник спросил: "А какова ваша цель при этом вращении? Вы делаете это, чтобы молить Господа о чем-нибудь? Или вы делаете это для того, чтобы обрести радость и счастье внутри себя?" Джунайд ответил: "Мы вращаемся, чтобы ощутить удовольствие от духовного обращения «Или я не Господь ваш?», которое произошло в мире духов". Священник снова спросил: "А какой цели служат эти прекрасные звуки?" Джунайд объяснил: "Эти прекрасные звуки напоминают нам о вечном призыве и освобождают нас от нашего эго. Когда эти прекрасные звуки прекращаются, мы вновь обре-

таем себя". Это объяснение растрогало священника, и он немедленно обратился в ислам»¹⁷⁴.

Суфии, которые жили примерно в то же время, что и Руми, считали *сама* подobaющим занятием для подходящих к тому людей. Они также вращались в *сама*. Абу Хамид ал-Газали отвел отдельную главу музыке и *сама* в своем шедевре *Ихъя'у Улумиддин*. Его брат Ахмад ал-Газали (умер в 1123 году от Р.Х.) очень любил музыку и *сама*¹⁷⁵. Айнул-Кузат ал-Хамадани (умер в 1138 году от Р.Х.) присоединился к Ахмаду ал-Газали, когда тот танцевал и вращался в танце. Также рассказывают, что величайшие поэты-суфии Санай (умер в 1127 году от Р. Х.), Фаридэддин Аттар, его заместитель Маджэддин (умер в 1219 году от Р. Х.) и Аухадэддин Кирмани (умер в 1237 году от Р. Х.) - все участвовали в *сама*. Фахрэддин ал-Ираки (умер в 1289 году от Р. Х.) участвовал в *сама* с большим энтузиазмом¹⁷⁶.

Как именно танцевал Руми? Как пишет Сипахсалар, сначала Руми был привержен к образу жизни и примеру своего отца Бахаэддина Веледа. Его время и мысли были заняты преподаванием, чтением проповедей, аскезой и самоуничижением. Кроме того, возможно, Руми не принимал участия в *сама*, поскольку другие ученые и шейхи в Конье не делали этого. Он никогда не танцевал, пока не встретил Шамса¹⁷⁷. Афлаки утверждает, что Руми начал с почтением относиться к *сама* только после того, как познакомился с Шамсом. Участие в *сама* заставило людей предубежденных, которые видели в религии только

¹⁷⁴ Ismail Rusuhi Ankaravi, *Risalah Hujjat al-Sama* (Istanbul: Riza Efendi Matbaasi, 1869), pp. 13-14.

¹⁷⁵ Abu al-Barakat Nur al-Din Abd al-Rahman b. Ahmad b. Muhammad Jami, *Nafahat al-Uns Min Hadarat al-Quds*, tr. Mahmud B. Osman Lami'i Celebi (Istanbul: Marifet Yayinlari, 1289), p. 404.

¹⁷⁶ Golpinarli, *Mevlevi Adab ve Erkani*, p. 53.

¹⁷⁷ *Risale-i Sipehsalar*, p. 91.

ее внешнюю сторону, критиковать его и даже называть безумцем¹⁷⁸. Некоторые исследователи относятся к этому рассказу с недоверием. Однако, поскольку Руми был привержен примеру и образу жизни своего отца Султана ал-Улема Бахауддина Веледа и поскольку нет никаких данных о том, что Сейид Бурханэддин Мухаккик Термези когда-либо занимался такими танцами, то аргумент, что Руми не участвовал в танцах до встречи с Шамсом, обретает вес. Можно также с определенной долей уверенности сказать, что если Султан ал-Улема и Сейид Бурханэддин сами не танцевали, они смотрели на эти *сама* одобрительно, поскольку Наджмэддин Кубра, шейх Султана ал-Улема, считал *сама* одной из основ своего братства. Он говорит в этом в своей книге *Адабут-Тарика*, в которой излагает правила поведения членов братства *кубравийя*¹⁷⁹.

Как утверждал Наджмэддин Кубра, чтобы *сама* были законными и приемлемыми, необходимо соблюдать три условия.

Место: *Сама* нельзя заниматься где угодно. Его нельзя выполнять на переполненной людьми улице, в грязном месте или в том месте, где сердце человека будет отвлечено от Бога.

Время: *Сама* нельзя устраивать когда угодно. Им нельзя заниматься, если пора принимать пищу, или когда приближается время молитвы, или когда последует враждебная реакция от окружающих.

Общество: Люди, принимающие участие или присутствующие на церемонии *сама* должны обладать благородным духом, чистым сердцем и доброй волей, подобно потомкам Пророка. Вращение нельзя выполнять в присутствии людей, которые подрывают идею вращения, вызывают скуку у собравших-

¹⁷⁸ Aflaki, *Manaḡib al-'Arifin*, vol. I, p. 89.

¹⁷⁹ Najm al-Din al-Kubra, *Meḡuat al- Resail*, Ayasofya Kutuphanesi (Istanbul), Manuscript, no: 4821.

ся, относятся ко всему высокомерно, симулируют веджд, но не могут осознать всю ценность *сама*.

Как считал Наджмэддин ал-Кубра, если эти правила не соблюдаются, вращение не приведет к такой духовной радости, которой от него ожидают.

Сама можно выполнять как группой, так и одному человеку. *Сама* Руми чаще всего происходил случайно. Он мог услышать воистину прекрасные звуки, обладающую глубоким смыслом и трогательную речь или стать свидетелем какого-то волнующего события. Этого было достаточно для того, чтобы он, расторопный, начинал вращаться, как он сам описал это в следующем стихотворении:

Сама - это дело духа, который не может оставаться на одном месте. Не сиди же лениво, встань, вскочи с места. Есть ли какие-то причины ждать? Не застывай на месте, погруженный в раздумье, если ты мужчина, иди туда, где твой Возлюбленный¹⁸⁰.

Вращение - это утешение тех, кто обладает живым духом. Только тот, кто обладает душой души, знает это¹⁸¹.

И еще:

О возлюбивший Господа, когда ты начинаешь вращаться в *сама*, ты покидаешь оба мира. Этот мир, в котором есть только вращение, не принадлежит к известным нам двум мирам. Купол седьмого неба очень высок. Но лестница вращения достигает его и шагает выше¹⁸².

Руми считал *сама* очень сильным и очень важным средством возвышения духа. Сам он так любил *сама*, что не соблюдал правила времени, места и общества. Поскольку его *сама* боль-

¹⁸⁰ *Divan-i Kabir*, vol. I, no. 338.

¹⁸¹ Там же, no. 339.

¹⁸² Там же, vol. III, no. 1295.

ше зависело от экстатического состояния, в которое он впадал, чем от соблюдения формальностей относительно времени и места, то люди видели его вращение где угодно - в школах, домах, садах, на улице. Личные качества участников вращения, а также зрителей - это была еще одна условность, на которую он практически не обращал внимания. Однажды, когда Руми был на базаре и проходил через ювелирный ряд, он услышал мелодические удары молотка из мастерской шейха Салахэддина. Его охватило экстатическое озарение, и он начал вращаться в *сама*. Во время вращения Руми сложил касыду, которая начинается следующими строками:

Сокровище смысла было явлено мне в мастерской
этого ювелира.

Какой благозвучный мотив, какой приятный смысл,
какая красота, какая красота!

Как прекрасен ювелирный ряд! Секреты Якуба столь
же прекрасны. Дух Юсуфа горит любовью к Господу и
увеличивает пылкость Якуба.

С любовь к Господу сотни таких, как Лейла, становят-
ся Меджнунами и разрывают свои оковы и цепи. Против
этого огня не может устоять даже терпение Айюба¹⁸³.

Печаль

Есть много поэтов и философов, которые говорят о тоске и печали, отрицают существование радости. Они утверждают, что наше счастье - только иллюзия. Другие считали наши печали естественным явлением. Шейх Саади писал*: «Все страдают от печали, от забот, которые как предопределены человеку судьбой, так и являются плодами его собственных усилий. Никому не

¹⁸³ *Divan-i Kabir*, vol. V, no. 2515.

* Саади Ширази (1208-1292), будучи в Багдаде, испытал большое влияние взглядов суфиев. См. его «Бустан». Лучшее издание - *Bustan*. Ed. K.H. Graf. Wien, 1850. - Прим. ред.

выдана грамота на абсолютное счастье». Руми же, напротив, рассматривает мучения и печаль с другой точки зрения и говорит: «Нет ничего более святого или более сильного, нежели печаль». Он считает мучения не несчастьем, но благословением и милостью Всевышнего. В «Маснави», в «Диван-и Кабир» и в других своих трудах он часто утверждает, что печаль - это средство, а иногда и проверка, способен ли человек созреть и достичь совершенства. Но в этом утверждении Руми есть одна особенность. Он не воспринимал идею о том, что трудности и беды нашей жизни, терпеливое признание сердечной боли приносят обретение сладких плодов благодаря горькому терпению. Суть подхода Руми к этому вопросу - не переносить трудности молча, без жалоб, но, скорее, полюбить свои мучения.

Это религиозный долг - принимать предопределение Господне и терпеливо принимать трудности, которые возникают в результате твоих собственных эгоистичных поступков. Разве не сказал Господь в Коране: «Бог - с терпеливыми»? Пророк Мухаммад принес добрую весть тем верующим, которые выказывают терпение при столкновении с трудностями. Он говорит нам, что Господь посылает печали только тем, кого Он возлюбил. Самые тяжкие мучения были посланы, прежде всего, пророкам, затем святым и праведникам и, наконец, избранным верующим. Он также открыл нам: «Терпение есть половина веры», и «терпеть и переносить трудности - значит поклоняться (Богу)». Значит, тот верующий, которого поразили многие беды и проблемы, - это человек, которого возлюбил Господь. Но должен ли человек молча принимать их, ни о чем не жаловаться и улыбаться, подобно философу-стоику, когда у него болит сердце? Нет, Руми утверждает, что мучения по сути своей - милость Божья и счастье, которое приходит в образе мучений. Следовательно, эти мучения надо не переносить тайно, но возлюбить их. Почувствовав эту истину, Физули вознес молитву к Всевышнему устами Меджнуна: «Не отказывай в помощи тем, кто обреме-

нен трудностями. Такой отказ для меня - источник многих печалей».

Нет сомнений, что терпение и стойкость перед лицом боли и страданий, которые посылает нам Господь, - это великая добродетель. Рассказывают, что великого праведника Шибли* однажды заключили в темницу. Несколько человек из числа его друзей пришли навестить его. Шибли спросил, кто пришел к нему. Ему ответили: «Мы твои друзья, и мы пришли утешить тебя». Шибли был очень разгневан и начал швырять камни в тех, кто пришел. Когда они побежали прочь, Шибли крикнул им вслед: «Вы лжете, если бы вы были моими истинными друзьями, вы пришли бы поздравить меня с тем, что на меня свалилась беда, и были бы со мной терпеливы».

Коран говорит: «Так терпи же, пока не будет вынесено решение Господа твоего, а [пока] ты, воистину, под нашим присмотром» (Св. Коран, 52:48). Поэтому верующие, на которых обрушились беды, знают, что если они будут терпеливы, в конце концов они добьются своей цели. Они ожидают, что когда пройдут через врата удовлетворения, они получат награду за все, что они вынесли.

Однако тот, кто проходит через врата любви, оказывается совсем в другом состоянии. У таких людей нет иной цели, кроме любви. Они принимают боль только как подарок Возлюбленного. Даже если возлюбивший Господа оказывается в аду, поскольку он согрешил, он считает себя счастливым, поскольку горит в огне суда Возлюбленного. Руми объясняет значение нашей боли и печали следующим образом: «Заботы и печали, которые приходят в наше сердце, подобны гостю, который с утра стучит в нашу дверь. Это гость капризный. Он отдает распоря-

* Абу Бакр аш-Шибли (861-946) - багдадский суфий, ближайший сподвижник ал-Джунайда и ал-Халладжа. Автор ряда стихов. - Прим. ред.

жения хозяину, он в плохом настроении и отличается дурными манерами. Но долг хозяина - хорошо обращаться с гостем. Хозяин также должен выносить его невоспитанность и плохое настроение и всячески выказывать ему гостеприимство»¹⁸⁴. В другом стихотворении Руми выражаются подобные мысли так:

Каждую минуту мысли и беспокойство приходят в мое сердце желанными гостями.

О, мой дорогой господин, думай о беспокойной мысли, которая пришла в твое сердце, как о человеке, поскольку мысли и дух делают нас людьми.

Не печалься, если тревожная мысль обрывают дорогу радости, ибо беспокойство, поселившееся в сердце, готовит тебе другие радости.

Печаль тщательно вычищает и убирает дом твоего сердца, чтобы в нем поселились новые радости и счастье.

Она убирает и выбрасывает прочь все сухие листья с ветки твоего сердца. Таким образом она помогает вырасти новым зеленым листьям.

Грусть вырывает корень старого счастья, чтобы новая радость смогла прийти издалека.

Грусть вырывает старый, гниющий корень, чтобы обрел силу новый корень, дающий рост ветвям и листьям.

Что бы эта грусть ни вырвала из твоего сердца, она заменит это чем-то лучшим и более красивым. Поистине, она обращается благосклонно с теми, кто знает, что печаль - это слуга людей мудрых и истинно верующих.

Если туча и молния не покажут свое гневное лицо, виноградник вскипит от солнечного жара.

Удача и несчастье, радость и печаль приходят время от времени, навещают твое сердце, а затем уходят. Они подобны тем звездам, что путешествуют из одного небесного дома в другой, от одного знака зодиака к другому.

¹⁸⁴ *Mesnevi*, vol. V, no. 3678.

Когда звезда удачи приходит гостем в твой знак зодиака, будь радостен, как сама удача, будь оживленным и веселым.

Поступай так для того, чтобы, когда звезда твоей удачи достигнет луны истины, этого султана сердец, она смогла принести благодарность и удовлетворение от него к тебе.

Семь лет Айюб, который был терпелив и переносил все, выказывал гостеприимство гостю печали, которого прислал ему Господь.

Когда серьезные неприятности снова и снова приходили к Айюбу, он никогда не жаловался Всевышнему, но, наоборот, сотнями разных способов благодарил Его.

Когда беды, что следовали одна за другой, одного за другим забрали у пророка Аюба всех, кого он любил, он, в силу его великой любви к Господу, никогда не жаловался и ни разу не нахмурил брови.

Благодаря той любви, которую Айюб питал к Господу, он выказывал такую веру, покорность и привязанность к Богу, что сливался с бедой, как молоко соединяется с медом.

Когда новые беды и беспокойства придут в твое сердце, не беги от них. Вместо этого беги к ним и приветствуй их, как дорогих гостей. Поблагодари Господа за то, что Он прислал их к тебе, и скажи:

«О, мой Создатель, О, Господи, защити меня от зла тех бед, что Ты послал мне. Не лишай меня тех благ, что придут после этих бед, и позволь мне достичь их.

О, Всевышний, даруй мне способность благодарить тебя за эти беды. Не дай мне сожалеть, что я не поблагодарил тебя за них вовремя и не дай мне лишиться сейчас этой возможности».

Поэтому хорошо обращайся с несчастьем, что приходит к тебе с кислым лицом, чти его и защищай, прими всю его горечь как сладость¹⁸⁵.

¹⁸⁵ *Mesnevi*, vol. V, no. 3676-3697.

Как отчетливо видно, возлюбившие Господа говорят нам многими разными словами одно и то же, пытаюсь пробудить нас, не осознающих истину. Процитированные мной строфы из “Маснави” можно суммировать следующим образом: «О, возлюбивший Господа, прими с улыбающимся лицом любую печаль и мучение, которые придут к тебе, так что когда они вернуться к Тому, кто послал их, им не на что будет пожаловаться. Обращайся с ними хорошо, чтобы они могли сказать Господу: «Господи, мы были с таким-то и таким-то Твоим рабом несколько дней, и он принял нас хорошо, он не жаловался на нас другим, он не был опечален; напротив, он был гостеприимен к нам и терпелив. Этот твой раб воистину любит Тебя. Защити его».

Я хотел бы процитировать еще несколько строф из “Дивана и Кабир”, которые Руми посвятил печали:

Узнай секрет счастья у Пророка и будь счастлив тем, что тебе посылает Господь.

Если терпелив и довольствуешься тем, что посылается тебе, и не жалуешься, двери небес немедленно распахнутся перед тобой.

Если посланник скорбей придет к тебе, прими его как старого друга и обними его. Он не чужой для тебя. Воистину, ты знаком с ним.

Не показывай недовольного лица тому препятствию, что пришло от Возлюбленного, прими его с радостью. Скажи: «Здравствуй, добро пожаловать!» Показывай ему улыбающееся лицо и говори приятные слова, так чтобы это уникальное, прекраснейшее явление сняло свои неприятные покровы и явило свою красоту.

Крепко ухватись за край покрывала этого прекрасного создания, что пришло, прикрытое печалью. Не думай о том, насколько грязно это покрывало. Создание под этим покровом - прекрасное, нежное и верное.

...

Скорби печали увидят меня не напуганным или обеспокоенным, но только улыбающимся. Я не приглашаю к

себе печаль в облике радости. Напротив, я приглашаю к себе средство излечения, что скрыто в облике болезни.

Поистине, не может быть ничего более мягкого или святого, нежели печаль. Ее награда бесконечна¹⁸⁶.

Свободная воля

Я заметил, что в некоторых книгах о Руми, в теле- и радиопередачах* создается впечатление, что Руми не был абсолютным приверженцем пути Мухаммада. Некоторые люди пытаются представить дело так, будто Руми отклонялся от пути Пророка, хотя он был стойким приверженцем сунны и Корана, как и прочие суфии ислама. Тот Руми, которого я знаю и люблю, - это не тот Руми, которого описывают некоторые исследователи в своих книгах. Не могу понять, как вера может изменяться в зависимости от характера человека. Путь Мухаммада - это путь всех праведников. Каждый святой или праведник объясняет это используя свой стиль выражения, опираясь на свои ощущения и свой характер. «Все имеют в виду одно и то же. Просто слова при этом используют разные». Например, Руми идет по этой дороге, опираясь на любовь. Шейх Накшбанди следует по ней же с аскетизмом и благочестием. Но никто из них не может изменить саму эту дорогу в соответствии со своим характером. Более того, Руми - один из возлюбивших Господа, он не является толкователем направлений ислама. Всем известно, что толкователи - это ученые, такие, как Абу Ханифа и три других основателя четырех популярных школ толкования ислама. Но Руми никогда не претендовал на то, чтобы быть такой фигурой. Он никогда не был известен в качестве такого толкователя. Он говорит: «Я не обладаю большими знаниями. Я опьянен бокалом любви».

¹⁸⁶ *Divan-i Kabir*, vol. VI, no. 2675.

* В Турции. - Прим. автора.

Мы также не можем прийти к выводу, что Руми не принадлежал к *салафу* (истинные члены ранней мусульманской общины), поскольку такое заключение отделило бы Руми от нашего Пророка и его ближайших соратников и содержало бы в себе много неверных намеков. Путь *салафа* чаще всего определяется как путь соратников нашего Пророка, иными словами, дорога Корана. Руми, который говорит: «Я буду оставаться рабом Корана до тех пор, пока я жив», - следовал дорогой *салаф*.

Крупный исследователь Исмаил Хакки Измирли дает следующее определение *салаф*: «Дорога *салаф* - это дорога обеспечения принципов веры дедуктивными и нарративными способами, как это указано в Коране, без того, чтобы позволять себе погружаться в глубокие размышления и необычайные логические рассуждения, основанные на восприятии вселенной, которые приводят только к спорным двусмысленностям»¹⁸⁷.

Чтобы показать, что взгляды *салаф* совпадали со взглядами последователей Мухаммада на такой предмет, как судьба, я хотел бы процитировать письмо Хасана ал-Басри (умер в 728 году от Р.Х.) к внуку Пророка Хасану и несколько строк из ответа Хасана. Когда Васыл бин Ата (умер в 748 году от Р. Х.), основатель мутазилизма, вышел из круга последователей великого праведника Хасана ал-Басри и начал распространять не-исламские взгляды по вопросу о том, что такое судьба, Хасан ал-Басри опечалился и был исполнен сомнений. Поэтому он написал письмо внуку Пророка Хасану: «О, внук и наиболее возлюбленный последователь Посланника Господня, да пребудет с тобой милость Всевышнего. Вы, дети Хашима, подобны кораблю, плывущему в океане. Вы - звезды, что сияют в темных небесах. Вы - словно придорожные камни, отмечающие истинный путь. Вы - верующие люди, которые указывают своим последо-

¹⁸⁷ Ismail Hakki Izmirli, *Yeni Ilm-i Kelam* (New Science of Kalam) (Istanbul: Evkaf-i Islamiyye Matbaasi, 1339 AH), 98.

вателям на путь спасения. О внук Пророка, мы смущены вопросами предопределения и судьбы. Возникли противоречия. Каковы твои взгляды на этот вопрос? Ты потомок Пророка, твое знание возникает благодаря вдохновению Божию».

Хасан написал в ответ: «...Я получил твое письмо о твоих сомнениях в вопросе о судьбе. Мои взгляды на эту проблему следующие: Тот, кто не верит в судьбу и в то, что добро и зло исходят от Господа, - неверующий. Тот, кто приписывает грехи, которые он совершает, только самому себе - тот грешник...»¹⁸⁸. Из этого письма видно, что *салаф* не занимались философией.

Руми следовал по пути Корана и строго придерживался взглядов сунны (*ахль ал-сунна*) в том, что касалось концепции судьбы. Согласно этим взглядам, Создатель поступков человека и других событий, которые происходят вне контроля человека, - это Бог. Бог даровал людям «немного свободной воли». Обладая этой свободной волей, человек пытается действовать, совершать поступки. Если намеченное человеком деяние совместимо с «божественной (универсальной) волей» Господа, тогда Бог создает это деяние, и оно происходит. Воля, выбор и решение действовать принадлежат человеку. Короче говоря, если воля и устремление человека совместимы с волей Господа, тогда произойдет это деяние. Следовательно, верующий верит в судьбу, когда отвергает тотальный детерминизм.

Руми отвергал взгляды мутазитов и мурджиитов (тех, кто отвергает принцип ответственности человека) и заявлял, что верующий должен верить в судьбу, если он идет по пути суннитов, т.е. основного течения в исламе. Вера в судьбу (предопределение и свершение поступков по воле Господа) - один из шести основных принципов ислама как религии. Но вера в судьбу

¹⁸⁸ Ali ibn Uthman al-Hujwiri, *Kashf al-Mahjub* (Lifting of the Veil) (Istanbul, 1982), p. 87.

не значит, что человек должен во всем полагаться на рок, заявляя по каждому событию, с ним происходящему: «Такова моя судьба». Мы можем изменять ситуацию к лучшему или к худшему, используя «немного свободной воли». В противном случае, если бы у нас не было возможности изменить нашу судьбу, иными словами, если бы мы не обладали свободной волей, люди вели бы жизнь, полностью подчинявшуюся предопределению, продиктованному судьбой, и никакие пророки не были бы ниспосланы, чтобы показать людям, как бороться против зла.

Следующие строки Корана отчетливо говорят об этом: «То, что постигло тебя из прекрасного, - от Аллаха, а что постигло тебя мерзкого - от самого себя» (Св. Коран, 4:79). Опираясь на эти строки, Руми говорит: «Если грусть и печаль приходят в твое сердце, то это из-за твоего высокомерия и отсутствия страха»¹⁸⁹. В этом есть тонкий нюанс: Когда мы говорим, что все хорошее и дурное исходит от Бога, мы имеем в виду, что Бог создал и хорошее, и дурное. Но хорошее - это милость Господа, а дурное - это возмездие за поступки человека.

Хадисы проливают свет на этот вопрос: «Ничто не может изменить судьбу. Только молитва может предотвратить беду, и только милосердие и щедрость могут продлить жизнь»¹⁹⁰. Изменение судьбы в итоге молитвы - это тоже рок. Как зонтик защищает человека от дождя, так молитва защищает человека от бед.

В соответствии с сунной Пророка, Руми проясняет этот сложный предмет по-своему, красиво и с великолепными чувствами. По его мнению, данное нам «немного свободной воли», наш выбор и возможность действовать - это не что иное, как проявление «универсальной воли» Всевышнего. Поскольку только Гос-

¹⁸⁹ *Mesnevi*, vol. I, no. 89.

¹⁹⁰ Abu Isa al-Tirmidhi, *al-Sunan* (Beirut: Dar al-Ihya al-Turath al-Arabi, n.d.), vol. IV, 448, hadith no: 2139.

подь обладает истинным существованием, а все «относительные существа» являются проявлениями единственного «абсолютного Существа», воля, в конце концов, принадлежит Единственному и Абсолютному Существо. Воля, которую можно найти в относительных существах, есть только лишь проявление воли Абсолютного Существа в них. Кто мы такие по сравнению с Универсальной Волей, Абсолютным Существом, Господом, что можем говорить о *себе* и утверждать, что мы можем делать то-то и совершать такие-то поступки? «О дух нашего духа, кто мы такие, чтобы заявлять, будто «Мы есть», по сравнению с тобой. Мы не существуем, наше существование исходит от тебя, Реального и Абсолютного Существования, которое делает видимыми тени. Не существуем ни мы, ни наша воля. Твоя милость услышала то, что мы не говорили»¹⁹¹.

Руми объясняет проблемы свободной воли и детерминизма в соответствии с положениями сунны. Он считает, что мутазилиты ошибаются, а мурджииты впадают в заблуждение. У нас действительно есть выбор и сила. И все-таки, если мы выпустили стрелу из лука, то это Бог выпустил стрелу. Мы только служим луком, т.е. средством. Но как наши крики свидетельствуют о нашем бессилии и ничтожности, наш стыд также указывает на «немного свободной воли» и силы.

Всевышний сказал в Коране Пророку: «Не ты [, о Мухаммад!] бросил [горсть песка], когда бросал, это Аллах бросил» (Св. Коран, 8:17). Если мы выпускаем стрелу, стрельба исходит не от нас. Мы больше похожи на лук. Это Бог натягивает лук и выпускает стрелу.

Такое объяснение - это не детерминистическая риторика, но значение Прекрасного Имени Бога ал-Джаббар, или Заставляющий. Цель упоминания Имени Бога ал-Джаббар - обрести

¹⁹¹ *Mesnevi*, vol. I, no. 601.

убежище в Нем. Наши стенания и наш плач - знак нашего бессилия и неумения. Наш стыд за то, что мы делаем, - свидетельство нашей свободной воли и выбора. «Если бы мы не обладали свободной волей, разве бы мы стыдились своих поступков? Откуда же это сожаление, печаль и стыд?»¹⁹². «Если ты не видишь принуждения (*джабр*), не говори, что видишь его. Если ты его видишь, то каковы признаки этого? Напротив, в том, что ты хочешь сделать, ты видишь свой собственный выбор и силу и говоришь: «Я это сделал», не обращая внимания на *джабр* Господа. О том, чего ты не хочешь делать, ты говоришь «Это *джабр* Господа», - и ты становишься мурджиитом. Пророки подобны мурджиитам в делах этого мира, а неверные подобны мурджиитам в делах мира последующего. Пророки предпочитали сосредоточиться на делах мира последующего, тогда как невежды концентрируются на делах этого мира»¹⁹³.

Отношение пророков и святых, которые являются их преемниками в этом мире, детерминировано. Они рассматривают все как исходящее от Бога. Какие бы трудности ни вставали на их пути, они принимают это, говоря: «Это от Бога». Но в вопросах мира потустороннего они используют свой выбор и силу. И напротив, неверные, которые используют свой выбор в этом мире, ведут себя, словно мурджииты, когда дело доходит до мира потустороннего. Поэтому они обвиняют Господа за все зло, которое сами совершают. Они говорят: «Бог заставляет нас делать это». Они считают себя невиновными. Руми рассматривает свободную волю человека как милость Господа и напоминает нам, чтобы мы поблагодарили Господа за нее, как положено.

Истинный долг благодарности лежит не только в том, чтобы просто сказать «Слава Богу, Его милостью у нас есть свобод-

¹⁹² *Mesnevi*, vol. I, no. 615-619.

¹⁹³ То же.

ная воля, поэтому мы можем различать, где дурное и где хорошее, и мы обрели путь к спасению». Истинный долг благодарности за милость свободной воли включает использование этой воли для общего добра, для многозначных целей и добрых дел. Если мы можем делать это, наша сила увеличивается.

Стремление по-настоящему возблагодарить Господа за Его милости увеличивает силу человека. Но детерминистские взгляды - это отрицание свободной воли человека, этой великой милости. Вера в необходимость заставляет тебя утратить силу - Его дар.

Придерживаться взглядов мурджиитов - все равно что спать на обочине дороги, забросив работу. О читатель, идущий по тропе Господа, не засыпай на дороге, пока ты не дошел до своей цели и не прибыл на порог Господа.

О мурджиит, который не желает извлекать уроки из чего бы то ни было, не спи нигде, кроме как под деревом, которое приносит плоды*. Ляг под этим деревом, чтобы ветер трогал его ветви, и тогда плоды и пища изольются на того, кто лежит внизу.

Следовать догмам мурджиитов - все равно что спать среди разбойников. Как может птица, чьи крылья еще не окрепли, улететь от них?¹⁹⁴

Детерминистские взгляды святых и праведников, которые очистились от зла своего эго и украсили себя соблюдением Завета с Богом и приняли Коран как свой образ поведения, достойны похвалы. Но такие взгляды - позор для тех, кто обременен той частью человеческой природы, над которой властвует

* Это аллюзия на строки из хадисов: «Если ты повстречал ученого человека, зрелого человека, значит, ты повстречался с деревом из садов райских. Сядь под этим деревом и вкушай его духовные плоды». - Прим. автора.

¹⁹⁴ *Mesnevi*, vol. I, no. 939-943.

зло. Знаменитый комментатор “Маснави”, Анкарави (умер в 1631 году) пишет:

Как-то раз один человек спросил у Серийи Сакати его мнение по поводу следующих слов: «По сути своей мы подобны дверям. Ни наше движение, ни наша неподвижность не зависят от нас самих».

Серийи Сакати ответил: «Человек, который сказал это, - или святой, или грешный еретик», и добавил: «Если он верующий мусульманин, следующий дорогой Пророка и поступающий в соответствии с Кораном и заветами хадисов, значит, это мудрец и святой. Но если это человек, который игнорирует свой религиозный долг и считает все законным, то это грешный еретик»¹⁹⁵.

Поскольку Руми выступал против многих неисламских верований и духовных болезней, в своих трудах он часто поднимал вопросы, которые имели отношение к взглядам мутазили-тов и мурджиитов, противоречившим устремлениям сунны и наносившим вред вере многих людей: «Взгляни, что делает Бог, и взгляни также, что делаешь ты. Узри все это и знай, что есть вещи, которые делаем мы. Это и так ясно. Если ты утверждаешь, что люди не совершают поступков и что-то делает только Бог, тогда не жалуйся никому «Почему ты так поступил со мной?» Создание Бога заставляет нас совершать поступки. Поступки, которые мы совершаем, - осуществление созданного Богом и Его предопределения»¹⁹⁶.

Сын мой, Бог знает, видит и осознает все. То, что он совершает какое-то одно деяние, не исключает того, что в этот самый момент он совершает еще что-то.

Тот низкий дьявол сказал Богу: «Ты ввел меня в заблуждение», - и попытался скрыть свой грех.

¹⁹⁵ Rusuhi Ismail Ankaravi, *Sherh-i Kebir-i Ankaravi ber Mesnevi-yi ma'navi-i Mevlevi*, tr. Ismet Settazade (Tehran: Chapkhaneh-e Mihan, 1970), vol. I, 308.

¹⁹⁶ *Mesnevi*, vol. I, no. 1480-1482.

Но Адам сказал: «Мы были несправедливы к самим себе», признался в своем грехе и принял его на свои плечи. А ведь он не был настолько не осведомлен о предопределении Божьем, как мы.

Однако, благодаря своему поведению, он принял на себя грех, предопределенный Господом, и за это был прощен.

Когда Адам раскаялся, Господь спросил его: «О Адам, разве не Я создал грех, который ты совершил и все трудности, с которыми ты столкнулся?»

И Адам ответил: «Я так повел себя из-за своего страха». И сказал Господь: «Поэтому я простил тебя»¹⁹⁷.

Чтобы избежать каких-либо сомнений, которые могут возникнуть при чтении этого раздела, я хотел бы привести следующее объяснение. В соответствии с верой суннитов и по контрасту с тем, во что верили мутазилиты и мурджииты, человек обладает некоторым количеством свободной воли. Бог знает, что мы уже сделали, и что мы еще только сделаем. Он также Создатель всех наших поступков. Добро и зло, польза и вред - все приходит в соответствии с Его суждением. Он также тот, кто приводит в действие или бездействие нашу свободную волю. Не следует привязывать Божьим предопределением к судьбе то зло, которое приходит к нам, но следует соблюдать определенные правила поведения и винить самих себя в том, что мы не использовали свою силу и свой выбор, чтобы избавиться от зла в самих себе и удержать свое эго, которое продиктовало нам выбор зла.

Что бы ни делал Господь, который есть Абсолютная Справедливость, этому есть очень основательная причина. И добро, и зло приходят к нам благодаря Его суждению, чтобы улучшить нас и пробудить. «Не говори: «Почему это так?» Все совершается так, как должно свершиться. Смотри, к чему это приведет, к какому концу. Давайте увидим, что делает Господь. Что бы Он ни

¹⁹⁷ *Mesnevi*, vol. I, no. 1487-1493.

делал, Он делает это красиво». Руми приводит еще один пример, разъясняющий это:

О, сердце, приведи еще примеры свободной воли и необходимости, чтобы различать их друг от друга, чтобы ты узнало, что такое свободная воля и что такое необходимость.

Подумай о слабой руке, которая дрожит от старости и болезни, и о руке, которая дрожит, поскольку ты сознательно заставляешь ее так поступать. Дрожание обеих рук - это создал Господь.

И та, и другая рука дрожит потому, что так пожелал Господь. Но их состояние нельзя сравнивать между собой.

Ты можешь пожалеть о том, что ты заставляешь свою руку двигаться - дрожать. Но видел ли ты, чтобы кто-то сожалел о дрожи своих рук из-за болезни?¹⁹⁸

Если человек, пьющий кофе, роняет чашку и та разбивается, он сожалеет о своей неуклюжести или неосторожности. Но разве то, когда чашка падает из руки здорового человека и разбивается, это то же самое, когда чашка падает из руки старого и слабого человека и тоже бьется? Если бы здоровый человек, который действует в соответствии со своей свободной волей, предпринял необходимые меры предосторожности, он бы не уронил чашку. Но никто не чувствует сожаления, если разбивается чашка, выпавшая из руки больного человека. Падение чашки из этой дрожащей руки находится за пределами свободной воли и контроля человека. Руми многократно повторял, что человек наделен свободной волей:

Да, есть предопределение и осуществление. Но также есть выбор человека и его воля. Подумай об этом и не будь слепым, подобно дьяволу.

¹⁹⁸ *Mesnevi*, vol. I, no. 1496-1499.

Иногда мы колеблемся в выборе между двумя поступками. Разве существовало бы это колебание, если бы у нас не было свободной воли, выбора и силы?

Разве человек с туго связанными руками и ногами колебался бы, поступать ему так или иначе? Значит, мы обладаем свободной волей.

В подобном случае разве кто-то может думать о том, поступать ему так или иначе? Разве он может сказать: «Может быть, мне следует нырнуть в море? Или взлететь в воздух?»

Все это означает, что колебание в выборе между двумя поступками свидетельствует, что человек обладает выбором и силой. Иначе над тем, кто колеблется, смеялись бы все.

О, юноша, не очень-то обвиняй предопределение и осуществление. Как ты можешь возлагать вину на чужие плечи?

Разве осуществляется правосудие, если Амра наказывают за то, что Зайд убил человека? Или это справедливо, когда Ахмада порют за то, что Амр пил вино? Есть ли во всем этом смысл?

Оглядишься и ты увидишь свою вину. Знай, что это ты отвечаешь за свои действия, а не твоя тень. Вместо того чтобы рассматривать пороки других, посмотри на свою вину. Обвиняй себя, а не других¹⁹⁹.

Объяснив нам, непонимающим, этот трудный для осознания и для объяснения предмет - предопределение, осуществление и свободная воля человека - с использованием многих аналогий, Руми затем ищет убежища у своего возлюбленного Господа и умоляет Его о помощи:

О, господи, который одарил нас разумом, прошу, помоги нам понять этот трудный предмет, приди нам на помощь. Ведь в реальности это Ты желаешь чего-либо и

¹⁹⁹ *Mesnevi*, vol. VI, no. 407-415.

действуешь соответственно. Никто другой не может желать и действовать.

Наши просьбы и молитвы исходят от Тебя, и приятие и щедроты также исходят от Тебя. Кто мы такие? Ты - Вечный Предопределитель и Вечный Преемник.

Ты говоришь, Ты видишь, Ты есть. Даже если мы достигаем чего-либо, что выглядит прекрасно и величественно, мы все равно остаемся на низжайшем уровне.

О, Господи, ты даровал нам заповеди. Ты дал нам Договор с собой и ответственность. Ты пожелал, чтобы мы поклонялись. Увеличь наши возможности поклоняться Тебе. Одари нас восторгом поклонения. Защити нас от лени верования, свойственной мурджиитам, не гаси наш энтузиазм ленью мурджиитов.

Вера в предопределение - руки и крылья святых и праведников, но кандалы на ногах грешников.

Смотри, вера мурджиитов - как вода Нила. Для правверных это вода, но для неверных это кровь²⁰⁰.

Реинкарнация

Кое-кто, прочитав некоторые стихотворения Руми в “Маснави” и в “Диван-и Кабир”, приходят к ложным заключениям и считают, что Руми верил в реинкарнацию. Но реинкарнация - это неисламская концепция. Я как уже неоднократно повторял, невозможно было для великого праведника, который идет по тропе Мухаммада, принять неисламскую концепцию и поверить в нее.

Реинкарнация определяется как переселение душ в другие тела. Из греческих философов в реинкарнацию верили Пифагор и его последователи. В наши дни в реинкарнацию верят приверженцы индуизма, поэтому они не едят плоти животных, веря, что в этих животных могли жить души их предков и родственников. В приведенных ниже отрывках из “Маснави” очевидно, что Руми, как и многие другие возлюбившие Бога, говорил о таком

²⁰⁰ *Mesnevi*, vol. VI, no. 1438-1443.

понятии, как *даврийя* - ротация, обращение. Но что такое *даврийя*?

Чтобы правильно оценить такое понятие, как даврийя, сначала мы должны разобрать еще несколько вопросов. Согласно утверждениям мудрецов, все, что мы видим в этой вселенной - это место проявления Божественных Имен и Атрибутов Господа. Иначе говоря, все подобно зеркалу. От гигантских созданий и до микроскопических, во всем проявляются Его Искусство, Его Власть и Его Красота. Подобно солнцу, Святой свет отражается в каждом атоме и в каждом существе, везде можно увидеть проявление одного из Атрибутов или Имени Господа. Все в этой вселенной похоже. Не только люди, животные и растения, но и такие предметы, как камни, почва, вода и минералы, которые мы считаем неодушевленными, на самом деле живые.

Однако невооруженным глазом невозможно увидеть их движение, которое является признаком их жизненной силы. В Коране Господь говорит: «Семь небес, земля и те, кто обитает там, славят его» (Св. Коран, 17:44). По этой же причине Пророк сказал: «Не тревожь свое имущество понапрасну». В своей знаменитой книге *«Футухат ал-Макийят»* Мухйиддин Ибн ал-Араби пишет: «Я могу слышать хвалы, которые возносит все. Вещи, которые обычно мы считаем неодушевленными, призывают Господа больше, чем люди, животные и растения, ибо они меньше привязаны к этому миру».

Поскольку дервиши стремятся воздержаться от того, чтобы тревожить любые предметы, они стремятся мягко ступать по земле, когда идут. Ведь земля лежит под ногами у всех, всех несет на своей голове и служит всем. Поэтому они не хотят причинять страданий земле, по которой идут. Когда они хотят выпить воды, то мягко целуют стакан. Если они берут в руки ложку, то целуют ее ручку. Когда они завершают трапезу, то не встают, не поцеловав стол. Они так делают потому, что все облада-

ет своим духом. Все оказывает нам услуги. Долг того, кому служат, - вознаграждать и уважать тех, кто служит.

Дервиши, относящиеся с таким уважением к предметам, которые мы считаем неодушевленными, выказывают еще больше уважения к растениям и животным. Были праведники, которые воздерживались от того, чтобы собирать цветы, слыша, как те взывают к Богу. Были мудрецы, которые отправлялись в долгий путь, чтобы вернуть муравья в его муравейник и не отделять его от его собратьев. Рассказывают, что однажды Шибли купил на базаре мешок пшеницы и принес его домой, затратив на дорогу несколько часов. Когда он высыпал зерно из мешка, то увидел растерянного муравья, бегавшего возле зерна. Он подумал, что разлучил муравья с домом. Поэтому он взял муравья и поместил его в небольшую коробочку. Он принес его обратно на базар, туда, где купил пшеницу, и там выпустил муравья.

Фирдоуси, автор бессмертной «Шахнаме», говорит: «Не причиняй вреда муравью, который тащит пшеничное зернышко, он обладает духом, он живет. Жизнь сладка и муравью». Мы видим, что муравей тащит зернышко, и это убеждает нас в том, что он живет. Мы видим, как растут цветы, и это убеждает нас в том, что они живые. Но Коран и хадисы говорят нам, что такие предметы, как скалы, минералы и почва, все эти объекты, которые мы считаем неодушевленными, тоже живые.

Сегодня наука доказала, что существует много вещей и действий, которые мы не можем увидеть невооруженным глазом. Если рассматривать неодушевленные предметы с помощью электронного микроскопа, то они увеличиваются в тысячи раз, и можно увидеть и даже зафиксировать воистину микроскопическое движение. Образцы грунта, доставленные с Луны, имеют такое же молекулярное строение, как образцы грунта Земли. Это микроскопическое движение не ограничено только Землей.

Как растения демонстрируют то, что они живут, тем, что растут, цветут и приносят плоды, так и «неодушевленные» предметы демонстрируют свою жизнь вращением электронов вокруг ядра каждого их атома. Животные проявляют жизнь звуком, движением, питанием и размножением. Но люди, самые почтенные из всех созданий, доказывают свое превосходство не только своими интеллектуальными способностями, такими, как рассуждение, умение читать и писать, способность говорить и смеяться, но в особенности через Божественный аманат, который был дарован Им. Все существа во вселенной - проявления Божественных Имен и Атрибутов. Человек, квинтэссенция вселенной, - место проявления *всех* Божественных Имен и Атрибутов.

Господь, который существовал до того, как обрело существование что-либо вообще, одарил жизнью людей, животных, растения и неодушевленные предметы. Бог одарил жизнью все существа во вселенной, которую Он создал одним словом «Будь!»*, и отразил в них Свои атрибуты, как отражения духовного солнца в зеркале вселенной. Все это произошло без Божественной инкарнации или единения. Этот Высший и Уникальный Универсальный Дух одарил *джамади*, или неорганическим духом, предметы, считающиеся неодушевленными, ботаническим духом - растения, животным духом - животных.

Однако человеческий дух, который был благословен Божественным Договором, не похож на другие типы духов. Дух человеческий будет жить после смерти. Этот дух, которым бывает одаряемо каждое человеческое существо еще в утробе матери, будет существовать в состоянии Неопределенности и пребывать в нем до Судного Дня. В Судный День, когда истлевшие тела будут воскрешены Господом, дух человеческий снова войдет в тело.

* «Будь!» - «Кун!» Всемогущее Творящее Слово. См. Св. Коран, 2:117; 3:47, 59; 6:73; 16:40 и др. - Прим. ред.

Поэзия, затрагивающая *даврийя* (ротацию), - это история о том, как Божественный Свет расстается с Абсолютным Существом - Богом, чье существование не имеет начала. Об этом писали и говорили многие поэты, которые, подобно Руми, говорят о любви к Господу. Эта история начинается с нисхождения Божественного Света с небес. После того, как этот Свет прошел через многие стадии, он вновь возвращается к своим истокам. Другими словами, поэзия *даврийя* рассказывает о расставании с Истоком (*мабда*) и возвращении Домой (*ма'ад*). Это поэмы, в которых речь идет о расставании с Всевышним в вечном начале и изгнании в мир, который называется *фаршийя* (земля) или *нузул* (нисхождение, спуск) *даврийя*. Те, в которых говорится о возвращении к Истоку, называют *урудж* (вознесение) *даврийя*.

Давайте посмотрим на некоторые из поэм *даврийя*, которые сложил Руми, и попытаемся понять их. «Вначале человек пришел в мир неорганических субстанций, оттуда он пал в мир растений. Он прожил в мире растений долгие годы и совсем не помнил ту жизнь, которую вел в мире неорганических субстанций. А когда он перешел из мира растений в мир животных, он совсем забыл свою жизнь в мире растений»²⁰¹.

Эти стихи иллюстрируют развитие нашего физического существа. Поистине, наше тело, наша материальная сущность, строится благодаря тому, что мы едим и пьем. Наша пища состоит из мяса, овощей, фруктов, воды и неорганических субстанций, таких, как минеральные вещества. Семя человеческое было рассеяно во многих частях вселенной, прежде чем оно упало в утробу матери. Мать и отец создают это семя из пищи, которую они едят, состоящую из мяса, овощей и минералов. Более того, по мере того как семя развивается в утробе матери,

²⁰¹ *Mesnevi*, vol. IV, no. 3636-3638.

оно питается той пищей, что поступает с пищей матери. В этом плане человеческое существо появляется на свет из миров минералов, растений и животных и становится «квинтэссенцией вселенной». Поэтому шейх Галиб писал: «Береги себя, ибо ты - квинтэссенция вселенной».

В другом стихотворении Руми вспоминает об этом:

Я умер после того, как был неживой материей, и стал растущим растением. Я умер после того, как был растением, и появился в образе животного.

Я умер после того, как был животным, и стал человеком. После того, как я прошел этот путь, разве буду я бояться исчезновения и того, что я несовершенен?

Позвольте мне сделать еще одно движение вперед и избежать состояния человека и расправить крылья в мире ангелов.

Я не могу остановиться даже после того, как стал ангелом. Я должен двигаться даже дальше, вперед, поскольку все, что не есть Бог, обречено на уничтожение.

И в конце концов я буду принесен в жертву и стану чем-то таким, что нельзя даже вообразить.

Я превращусь в ничто, расставшись со всеми формами. Я полностью растворился и говорю, как многоствольная свирель: «Воистину, все мы возвращаемся к Нему»²⁰².

Если мы внимательно перечитаем эти строки Руми, то увидим, что в них Руми описывает различные стадии развития человеческой сущности. Физическое существование человека приходит от почвы. Люди получают пищу из растений, которые растут на земле, и животных, которые питаются растениями, растущими на земле. Пробыв в этих мирах, люди приходят в мир человечества. Но они ничего не теряют, уходя из тех миров. Напротив, они развиваются и прогрессируют. Это не то чтобы сказать, что растения и животные, которые мы видим вокруг себя,

²⁰² *Mesnevi*, vol. IV, no. 3901-3906.

в будущем станут людьми. Скорее здесь обсуждается то, что когда люди обретут блаженство смерти после пребывания в животном состоянии для того, чтобы стать людьми, у них не останется страха смерти. Люди осознают, что они не исчезнут после смерти. Они утратят свое физическое существование и обретут Господа. Об этом говорится в четверостишии Руссо, которое перевел на турецкий язык [в начале XIX века - Прим. перев.] Пертев-паша: «Когда дух покидает тьму тела / и направляется по дороге к своей родине, / растворяются сомнения и иллюзии, / и тогда обретается истина».

В своих стихах Руми говорит не только о расставании с миром духов и схождении на более низкий уровень, но и завершает даврийя восхождением и воссоединением с Богом. Ему мало сказать: «Я умер после того, как был животным, и стал человеком». Его дух не обрел покоя в этом состоянии. Когда он говорит: «Позволь мне сделать еще одно движение вперед и расправить крылья в мире ангелов», - он желает достичь состояния ангела благодаря тому, что избежит состояния человека, понимая, что в нем есть много препятствий. Это желание славы, похоть, гнев, жадность, любовь к соблазнам этого мира, а также страсти. Они сковывают человека по рукам и ногам и держат его вдали от Бога, делая человека рабом материальности.

Существование в образе ангела тоже не удовлетворяет Руми, и он желает продвинуться даже дальше, поскольку в «Маснави» он говорит: «Брат мой, дверь Бога - это дверь, которой никогда нельзя достичь. Поэтому, как далеко бы ты ни зашел на своем пути к этой двери, ты даже не увидишь ее и не остановишься. Ступай дальше!» И еще: «Каждый день для меня - это новое расставание и новый путь, который надо пройти». Таков дух Руми и его подход к этой проблеме.

Из-за своего характера и духа Руми не останавливается даже после того, как достиг состояния ангела. Он хочет дви-

гаться дальше и стать абсолютно ничем, «тем, что нельзя даже вообразить», расставшись со всеми формами. Здесь Руми имеет в виду уровень *фана филлах* - растворение в Боге. В этом положении есть тонкий нюанс.

Концепция «абсолютного ничто», о которой говорит Руми, - это не то «ничто», которое является основой буддизма. Расставание с этим миром, смерть до смерти и отречение от своего эго - это не то расставание с собственной сущностью, в которое верят буддисты. То ничто, к которому стремится Руми, - это избегание зла, которое присуще природе человека, уничтожение таких желаний, как похоть, гнев и любовь к этому миру. Это растворение в Боге. Другими словами, это бегство от нашего ирреального существования. В то же время то «ничто», в которое верят буддисты, - это попытка избежать любого существования и достичь нирваны.

Турецкий автор XIX века Акиф-паша выражает взгляды буддистов на «ничто» в следующих строках: «В «ничто» нет ни печали, ни забот, ни горечи боли, ни бывших утраченных надежд. Поэтому все люди стремятся обрести это «ничто»». Две следующие строфы Акиф-паши могли быть написаны под влиянием Руми: «Некоторые люди стремятся к вечному существованию от недостатка печали; некоторые стремятся обрести «ничто» из-за печали и боли. Я же, с другой стороны, растворяюсь в прахе под ногами Мухаммада, который - Король Обоих Миров. И поэтому я не ищу существования и не бегу от «ничто»». Говоря о существовании и не-существовании, нельзя не вспомнить Юнуса Эмре, который говорил: «Я не бываю счастлив, обретя что-то, / И я не жалею, что-то потеряв. / Я поглощен Твоей любовью. / Ты - это Тот, к кому я стремлюсь».

В следующей касыде также говорится о том, что такое *даврийя*:

Какое-то время я пробыл на девяти небесах, названных Великими Отцами (Сатурн, Юпитер, Марс, Меркурий, Венера, Нептун, Уран и две Полярные Звезды). Я вращался много лет вместе со звездами среди знаков зодиака.

Какое-то время я оставался невидимым. Я был где-то вместе с Ним. В те дни я был в области, что не более двух пролетов стрелы (Св. Коран, 53:9), то есть ближайшей к Богу. Там я увидел то, что увидел.

Я получал питание от Всевышнего, как зародыш получает питание от своей матери. Дети Адама рождаются однажды, но я рождался много раз.

Много лет я оставался в одежде своего тела. Я делал много вещей. Своими собственными руками я разорвал много одежд.

Я провел много ночей вместе с аскетами в домах молитвы. И много ночей я проспал вместе с идолопоклонниками перед их идолами.

Я одновременно и один из воров, что бегут прочь, и мучения плачущего больного. Я и облако, и дождь. Я продолжаю изливаться дождем на сады.

О, нищий, прах смертности никогда не касался моих одежд. Я сорвал много роз в саду бессмертия.

Моя сущность - не из огня, воды, нервного ветра и разукрашенного праха. Я смеюсь над ними всеми.

О, сын мой, я - не Шамс из Тебриза. Если увидишь меня, не говори никому: «Я видел его». Я не он. Я - чистый свет²⁰³.

Чтобы лучше понять суть *даврийя*, которую трудно усвоить и объяснить, мы должны понять основы *вахдат ал-вуджуд*. В соответствии с этой концепцией, все существование - это Одно. Существует только Одно, и это Бог. Нет другого существования, кроме существования Бога. И ничему другому просто не-

²⁰³ Mehmed Fuad Koprulu включил эту касыду в свою книгу *Türk edebiyatında ilk Mutasavviflar* (The First Sufis in Turkish Literature) (Ankara: Gaye Matbaacılık, 1981), pp. 217-230.

возможно существовать. Иными словами, когда не было ни небес, ни земли, вообще ничего, существовал Бог, ал-Кадим (Присносущий). Все существа в этой вселенной, видимые или невидимые, появились в знании Бога. Тогда они начали существовать с проявлением Богом Его Божественной Воли. Иными словами, они были созданы как результат того, что Бог проявил Свою Божественную Сущность. Но по сути все созданные существа и все вселенные состоят из не-существования, которое есть иллюзия существования. Реальное существование - это только существование Бога. Пророк Мухаммад описал существование до создания вселенной, чье существование есть иллюзия чувств, следующим образом: «Бог существовал, и ничего другого не существовало с Ним». При этом присутствовал Али, и он ответил: «И до сих пор это так», подчеркивая эту истину.

Здесь можно задать вопрос: каким образом это может быть правдой? Как можно рассматривать эту вселенную, которая была создана *ex nilo* - из ничего? Мы живем среди всех этих существ, и мы чувствуем, что мы существуем и живем. Тогда как же мы можем сказать, что мы не существуем? Как все это может рассматриваться как несуществующее? Возможно ли это? Это потому, что с практической точки зрения наше существование является несуществующим и незначительным по сравнению с огромными размерами этой вселенной?

Современная наука обнаружила, что существуют звезды, отдаленные от нашей планеты на 60 миллиардов световых лет. Космический корабль «Спирит» только недавно достиг Марса и начал посылать изображения на Землю. Вселенная настолько велика, что наш мир кажется крохотным голубым пятнышком среди бесчисленных звезд, и мы подобны частичкам пыли на коже апельсина. Таково ощущение «ничто», один из способов приблизительной оценки истины, как говорит поэт:

Если наша Земля - как пылинка по сравнению с небесами,
значит, измеряя себя в тех же масштабах, человек
должен признать,
что он вообще не существует.

Нет, такая картина - это не иллюзия и не приблизительная оценка. Это истинная оценка, которую Руми давал исламу. Какое же значение может иметь наше физическое существование, если все звезды небесные не имеют никакого значения по сравнению с бесконечным величием и мощью Всевышнего?

В одном из катренов Руми говорит: «В этом мире нет ничего, кроме Него. Нет ничего уродливого и ничего прекрасного, нет ничего видимого и ничего невидимого. Каждая стрела, что слетает с тетивы, летит Его Властью. Каждое имеющее огромное значение слово слетает с Его губ».

Если ясной летней ночью мы посмотрим на небо, мы увидим миллионы звезд, сияющих в небесах. Но когда наступает утро и во всем своем великолепии встает солнце, мы больше не видим прекрасных звезд, которые ласкали наши сердца своим мерцанием и утешали нас. Куда они исчезли? Или они растворились в бесконечном вакууме космоса? Они по-прежнему остаются на своих местах, по-прежнему путешествуют по своим орбитам и по-прежнему испускают свет. Но мы их больше не видим, поскольку свет солнца затмевает их свет и делает его невидимым. Подобно этому, если солнце истины, солнце веры поднимается в наших сердцах, наши глаза ослеплены его светом, и мы не способны видеть что-либо иное, кроме Бога. Тогда мы обретаем понимание истины: «Ничто не существует, кроме Бога».

Другие последователи взглядов *вахдат ал-вуджуд* описывают это следующим образом: Хотя существование одно, у него есть внутренние и внешние аспекты. Внутренний аспект существования - это свет, который есть дух вселенной, и вселен-

ная вся заполнена этим светом. Это тот свет, который дарует жизнь всему, включая те вещи, которые мы ошибочно считаем неодушевленными. Эту истину выражает строка Корана: «Аллах - свет небес и земли» (Св. Коран, 24:35).

И нет ни границ, ни конца, ни зенита этого света. Он не проникает в предметы и не объединяет их. Это бесконечный океан святого света, у которого нет берегов и чье величие невозможно себе представить. Жизнь, знание, воля и сила существуют благодаря этому свету. Зрение, звуки, речь, движение, работа и влияние существ друг на друга исходят из этого света. Поистине, все состоит из этого света. Характеристики существ, природа вещей, их атрибуты и сила - все исходит из этого света. Этот свет уникален, и подобного ему нет. Он освещает все, подобно солнцу. Абсолютно все - от микрокосма до макрокосма - все звезды и бесчисленные миры, - все это только место проявления и отражения этого света. Как сказал Ниязи Мисри (умер в 1696 году): «Посмотри внимательно на все шесть сторон света, / Все они - зеркало, где отражается лик Всемилосердного. / Он - и Тот, что сказал, и То, что сказано: То, что увидено, и Тот, кто видел. / Где бы это ни было, высоко или низко, знай, что видишь там Возлюбленного».

Ознакомившись с этими взглядами, мы понимаем, что все различные стадии, уровни, свойства и атрибуты - это Его зеркало и Его место проявления. Поскольку мы могли бы сказать, что Он - это Дух вселенной (в том смысле, который вкладывал в это Руми), то нет никого, кроме Него, который пребывает в мечети вместе с благочестивыми и в храмах с идолопоклонниками.

Зия-паша говорил об этой истине, когда заявил: «В глазах Господа и мусульманин, и огнепоклонник - это одно». Другими словами, оба этих состояния - проявления Его различных Имен. В данном случае, это ал-Хади (Путеводящий; Св. Коран, 22:54 - Прим. перев.) и ал-Музилл (Ниспроверяющий; Св. Ко-

ран, 3:26 - Прим. перев.). Следующая касыда Руми помогает прояснить это положение:

Господи, ты - Исцеляющий больных. Ты - Тот, кто скрыт, как дух, среди благ и щедрот.

Ты насылаешь на своих слуг болезни, чтобы они могли молиться Тебе, ибо ты - покупатель и принимающий их жалобы и крики.

Каждый в этом мире ищет средство избавиться от своих трудностей. Однако средство от этих трудностей - искать Тебя, ибо Ты, без сомнения, - создатель и трудностей, и избавления от них.

Трудности, которые заставляют человека молить о помощи, - это завесы, предлоги, которые предопределены в нашей жизни. За этой завесой скрывается Твоя дверь щедрот, куда в итоге предопределено дойти человеку.

Вначале Ты заставляешь больных кричать и плакать, чтобы в конце концов они смогли найти успокоение и обрести здоровье. Но воистину Ты - Единственный, кто есть наша болезнь и наше здоровье. Клянусь Богом, Ты - Единственный, который говорит: «Ты есть...»

На этом поле для игры Ты - мяч, Ты - игрок и зритель. Быть рабом, властелином или султаном - все это в Твоем предопределении. И прямую линию, и изогнутую чертят в Твоей школе.

Наши тела подобны домам, а наши души - гости в этих домах. Господи, ведь мы не существуем. Наши тела и Души - Твоя Тень. Воистину, Ты есть душа наших душ, что наведались в гости в наши тела²⁰⁴.

Поскольку Бог проявляется во всем, такие выражения, как «из неорганических субстанций я трансформировался в растения, из растений - в животных, а из животных в человека», которые можно встретить во многих местах в “Маснави”, следует понимать как стадии развития нашего физического существа, как

²⁰⁴ *Divan-i Kabir*, vol. VI, no. 2778.

уже говорилось выше. Здесь не говорится о переселении душ. Идея реинкарнации приводит к отрицанию потустороннего мира, что противоречит фундаментальным основам ислама. Поэтому Руми говорит: «Тебе принадлежит тело без тела. Так что не бойся, что твой дух покинет это тело. Твое истинное существование - за пределами этого физического тела»²⁰⁵.

Как считают сторонники идеи реинкарнации, не существует Состояния Неопределенности, в котором души будут пребывать после смерти до Судного Дня, и вознаграждение или наказание за наши деяния проявляется как возрождение в более низкой или более высокой форме жизни. Более того, они утверждают, что количество душ ограничено, и они постоянно перемещаются из тела в тело. Эти люди не придерживаются исламской концепции, что Бог проявляет Себя по-разному в каждое мгновение. Вместо этого они верят, что существует повторяемость в проявлениях Бога.

Сторонники идеи реинкарнации, которым неизвестен тот факт, что Божественная Эманация распространяется на все, покрывает все вещи постоянно, верят, что дух прекратит свое существование после того, как переживет множество приключений, переходя из тела в тело. Мусульмане же верят в бессмертие человеческого духа, на котором лежит Божественный Договор. Поэтому мы не боимся, что нам суждено исчезнуть в земле. Мусульманский поэт и мыслитель Омар Хайям (умер в 1131 году от Р. Х.) помнит о нашей физической смертности и говорит: «Знай, что каждый вдох, который ты делаешь, неповторим. / Ты не трава, которая вновь вырастет будущей весной». Он советует нам подготовиться к духовному миру и не тратить впустую время. Человек не стремится к исчезновению: он хочет жить после смерти. Люди хотят жить дальше, пусть хотя бы только в сердцах дру-

205 *Mesnevi*, vol. II, no. 1613.

гих людей. Великий турецкий поэт Баки* говорит: «Все, что остается под куполом небес, – это воспоминание о приятном звуке».

Можем ли мы оставаться привязанными к элементам (неорганическим материалам, растениям и животным), которые достигают нашего тела через то, что мы едим и пьем, когда нашему физическому существованию, нашим телам суждено истлеть и быть съеденными насекомыми и червями в могиле? В уже процитированной мной оде Руми говорит: «Моя сущность – не из огня, воды, нервного ветра и разукрашенного праха». Эти элементы принадлежат нашему телу, в котором квартирует душа. И если эти четыре элемента составляют наше тело, то душа, которая только пребывает в теле, не имеет ничего общего с элементами, ибо душа – это Божественное Дыхание.

Великий суфийский поэт Ибн ал-Фарид (умер в 1235 г. от Р.Х.) в своей знаменитой касыде «Ал-Таййя» вначале умоляет избавить его от влияния ложных верований и заблуждений, которые проистекают от низких желаний, а затем просит Бога избавить его об общества тех, кто верит в реинкарнацию:

О, Господи, даруй мне знак добродетели и мудрости, который спасет меня от влияния ложных верований и заблуждений, основанных на неполном знании и гипотезах, которые предлагают нам ложные желания.

О, Господи, удержи меня в стороне от тех, кто верит в *насх* (реинкарнация, перемещение души из одного человеческого тела в другое) и *масх* (перемещение души из тела человека в тело животного).

О, Господи, не допускай моего общения с теми, кто утверждает справедливость *фасх* (перемещения души человека в растение) и *расх* (перемещение человеческой души из тела человека в неорганические субстанции) и

* Махмуд Абдал Баки, 1526-1600. – Прим. ред.

при этом верит, что при каждом перемещении душа испытывает те муки, которые она заслужила²⁰⁶.

Противоречащая исламу идея реинкарнации заставляет нас утратить душу, существование которой мы ощущаем, наше реальное «я». Я ощущаю Божественный аманат, который пребывает во мне. Что внутри меня - то мое. Оно не принадлежит кому-то другому. Оно не отправится куда-либо еще. Когда моя душа покинет этот мир, она только лишь вернется к своему источнику.

Махмуд Шабастари (умер в 1320 г. от Р.Х.), автор «Гюльшан-и Разз», указывает на недостаточность рассудка в решении этой проблемы и затем говорит, что вера в реинкарнацию происходит от ограниченности видения и узости точки зрения, а потому представляет собой *куфр* (проявление отсутствия веры) и не имеет под собой никакого основания.

Знай же, что вся вселенная наполнена светом Господним. Он сокрыт во вселенной, поскольку Он явен. Иными словами, тот факт, что Он явен словно солнце, заставляет Его не показывать Себя и оставаться сокрытым.

Свет Господень не переходит от одного места к другому и не изменяется из одного состояния в другое. Этот свет не меняется и не принимает иной формы.

Ты думаешь, что вселенная поддерживает его существование своим собственным существованием, и что его существование длится вечно благодаря его собственной сущности.

Того, кто обладает разумом, склонным к долгим размышлениям, этот разум заводит в места, где мысли путаются, удивляя и направляя своего обладателя по неверному пути.

²⁰⁶ Abu al-Qasim Sharaf al-Din Omar b. Ali Ibn al-Faridh, *Ta'yyah al-Kubra* (Cairo: al-Maktaba al-Azhariyyah, 1319), no. 652-54.

Благодаря долгим и бесполезным размышлениям некоторые люди только увлеклись, а другие стали даже верить в реинкарнацию.

Разум не обладает способностью увидеть истину. Так что иди и найди себе другой глаз, глаз сердца, чтобы увидеть Его.

Оба глаза философа косят, поэтому он не может увидеть Бога как Единого.

Вера в реинкарнацию происходит от узости видения, а потому представляет собой проявление отсутствия веры и не имеет под собой никакого основания²⁰⁷.

Когда шейх Мухаммед Лахиджи (умер в 1464 году) писал комментарии к этим стихам, он воспользовался примером многих мудрецов и ради объяснения этих сложных для понимания, эзотерических истин использовал строки из “Маснави”. Хотя это может показаться повторением, я не могу удержаться и не включить следующие благословенные строки из “Маснави” в этот раздел:

Поскольку существование души ощущается и столь близко нам, оно остается незамеченным. Человек подобен кувшину: носик его сух, хотя сам кувшин полон воды.

Как ты можешь увидеть красный, зеленый, розовый цвет, если нет света?

Но поскольку твой разум и твои мысли заблудились в цвете, эти цвета не дают тебе увидеть сам свет.

Когда ночь скрывает цвета, ты обретаешь понимание того, что способность увидеть цвет зависит от света.

Ты не можешь увидеть цвет снаружи, если нет света. То же самое относится к цветам внутри тебя.

Наружные цвета можно увидеть при свете солнца и звезд. Цвета внутреннего мира возможно разглядеть только при сиянии внутреннего света Божьего.

²⁰⁷ Sa'd al-Din Mahmud b. Abd al-Karim b. Yahya Shabastari, *Gulshan-i Raz*, ed. Ali Muhammadzade Qurban (Baku: Ferhengistan-i Ulum-i Jumhuri, 1972), no.98-105.

Свет твоих глаз - это свет сердца, ибо свет глаз исходит из света сердца.

Свет сердца исходит от света Божьего. Но этот свет абсолютно отличается от света разума и света твоих чувств.

Ночью, поскольку нет света, ты не можешь различать цвета. Это ты можешь понять как противоположность свету.

Сначала виден свет, а затем цвета. Ты можешь ясно понять это при исчезновении света.

Господь создал печали и трудности как противоположность покоя и мира душевного, чтобы ты мог по достоинству оценить покой и мир душевный.

Каждая скрытая вещь становится явной при своей противоположности. Поскольку у Бога нет противоположности, Он остается скрытым.

Ты узнаешь свет при его противоположности, поскольку, когда что-то становится явным, его противоположность тоже становится явной.

В мире этого существования у света Божьего нет противоположности, которая сделала бы явной этот свет через свою противоположность.

Конечно, наши глаза не могут увидеть и охватить Его. Но пойми, что Он видит и охватывает нас притчей о Моисее и горе Синайской²⁰⁸.

Последняя строка вышеприведенного стихотворения отсылает нас к строкам из Корана, где говорится: «Ни один взор не постигает Его, а Он постигает [все, что постигают] взоры. Он - пронизательный, сведущий [обо всем сущем]» (Св. Коран, 6:103).

Свет существования Всевышнего проявляется постоянно и без перерывов. Это проявление не такого плана, как его толкуют те, кто верит в реинкарнацию. В мироздании нет повторений. Поскольку все в мироздании есть зеркало для проявлений Всевышнего, каждое зеркало постоянно показывает нам нечто различное из Его Атрибутов и Деяний. Эти проявления никог-

²⁰⁸ *Mesnevi*, vol. I, no. 1121-1135.

да не отделимы от Истинного и Единого Эманатора: «Свет солнца никогда не отделим от солнца, так как можно эманацию отделить от Бога?»

Следующие строки известного турецкого суфия Азиза Махмуда Худайи (умер в 1628 году) хорошо иллюстрируют эту истину: «Его проявление стало завесой, вуалью для Его проявления. / Разве тот, у кого есть глаза, когда-либо ищет свидетельства существования света?» Эту истину нельзя охватить только разумом. Разум может помочь человеку дойти только до середины пути в поисках истины.

Как говорит нам Руми, «Философ слишком положился на свой рассудок и убил себя размышлениями. Пусть он уйдет прочь от нас. Он уже оставил позади себя сокровище истины. Скажи ему: «Прочь отсюда!» Чем быстрее он бежит, тем дальше оказывается от желанного, сокрытого в его сердце»²⁰⁹.

Почему мы заходим так далеко? Разве Бог не ближе к человеку, чем его собственная яремная вена?

Бог к человеку ближе, чем его яремная вена. Ты же пытаешься отправить свою мысль вдаль, словно стрелу из лука.

О, человек, который натягивает лук и выпускает из него стрелу, добыча совсем близко, а ты стреляешь вдаль.

Чем дальше улетит его стрела, тем дальше он окажется от бесценного сокровища Истины²¹⁰.

Следующие строки, сложенные мудрецом, раскрывают нам ту же истину:

«Возлюбленный всегда с тобой и никогда не бывает вдалеке от тебя, ни на мгновение.

²⁰⁹ *Mesnevi*, vol. VI, no. 2356-2357.

²¹⁰ Там же, no. 2353-2355.

Пусть даже ты проводишь свою жизнь, не зная о Нем, разлученный с Ним, Он никогда не разлучается с тобой.

Чтобы увидеть солнце Его лица, открой глаза и осмотрись внимательно, ибо Его солнце никогда не сокрыто и всегда видимо глазу.

Но даже если тебе не препятствует ничего, кроме Его собственного света, ты сможешь вновь увидеть Его лицо только при Его свете».

Как уже не раз объяснялось выше, все вещи, которые мы считаем существующими, в реальности не существуют. Это только кажется, будто они существуют. Подобно тому, как звезда становится невидимой при восходе солнца, ничто, кроме Бога, не остается видимым во время Божественного Проявления. Руми подтверждает эту мысль в следующих строках:

О душа наших душ! Кто мы такие, чтобы осмелиться утверждать, будто мы существуем? Мы просто не существуем. Настоящее существование, которое делает нас, смертных, кажущимися в существовании, это Ты²¹¹.

Если человек признает, что во вселенной есть только одно существование, а именно существование Бога, тогда *хулул* и *иттихад* становятся невозможными. Ибо для того чтобы наступили эти состояния, необходимо наличие двух существ. Но ведь существует только одна существующая сущность, и это Бог.

Дорогие читатели, я был вынужден так подробно писать об этих вещах, может быть, слишком усложняя свои комментарии, чтобы объяснить, что Руми не верил в реинкарнацию. Ради этого я кратко описал такие концепции, как *даврийя* и *вахдат алвуджуд*. Я привожу примеры из Руми и других поэтов. Все это ради единственной цели - чтобы не впасть в неисламские верования, которые могут вводить в заблуждение. Если я ошибся, прошу Господа и вас простить меня.

²¹¹ *Mesnevi*, vol. I, no. 601-602.

Как широко известно, гностики говорят нам о четырех путешествиях, которые необходимо предпринять, чтобы направить себя к Богу, обрести истину и открыть глаза своего сердца. Первое путешествие - это духовное продвижение от состояния своего «Я» до «видимого горизонта» (*уфк ал-мубин*), которое заканчивается на уровне сердца. Достигнув этого уровня, возлюбивший Господа отбрасывает от сердца свою избыточную любовь к материальному миру, к этому миру вообще и к его богатствам. Теперь возлюбившие Господа поднимают вуаль множественности (*катрат*) с лица единства (*вахдат*). Другими словами, они освобождают себя от осознания множественности. Они видят единство во всем. Это путешествие называется путешествием к Богу (*сайр илаллах*).

Второе путешествие завершается при соблюдении правил поведения, предписанных Кораном, достижением «высшего горизонта» (*уфк ал-ала*), которое есть конец уровня Единства (*вахданийя*). По контрасту с первым путешествием, в этом путешествии вуаль единства (*вахдат*) поднимается с лица множественности (*катрат*). В этом путешествии множественность увидена в единстве, тогда как в первом путешествии единство было увидено в множественности. Это путешествие называют путешествием в Боге (*сайр филлах*).

Третье путешествие ведет к избавлению от всех двойственностей, эзотерических и экзотерических, рассмотрению всей мощи и всех деяний в Боге и достижение уровня «самого союза» (*айн ал-джам*). Это - путешествие с Богом (*сайр ма'аллах*). Четвертое путешествие - это уровень, на котором человек возвращается от Бога к людям, чтобы вести их к Богу, и это то состояние, где единство видно в форме множественности, а множественность видна в форме единства. Подобным образом этот уровень относится к возвращению от состояния союза (*джам*) к состоянию разъединения (*фирак*), или же от опьянения (*сакр*)

к трезвости (*сахв*). Это путешествие называют путешествие от Бога (*сайр аниллах*).

Великий суфийский поэт Махмуд Шабастари объясняет, что все духовные уровни, через которые проходят верующие в своем духовном путешествии, где они идут по тропе исламского закона, чтобы достичь истины, не имеют ничего общего с реинкарнацией: «Значение всего этого - отнюдь не реинкарнация. Эти состояния - видения Божественных Проявлений. Кто-то спросил: «А какова же окончательная цель?» Он ответил: “Это возвращение к истокам”»²¹².

Мудрецы описывали спуск нашего духовного существования от уровня единства (*ахадийя*) до уровня человеческого духовного существования (*инсанийя*) как «полукруг падения», а вознесение нашего духовного существования от человеческого уровня (*инсанийя*) до уровня единства (*ахадийя*) как «полукруг вознесения».

Мудрецы, которые совершают путь к Богу, считали путешествие к Богу и путешествие в Боге как достижение уровня единства (*джам*), уровня святости. Далее, они рассматривают путешествие с Богом и путешествие от Бога как уровень разделения (*фарк*), уровень множественности и уровень приглашения и приведения людей к Богу.

Здесь есть тонкий нюанс. Для мудреца переход от уровня единства (*джам*) к уровню разделения (*фарк*) абсолютно не является отступлением или регрессом. Напротив, это улучшение понимания Бога и получение разрешения на служение человечеству. Это самый высокий уровень для праведника и святого: они обретают титул духовного вождя (*мурид*) и ведут людей к Богу. Как объясняет Саади, «Пребывание в дервишестве - это

²¹² Shabasteri, *Gulshan-i Raz*.

движение по пути к Богу и служение другим людям. Оно не привязано к четкам, молитвам или дервишескому облачению».

В этом плане обращение от Бога к людям - это более высокий уровень, чем обращение от людей к Богу. Самый прославленный и почтенный человек во вселенной, наш возлюбленный Пророк говорит: «Тот, кто служит, - тот господин». Тогда как на первом уровне суть состоит в спасении индивидуума, устремившегося к Богу, - *салика*, то во втором случае цель на этом уровне - спасение человечества. На первом уровне *салик* очистил свою сущность и достиг уровня праведника или святого. Милостью Господа он избежал зла и спас себя. Однако на втором уровне на него возложен долг очищать людей от их дурного поведения и привычек, и он достиг блаженства жизни для других. Он получил право на то, чтобы стать духовным вождем.

По этой причине мудрец, который после обретения уровня единства достигает уровня разделения, видит одну истину, и Единственное Сущее во всем он видит в Его множественности. Он достигнет радости увидеть Бога не просто в одном зеркале, но в бесчисленных зеркалах и везде. Мудрецы, которые достигли этого уровня, обретают полную духовную свободу и свободны от всех привязанностей. Султан мудрецов Ибн ал-Фарид упоминает этот предмет в своей знаменитой касыде «Ал-Таййя»: «Не считайте меня среди *мукарриб* (тех, кто близок к Богу). Пребывание близко от Бога - это атрибут слуги Господня на уровне единения (*джам*). Я не вижу себя разделенным с Ним. Когда я достигну уровня единения, тогда не будет разницы между далеким и близким, единением и разделением, дружбой и враждебностью, началом и концом. Для меня это будет все равно».

Следующие строфы Руми объясняют, что человеческому духу не обязательно нужно тело, чтобы жить:

Люди говорят: «Такой-то умер». Но ты скажи: «О вы, те, кто не знает! Я не умер. Я жив». Пусть мое тело лежит

в уединении и сухости, оно заснуло. Но в моем сердце открылись восемь врат небесных.

Зачем кто-то будет тревожиться, если тело лежит в грязи, когда душа моя погрузилась в сон в саду среди роз?

Дух никогда не заметит этого во сне. И ему неважно, где он: он может спать в розовом саду или возле очага в бане.

Дух идет по миру духов, восклицая: «О, если бы мой народ знал, за что меня простил мой Господь, за что причислил меня к почитаемым!» (Св. Коран, 36:26).

Если дух не захочет жить без своего тела, то чей же будет дворец небесный?

Если дух не захочет жить без своего тела, то кто будет получать пищу духовную, обещанную Господом: «А на небе вам уготованы [благой] удел и то, что вам обещано» (Св. Коран, 51:22)²¹³.

Я хотел бы завершить этот раздел, с позволения Господа, следующими строфами Руми, затрагивающими проблему воскрешения. В них великий праведник объясняет, что части человеческих тел, которые уже разложились и смешались с землей, вновь соединятся в Судный День по велению Господа. Каждый дух узнает свое собственное тело, войдет только в свое тело и таким образом будет воскрешен. Противоречит Корану вера в то, что воскрешение произойдет только духовно (Св. Коран, 36:78-79). Как говорит Руми: «И Дух вновь войдет в каждое тело, что поднимет голову от камня». Воскрешение тела произойдет в физическом смысле. Что может лежать вне Силы Господа?

Если бы дух мог жить попеременно во многих различных телах, как считают те, кто верит в реинкарнацию, тогда в какое именно тело вошел бы дух в Судный День, в День Воскрешения? С каким телом вошел бы дух в Присутствие своего Господа?

²¹³ Mesnevi, vol. V, no. 1734-1743.

В хадисах говорится, что в Судный День каждому телу будет отдан приказ «Встань!» Звук Трубы – это приказ, что приходит от Всевышнего: «О человечество! Поднимись из могил!». Подобно тому как разум и мысль возвращаются к каждому человеку, когда он просыпается утром, так и душа вернется в каждое тело, которое восстанет из могилы.

Дух узнает свое тело в Судный День. Дух войдет в свой разрушенный дом, который принадлежит ему, словно спрятанное сокровище.

Каждая душа узнает свое тело войдет в это тело. Как может душа ювелира войти в тело портного? Дух ученого придет к ученому, и дух тирана вернется в тело тирана.

Подобно тому, как ягненок узнает свою мать и мать узнает своего детеныша утром, так и Знание Господне дает душам подобную способность к узнаванию.

Нога может узнать свою обувь даже в темноте. Тогда как же, о Возлюбленный, может душа не узнать свое собственное тело?²¹⁴

²¹⁴ *Mesnevi*, vol. V, no. 1772-1779.

ГЛАВА 3

Влияние Руми

Руми обрел признание гораздо более широкое, чем многие мыслители и поэты исламского мира. Какую книгу о суфизме вы ни возьмете в руки, или где бы вы ни встретили людей, разговаривающих о предмете, в котором затрагивается суфизм, - вы обязательно столкнетесь со стихами Руми, его взглядами и мнениями. Руми известен не только в Турции и других исламских странах, его хорошо знают и на Западе. Руми любят все, ибо он был великим духовным наставником и морально безупречным человеком, который знал, как выражать свои чувства и мнения искренне, без какой-либо напыщенности или высокомерия, так, как он ощущал их в своем сердце. И “Маснави”, и “Диван-и Кабир”, и другие его труды стали источниками мудрости и познания для каждого верующего, который возлюбил Господа и истину и разделяет божественную любовь. На протяжении веков посредством своих книг Руми разговаривал с каждым поэтом, каждым писателем, каждым человеком, обладающим способностью тонко чувствовать, и с каждым дервишем, и неважно, к какому братству тот принадлежал. Поскольку Руми любит всех людей, он раскрыл свое благословенное сердце навстречу всем. В своих трудах он обращается ко всем. Каждый человек, в соответствии со своими способностями, пониманием, вкусом и наклонностями, получает пользу от общения с Руми и обнаруживает, что он погружается в чувства и идеи Руми.

Влияние Руми на турецких поэтов

Руми - Мевляна (т.е. «наш Господин», «наш Учитель») не только для турок и других мусульман: он - Мевляна для многих народов и наций. По этой причине его гробница стала мес-

том паломничества не только для мусульман, но и для людей многих верований. Руми, который оказывал огромное влияние на суфизм, на протяжении семи веков оказывал также глубокое влияние на турецкую литературу. Поэты классической турецкой литературы, суфийские поэты, как Юнус Эмре, и большинство современных поэтов испытали на себе влияние Руми. Юнус Эмре сказал о том воздействии, которое оказал на всех Руми: «С тех пор как Мевляна Худавендигар (“Наш господин”, “Наш властелин”) взглянул на нас, его благословенный взгляд стал зеркалом нашего сердца». Другие поэты той же эпохи, такие, как Гюльшехри и Ашик-паша, испытали на себе влияние Руми. Поэты классического периода, такие, как Шейхи, Насими и Ахмед-паша, тоже демонстрируют влияние Руми в своем творчестве. Некоторые авторы, например, Ибрахим Хакки из Эрзурума (умер в 1780 году), делали поэтические переводы на турецкий язык из “Диван-и Кабир”. Свой знаменитый сборник биографий, где описывается жизнь и творчество знаменитых поэтов и считающийся «литературной историей» того времени, Латифи из Кастамону, один из знаменитых турецких биографов шестнадцатого столетия, начинает с биографии Руми и описывает его как «султана шейхов».

Благодаря турецким поэтам классического периода, находящимся под влиянием Руми, с шестнадцатого века стала развиваться так называемая «литература *мевлеви*». Многие поэты наряду с обычной суфийской терминологией начали использовать терминологию и лексику, присущие именно братству *мевлеви*. Еще заметнее этот процесс в творчестве поэтов семнадцатого столетия. Более подробную информацию о «литературе мевлеви» заинтересованный читатель может найти в книгах: Сакиб Деде, Сефине-и Мевлевийе; Эсрар Деде, Тезкире; Али Енвербей, Семахане-и Эдеб.

Одним из тех, кто восхищался Руми и писал касыды в его честь, хотя сам не принадлежал к братству *мевлеви*, был Нефи, турецкий поэт семнадцатого века. В своем «Диване», написанном на турецком языке, следом за одой в честь Пророка, открывающей собрание стихов, Нефи поместил оду, посвященную Руми. Он ставил Руми выше султанов и везиров и описывал каждую строфу в «Маснави» как «мир мудрости». В «Диване» Нефи, содержащем его произведения на персидском языке, также есть касыды, написанные в честь Руми. В одной из них он называет Руми «святым, посвященным в божественные тайны». Нефи, один из самых знаменитых поэтов периода классической турецкой поэзии «дивана», выдающийся мастер таких поэтических форм, как «касыда» (ода) и «хиджвийя» (сатира), любил Руми, но не пошел по его пути.

Он не был единственным, кто восхищался Руми и писал ему касыды. После семнадцатого века в среде турецких поэтов, которые писали литературу «дивана», стало традицией посвящать касыды Руми. Но в исламском мире и среди турок-мусульман было много других святых и праведников, Руми – не единственный среди них. Почему же турецкие поэты вспоминают чаще всего именно о Руми? Тот факт, что Руми был одновременно и великим праведником, и великим поэтом, только увеличил любовь и уважение, которое испытывают к нему. Поэтов, которые читали книги Руми и стали его истинными почитателями, столько, что одно перечисление их имен заполнило бы несколько страниц.

Среди поэтов, на творчество которых оказали особое влияние произведения Руми, не следует забывать Султана Дивани, Фасыха Деде, Нешати, шейха Галиба и Эсрара Деде. Шейх Галиб написал свой шедевр «Хусну-Ашк» («Прекрасная Любовь») под влиянием «Маснави». Он сам пишет об этом: «Я взял секреты поэмы, ее скрытое значение из «Маснави». Вспомним са-

мые популярные строки из «Красоты любви». Описывая одного из членов племени «Бани Мухаббат» - «Дети Любви», автор пишет: «То, что они носят, - солнца июля, а то, что они пьют, - пламя, которое опалает мир». Это прямая аллюзия на строки из «Маснави»: «Наши дневные одежды сотканы из света июльского солнца, а наша постель и одеяло ночью сотворены из лунного света».

Кроме шейха Галиба можно назвать других поэтов, в творчестве которых особенно ярко видно влияние Руми, - Нахифи, Кечиджизаде Иззет Молла, Эндерунлу Фазыл, Акиф-паша, Пертев-паша. Особенно выделяется из этого ряда Ибрагим Хаккы, автор «Марифетнаме», который переводил Руми. Далее - Херсекли Ариф Хикмет, шейх Назиф-эфенди, Шеми, шейх Джелаледдин-эфенди, Лейла Ханым, шейх Абдулбакы-бей, Ахмед Ремзи Деде, Тахир ал-Мевлеви, Токади-заде Шекиб, Нейзен Тевфик и Яхья Кемаль. Если попытаться собрать все восхваления в честь Руми, которые начинаются от сына Руми Султана Веледа и продолжались на протяжении семи веков, они составили бы гигантское собрание томов. Хотя Васыф-и Мевлеви написал *«Между-и Медайих-и Хазрети Мевлана»* («Собрание восхвалений в честь Руми»), эта рукопись представляет только идею такого собрания, поскольку в ней собрана лишь небольшая часть всего, что написано. В антологии стихотворений, посвященных Руми («Мевлана шиирлери антологиси»), которую недавно опубликовал Мехмет Ондер, приведено несколько стихотворений, написанных нашими современными поэтами. В антологию вошли стихотворения о Руми, которые написали современные турецкие поэты: Халиде Нусрет Ханым, Ариф Нихад Асья, Яман Деде, Кемаль Эдиб-бей, Фейзи Халыджи, Незихе Араз Ханым, Бекир Сыдки Эрдоган и другие. Я хотел бы в качестве примера привести стихотворение популярного современного поэта Бекира Сыдки Эрдогана под названием «Мевляна»:

О, Господин!
Властитель королевства счастья!
В тебе есть тайны.
Есть восторг и танец вселенной.
Каждый входит в твой дервишеский дом невеждой.
Каждый выходит оттуда, обретя знание.
О, Друг, который есть ключ к тайнам красоты!
О, Полная Луна, что наполнена вдохновением благодаря божественному свету!
О, Бесконечность!
О, истинная Весна, что никогда не утратит блеск!
Скажи мне, в чем заключены твои тайны?
Каждый входит в твой дервишеский дом уродом.
Каждый выходит оттуда, обретя красоту.
Твоя гробница - дом возлюбивших Господа.
Вся вселенная полна воодушевления.
Вся вселенная - братство мевлеви...
Земля вращается, космос вращается, вселенная вращается.
Вся вселенная танцует вокруг солнца.
В великой вселенной все закручено,
Начинается вращение такое, что и земля, и небо -
Все исчезает,
И самое прекрасное знание становится явным...
О, Друг, который стал Мастером Любви!
О, Возлюбленный, султан на троне сердец!
Твоя суть вошла в каждое сердце.
Твой лик - на каждом лице.
Каждая дверь - это постраничный комментарий к "Маснави".
В какую дверь ни постучит влюбленный, -
Он встречает там Мевляну.

Влияние Руми на мусульманских мыслителей

Я хотел бы привести два примера, чтобы проиллюстрировать влияние Руми на мусульманских мыслителей. Первый -

это великий турецкий ученый и мыслитель Ибрахим Хаккы из Эрзурума (умер в 1780 году), а второй - Мухаммед Икбал.

Ибрахим Хаккы родился в Хасанкале, недалеко от Эрзурума, в восточной части современной Турции. Он был знаменитым суфием и великим ученым, которого хорошо знали и уважали не только в Анатолии, но и во всем исламском мире. Его книга «Марифетнаме», подобно энциклопедии, охватывает самые разные стороны жизни и регионы: религию, литературу, суфизм, географию, историю, космографию, биологию, моду и многое, многое другое. Его перу также принадлежит большое количество стихотворений на турецком, арабском и персидском языках. Поэтические произведения великого ученого составили его собственный «Диван».

Ибрахим Хаккы был поклонником поэзии Руми, знал наизусть много строф из «Маснави». Он перевел на турецкий язык многие стихотворения Руми из «Диван-и Кабир» и тем самым соединил свой голос с голосом Руми. Этими стихами, возникшими благодаря божественному вдохновению, пропитанными ароматами веры и божественной любви, он ответил на духовные запросы миллионов турок мусульман. Он заставил возлюбивших Господа проливать слезы, привел их в возбуждение и восторг. Разве нам не следует называть этого великого праведника Ибрахим Хаккы Мевлеви, а не просто Ибрахим Хаккы Эрзуруми? Хотелось бы привести ниже несколько примеров того, какое влияние оказал Руми на Ибрахима Хаккы. Вот первый пример.

Когда мы начинаем бороться с ночью, мы переворачиваем все. Мы извлекаем соль из моря ночи.

Те, кто видит истину ночи, не испытывают желания погрузиться в сон и бегут от него. Чистые и ясные духи оживляют ночь.

Они желают не спать, а проводить ночь в молитвах. Они умоляют Всевышнего. Ночь - это вуаль и завеса невидимого возлюбленного, возлюбленного духом.

Как может день сравниться с ночью? В твоих глазах ночь подобна темному сосуду, поскольку ты не пробовал сладости десерта, приготовленного в этом сосуде, ты не понял истины ночи.

День - это время материальной выгоды и прибыли, но любовь ночи несет совсем иное удовольствие.

Ночь пришла и освободила меня от торговли и прибыли, она связала мне руки, и я не мог ничего сделать.

До самого рассвета ноги тоже были связаны²¹⁵ ночью.

Ибрахим Хакки излагает это стихотворение по-своему:

Эта борьба дня и ночи стала войной и миром.

Море ночи стало равниной для нас.

Она не нуждается во сне и бежит от него,

Если глаза видят все зрелище ночи.

Многие сердца, исполненные святого света, и многие чистые духом

Стали слугами Властителя ночи.

Место, где пребывает невидимый Возлюбленный, - это ночь,

Ибо возлюбивший день не может сравниться с ночью.

Тьма ночи - что сосуд, темный внутри,

Только до тех пор, пока язык не ощутил сладости десерта ночи.

Работа и получение прибыли - это дневные заботы,

Иное счастье скрывается в сердце любви к ночи.

Когда ночь, связав мне руки, удерживает меня от других работ,

Хакки оживляет ночь тем, что до утра славит Всевышнего²¹⁶.

²¹⁵ *Divan-i Kabir*, vol. I, no. 316.

²¹⁶ Ibrahim Hakki, *Marifetname* (Istanbul: Matbaa-i Amire, 1892), p. 315.

Второй пример:

Если человек, возлюбивший Господа и испытывающий сильнейшее устремление к Господу в своем сердце, подходит к вратам сердца, но сердце не открывается ему навстречу, то для этого есть какая-то определенная причина.

Не печалься, если врата тебе не открылись. Постой, сядь подле врат и жди, поскольку тот Возлюбленный, что скрывает себя, выходит или после полуночи, или перед самым рассветом.

Тот дух, что отделяет себя от всего остального и ищет только Бога, - это нечто, встречающееся очень редко, и это чудесный дух.

Тот глаз, что видит не только свой мир, но и иной, - это обладатель взгляда (сахиб-и назар).

У него приятное имя. Такой человек становится ближайшим другом духа и никогда больше не будет бояться смерти. В момент смерти он испытывает особенное удовольствие и бесконечную радость.

Если его нога задевает камень, в руку ему падает жемчужина. Когда его дух подходит ко рту (чтобы покинуть тело), он встречает его с нежной улыбкой на губах.

Молчи! Никому не открывай тайны. В собрании людей, которые не обладают добрым духом, могут быть и подобные Абу Джахлю^{*217}.

Ибрахим Хаккы перевел эту касыду стихами следующим образом:

Если кто-то сдерживает свои ощущения радости и счастья

И продолжает ждать у врат своего сердца, у него есть на то причины:

Он ждет у врат сердца, пока не придет Возлюбленный.

* Абу Джахль был одним из тех, кто сомневался и не поверил в Пророка. - Прим. автора.

²¹⁷ *Divan-i Kabir*, vol. I, no. 595.

Когда Возлюбленный приходит, он выказывает ему уважение: этот дух обладает хорошими манерами.

Дух, далекий от всего остального и ставший одним из тех, которые ищут Господа,

Принес себя в жертву ради любви; он обладает удивительными способностями.

Это мудрец, который во всем видит Его лицо,

Он стал обладателем взгляда (сахиб-и назар); у него приятное имя.

Если кто-то возлюбил Господа и остался верен божественной любви,

То время его собственной смерти - это его праздник.

Если его нога касается камня, в его ладони появляется жемчужина.

И не беспокойтесь, если даже его дух поднимается ко рту: у него сахарные губы.

О, Хакки! Молчи! Говори свои слова тайными фразами,

Ибо в собрании нечестивых душ можно встретить много Абу Лахабов^{*218}.

Третий пример:

Когда зов «Приди!» приходит к духу от Всемогущего Создателя этой вселенной и всех созданий, Обладателя Величия и Красоты, разве может дух не распахнуть свои крылья и не взлететь?

Когда звук прибоя достигает слуха рыбы, которую разлучили с кристально чистым морем и оставили на сухом берегу, как может эта рыба не прыгнуть тотчас же в море, которое является ее истинной родиной?

Когда сокол слышит призыв «Вернись!», что исходит от барабана и деревянной колотушки, разве он способен не бросить охоту и не вернуться к султану?

Каким же несчастным, каким заблуждающимся и каким злым должен быть человек, если он не может обрес-

* Абу Лахаб - дядя Пророка, который не принял его миссию. - Прим. автора.

²¹⁸ Ibrahim Nakki, *Marifetname*, p. 435.

ти и полюбить такое приятное, прекрасное, дружелюбное, дарующее жизнь Уникальное Создание?

О, птица духа! Ты очищена от грехов. Ты улетела из клетки своих желаний и своего эго. Ты расправила свои духовные крылья.

Теперь лети же! Лети к твоей истинной родине, туда, откуда ты пришла изначально. Устремись от этой горькой воды к Воде Вечной Жизни.

Уйди от тех, кто сидит у входа, и займи свое место во главе тех, кто присутствует на этом собрании духов.

О, дух, иди же! Иди, чтобы мы тоже смогли достичь мира воссоединения, расставшись с этим миром разлуки²¹⁹.

Вот перевод этой касыды стихами:

Как может улететь птица духа, когда это Святое Величие,

Обращаясь к ней прекрасно и справедливо, говорит:
«Приди!»

Почему бы рыбе не прыгнуть в воду,

когда звук волн кристального моря достигает ее слуха?

Почему бы соколу не прилететь к султану, прервав охоту,

Когда барабан и деревянные палочки сообщают ему новость: «Возвращайся!»?

Удивительной сладостью обладает эта любовь Дарующего Жизнь,

Тот, кто удовлетворен без этой любви - тот глупый и заблуждающийся человек.

Так лети же и обрети своего господина, о птица духа!

Ты освободилась из клетки, так расправь же крылья.

Улети от этой почвы, что вводит в заблуждение, испей Воды Вечной Жизни.

²¹⁹ *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1353.

Обрети ясность в своем сердце, довольно сидеть среди тех, кто остается у входа.

Оставь этот мир мирским людям, О, Хаккы, приди в мир сердца.

Поскольку тот мир - мир расставания, а этот мир - мир воссоединения.

Второй мыслитель - это Мухаммед Икбал (1873 или 1877-1938), один из великих гениев Востока, на которого Руми оказал очень большое влияние. Он долгое время учился в крупнейших культурных центрах Европы, окончил Кембриджский университет в Великобритании, защитил докторскую диссертацию по философии в Мюнхенском университете в Германии. Икбал - это выдающийся поэт, философ, ученый и великий человек. Некоторые придерживаются мнения, что Пакистан следовало бы назвать Икбалистаном, поскольку этот великий патриот, который скончался, не успев увидеть независимый Пакистан*, сыграл важную роль в становлении страны. Обретя большие познания в исламских науках в своей стране, в Европе Икбал познакомился с великими учеными Запада и глубоко проанализировал учения самых известных философов. Прочитав книги всемирно известных философов, ученых, поэтов и писателей Востока и Запада, он избрал Руми в качестве своей путеводной звезды, разделяя его взгляды на деятельность и любовь.

Икбал увидел в Руми те грани, которые может разглядеть не каждый. Благодаря Руми он понял, что «Врата Господа - это врата, не имеющие границ. Куда бы ты ни дошел на этом пути, никогда не говори себе: «Этого хватит, довольно», - не останавливайся, двигайся дальше». В одном из своих произведений Руми говорит: «Каждый день я должен отправляться в новое путешествие и пройти новый путь». На этих идеях Руми сформировались собственные взгляды Икбала.

* Независимый Пакистан был создан в 1947 году. - Прим. науч. ред.

Как объясняет Икбал, жизнь дана людям не только для того, чтобы жить и существовать, но и для того, чтобы развиваться и достичь безупречности. Для того чтобы даже превзойти безупречность. Жизнь - это постоянно текущий поток прогресса и перемен. Люди приходят в этот мир, чтобы трудиться и чего-то достичь. Ценность человека измеряется его трудом. В Священном Коране говорится: «Для людей нет ничего, кроме того, что они делают и зарабатывают» (Св. Коран, 53:39). Люди вынуждены трудиться и зарабатывать себе на жизнь. Человек был создан для молитвы и поклонения. Но нельзя поклоняться, забившись в уединенный уголок и сидя там в бездействии. Поклонение - это работа и воспитание лучших качеств не только в самом себе, но и у своих родственников и своего народа.

И Руми, и Икбал отрекались от фатализма, который проник в ислам в более поздний период. Идея, что человеку не стоит ни о чем беспокоиться, надо поручить все заботы о себе Богу и, что как бы не распорядилась судьба, все сбудется, - это не исламская идея. Деятельность и активные устремления человека не всегда ведут его к успеху. Однако людям не следует опускать руки при неудачах, нельзя отчаиваться и впадать в бездействие. Надо продолжать бороться и повторять попытки. Поэтому Руми говорит: «Работа, не приносящая прибыли, лучше, чем бездействие». Икбал также писал: «Даже если ты редко добиваешься чего-либо, поскольку это результат тяжелого труда, тебе это зачтется как хороший поступок, даже если он и был дурным»²²⁰. Во всех своих стихах Руми отрицает фатализм и призывает к сознательной инициативности, к работе, борьбе и предприимчивости. В книгах Руми чувствуется ветер действия и жизни, они не успокаивают, а пробуждают: «Если бы дерево обладало способностью двигаться, если бы оно могло перемещаться из одного места в другое вместе с кроной и стволом, ему

²²⁰ Muhammad Iqbal, *Payam-i Mashriq*, p. 62.

бы не пришлось страдать от наказания пилой и выносить раны топора»²²¹.

Руми постоянно призывает к деятельности и борьбе. В восьмой строфе своей поэмы он повторяет: «Не пребывай в праздности. Путешествуй от себя к себе». Эта идея путешествия от самого себя к самому себе и поиска самого себя в самом себе является ключевым моментом системы мышления Мухаммеда Икбала. Икбал утверждает, что истинная цель жизни каждого человека - это самореализация его сущности, поиск самого себя в себе, использование скрытых в нем сил для служения прогрессу и продвижению всей вселенной. Человек должен постичь вложенный в него Божественный аманат (то, что отдано на хранение), полагаться на него, его мощью достигать великих вещей и, как сказано в Коране, человек должен быть наместником Бога на земле (Св. Коран, 2:30). Взгляд Икбала на жизнь таков: надо познавать самого себя. Поскольку он заставляет человека познать, что скрывается в его сути, его называют «пророком религии сути». Абдуррахман Джами (умер в 1492 году) говорит о Руми: «У него есть (святая) книга, но он не пророк». Поэт Гарамии говорит об Икбале: «Он принес людям известие о том, что сокрыто в них, он исполнял долг пророка, но называть его пророком нельзя».

Причина, по которой Мухаммед Икбал посвятил себя Руми и почел его своим духовным наставником, в том, что Икбал сумел передать мысли и взгляды Руми и, таким образом, обнаружил себя в Руми. Руми советует человеку узнать, что в нем сокрыто, и влюбиться в самого себя. В следующих стихотворных строках он говорит: «О, вы, кто не осознает правды, я хочу влюбиться в самого себя».

²²¹ *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1142.

А в другом стихотворении говорит: «Ты - иная версия божественной книги. Ты - зеркало Красоты Всевышнего, Который сотворил вселенную. Что бы ни существовало в этом мире, оно не существует вне тебя. Чего бы ты ни просил, проси этого внутри себя, ищи это в себе». Икбал выражает в своих стихах эту же мысль: «В твоей сути нет существования, кроме как существования Бога. В твоей сути есть проявление Божественного проявления. Не знаю, откуда появилась бы эта найденная жемчужина, если бы не существовало моря»²²². Руми использует эту же метафору следующим образом: «Какую бы жемчужину ты ни увидел, ищи внутри нее другую жемчужину, ибо все атомы говорят: “Внутри меня спрятано сокровище”»²²³. Икбал в другом своем стихотворении пишет: «Не смотри налево и направо, смотри на самого себя. Не печалься, что твоя сума пуста. В твоей груди спрятана полная луна».

Как может человек обрести самого себя? Как можно почувствовать, что сокрыто в тебе самом? Как мы способны найти то «Я», которое Юнус Эмре описывает как «“Я” внутри меня»? Известный поэт *мевлеви* Эсрар Деде однажды сказал: «Все время, пока я повторял: «Я, я», - я имел в виду Тебя». Мансур ал-Халладж восклицает: «Я есмь Истина». Великий суфий Саррадж пояснял: «Поскольку истинное существование принадлежит Господу, никто не имеет права говорить “Я”, кроме Него». Поистине, как может это смертное создание, которому суждено погибнуть, созданное из кожи, нервов, плоти и костей, сказать «Я»? Как известно, в человеке сосуществуют два «Я». Одно из них - «*рахмани Я*» («рахмани» означает «принадлежащий Господу Милосердному»). Второе - «*нафсани Я*», т.е. «чувственное» или даже «сатанинское», «обладающее дурным влиянием». «*Нафсани Я*» сбивает человека с пути истинного. Оно не поз-

222 Muhammad Iqbal, *Armagan-i Hijaz*, p. 173.

223 *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1426.

воляет ему найти свое истинное «Я» и обрести истину. Как говорит Визели Кайгусуз:

Я нашел эту дорогу, этот путь.

Нафс был завесой на пути, препятствием для меня.

Я читал, обрел понимание и сумел осознать,

Что это было завесой на пути, препятствием для меня.

Это «чувственное Я» действует подобно завесе для всех нас. Руми говорит: «До тех пор пока ты остаешься в пределах собственного “Я”, тебя не пропустят на твоём пути к самому себе. Но если ты сумеешь побороть свое эго и растворить свою сущность, тебя не оставят без присмотра. Более того, если ты сумеешь избавиться от стремлений к богатствам этого мира и мира последующего, на тебя начнут показывать, как на совершенное человеческое создание». Руми выражает эти же мысли в одном из своих стихотворений следующим образом: До тех пор пока твое существование остается с тобой, не сиди в комфорте, поскольку ты все еще поклоняешься идолам. Давай предположим, что ты подвергся испытаниям и сумел разрушить идола предположения (то есть отсутствия обладания полным знанием и построения гипотез). Но обретя высокое мнение о себе и возгордившись, что ты сумел разрушить этого идола, ты обретаешь еще одного неразрушенного идола для себя».

То эго, о котором говорит Руми в этих строках, – это эго телесное. Тот факт, что человек, разрушивший идола предположения, очень хорошо думает о себе, доказывает, что ему еще надо достичь истинной уверенности, полной веры, того, что обозначается словом *якин*. Как считает Руми, человек обретет истину только тогда, когда осознает свою собственную ценность и найдет свое реальное «*рахмани Я*»: «Если бы я осознавал мою истинную ценность и мое собственное величие во всей их полноте, я бы очистил полы моей одежды от пыли, праха и мирской грязи. Тогда, став легче духовно и очистившись от грехов,

я бы вознесся в небеса и поднял свою голову выше девятого неба». Как выражается Руми в этом катрене, через познание себя и своей собственной ценности человек может прийти к осознанию Божественного Договора в себе, то есть своего «*рахмани Я*».

Икбал по-своему объясняет «*рахмани Я*», о существовании которого говорится в коранической строке: «Где бы вы ни были, Он всюду с вами» (Св. Коран, 57:4), - в следующей строфе: «Есть возлюбленный, который сокрыт в твоём сердце. Если хочешь увидеть его, приди и позволь мне показать его тебе»²²⁴. Руми говорит об этом же в следующих строках: «Кто-то скрытый находится здесь, не думай, что ты одинок»²²⁵. И еще: «Мы осознали, что мы больше, чем просто это тело. За пределами этого тела мы живем с Господом»²²⁶. Как же нам следует искать этого скрытого возлюбленного, «*рахмани Я*», о котором говорят и Руми, и Икбал? После того как человек развил свой внутренний мир и поднял его до степени безупречности, после того как он стал идеалом, на который люди указывают с восхищением, после того как он обрел себя, он с Божьей милостью достигнет Престола Господня.

Когда мельчайшее эго сливается с универсальным эго, не приведет ли это к потере самого себя? Как считает Икбал, капля, которая падает в океан, не растворяется в нем, но ее присутствие будет ощущаться во всем океане. Достичь Бога - это не значит раствориться в существовании Бога, то есть достичь уровня *Фана филлах*, как считают другие суфии. По мнению Икбала, это значит найти Бога в себе, в своем собственном сердце. Святой свет Господень соединяется с внутренним огнем че-

224 Iqbal, *Esrar-i Hodi*, p. 19.

225 *Divan-i Kabir*, vol. I, no. 188.

226 *Mesnevi*, vol. V, no. 3340.

ловека, но не гасит и не затмевает его. И человек достигает безупречности благодаря тому, что оказывается в присутствии Всевышнего.

Интересна следующая строфа Икбала: «Если ты хочешь явственно увидеть и ощутить Бога, попробуй еще более явственно увидеть самого себя»²²⁷. Здесь Икбал приводит аллюзию на хадисы. В другом месте он говорит: «В глазах верующего человека тот, кто отрицает Бога, - неверующий. Но в моих глазах человек, который отрицает самого себя и то, что есть в нем самом, - еще больше неверующий»²²⁸. По мнению Икбала, человек уподобляется неверующим, если отрицает свое эго, которое еще ближе ему. Разве Бог не ближе к нам, чем мы сами? Эту истину выражает строка из Корана: «И Мы более близки к нему, чем яремная вена» (Св. Коран, 50:16).

Какова же разница между реализацией эго и реализацией Господа? Здесь Икбал подчеркивает важность реализации того эго, которое заложено в нас. Он утверждает, что реализация Бога возможна только после реализации собственного «Я». Когда человек погружается в самого себя посредством того, что издревле называют *тафассух ал-даруни*, - внутреннего контроля, или благодаря концентрации всего своего внимания на одном предмете, он устанавливает контакт между собой и Богом, который является Высшим Существом. И когда человек, наконец, чувствует и думает, что он - в Его присутствии и Бог видит его, он начинает испытывать восторг поклонения. Икбал говорит: «Поклонение слуги происходит через обращение его глаз к Богу. Его жизнь наполняется чувством Божественного Договора и видением самого себя без завесы».

227 Muhammad Iqbal, *Armagan-i Hijaz*, p. 154.

228 Muhammad Iqbal, *Cavitname*, pp. 119, 426.

Человек приближается к Богу, если он молится, совершает ежедневные ритуалы, умоляет Господа, концентрирует все свое внимание на одном предмете, раздает милостыню и совершает добрые поступки, предписанные Богом. В такой момент человек объединяется с Богом, не утрачивая своего собственного существования и своей личности, и выходит за пределы времени и пространства. Обращение, которое происходит не по принуждению, а исходит из глубины сердца, приближает человека к Богу, и он обретает Бога в самом себе и самого себя в Боге. В таком поклонении, самоуглублении, поиске и обнаружении самого себя Икбал видит Бога и его слугу как две сущности, что стоят рядом друг с другом. Никогда не забывая разницу между «Божественностью» и «служением Ему», между Создателем и его созданием, он утверждает существование обоих.

Встреча обычного смертного человека с Богом, который Вечен и Бесконечен, далека от подозрений в вере в реинкарнацию («хулул») и единение («иттихад»). Это не то состояние, когда конечное «Я» растворяется в Бесконечном. По мнению Икбала, это вхождение Бесконечного «Я» в сердце конечного эго. Это жизнь в соответствии с заповедью, запечатленной в хадисах:

«Меня не вмещают земля и небеса, но я вмещаюсь в сердце Моего верующего слуги, который любит Меня».

Это не атом, который теряется в бесконечности, а соединение двух сущностей, которые любят друг друга. Духовный союз с Возлюбленным невозможно описать. Господь сказал: «Где бы вы ни были, Он всюду с вами» (Св. Коран, 57:4). Но это состояние нельзя объяснить, используя логику или разум. Мудрец, познавший Бога, пытается объяснить это неопишемое состояние таким образом: «Каждую ночь перед рассветом мы приближаемся к Возлюбленному. Мы скрываем это путешествие даже от самих себя, потому что мы – незнакомцы даже для самих себя. Рядом с Ним и разум, и душа становятся плотными заве-

сами, что мешают нам. Они не позволяют нам разглядеть Возлюбленного. Поэтому, направляясь к Возлюбленному, мы оставляем позади себя и разум, и душу». Описывая это состояние, Икбал говорит: «Я не знаю ни себя, ни Его, но я знаю, что я погружен в Его любовь».

Этот союз не связан с доктриной реинкарнации (*“хулул”*). Как это описывает Руми: «Единство (*“таухид”*) - это не инкарнация. Это растворение твоего “Я”, твой побег от своего плотского “Я” и обретение *“рахмани Я”*». Икбал выражает это следующим образом: «Наш союз - это союз в состоянии расставания. Развязать этот узел невозможно, не взглянув на него. Жемчужина погружена в море, но морская вода - это не вода жемчужины».

Обретение того «Я», о котором говорят Руми, Юнус Эмре и Икбал, - это не то, чего может с легкостью достичь каждый. Это то, чего может достигнуть Безупречный Человек.

Как считает Икбал, если человек действительно становится тем, кто возлюбил Господа, он преодолевает все препятствия на той тропе, что ведет нас к своему «Я». Величайшее препятствие на пути к Господу, на тропе, что ведет нас к своему «Я», - это страх. Страх - это противоположность любви и то чувство, которое наносит вред религии и вере. Если кто-то боится кого-либо или чего-либо, помимо Бога, он впадает в грех, именуемый «ширк» - придание партнеров или спутников Всевышнему. Даже страх Божий не сопоставим с той любовью, которую ощущают к Нему. Следующие строки Яхьи Кемалья, известного турецкого поэта, - эхо чувства, описанного Икбалом: «Он не стыдится самого себя, и он стыдится других». У тех, кто не стыдится своего «Я» в самих себе, но кто стыдится людей вокруг себя и стремится избежать критики со стороны, незавидная участь. Руми выражает эту же истину в одной из своих поэм следующим образом: «Если ты возлюбил любовь и ищешь любви, возьми ост-

рый кинжал и перережь горло чувству стыда. Знай же, что стыд - огромное препятствие на пути тех, кто идет по пути Господа. Эти мои слова - совет, искренне данный тебе от всего сердца. Восприми его с радостью»²²⁹.

Как считает Икбал, кратчайший путь к «Я» - это любовь. Для странника на пути к Богу необходима любовь нескончаемая, та, что углубляется и увеличивается с каждым мгновением. Мнение Икбала совпадает с взглядами Руми: любовь - это ключ, который открывает любые двери. Любовь является абсолютно необходимым условием для того, чтобы развивать свое «Я». Влюбленный не исчезает в море любви. Наоборот, в море любви он обретает себя и набирается сил. Благодаря способности любить, которую Всевышний даровал человеку, человечество дойдет до определенных ему горизонтов человечности. По словам Икбала, человек был изгнан в этот мир из-за пшеничного зерна. Глоток вина божественной любви, который он изопьет в этом мире, вернет его обратно, туда, откуда он пришел. Он так высоко ценит любовь, что утверждает: «Мусульманин, который не относится к тем, кто возлюбил Господа, - неверующий». Икбал верит, что «Я», которое существует в человеке как Божественный аманат, набирается сил благодаря любви:

Есть точка света, чье имя - «Божественное Эго», и она представляет собой искорку жизни за гранью нашего тела, которое есть всего лишь пригоршня праха. Любовь спасает то «Я», что есть в нашем теле, от смерти. Она делает его более живым, более ярким и пылко горящим. Когда оно загорается и пламенеет любовью, скрытые возможности сердца развиваются и растут. Его создание вспыхивает от любви. Оно учится просвещать любовью весь мир. Любовь не боится меча или кинжала, ибо суть любви отлична от четырех элементов. Она не из воды, ветра или земли. Камни не могут вынести взгляда

²²⁹ *Divan-i Kabir*, vol. I, no. 213.

любви, они рассыпаются в песок. Возлюбивший Господа, в конце концов, сам становится Богом. Научись любить и быть влюбленным. Ищи себе возлюбленного, проси глаз, которые плачут, словно Нух, и сердца терпеливого, как Айюб. Из пригоршни праха рождается алхимия. Прислонив свою голову к двери «безупречного человека». Подобно Руми, зажги свет в сердце, зажги его свечу. Распространи огонь от Тебриза до Анатолии²³⁰.

Давайте приведем несколько примеров из поэзии Руми, который возжег огонь любви в сердце Икбала семь столетий спустя и, таким образом, распространил огонь любви не только до Анатолии, но и до Индостана. В этих строчках мы явственно видим, какое влияние оказал Руми на Икбала:

Любовь превращает безжизненный хлеб в вино души, она делает смертную душу бессмертной²³¹.

Благодаря любви горечь становится сладкой. Благодаря любви медь превращается в золото. Благодаря любви забродившее вино становится прозрачным. Благодаря любви беды превращаются в избавление. Благодаря любви мертвые обретают жизнь. Благодаря любви король становится рабом²³².

Знай, что возмущение небес происходит благодаря волнам любви. Если бы не любовь, мир бы замерз и застыл²³³.

В «Диван-и Кабир» Руми тоже есть много строф, посвященных этому вопросу:

Каждая часть, каждая крупница мира погружена в любовь. Каждая часть его опьянена воссоединением.

Но эти влюбленные не делятся с тобой своими секретами, поскольку секрет открывают только тому, кто достоин.

230 Muhammad Iqbal, *Esrar-i Hodi*, p. 19.

231 *Mesnevi*, vol. V, no. 2014.

232 Там же, vol. II, no. 1529.

233 Там же, vol. V, no. 3854.

Если бы небеса не были влюблены, их свод не был бы столь ясным и чистым.

Если бы солнце не было влюблено, тогда не было бы такого света, такого сияния на его лице.

Если бы земля и горы не были влюблены, то на них не выросло бы ни единой травинки.

Если бы море не осознавало любви, оно бы не колыхалось так, оно бы замерзло и застыло в неподвижности²³⁴.

Икбал, который придает любви такое же большое значение, что и Руми, обращается к ней с мольбой, говоря: «Приди, о любовь! О тайное предназначение нашего сердца! Приди! О наше поле, наш урожай! Приди, эти человеческие существа, созданные из глины, состарились и устали. Приди, создай нового человека из нашей глины»²³⁵.

Согласно Икбалу, то, что заставляет нас найти в себе самих себя и обнаружить свое «Я», – это не только любовь. Это еще и любовь к хадисам, где сказано: «Бедность – моя гордость». То, о чем сказано в хадисах, – это не материальная бедность. Это, скорее, призыв не ценить богатства и деньги, а выполнять свои обязательства. Не нуждаться ни в чем, не зависеть ни от кого и быть властелином мира именно благодаря такой бедности – вот идеал Икбала.

Очень важно не заблуждаться в оценке этого момента. Противоположность законного дохода – это не бедность и даже не нищета, а нищенствование. Вместо того чтобы просить у кого-то хоть малую частицу чего бы то ни было, следует довольствоваться тем, что имеешь. Человек, который кланяется тому или склоняется перед этим, даже ниже собаки. В своей поэме «Рабство» Икбал говорит: «Человек стал рабом другого из-за

²³⁴ *Divan-i Kabir*, v. VI, no. 2674.

²³⁵ Iqbal, *Payam-i Mashriq*, p. 56.

того, что ему не хватало разума и предвидения. Он был обладателем драгоценного эликсира «Я». Он принес его в жертву Кубаду и Джамшиду, привыкший к рабству, он стал ниже собаки. Я никогда не видел собаки, которая склонялась бы перед другой собакой»²³⁶. Как утверждает Икбал, обращение с просьбой к кому-либо ослабляет твое внутреннее «Я»: «Твое «Я» распадается на кусочки, когда ты рассказываешь кому бы то ни было о своей нужде и обращаешься с просьбой. Тогда на дереве, что на Горе Синайской твоего «Я», не проявляется свет. Как счастлив испытывающий жажду человек, который находится под палящим солнцем и не просит стакана воды даже у Хызра»²³⁷.

По мнению Икбала, те смелые люди, которые с любовью и верой развивают в себе человечность, найдут дорогу к своему «Я». Эти счастливицы очищены от всех пороков и изъянов, поскольку они - возлюбившие Господа. Руми говорит о том же: «Тот, чьи одежды были порваны из-за любви, очищен от амбиций, изъянов и пороков. О наша любовь, которую так приятно испытывать, живи долго! О лекарь всех наших болезней!»²³⁸. Человек, который очищен любовью и достиг безупречности, находит Господа в себе, поскольку нашел самого себя в себе и нашел то, что есть в нем самом. С этого времени человек, который нашел Бога, не должен повышать голос во время молитвы, причитать и взывать к далеким пространствам. В «Маснави» Руми пишет: «О Господи, когда ты ближе ко мне, чем моя яремная вена, как могу я призывать Тебя, выкрикивая «О! О!», ведь так зывают к тому, кто далеко»²³⁹. Наше крохотное «рахмани Я» не отделено от универсального Бога. Как сказал один мудрец: «Люди Бога - не Бог, но они и недалеко от Бога». Другой поэт гово-

236 Iqbal, *Payam-i Mashriq*, p. 157.

237 *Esrar-i Hodi*, p. 25.

238 *Mesnevi*, vol. I, no. 23.

239 Там же, vol. VI, no. 668.

рил: «Я не говорю о воссоединении с Возлюбленным, поскольку я никогда не был вдалеке от Возлюбленного».

Однако Икбал утверждает, что благодаря ощущению «рахмани Я», той частицы «рахмани», которая есть в людях, можно легко найти путь к целому. Это состояние невозможно объяснить логически, это вопрос чувства и ощущения. В одном из катренов Руми говорит: «Человек достигает такого состояния, такого уровня, что без материального взгляда он может в любой момент увидеть Друга». Невозможно представить себе более сильную духовную радость, чем ощущение Того, Кто внутри себя. Как прекрасно Руми объясняет это душевное состояние: «Если ты на мгновение ощутишь себя близ Возлюбленного, то в это мгновение ты испытаешь то, что тебе отмерено от жизни. Не позволяй этому мгновению исчезнуть, ибо такой счастливый момент не всегда можно пережить еще раз»²⁴⁰.

Икбал нашел в книгах Руми такие аспекты, которые соответствовали его духу, склонностям и вере. В Руми есть постоянное действие, движение, динамизм. В нем всегда присутствует идея обнаружения искры Божественного аманата в себе, «рахмани Я» в себе и того, что человек влюбляется в эту искру. Икбал был зачарован этими мыслями. Он также полностью принял идеи Руми о том, что представляет собой *инсан ал-камил* - идеальный человек. Руми был человеком, возлюбившим Господа. Он говорил: «Отбрось отрицание и начинай свои слова с утверждения. Отрицать существование чего-либо - значит утверждать его существование»²⁴¹.

Икбал избрал Руми своим духовным предводителем и наставником. «Я обрел уважение благодаря благословию Руми»²⁴².

240 *Rubaiyat in Divan-i Kabir*, vol. VIII, 1667.

241 *Mesnevi*, vol. I, p. 640.

242 *Armagan-i Hijaz*, p. 107.

Я обрел долю его света и тепла. Моя ночь стала днем благодаря его звезде»²⁴³. В другом катрене он говорит: «В Руми есть печаль, есть огонь, который не кажется нам незнакомым. Его союз говорит о путешествии за грани расставания. Человек ощущает всю красоту любви в звуках его флейты и получает свою долю благословения от Величия Господа»²⁴⁴.

Великий ученый и поэт Мухаммед Икбал, который был знаком с лучшими поэтами, писателями, учеными, исследователями и философами Востока и Запада, читал их книги и знал их идеи и чувства, но он обрел себя в Руми. Руми стал для него зеркалом. Как видно из приведенных выше примеров, Икбал выражает ту любовь и то восхищение, которое он испытывал к Руми, при каждом случае: «Руми превратил прах в эликсир бытия. Он обрел во мне, который не более ценен, нежели этот прах, очень много проявлений. Как будто песчинка из пустыни отправилась в путешествие, чтобы обрести свет от солнца. Я - волна. Я устроился в его море, чтобы обрести там яркую жемчужину. Руми, который неразделен с Господом, проявился во мне. Это был тот Руми, что сотворил поэму, которую называют Кораном на персидском языке. Он сказал мне: "О смущенный влюбленный! Отпей глоток этого прозрачного вина божественной любви"»²⁴⁵.

Во всех своих книгах, начиная с «Секретов своего эго» и до последней, опубликованной после его смерти - «Армагани Хиджаз», Мухаммед Икбал берет себе примером Руми, своего духовного наставника, и черпает у него вдохновение. В «Джавиднаме», книге, которую считают шедевром Икбала, автор призывает дух Руми, читая одну из его од, и в обществе Руми он в

²⁴³ *Armagan-i Hijaz*, p. 105.

²⁴⁴ *Там же*, p. 106.

²⁴⁵ *Esrar-i Hodi*, p. 8.

духовном путешествии поднимается на небо. В своей «Божественной комедии» итальянский поэт Данте (1265-1231 гг.) следует за знаменитым древнеримским поэтом Вергилием в своем воображаемом путешествии, которое он предпринимает в попусторонний мир, чтобы найти свою возлюбленную. Вместе они посещают ад, чистилище*. В своем духовном вознесении к небесам Икбал избрал проводником своего дорогого Руми, и с его благословения они достигли Божественного Присутствия. Пройдя вместе через многие уровни небес, они, наконец, достигают седьмых врат, высшего уровня рая. В раю они встречаются и беседуют преимущественно с восточными учеными, поэтами и правителями. Душа Икбала не может обрести покой даже в раю. Он не слушает даже нежных слов прекрасных гурий. Никто не может удержать его от путешествия к Богу. Духовное путешествие Икбала, возлюбившего Господа, заканчивается в присутствии Бога.

Икбал задает Руми вопрос и, вдохновляясь воображаемым присутствием Руми, вкладывает в его уста ответ: «Однажды я спросил: «Что это такое - идти к Богу? Как может человек сокрушить гору из воды и земли?» Поэт спрашивает, каким образом возможно реализовать слова Руми. Каким образом можно ликвидировать плотность нашего тела, сложенного из земли и воды? Как можно из физического мира достичь тела духовного? Повелитель и Создатель находится вне обоих миров - и физического, и духовного. Мы запутались в паутине этого мира. Как могут быть возможными какие-либо отношения между Богом, который создает все и повелевает всем, что происходит, и человеком, который сотворен и теперь оказался пленником в паутине этого мира? Он сказал: «Если власть дана твоей руке, ты можешь легко сокрушить небеса». Здесь слово «власть» - это

* У входа в рай Вергилий расстается с Данте, поскольку, будучи язычником, не имеет права туда войти (Рай, Песнь 1). - Прим. перев.

аллюзия на коранический аят: «О сонмище джиннов и людей! Если вы в состоянии проникнуть за пределы небес и земли, то проникайте. Но вы не проникнете [туда] иначе, как по указанию [Аллаха]» (Св. Коран, 55:33). Если божественная власть дарована человеку, то в это мгновение он может совершать удивительные вещи, которые не поддаются логическому объяснению. В это время тело, этот комок глины, не будет мешать вознесению в небеса.

Осознай же, что эта вселенная нага и стряхивает прах измерений с твоих одежд! Если человек осознает свое эго в Божественном Свете, то в его глазах эта вселенная будет спасена, будет избавлена от измерений времени и пространства. То есть он будет свободен от законов физики и войдет в безвременье и беспространственность Божественного Порядка. Если человек не соединяется с властью Божественного Султана, то он по уровню не выше животных и насекомых. Он умирает, подобно животным, прежде чем достигает реальной человечности, и не может обрести жизнь вечную. О добрый человек, ты пришел в этот мир, и с момента рождения перед тобой лежат четыре направления. Ты можешь снова уйти из него тропой своего рождения, а можешь сам разорвать свои путы. Но это второе рождение - оно не из воды и глины. Только обладающий сердцем знает это.

В книге «Реконструкция религиозной мысли в исламе» Икбал основывает свою идею второго рождения на строках из Корана: «Скажи: «Ступайте по земле и посмотрите, как Он создал творение в первый раз. Потом Аллах создает в последний раз. Воистину, Аллах над всем сущим властен» (Св. Коран, 29:20). В этом аяте Икбал читает слово «*ахира*» - «последний» как «*ахир*», что означает «другой». Поэтому он переводит эту строку, как «родится еще раз».

В различных книгах, посвященных жизни и творчеству Руми, есть разделы, посвященные суфизму и «*вахдат ал-вуджуд*»,

где эти проблемы обсуждены достаточно подробно. Поскольку я придерживаюсь взгляда, что эти вопросы невозможно понять, опираясь на разум и логические рассуждения, в этой книге я не стал выделять эти вопросы в самостоятельный раздел. Я попытался дать моим дорогим читателям возможность не *осознать* эти проблемы, а *почувствовать* их, приводя, где это было уместно, примеры из творчества Руми. Я также использовал примеры из книг Икбала, который обрел свои взгляды и чувства благодаря Руми. Я попытался помочь моим читателям разобраться в этих сложнейших вопросах. Вот почему я уделил этому моменту так много внимания.

Руми и Платон

Греческий философ Эпиктет сравнил человечество с рабами, которые сбежали от своих хозяев без разрешения, чтобы посмотреть театральное представление. На сцене идет прекрасное представление. Рабы следят за ним, но постоянно оглядываются на вход в театр, поскольку опасаются, что в любой момент туда может войти их хозяин, и они будут наказаны. Поэтому они не могут от всей души наслаждаться пьесой. Их беспокойство и страх отбирают у них всю радость.

Как считал философ, мир похож на огромную театральную сцену. На ней идет прекрасная и хорошо поставленная пьеса. В то же время мир похож на музей, полный великолепных произведений искусства. Мы, люди, хотя и живем в этом чудесном музее, не имеем возможности подробно рассмотреть все, что вокруг нас. Мы не можем тщательно изучить все мелкие детали музейных экспонатов, поскольку все мы чрезвычайно заняты своей повседневной работой. У всех у нас есть обязанности, которые надо выполнять. Мы должны зарабатывать себе на жизнь, и это заставляет нас быть рабами жизни. По этой причине мы

не способны задумываться о драме жизни, которую представляют на сцене, о шедеврах вокруг нас и о Создателе всего этого.

Если бы мы руководствовались нашим разумом и нашим сердцем при изучении науки и технологии, мы были изумлены тем многим, что видим: от мельчайшего атома до громаднейшего создания, в нашем собственном мире и в бесконечном пространстве небес, в других мирах, других звездах и солнцах с их бесконечным вращением... Нам незачем далеко заглядывать. Достаточно просто заглянуть в свое собственное тело. Каждый человек - это вселенная, состоящая из миллиардов клеток. Незаметно для нас самих эти миллиарды клеток трудятся нам на благо. А наш разум? Города, в которых мы бываем, горы, которые мы пересекаем, встреченные нами люди, прочитанные книги - все запечатлевается в нашем мозгу и откладывается в памяти. Какой же это чудесный архив! Даже голос друга, с которым мы не виделись несколько лет, хранится в нашей памяти. Мы можем узнать голос друга, даже если не видим его лица. Наш мозг, самое драгоценное, что есть в человеке, помещен в крепкий футляр, тщательно уложен и упакован рукой мастера. Сколько архитекторов, сколько химиков, инженеров и физиков трудились вместе, чтобы приготовить план этой загадочной лаборатории человеческого тела, и сооружали этот шедевр - тело человека?

Мир состоит не только из людей. Живых существ миллиарды и миллиарды - от микроскопических бактерий и микробов до слонов. Каждое существо, как и человек, создано чудесным образом. Изящество и совершенство крыла комара далеко превосходят крыло гигантского самолета. Пчелы с такой точностью лепят свои соты! Крохотный утенок умеет плавать с того момента, как он вылупился из яйца. Лошади, которых доставил в Америку Христофор Колумб, умели отличить на новой для

себя земле съедобные растения от ядовитых, хотя таких растений они никогда не видели в Европе.

Число растений тоже бесконечно. Они выросли своими корнями в землю и не могут передвигаться, но они могут питаться, дышать, размножаться и, в конце концов, умирают. Упорядоченность их листьев, служащих им легкими, красота цветов, цвет и вкус их плодов - что все это такое? Движение и жизнь присутствуют даже в тех предметах, которые мы считаем безжизненными. Изучение атомного строения вещества и новые открытия доказали, что мельчайшая частица вещества вращается вокруг атомного ядра с головокружительной скоростью. Где же тот Художник, который создал все это в соответствии с точнейшими расчетами? Кто создал это искусство и заставил нас замереть в восторженном удивлении перед красотой, которую Он создал? Кто владелец всех этих шедевров, которые мы видим? Кто создал все существа? Помню два куплета из небольшого стихотворения, которые нас заставляли учить наизусть, когда я был ребенком:

Когда ты читаешь книгу,
То спрашиваешь, кто ее написал.
Когда ты видишь красивое здание,
Тебе хочется узнать, кто его построил.

Разве у небес и земли нет хозяина?
Когда человек задумывается об этом, то понимает,
Что все вокруг доказывает нам:
Есть Великий и Всемогущий Бог.

Так где же этот великий Творец, который произвел все точные вычисления, тщательно все обдумал и правит вселенной, где неизменны правила? Как нам следует искать Господа, который демонстрирует величайшее искусство в каждом атоме? Безупречного создателя, который украсил целую вселенную, включая нашу собственную Землю, великолепной красотой, сокрыт за

Своими трудами. Сделав Свои творения завесой для Себя, Он не показывается открыто.

Великий философ Платон и великий праведник Руми вкладывали одинаковые усилия в то, чтобы искать, найти, понять и сделать понятным для других Творца, создавшего вселенную. Их идеи и чувства были очень близки и похожи. Однако Платон в своих поисках истины и открытия тайн вселенной руководствовался своими мыслями и чувствами, тогда как Руми избрал в качестве метода поиска свою веру и вдохновение.

Как можно объяснить тот факт, что идеи Платона и Руми по некоторым проблемам полностью совпадают? Истина была явлена смертным, начиная с Адама. Кто знает, может быть, на Платона оказали влияние великие религии и философские течения, которые существовали до него. Может быть, отдельные фрагменты истины в его книгах - это то, что дошло до него от этих великих религий. Мировые религии единогласно веруют в Единого Бога. Надо сказать, что некоторые мусульманские мыслители считали Платона одним из тех упомянутых в Коране пророков, которые не названы по имени. Возникает вопрос: а были ли знакомы Руми труды Платона? Вполне вероятно, что да. Даже если познаний Руми в греческом языке было недостаточно, чтобы читать и понимать эти труды*, то следует учитывать, что труды таких великих древнегреческих философов, как Платон и Аристотель, были переведены на арабский язык во времена Аббасидов.

Давайте сделаем краткий обзор некоторых мыслей и верований, которые оказались общими для Руми и Платона. И Платон, и Руми утверждают, что наша жизнь, которую мы прожи-

* Согласно мнению британских и российских авторов, в стихах Руми, кроме строф на тюркском (старотурецком) языке, есть строфы, написанные по-гречески. - Прим. ред.

ваем, должна иметь какие-то истоки. Оба они считали, что наши души пребывали в каком-то другом мире до того, как начали свое существование на земле. Платон называл этот мир «Миром идей», «Миром примеров», Руми - «Миром духов» или «Миром душ».

Как считал Платон, в том мире, где ранее пребывали наши души, было сосредоточено все лучшее, все самое красивое и безупречное из того, что мы видим в нашем мире. То, что мы воспринимаем с удовольствием в этом мире - красивое лицо, прекрасный пейзаж, изящное произведение искусства, чудесная музыка, - лишь напоминает нам о том необыкновенном, что мы видели в мире духов. Те прекрасные вещи оставили следы воспоминаний о себе в наших душах. Поэтому Платон говорит: «Узнать новое означает лишь вспомнить то, что было известно нам раньше».

Согласно Руми, наша истинная родина - это вселенная, которая представляет собой «Мир абсолютной красоты». Мы - незнакомцы на этой земле. Все люди - странники, пришедшие на эту землю. Та вселенная, которую Платон называет Миром идей, - это наш утраченный рай. Мы были изгнаны из того мира в этот. Руми объясняет в «Маснави»:

Как только человек, который прожил в городе много лет, засыпает, его глазам предстает другой город, полный доброго и дурного. И этот город не всплывает в его памяти, так что он мог бы сказать: «Я прожил здесь много лет; этот новый город - не мой, здесь я только заложник». Нет, он думает, что действительно всегда жил в этом городе, родился и вырос в нем. Так стоит ли удивляться, если дух не помнит свое древнее обиталище, которое издавна было местом его рождения и затем проживания, поскольку этот мир, как сон, накрывает все, - как облака накрывают звезды?²⁴⁶

²⁴⁶ *Mesnevi*, vol. V, no. 3628.

Это место для нас - как место изгнания, и наши души - пленники в наших телах. Руми говорит в одном из своих стихотворений: «Где я, что это за тюрьма? Чью собственность я украл, что меня заключили в тюрьму этого тела?» Мы испытываем беспокойство, поскольку отделены от нашей истинной родины, которая есть в мире духов. Он глубоко тоскует по этому поводу в начале «Маснави». Мы страдаем, поскольку разлучены с нашей родиной.

Что такое смерть по мнению Руми? Смерть - это избавление от мира, полного страданий, это возвращение на нашу истинную родину. Поэтому смерть - это освобождение. Это освобождение души из темницы тела, возвращение в мир духов ради воссоединения с Абсолютной Красотой, и по этой причине смерть перестает быть чем-то ужасным и становится приятной. Вот почему ту ночь, когда Руми скончался, назвали «*шаб-и арус*» - «брачной ночью».

«В день моей смерти, когда мой гроб понесут прочь, не думайте, что я обременен страданиями и болью этого мира. Когда вы увидите мои похороны, не плачьте: «Разлука! Разлука!» День моей смерти - это день, когда я достигну союза с Возлюбленным».

Это та же вера, которая заставила Мансура ал-Халладжа без сожаления расстаться с жизнью на виселице. Это та же вера, благодаря которой Фаридэддин Аттар привел в ярость монгольского воина, пожелавшего продать его в рабство, и отправился навстречу смерти с полным ее осознанием. Та же вера заставила сейида Насими без единого слова жалобы подчиниться избиению, которое разрывало его тело на куски. Эта же вера позволила учителю Платона, Сократу, весело выпить чашу цикуты и идти к смерти, не испытывая тревоги. В качестве предупреждения полезно прочитать следующую историю, которую Платон приводит в своей книге «Федон: Бессмертие души».

Как разъясняет Платон, все, что мы видим в этом мире, подвергается постоянному изменению. Все в этом мире неоспоримо и имеет свои изъяны. Все лучшее из того прекрасного, что чарует нас в этом мире, самые лучшие из изумительных вещей, которые пленяют наши сердца, находятся в Мире идей, т.е. в Мире образов. Поэтому нам не следует горевать из-за красоты, которая погибает в этом мире.

Руми в поэме, где говорится об аналогичных вещах, говорит: «Оригинал каждого предмета, каждой картины, которую ты видишь в этом мире, находится в Мире духов. Пусть тебя не беспокоит, что картина погибла. Не печалься о том, что каждое красивое лицо, которое ты видел, каждая изящная фраза, которую ты услышал, исчезли, ибо истина не состоит в том, что ты видишь и знаешь в этом мире».

Как утверждает Руми, после того как мы были изгнаны в этот мир, Всевышний дал нам возможность заслужить отпущение. Не дожидаясь прихода смерти, мы можем вознестись к миру духов, если сумеем обуздать наши страсти и избавиться от мирских желаний. Перед нами находится лестница любви, по которой мы сможем подняться выше: «С того дня, как ты попал в этот сущий мир, у тебя есть лестница, чтобы ты смог взойти». Руми очень часто думает о наших душах, как о заключенных в темнице телах, и придумывает способы бегства. Весенним днем, гуляя в саду, он замечает, что ветки, которые в середине зимы выглядели мертвыми, ожили, выпустили бутоны и листья. Бутоны разрывают свою твердую оболочку и похожи на флаги победы, которые вывесили в ознаменование радости и воодушевления. Великий поэт и мыслитель Руми спрашивает у листьев: «О лист, должно быть, ты нашел силы заставить почку распуститься, чтобы ты смог выйти на волю. Что ты сделал, чтобы освободиться из заключения? Скажи, скажи нам все, чтобы мы

смогли последовать твоему примеру и освободиться из этой темницы».

Руми часто напоминает человеку, который был изгнан из мира духов в наш мир, что надо пытаться понять, кто он таков и откуда пришел, что ему необходимо оторваться от земли и вернуться в свой родной дом: «Думай о себе, пытайся понять себя. Выйди из себя, отправься в путешествие в поисках твоей истинной родины. Уйди подальше от темницы материального мира, странствуй, направляясь к миру духа. Ты - птица из священного мира духа. Жаль мне, если ты примешь этот смертный мир и пожелаешь остаться в нем!» Здесь мы видим суть идей Руми: Мы не должны быть прикованы к этому миру и материальному благополучию, к сиюминутной красоте и эфемерному наслаждению. Нам следует искать Вечную красоту, помнить Бога, Творца всей вселенной, найти Его в наших сердцах и в своем сознании и истинно любить Его.

Это и есть истинная любовь, платоническая любовь, названная так именно в честь Платона. Это так легко - любить призрачную красоту, ту, которая так или иначе утрачивает свою привлекательность, но Самое Прекрасное из всего, что есть красивого, Того, кто скрывает Себя за Своими творениями и созданиями, Того, о Ком знают, но Кого не видят, Того, кто бесконечен и бессмертен. Как мы можем найти Величайшего, который создал не только красоту и все, что только есть, красивое, но и вообще *все*, - единственного Бога? Как нам любить Его? Каждый видит Господа по-своему. Господь виден каждому в соответствии с мыслями, пониманием и кругозором каждого. Следует ли нам смотреть на Господа так, как смотрел на него пастух, которого увидел Муса?

Хорошо известная притча из “Маснави”, поясняющая эту мысль: «Однажды Муса увидел пастуха. Он услышал, что пастух обращается к Богу следующими словами: «О Господи, ко-

торый выбирает все, что пожелает, где Ты находишься, чтобы я мог стать Твоим слугой и шить Тебе обувь и расчесывать Тебе волосы? Чтобы я мог стирать Тебе одежду и приносить Тебе молоко, О Благословенный, чтобы я мог целовать Твои руки и растирать Твои ноги, когда Ты ляжешь спать, и подметать Твою комнату. О Ты, кому я готов принести в жертву всех моих коз, о Ты, в честь кого - все мои крики О! и А!» Муса поругал пастуха за его неподобающие речи, но, в свою очередь, удостоился за это упреков от Бога. Каждый человек понимает и ощущает Бога в соответствии с собственным разумом и своими возможностями и той милостью, которой одарил его Всевышний. Господь проявляет Свою власть во всем, в каждом атоме. Нельзя не вспомнить знаменитые строки Саади: «Мудрый видит, что каждый листок, трава и деревья - это книга, рассказывающая о Боге и Его искусстве».

Платон в своих поисках Бога действовал, опираясь на разум и логику. Путь Руми, с другой стороны, - это путь сердца: «И внутри моего сердца, и снаружи его - Он. Он - это душа, вены, кровь моего тела. Откуда в таком случае взяться неверности и вере? Моя сущность более не существует, поскольку Он стал всем моим существом». Руми ощутил Прекраснейшего из всего, что есть прекрасного, прежде всего в самом себе. Тогда он нашел Его во всем, в каждом атоме. «Не говори, что Его здесь нет. Сказать тебе правду, где Он есть? Он - во всей вселенной. Но где же глаз, который увидит Его?» В другом стихотворении Руми говорит: «Может ли быть более красивый друг, чем ты сам? Может ли быть что-либо прекраснее, чем видеть свой собственный облик? Господи упаси, конечно же, нет! О моя красота, о мой Возлюбленный, мне достаточно того, что Ты существуешь в двух мирах. Где бы ни проявлялось что-либо красивое, - это отблеск Твоего света». Когда сила и мощь Господа ощущаются в каждом атоме, в каждом существе, то вполне естественно обнаружить Его, Вездесущего, Всевидящего:

«Куда бы я не припадал головой, Он - единственный, в чьем присутствии склоняются головы. Он - единственный Бог в шести направлениях и со всех шести направлений. Виноградник, роза, соловей и прекрасная возлюбленная - все это только предлоги. Цель всего этого - только Он».

В диалоге Платона «Процветание» есть притча о пещере. Как говорит Платон, мы все - словно рабы, которые заключены в большую пещеру и сидят там спиной к входу, с крепко связанными руками и ногами. У входа горит большой костер. Мы видим на стенах пещеры движущиеся тени тех, кто носит грузы на спине и при этом разговаривает между собой. Но мы ничего не понимаем из движения теней и приглушенного шума голосов, которые едва доносятся до нас. Подобным же образом мы видим существа и вещи, которые есть в этом мире, как изображения. Ибо, как у рабов, у нас связаны руки и ноги. Мы не можем выйти наружу и не можем увидеть истину. Мы видим только тени.

В этой притче Платон хочет сказать, что рабы - это наши души, заключенные в темницу наших тел. Дух, заключенный в тело, пытается разгадать суть теней, мелькающих на стенах пещеры Платона (как изображения, которые мы сегодня видим на киноэкране), считая их реальными, и, таким образом, обманывает себя. Чтобы узнать реальную жизнь, мы должны увидеть не тени, а то, что эти тени отбрасывают, или Того, кто заставляет эти тени появляться.

Выдающийся мыслитель Эмерсон* говорит: «Если мы будем считать видимый мир символом реального мира, то видимые вещи - это изображения невидимых вещей». Это повторение то-

* Эмерсон, Ралф Уолдо (1803-1882) - американский философ, эссеист, поэт. Родоначальник трансцендентализма (основная идея - интуитивное постижение макрокосма через микрокосм). - Прим. перев.

го, о чем говорили Платон и Руми. Однако среди изображений, отражающихся из мира духа в этом мире или в мире, который получает видимые изображения из невидимого мира, высшим существом остается человек. В человеческом духе есть что-то, доверенное человеку на хранение, божественная искра от Высшего Существа, создавшего вселенную. Халиф Али говорит: «Ты считаешь себя маленьким, но в тебе сокрыта величайшая вселенная». Шейх Галиб также говорит: «Заботься о себе, ибо ты - квинтэссенция вселенной, ты - человек, который стал зеницей ока миров». Воистину в человеке, самом благородном из всех созданий и квинтэссенции вселенной, есть духовная сущность, божественная искра, которую не найти ни в каком другом существе. Эта божественная искра страстно стремится к своему источнику, она спешит и торопится за пределами нашего материального существа, она дрожит, она пылает и находится в постоянном духовном поиске Его.

Руми сообщает нам добрую весть, что в человеке есть жемчужина Божья: «В тебе есть нечто, что без твоего ведома ищет Его. Это жемчужина в твоей душе, которая из Его моря». Следовательно, человек - самое благородное создание во вселенной и самое высокое.

Благодаря Божественному аманату, от которого отказались другие существа и который в итоге был вручен человеку, человек украсил этот мир и изобрел много чудесных и удивительных вещей. Руми, восхваляя превосходство человечества, говорит: «Мы - сокровище тайн Господних. Мы - бесконечное море, полное жемчужин. То, что существует во всем сущем, от луны до рыбы, - это наша суть. Это мы сидим на троне превосходства. Мы - вознесенные выше всех». Когда человек осознает и понимает, что есть в нем, он обнаруживает истину. Но человек не способен найти истину своего собственного существования. Он не может войти в город собственного тела.

В одной из своих поэм Юнус Эмре писал:

В град моего тела
Я хотел бы войти ненадолго.
Лицо моего Султана
Я там хотел бы увидеть.

Не так-то просто войти в город своего тела и увидеть там Правителя. Руми говорит: «Хозяин, путешествуй от себя к себе и ищи себя в самом себе». Таким образом, Руми даже опережает Платона, который ищет истину благодаря усилиям своего разума, и погружается глубоко в сердце человека. Так он открывает человека и ту суть, которая является человеком. «О душа, кто твой возлюбленный, ты знаешь? О сердце, кто твой гость, ты не узнало?» Для того, кто нашел Гостя в себе и полюбил Его, не может быть разлуки. В то время как другие борются за обретение этого союза и горят желанием встретиться с Возлюбленным, Руми повторяет: «Я не говорю о встрече с Возлюбленным, я не упоминаю о союзе, поскольку я никогда не расстался с Возлюбленным».

В Коране есть много строк, где говорится о превосходстве человека над другими созданиями Божьими и о том, что он был создан с лучшими качествами и всеми добродетелями: «Мы даровали почет сынам Адама» (Св. Коран, 17:70), «Мы сотворили человека в прекраснейшем облике» (Св. Коран, 95:4).

Постараемся понять смысл этих аятов, чтобы осознать великую милость, оказанную Всевышним человечеству, и те бесконечные дары, что исходят от Него: «И Мы более близки к нему, чем яремная вена» (Св. Коран, 50:16). Как же это чудесно - думать, что Бог ближе к человеку, чем его яремная вена! «Господь - это свет земли и неба», и нам не нужен ни телескоп, ни что-нибудь еще, чтобы обнаружить Его. Он проявляет Свое существование в каждом атоме, во всем. Пусть Господь откроет наши сердца, чтобы мы могли ощутить Его Существование в нас

без телескопов и микроскопов. Пусть мы обнаружим Его в наших душах и сердцах. Нам не нужно разглядывать небо или землю в поисках Его, ибо Он ближе к нам, чем яремная вена. Нияз Мисри говорит:

Я смотрел вокруг себя, направо и налево,
Стремясь увидеть лицо Возлюбленного.
Я искал Его снаружи,
Тогда как он - Душа моей собственной души.

И снова мы читаем в Коране: «Где бы вы ни были, Он всюду с вами, и видит Аллах все, что вы вершите» (Св. Коран, 57:4). Какое счастливое известие в этих строках для тех, кто уверовал! Великий Руми был потрясен содержанием этого аята, и сердце его возрадовалось. В одном из стихотворений он сказал: «Добрая весть о том, что Он с вами везде и всюду, исходит от Господа. Эта новость наполняет сердце радостью и надеждой. Ты не обретал радости и надежды, поскольку не знал самого себя. Если бы ты познал самого себя, если бы ты узнал, что за Гость внутри тебя, ты бы никогда не увидел, как к тебе приближаются неудовлетворенность и отсутствие мира».

Платон искал истину, опираясь на разум и чувства. Руми осознал, что разум не в силах охватить высшие истины и сравнивал его с «ослом, застрявшим в грязи». Он сошел с тропы разума и, милостью Божией, нашел себя в самом себе и влюбился в себя: «Хотел бы я уйти далеко-далеко, на сотни стадий от того места, где расположился интеллект. Хотел бы я избавиться от существования добра и зла. За этой завесой скрывается такая красота! Мое истинное существование тоже там. О вы, те, которым не хватает понимания, знайте же, что я хотел бы влюбиться в самого себя».

Как считал Платон, человеку необходимо познать самого себя и обнаружить, что сокрыто в нем самом, чтобы он мог следовать этому примеру. Человеку было необходимо узнать, откуда

он пришел и что за гость есть в нем самом. Тогда человек осознал бы, чем он отличается от животного, которое равно ему физически, и оценил бы себя.

Руми развил эту истину еще дальше. Люди искали и находили пути познать Гостя, который в них, любить Его, быть достойными Его и быть любимыми им. Это был гуманный путь, путь к безупречности и любви.

Руми считал, что поскольку человек обладает Божественным аманатом, он должен сознавать и свою собственную цену, и этот аманат в себе. Он должен выказывать уважение к своей собственной человеческой значимости. Поистине, с тех пор как человек принял Божественный аманат, вверенный ему Богом, и стал Его наместником на земле, пусть даже он напоминает животных своей плотью и кровью, он не должен считать себя равным животным, но верить в собственное превосходство и учитывать тот факт, что он - самое благородное из всех созданий. По этой причине он должен избегать тех состояний, к которым его склоняет плотская сторона, таких, как моральная нечистоплотность, лживость, лицемерие, страсть и похоть, и стремиться к истине с чистым сердцем. Он должен поистине любить человека и человечество. Тогда он не окажется нарушителем Договора с Господом. Он станет Его почетным наместником, как сказано в Коране, и будет иметь право называться Человеком. Если он будет действовать подобным образом, человек преодолит свои человеческие страсти и слабости, придет к своим истокам, продолжая жить на этой земле, и больше не будет на ней чужим.

Влияние Руми на Западе

Известно, что ислам придает большое значение науке и знанию. Пророк сказал: «Стремиться к обретению знаний - обязан-

ность каждого мусульманина»²⁴⁷. В другой раз он сказал: «Мудрость - это утерянная собственность верующего. Он берет ее там, где находит»²⁴⁸, - поощряя мусульман стремиться к познанию и мудрости всегда и везде, где бы это ни происходило. Во время правления халифа Мансура, основавшего город Багдад*, на арабский язык была переведена эпическая поэма «Калила и Димна» - один из величайших шедевров древнеиндийской литературы, еще в VI веке переведенный на персидский язык. Тогда же с греческого языка на арабский переводились труды Платона, Птолемея, Порфирия, Аристотеля, Гиппократы, и Галена. Исламские ученые писали комментарии и критические разборы этих трудов ученых Запада. Они практически сохранили их для человечества, поскольку до эпохи Ренессанса эти древнегреческие тексты были запрещены в Европе церковью, которая отвернулась от истинной, античной науки. Поэтому можно сказать, что после Ренессанса европейские ученые изучали греческую философию по трудам мусульманских ученых [в том числе - Прим. перев.], которые истинно любили научную мысль.

Наука и техника или, скорее, цивилизация не принадлежит какой-то одной нации или религии. Ни один народ не может объявить, что цивилизация является исключительно его собственностью. Цивилизованность - это общий продукт всего человечества. С древнейших времен и до наших дней люди различного цвета кожи и принадлежащие к разным религиям жили в различных частях света, говорили на разных языках, но все они сделали свой вклад в развитие цивилизации. Ислам и мусульманские ученые внесли заметный вклад в западную цивилизацию, которой так гордятся люди Запада.

²⁴⁷ Haythami, *Majma' al-Zawa'id*, 1:119, 120.

²⁴⁸ *Kashf al-Khafa*, vol. 1, p. 435, no. 1159.

* В 762 году от Рождества Христова. - Прим. перев.

Крупнейшей ошибкой Запада было то, что ему не хватало любви и милосердия. В своем открытом письме Исе (а.с.), которое написал современный турецкий поэт Сулейман Назиф, автор жалуется на эксплуатацию, угнетение и несправедливость, с которыми Запад относится к более слабым народам, не имеющим возможности защитить себя. Икбал упоминал, что дух Иисуса ежедневно распинают на Западе. Во всем мире всегда были люди, которые любили справедливость и истину, пусть даже их было немного, встречались такие люди с благородным сердцем и в Европе, и в Америке. Например, Вашингтон Ирвинг в Америке, Томас Карлайл в Англии и Иоганн Вольфганг Гете в Германии освободились от религиозной нетерпимости и проявили сочувствие к исламу. Когда американский историк В. Ирвинг был послом в Испании, он был очарован произведениями искусства, которые остались после мавров в Андалузии. Глубоко изучив историю мусульманства, он написал книги о Мухаммаде и его соратниках. В свою книгу «Герои» английский историк Томас Карлайл включил разделы, восхваляющие Пророка ислама, которые отражают истину. Тем, кто не понимал Пророка из-за своей религиозной предубежденности, он сказал: «Человечеству стоит прислушаться к голосу Мухаммада. Его голос - это голос Бога».

Гете, один из величайших поэтов не только немецкой, но и мировой культуры, был более смелым. Он глубоко изучал исламскую историю и литературу. Во многих своих книгах, критических эссе и поэмах он вывел образ Пророка Мухаммада. В своих трудах Гете сравнивал Восток и Запад и стремился показать, что они дополняют друг друга. Интерес Гете к исламу и то вдохновение, которое он черпал в исламе до конца своих дней, стали возможны благодаря Гердеру* - ученому, философу и ли-

* Гердер, Иоганн Готфрид (1744-1803) - немецкий философ и критик, собирал и переводил народные песни. Друг Гете. - Прим. перев.

тератору. Гете внимательно изучал латинский и немецкий переводы Корана и по-своему объяснял некоторые из аятов, говорил, как он находил в них удовольствие и вдохновение. В 1773 году Гете написал пьесу «Мухаммад». Пьеса начинается с молитвы, которую Гете назвал «Воззвание Мухаммада». В пьесе Пророк Мухаммад изображен в годы его юности. Пророк удалился в пустыню, где молится под звездным небом. Обращение Мухаммада завершается следующими строками: «О сердце, которое обновлено и омоложено любовью! Вознесись к своему Создателю! Господь, Ты мой единственный Бог. Ты - любовь, которая охватывает все. О мой Господь, Ты создал солнце, луну, звезды, землю, небо и меня».

Гете, который был не только поэтом, но и ученым и философом, увидел истину, проявил интерес к Востоку, с уважением и любовью относился к исламу и Пророку ислама. Он был не только великим ученым, но и великим мудрецом. Живой пример его мудрости - его взгляды: он не разделял людей на жителей Запада и Востока, видя все человечество в его целостности. Гете сказал: «Человек, который по-настоящему знает свою сущность и человеческую натуру, знает, что Запад и Восток переплетены между собой и их невозможно разделить».

Если бы эта точка зрения Гете и взгляды Руми, который считал, что все люди на земле - братья, были восприняты правительствами тех стран, которые правят миром сегодня, войны бы прекратились, и люди перестали убивать друг друга. Голод, угнетение, тирания, тюремные застенки, изгнания и убийства исчезли бы с лица земли. Права людей с черным цветом кожи в Южной Африке были бы признаны раньше. Заговорщики не убивали бы невинных людей. Турок в Болгарии* не подвергали бы притеснениям из-за их веры. Бомбы не падали бы на города и деревни в Афганистане. В свое время Америка и Россия прило-

* При Т. Живкове. - Прим. перев.

жили совместные усилия, чтобы спасти кита, который застрял во льдах (на эту спасательную операцию были потрачены большие деньги). Было бы лучше, если бы они совместно выступили за спасение тех несчастных, которых убивают и пытаются вооруженные солдаты! Эти случаи нам показывают почти каждый день по телевидению, словно спортивные состязания.

Бернард Шоу (1856-1950) понял, что ислам - это религия любви и сочувствия. Он сказал: «Будущей религией человечества будет ислам». Гете осознал эту истину до Шоу, когда говорил: «Если ислам означает подчинение воле Божьей, значит, все мы живем и умираем под исламом». Гете, который с таким сочувствием относился к исламу и Пророку ислама, конечно, не мог пройти мимо произведений Руми, возлюбившего человечество и Господа. В своей книге под названием «Западно-Восточный Диван» Гете приводит катрен Руми: «Ты ищешь в этом мире мира и спокойствия. Но этот мир проходит, как сон. Ты хочешь путешествовать и увидеть разные места. Но судьба не позволяет тебе осуществить эту мечту. Ты не можешь выносить ни жары, ни холода. А цветы, аромат которых ты пытаешься ощутить, немедленно увядают»²⁴⁹.

До конца XVIII века в Европе было мало известно о Руми и о братстве *мевлеви*. В конце века французский посол в Османской империи Ж. де Валленбур, живший некоторое время в Стамбуле, полностью перевел на французский язык «Маснави». К несчастью, в 1799 году в Бейоглу произошел пожар, и эта важнейшая работа сгорела. Работы Руми также интересовали известнейшего немецкого османиста Гаммера*, автора «Истории

²⁴⁹ Гете И.В. Западно-Восточный Диван, №: 46.

* Гаммер-Пургшталь, Йозеф фон (1774-1856) - не немецкий, а австрийский востоковед и дипломат. В 1799-1807 гг. - на дипломатической службе в Османской империи. «История Османской империи» не потеряла научного значения и в наши дни. - Прим. перев.

Османской империи». Подчеркивая важность “Диван-и Кабир”, Гаммер писал:

Определив внешние отличия и политические моменты всех позитивных религий, Руми нашел Высшее и Вечное Создание, и на крыльях высшей духовной радости и восторга он поднялся до такого уровня, которого не могли достичь другие поэты, включая Хафиза. Руми поднимается не только выше солнца и луны, он преодолевает время и пространство, познает процесс Созидания, Праздник Аласт (аласт - слово подтверждения, которым духи признали Аллаха единственным Творцом) и Судный День и достигает бесконечности, и там он обретает единение с Абсолютным Созданием, которое Вечно и Вездесуще, и сам становится абсолютным слугой, бесконечной любовью и влюбленным.

К сожалению, сделанные Гаммером переводы “Маснави” и “Диван-и Кабир” не так красивы и красноречивы, как его переводы трудов Хафиза. Но хотя эти переводы не отражают во всей полноте чудесное, глубокое значение поэзии Руми, они были очень важными, поскольку представили творчество Руми Западу. Гаммер прожил долгое время в Турции. Точно известно, что во время своего пребывания в Стамбуле он постоянно работал в библиотеках и посещал церемонии братства *мевлеви*, где он, в частности, записывал исполняемые во время этих церемоний песни и стихи. Среди этих записей есть стихи Руми, которые звучали в персидском оригинале: «Увы, любовь, ее состояние и ее боль! Огонь любви опалил мое сердце!» В 1818 году Гаммер опубликовал книгу «Персидская литература». В ней он подробно анализирует творчество Руми и, в частности, пишет, что “Маснави” - это книга, которую должен прочитать каждый суфий от берегов Ганга до берегов Босфора.

В те годы в Германии были опубликованы касыды Руми в переводах Фридриха Руккерта (ум. в 1866). В них описывается божественная любовь. Руккерт, которого считают одним из круп-

нейших немецких ориенталистов, попытался показать своим соотечественникам божественную любовь, которую испытывал Руми, и впервые в немецкой поэзии ввел такую стихотворную форму, как касыда. Поистине, Фридрих Руккерт был не только выдающимся ученым, но и великим суфием. Опираясь на помощь и поддержку Гаммера, он учил арабский, персидский и турецкий языки. В душе он принадлежал к тем, кто возлюбил Господа. Прочитав “Маснави” и “Диван-и Кабир”, он полюбил Руми. В Руми он обрел себя. Он перевел на немецкий язык и изложил стихами сорок четыре касыды Руми. В эти переводы Руккерт вложил любовь и горячие чувства. Он опубликовал их в Штутгарте в 1820 году под названием «Оды». Двумя годами позже эти переводы Руккерта были опубликованы в Лейпциге под названием «Ostliche Rosen» - «Восточные розы». Позже Руккерт переводил стихами таких поэтов, как Саади, Хафиз и Джамии. Своей работой Руккерт стремился показать европейцам глубину суфизма и дать им почувствовать божественную любовь, которую испытывают и выражают суфии. В качестве примера того, о чем думал Руккерт, выбирая стихи для перевода, я привожу поэму «Роза», одну из тех, которые Руккерт взял из “Диван-и Кабир”. И поэма эта благоухает розами.

Сегодня - весенний день, день радости и счастья. Этот год, когда розы цветут обильнее, чем обычно, - год роз.

В это весеннее время мы чувствуем себя очень хорошо. Пусть наши розы чувствуют себя так же прекрасно!

Помощь пришла к нам из иного мира, из розовых садов лика нашего Друга. Поэтому наши глаза не увидят увядающих роз и опадающих лепестков.

Наши взоры потрясла красота роз, их изящество, великолепие, цвет и запах. В этом саду роза улыбается своими прелестными устами. Сезам нашептывает секрет о любви соловья и добродетели розы на ухо кипарису.

Чтобы одарить нас, дать нам лучше почувствовать ее аромат, роза приблизилась к нам, разрывая на себе

одежды. Мы тоже рвем на себе одежды, ибо мы воссоединились с розой и хотим быть к ней еще ближе.

Роза пришла к нам издалека, она из иного мира. Вот почему весь этот мир не может вместить одну розу.

Роза так изящна, так исполнена грации, что мир снов слишком мал, чтобы во сне увидеть розу.

Кто скрыт за словом «роза»? Посланник из сада разума, из рощи духа? Что такое «роза»? Манускрипт, который описывает красоту и величие розы истины, которая не увядает и не осыпается.

Давайте возьмемся за край одежд розы и отправимся в путешествие вместе с ней, чтобы мы смогли счастливо добраться до истока розы, до вечного побега розового куста.

Исток розы, вечный побег розового куста возник из пота Мустафы, да пребудут с ним мир и благословения, и вырос Его милостью.

Благодаря Милосердному она превратилась из полумесяца в полную луну. Ты можешь оборвать листья с розы и сломать ее ветви, и все равно будет дарован новый дух, новая жизнь, они одарят ее руками и крыльями.

Смотри, как роза отозвалась на приглашение весны. Она подобна четырем голубям Ибрахима, Друга Господа, тем, кто был воскрешен, после того как их убили, и вернулись к своему хозяину.

О, господин мой, молчи! Не размыкай своих губ. Сиди в тени роз и, словно розовый бутон, тайно улыбайся сомкнутыми губами.²⁵⁰

Эта поэма, каждая строка которой благоухает розовым ароматом, была переведена на немецкий язык Фридрихом Руккертом, возлюбившим Руми и возлюбившим Господа.

Благодаря одам Руккерта Руми стал известен в Германии, а стихотворная форма касыды вошла в немецкую литературу. Вскоре появился еще один перевод «Диван-и Шамс-и Тебризи»,

²⁵⁰ *Divan-i Kabir*, vol. III, no. 1348.

в который были включены избранные стихотворения из “Диван-и Кабир” Руми. К концу XIX века ученые и интеллектуалы всего мира стали проявлять интерес к Руми и его творчеству. Один известный немецкий ориенталист назвал Руми «величайшим суфийским поэтом Востока всех времен».

В середине XX века в Германии произведения Руми серьезно изучал Гельмут Риттер, также хорошо известный в Турции. Этот выдающийся ученый написал несколько серьезных трудов о жизни Руми, его поэзии, камышовой флейте и о ритуальных церемониях вертящихся дервишей, основываясь при этом на самых старых рукописях. Своими трудами по истории суфизма он помог нам лучше понять многие аспекты жизни и творчества Руми.

Не следует также забывать известного поэта, возлюбившего Руми, – Ханса Майнке (умер в 1974 году), на которого тот оказал большое влияние. Майнке, впервые узнавший о Руми благодаря работам немецких ориенталистов, был очарован Божественной Любовью в Руми и посвятил ему всю свою поэзию. Он даже совершил путешествие в Конью, чтобы припасть лицом к порогу гробницы Руми. Хотя этот поэт не знал персидского языка, он понял дух Руми и особенно бесконечную Божественную Любовь, разлитую в стихах Руми, и удивительно точно отразил ее в ста касыдах, которые написал от имени Руми. В качестве примера я привожу одно из его стихотворений, которое переводил с немецкого языка на турецкий Мехмет Ондер:

О, Руми, с тех пор как я стал тобой,
Вращение остановилось..
О, Руми, с тех пор как я стал тобой,
Север стал югом, и юг стал севером.
Один полюс создал другой полюс.
Хаос растворился в гармонии.
На берегу пульсирующего моря,

Скажи мне, остался ли хоть один молчащий залив.
Скажи мне, в твоих глазах
Осталось ли хоть одно слово, лишённое смысла?
Остался ли хоть один человек, который не танцует?
О, Руми, я - центр круга небес,
Пока я не стал тобой.

Нам следует также с уважением вспомнить о знаменитой исследовательнице Востока и знатке творчества искренне восхищавшего ее Руми - профессоре Анне-Мари Шиммель (1922-2003). Она родилась в Германии, в Эрфурте. В 19 лет окончила Берлинский университет, знала арабский, персидский и турецкий языки. Прочитав стихи Руми в оригинале, Шиммель влюбилась в его творчество. В 1952-1957 гг. она читала лекции в Анкарском университете, на кафедре истории религий Теологического факультета. Позже она преподавала в Боннском университете и в Гарварде. Шиммель написала наибольшее число книг и статей о Руми из всех востоковедов Запада*. Она не только писала о Руми на немецком, английском и турецком языках, но также перевела на турецкий язык «Джавиднаме» Икбала и написала комментарий к нему²⁵¹.

Разные люди понимают и ценят Руми по-своему, в соответствии с собственными личными взглядами, талантами, наклонностями, ощущениями и мыслями. Так и разные народы смотрят на Руми по-разному - каждый по-своему. Проведенный анализ показывает, что из всех европейских стран наиболее внимательно Руми изучали в Германии и Великобритании. Дисциплинированные, усердно работающие, искусные немцы в то же время обладают склонностью к мистицизму, мистическим ду-

* На русском языке опубликована ее книга «Мир исламского мистицизма». М., 1999.

²⁵¹ Творчеству Руми посвящена ее книга: Schimmel A.M. *The Triumphal Sun: A Study of the Works of Jalaluddin Rumi* (Albany, NY: State University of New York Press, 1993).

хом. Например, Мартин Лютер (1483-1546), который положил начало Реформации, был немцем. Поскольку немцы склонны в душе к вере и религии, они первыми признали Руми своим и работали над трудами Руми больше, чем какая-либо другая нация в Европе, кроме, может быть, англичан.

Интерес англичан к Руми тоже был огромен. Ипполит Тэн*, авторитет в области английской литературы, утверждал, что обитатели Британских островов, которые географически отделены от континентальной Европы и окружены густыми туманами и высокими волнами морей, не были удовлетворены своим окружением и стремились открыть для себя внешний мир, поэтому они постоянно искали что-то там, за морями. В отличие от французов, больше склонных к теоретизированию, и итальянцев, которые по натуре своей артистичны и тяжеловесны, решительные и прагматичные англичане одновременно отличаются серьезными склонностями к мистической мысли. Их любовь к экспериментам, неприязнь к навязанным извне концепциям и логичный подход к эмоциям привели англичан к более глубокому пониманию Руми и серьезному изучению его жизни и творчества.

Поэтому мы закончим этот раздел перечислением английских ценителей Руми. В 1881 году сэр Джеймс У. Редхаус перевел на английский язык стихами первый том «Маснави». В начало своего перевода он также включил несколько притч из «Манакибу-л Арифин» Афлаки. Э.Х. Уинфилд изучил все шесть томов «Маснави». Затем он перевел стихами отдельные притчи и опубликовал их в 1898 году под названием «Маснави-и Маневи». В своей краткой стихотворной версии «Маснави» Уинфилд свел воедино притчи и великолепно перевел на английс-

* Тэн, Ипполит (1828-1893) - французский философ, историк, социолог искусства. В частности, автор четырехтомной «Истории английской литературы» (1863-1864). - Прим. перев.

кий язык отрывки, посвященные вопросам духа, тщательно соблюдая при этом ритм и размер. Тот факт, что этот перевод “Маснави” был дважды переиздан (1979 и 1984 гг.), подчеркивает, насколько хорошо он был воспринят. В 1898 году, в предисловии к первому изданию, представляя “Маснави” английскому читателю, Э.Х. Уинфилд писал: «“Маснави” обращается к тем, кто оставляет этот мир, пытается познать Бога и быть с Ним, растворить свою сущность и посвятить себя духовным размышлениям».

Э.Х. Палмер, который известен в Англии своими замечательными книгами, посвященными суфизму, опубликовал избранные стихотворения Руми в работе, названной «Песнь флейты». Этой публикацией Руми был представлен не только британской аудитории, но и всем читателям в англоязычном мире. В статье, опубликованной в 1886 году, исследователь Дж. Шерр писал о Руми: «Клянусь, что в мире не появлялось более нежного и очаровательного человека из возлюбивших Господа, чем Руми».

Р.А. Николсон, один из величайших ориенталистов мира и крупнейший специалист по творчеству Руми, в 1898 году опубликовал в Кембридже свою первую книгу - перевод избранных стихотворений Руми. В эту книгу, озаглавленную «Избранные стихотворения из “Диван-и Шамс-и Табриз” вошли сорок восемь стихотворений из “Диван-и Кабир”. В книгу был включен оригинальный текст каждого стихотворения на персидском языке, а на следующей странице - перевод на английский. В конце книги были приложены подробные комментарии.

Следует признать тот факт, что в Турции нет ни одной антологии Руми, которая была бы так хорошо подготовлена и издана, в которой были бы с таким вкусом и осторожностью подобраны публикуемые стихотворения и куда был бы включен оригинальный текст.

Следует также отметить и такой факт. Вышеупомянутые востоковеды - британский исследователь Грэхам, немецкий [австрийский - Прим. перев.] востоковед Гаммер и немецкий поэт Руккерт - утверждали, что все стихотворения в тех экземплярах "Диван-и Шамс-и Табризи" и "Диван-и Шамсу-л Хакаи", к которым они имели доступ, - аутентичные произведения Руми. Поскольку в те времена еще не существовало опубликованного в Тегеране издания "Диван-и Кабир", тщательно подготовленного профессором Тегеранского университета Фирузанфаром, те рукописи, в которые были включены стихи, не принадлежавшие перу Руми, ввели в заблуждение западных востоковедов.

Вернемся к Рейнолду А. Николсону. Этот выдающийся исследователь творчества Руми работал над этой темой всю свою жизнь. Вдохновляясь Руми и под его духовным влиянием, он перевел на английский язык много бесценных трудов и других суфиев-поэтов Востока и указал путь многим людям, обладающим склонностью к познанию. Но самый важный труд Николсона - это перевод и комментарий шести книг "Маснави". В этой работе (она публиковалась в восьми томах, начиная с 1925 года) Николсон привел самый точный текст "Маснави", а также его перевод и комментарии.

Николсон был не только крупнейшим ориенталистом и известным ученым, но и человеком, искренне возлюбившим Бога. Как рассказывали его друзья и студенты, во время своих лекций, посвященных "Маснави", он впадал в такой экстаз, что мог начать проливать слезы. Одна из комнат в его доме была отделана в восточном стиле. В ней он сидел, трудясь над комментариями к "Маснави", надев длинные восточные одежды и высокую коническую шапку члена братства *мевлеви*. Говорят, что над этим комментарием Николсон работал сорок лет.

А.Дж. Арберри, возглавивший кафедру восточных языков в Кембриджском университете после Николсона, последовал за

своим предшественником и продолжал переводить на английский язык произведения Руми. В дополнение к переводам катренов Руми и книги «Фихи ма фих» он также опубликовал в двух томах избранные притчи из “Маснави”. За несколько лет до своей смерти Арберри сказал своему близкому другу: «Я посвящу оставшиеся годы моей жизни исключительно изучению творчества Руми, поскольку в нем можно найти духовное излечение и успокоение от несчастий нашего времени».

Я хотел бы также привести несколько цитат из речи Э.У.Ф. Томлина, бывшего председателя Турецко-английского культурного комитета, с которой тот выступил на конференции в память Руми в 1960 году: «Помимо высокого полета мысли Руми, в его творчестве отразился еще такой феномен, который называют конкретным воображением. Оно проникает в душу читателя и привлекает его к себе. Когда я читаю Руми, он напоминает мне о Чосере. Но Чосер, скончавшийся в 1400 году, одна из ярчайших фигур английской литературы, не обладает такой глубокой религиозностью, как Руми. Невозможно постичь истину сразу. Как сказал Руми в первой книге “Маснави”: «Господь поставил перед нами лестницу. Мы должны взбираться на нее - ступенька за ступенькой». В четвертой книге “Маснави” Руми приводит истину, которая справедлива не только для его родной страны, но и для всех нас: «Верующих много, но человечество одно». Я хочу завершить мою речь цитатой из Руми, которая подтверждает эту истину и является примером упомянутого ранее конкретного воображения: «Солнечный свет с небес - его тысячи, если дело касается дворов, которые он освещает. Но если вы снесете стены, что огораживают эти дворы, то все фрагменты света сольются воедино в одно целое».

Хотя в последние несколько веков Турция имела наиболее прочные контакты из всех европейских стран, прежде всего с Францией, французы не проявили такого интереса к Руми, как англичане и немцы. Впрочем, французских исследователей, ко-

которые путешествовали по Османской империи, весьма заинтересовали вертящиеся дервиши из братства *мевлеви*. Они описывали их церемонии в своих мемуарах, а некоторые художники зарисовали вертящихся дервишей, что увеличило интерес их соотечественников. Кл. Юар, французский ориенталист, который посетил Конью в 1897 году, написал книгу об этом городе. Позже он перевел на французский язык книгу Афлаки «Манакибу'л Арифин» и издал ее под заголовком «Вертящиеся дервиши». Это издание заставило известного литератора, члена Французской академии Мориса Барра в 1919 году посетить Конью. Барр, который, в частности, побывал на могиле Руми и в текке вертящихся дервишей, записывал свои впечатления во время этой поездки. Свои записки он опубликовал в 1923 году под заглавием «Один разговор в восточных краях». Мехмет Ондер перевел отрывки из этой книги на турецкий язык и издал их в 1969 году над названием «В присутствии Руми».

Морис Барр, возлюбивший Руми, начинает свои записки следующими строками:

Я в нетерпении. Я хочу увидеть дом Руми, зал для сама и гробницу, испытать его Божественный восторг и услышать мелодику его поэзии. Это гений, от которого исходят аромат, свет, музыка и легчайший налет богемы. Его оригинальные выражения в поэзии ярки и божественны. Они чаруют читателя. Только читателя? Нет. Джелалэддин Руми сам вращается в экстазе в своих стихах. Он вложил книгу нам в руки, чтобы вовлечь нас в свою магическую атмосферу. Если мне повезет, я увижу дервишей из братства *мевлеви*, следующих по его пути, которые очень искусно исполняют его музыку. Его память живет семьсот лет, передаваясь из поколения в поколение, и его имя поминают над его могилой все с большим энтузиазмом каждый день. Как мне повезло!²⁵²

²⁵² Mehmet Onder, *Hazret-i Mevlana Hayati ve Eserleri* (Istanbul: Tercuman Yayinlari), p. 232.

Асаф Халет Челеби тоже переводил эту книгу. Вот отрывок из его перевода. Барр признается:

Я считаю, что с жизнью Руми нельзя сравнивать жизнь ни одного другого поэта. По-моему, поэты - это посланцы мира вдохновения, света и радости. После того как я увидел вертящихся дервишей, распевающих в ритме, сложенном Руми, я заметил, что мне чего-то недостает в Данте, Шекспире, Гете и Гюго²⁵³.

Книга Барра пользовалась большой популярностью во Франции, и многие французские ученые, литераторы и поэты получили возможность познакомиться с Руми. В 1956 году Мириам Арри опубликовала книгу «Мевляна Джелалэддин». В наши дни в Париже профессор Ева де Витрэй занимается изучением жизни и творчества Руми. Она завершила труд под названием «Руми и суфизм»²⁵⁴. Профессор Ирэн Меликофф, известный османист, возлюбившая Руми, также работает в этой сфере.

В Италии тоже есть ученые, которых восхищает Руми и его произведения. В Римском университете его творчество изучают профессор Алессандер Баузани и профессор Анна Мазала. Кроме того, в Нидерландах этой темой занимаются профессор Бракелл Буси и доктор Карп, в Дании - профессор Асмуссен, в Швейцарии - профессор Бургел. Все эти люди искренне восхищаются Руми. В последние годы растущий интерес к Руми отмечается в России. Пример этого - научное исследование, которое провел поэт и переводчик, знаток Турции Радий Фиш, недавно умерший в Москве. Он с любовью описал жизнь и воззрения Руми. Его книга вышла в 1972 году. Есть и другие публикации на эту тему*.

²⁵³ Asaf Halet Celebi, *Mevlana Hayati ve Sahsiyeti*, (Istanbul: Kanaat Kitabevi, 1939), p. 50.

²⁵⁴ Eva de Vitray-Meyerovitch, *Rumi and Sufism* (Sausalito, CA: Post-Apollo Press, 1977 French; 1987 English Translation).

* См. предисловие к русскому изданию. - Прим. ред.

В США интерес к Руми огромен. Он заслуживает титула наиболее часто читаемого поэта в Америке. Его влияние очевидно как в академических, так и в суфийских кругах этой страны. О Руми пишут многие. Особо следует отметить таких авторов, пишущих о Руми, как Уильям Читтик, Кабир Хелмински, Колман Баркс и в последние годы - Франклин Льюис. Кроме того, там существуют учреждения, занятые пропагандой взглядов Руми. Среди них - базирующийся в Вашингтоне Форум по межконфессиональному диалогу и ежегодно проходящий в Северной Каролине Фестиваль Руми.

ГЛАВА 4

Суфийское братство Руми и его взгляды на суфийские братства

Братство мевлеви

Вопреки устоявшемуся заблуждению, братство *мевлеви*, названное так в честь Руми - Мевляны, на самом деле не было основано Руми. Основы этого братства были заложены Хусамэджином Челеби и старшим сыном Руми Султаном Веледом. Законам какого же дервишеского братства следовал сам Руми, если в то время еще не существовало братства мевлеви? Как известно, слово «тарикат» в арабском языке означает «путь», «дорога», «путь к Господу» и «путь, пройденный во время духовного путешествия». Какой же дорогой следовал Руми, стремясь найти истину, обрести Господа и стать Руми?

«Рисале-и Сипахсалар» - одно из самых надежных исторических повествований о жизни Руми - говорит нам, что Руми следовал заветам своего отца Султана ал-Улема Бахаэддина Веледа во всем, что касалось жизни, характера и братства²⁵⁵. Из этих слов можно понять, что первым духовным лидером и шейхом Руми был его отец Султан ал-Улема Бахауддин Велед. После его смерти духовным вождем и шейхом Руми стал один из наместников Султана ал-Улема, сейид Бурханэддин ат-Термези. И Султан ал-Улема, и Бурханэддин ат-Термези были членами братства *кубравийя*. Хамдулла Мусевфиде пишет, что отец Руми, Султан ал-Улема, был одним из наместников Наджмэддина ал-Кубры, основателя братства *кубравийя*²⁵⁶. Кроме того, рассказ о том, что Султан ал-Улема был наместником Наджмэддина ал-Кубры, есть в книге «Нафахату'л-Унс»²⁵⁷.

²⁵⁵ *Risale-i Sipehsalar*, pp. 30-91.

²⁵⁶ Firuzanfar, *Mevlana Celaledin*, p. 13.

²⁵⁷ Jami, *Nafahat al-Uns*, p. 480.

В своей книге «Хадикату'л-Авлия» Ходжа-заде Ахмед Хилми прослеживает следующую цепь духовной преемственности от Пророка ислама к Султану ал-Улема²⁵⁸:

1. Возлюбленный Господа Миров: Мухаммад Мустафа (с.а.с.)
2. Праведный Али (р.а.)
3. Праведный Хусейн (р.а.)
4. Маруф ал-Кархи (да освятится тайна его)
5. Джунайд ал-Багдади (да освятится тайна его)
6. Ахмад ал-Газали (да освятится тайна его)
7. Шейх Исмаил Касри (да освятится тайна его)
8. Основатель братства: Наджмэддин ал-Кубра (да освятится тайна его)
9. Султан ал-Улема Бахауддин Велед (да освятится тайна его)

Есть также те, кто прослеживает цепь духовной преемственности Султана ал-Улема через праведного Абу Бакра. Профессор Тегеранского университета Б. Фирузанфар, не доверяя информации, изложенной ал-Афлаки, рассказывает о привязанности Султана ал-Улема к Наджмэддину ал-Кубре, основателю братства *кубравийя*. Подобно тому, как Бахауддин Велед был заместителем Наджмэددина ал-Кубры, мученически погибшего в борьбе с монголами в 1221 году, так сейид Бурханэддин был заместителем Султана ал-Улема. Вот как рассказывает Сипахсар о привязанности Сейида Бурханэددина к Султану ал-Улема:

²⁵⁸ Hoca Zade Ahmed Hilmi, "Silsile-i Mesayih-i Mevleviyye" (The Chain of Mevlevi Masters) published in *Hadikat al-Awliya* (Istanbul: Sirket-i Murettibiye Matbaasi, 1318), p. 6. (I could not locate this reference in *Hadikat al-Awliya*, but I found a list of Mevlevi Masters in Abu al-Barakat Nur al-Din Abd al-Rahman b. Ahmad b. Muhammad Jami, *Nafahat al-Uns Min Hadarat al-Quds*, tr. Mahmud B. Osman Lami'i Celebi (Istanbul: Marifet Yayinlari, 1289), p. 64. (ZS)

Сейида Бурханэдина не было в Конье, когда скончался Султан ал-Улема (1231 год от Р. Х.). Получив известие о кончине своего шейха, он был опечален, и тоска терзала его сердце. Сердце его горело, и он долгое время пребывал в трауре. Целый год он таял, подобно свече, оплакивая смерть своего шейха. Однажды ночью он увидел во сне Султана ал-Улема. Тот сердито обратился к нему: «Бурханэдин! Как это стало возможно, что ты оставил в одиночестве моего Мухаммеда (Мухаммеда Джалаледдина) и совершил такую ошибку в заботе о нем?»²⁵⁹

Под влиянием этого сна Сейид Бурханэдин прибыл в Конюю. Девять лет он трудился, наставляя молодого Руми. Сейид Бурханэдин сделал своим наместником не только Руми, но и ювелира Салахэдина. Как рассказывает Афлаки, Бурханэдин Термези подчеркивает тот факт, что он был учеником Султана ал-Улема, когда говорит: «Я получил два дара от моего шейха Султана ал-Улема: первый - это способность хорошо говорить, а второй - это красота в духовном общении. Поскольку Руми обладает красотой духовного состояния, я передал свою способность хорошо говорить Салахэддину»²⁶⁰.

Сын Руми Султан Велед выражает свою любовь к шейху и духовному наставнику своего отца Бурханэддину Термези следующими словами:

Руми провел с Сейидом Бурханэдином девять лет. Он служил ему. Затем он сравнялся с ним и в вопросах познания, и в духовной зрелости.

Поскольку их сердца в духовном мире были едины, они были всегда вместе как снаружи [т.е. в мире земном - Прим. перев.], так и внутри [в мире духовном - Прим. перев.]. После того, как Сейид Бурханэдин ушел из этого мира, из мира несущественного, в вечность, в мир истин-

259 *Risale-i Sipehsalar*, p. 160.

260 Aflaki, *Manaqib al-'Arifin*, vol. II, p. 705.

ный, Джалаледдин осиротел. Он день и ночь молился Богу. Ради этого он отказался от сна, еды и питья. Он начал искать духовного наставника. Таким образом он провел пять лет в преданности своему духовному наставнику в трауре, искренних слезах, жалобах и самоуничижении²⁶¹.

Руми и шариат

Было бы ошибочно ассоциировать Руми с одним-единственным братством и рассматривать его как человека, строго ограниченного правилами только этого братства. Мы говорили о братстве, к которому принадлежал сам Руми до братства *мевлеви*. Через четыре или пять лет после того, как Руми потерял сейида Бурханэддина ат-Термези, он встретил Шамса из Тебриза. Шамс стал для Руми «шейхом общения», но не духовным наставником. Однако он вывел Руми с дороги рационального познания на путь Божественной Любви. Руми больше не был серьезным ученым в медресе, занятым проповедями и обучением студентов. Он начал смотреть на путь Пророка как на путь Любви, в отличие от некоторых других ученых из медресе, которые подходили ко всему исключительно формально и утверждали, что путь Пророка - это путь исламского законодательства, или шариата. Он утверждал: «Путь Пророка - это путь любви. Мы рождаемся благодаря любви, и любовь - наша мать. О наша мать, сокрытая внутри нашего физического существования, сотворенного из плоти и крови! О наш Создатель, сокрытый за нашей полной безверия натурой, которая не может осознать истину!» Руми идет даже дальше, оставляя позади все братства и религии, чтобы обрести Истину и Бога: «Религия любви отличается от всех других религий. Религия и вера влюбленных - Аллах»²⁶².

²⁶¹ Muhaqqiq Husayin Tirmidhi Seyyid Burhan al-Din, *Maarif*, tr. Abdulbaki Golpinarli (Ankara: Turkiye Is Bankasi n.d), p. 15.

²⁶² *Mesnevi*, vol. II, no. 1770.

Эту точку зрения не следует понимать буквально - будто бы Руми отрекся от понимания всех религий и верований. Напротив, он увидел quintэссенцию всех религий и верований. Он выразил мысль, что неважно, к какой религии или какой вере принадлежат люди, - все они ищут Бога в соответствии с Божественным Предопределением и Божественным Проявлением. Кто-то идет в мечеть, кто-то отправляется в церковь, а кто-то в синагогу. Но все они молятся Богу - каждый на своем языке и в соответствии со своей верой. Как сказал поэт и мудрец: «О Господи! Иногда я иду в церковь, а иногда я остаюсь в мечети. Таким образом, я ищу тебя от дома к дому».

Относительно различных братств Руми говорит в “Маснави”:

Исламские законы, или шариат, - словно свеча. Она проливает свет и освещает дорогу. Невозможно достичь своей цели только потому, что ты возьмешь в руки свечу, но и невозможно отправиться в путь так, чтобы в твоей руке не было свечи. Если ты направился в путь при свете шариата, то ты идешь по Пути. А когда ты достигнешь цели своего путешествия, то это будет Истина. Следовательно, если бы Истины были открыты, тогда Законы утратили бы свое значение. Поистине, если бы медь благодаря алхимии превратилась в золото, то исчезла бы нужда в алхимии. Иными словами, в поисках превращения меди в золото больше не было бы необходимости. По этой причине говорят: «Не надо искать проводника после того, как с его помощью цель твоего путешествия была достигнута. Но не подобает также бросать своего проводника до достижения цели, ради которой тебе необходим проводник».

Образно говоря, шариат подобен изучению алхимии при помощи учителя или книги, а Путь подобен получению эликсира и обработке меди этим эликсиром в соответствии с требованиями алхимии. Истина - это медь, превращающаяся в золото с помощью алхимии. Те, кто знает алхимию, счастливы, что они обладают этим знанием. Занимающиеся этим ремеслом счастливы, что они

делают вещи, которые доступны далеко не каждому. Те же, кто обретает истину, счастливы обрести истину и говорят: «Мы стали золотом. Мы свободны от знания алхимии. Нам больше не надо обрабатывать медь эликсиром. Мы - свободные слуги Господа. Мы не имеем привязанности ни к чему». Каждая группа счастлива тем, чего она достигла. Каждый доволен тем путем, по которому он идет. «И каждая группа ликует от того, что досталось ей» (Св. Коран, 23:53).

В другой аналогии шариат сравнивается с постижением науки о медицине. Тогда Путь - это использование медитации и диетического питания в соответствии с познаниями в медицине. Истина - достижение постоянного хорошего состояния и здоровья и, следственно, - избавления от потребности в медицине. Когда человек умирает и уходит из этого мира, он уходит от юрисдикции шариата и Пути, но истина остается в последующем.

Исламское законодательство - шариат - сравнивается со свечой, с источником света, который показывает путь. Подчеркнув важность шариата словами «никто не может отправиться в путь, не взяв в руки свечу», Руми утверждает, что Путь - это движение по дороге в свете Шариата, а Истина - это достижение цели Пути при свете Шариата. Такие фразы, как: «Если бы истины были открыты, тогда Законы утратили бы свое значение» и «Не надо искать проводника после того, с его помощью цель твоего путешествия была достигнута. Но не подобает также бросать своего проводника до достижения цели, ради которой тебе необходим проводник», - могут ввести в заблуждение. Поэтому мы должны быть очень осторожными и вдумчивыми, чтобы они не увели нас в ложном направлении. Разве здесь имеется в виду, что после достижения истины человек отбросит Закон и его заповеди, словно старый, ненужный светильник? Или же будет неподобающим искать Закон после того, как человек обрел Истину, к которой этот Закон его привел? Эти слова Руми требу-

ют очень большой осторожности, чтобы читатель не истолковал их неверно.

Дорогие читатели, прошу вас, подумайте о следующем. Что такое ежедневные молитвы, которые наш возлюбленный Пророк считал «вознесением верующего» и называл «светочем своих глаз», - восхитительный долг верующего или ненужная,ременительная ноша? Человек, который растворил свое существование в Боге добровольным отречением от этого мира - это счастливец, благословенный постижением тайны: «Умри до наступления смерти». Должен ли такой человек отказаться от обязательных молитв, предписанных шариатом? Разве ему не следует больше совершать ежедневные молитвы, поститься и помнить о Боге?

Нет, читатели мои, нет! Такой человек становится ближе к Богу, поскольку теперь он познал истину и будет привязан к заповедям шариата с еще большей любовью и воодушевлением. Такой человек будет избавлен от поклонения, которое ограничивается формальными проявлениями и почти не имеет или вовсе не имеет внутреннего содержания. Он будет привязан к Господу любовью, повторяя: «Я выполняю свой долг не для того, чтобы достичь рая или избежать ада». Такой человек поднимет свою веру от уровня имитации до уровня реализации и, как Юнус Эмре, будет молиться:

То, к чему люди зывают: «Рай! Рай!», -
это всего лишь несколько зданий и гурий.

Отдай их тем, кто их хочет.

Но я стремлюсь к Тебе, только к Тебе.

Хотя наш великий Пророк постиг Истину Истин, он молился целыми ночами, так что его святые ноги распухали от его чрезвычайно долгих молитв.

Думаю, что здесь было бы полезно рассмотреть взгляды ранних суфиев на шариат и Истину. В своей книге «Рисала» Кушайри пишет: «Что такое шариат? Шариат предписывает делать то, что необходимо, чтобы быть истинным слугой Господа и усердно выполнять заповеди Божьи. Истина - это созерцание в благоговейном трепете Величия, Власти, Созидания и Искусства Всевышнего. Неприемлем ни один закон, кроме того, который поддержан и одобрен Истиной. И ни одна истина не может быть признана, кроме той, что связана с Законом. Поистине, поклонение Господу - это Закон, и созерцание Его Власти и Искусства в Его Созидании и ощущение Его в своем сердце - это Истина»²⁶³.

Худжвири пишет: «Мы не видим разницы между Шариатом и Истиной. Оба они - одно. То, что есть Шариат - есть Истина, и Истина есть Шариат»²⁶⁴.

Разве не сказал Юнус Эмре: «Шариат и Путь - две тропинки для тех, кто достигает цели путешествия, Истина и Мудрость расположились дальше, внутри них»?

Ниматуллахи Кирмани подвел итог взглядам Руми на эти вопросы в следующем катрене: «Знание того, что предписывает религия, - это Шариат. Выполнение обрядов религии в соответствии с ее правилами - это Путь. И если ты будешь сочетать религиозные познания и добрые дела с искренностью, то есть выполнять религиозные обряды в соответствии с обретенным тобою знанием, не ради какой-либо собственной выгоды, но только ради Господа, тогда это станет Истиной».

Кратко изложив все эти взгляды, мы приходим к следующему заключению. Главная идея, которая лежит за всеми этими

²⁶³ Abu al-Qasim Zayn al-Islam Abd al-Karim al-Qushayri, *al-Risalah al-Qushayriyyah*, ed. Abd al-Halim Mahmud and Mahmud Ibn Sharif (Cairo: Dar al-Kutub al-Hadithah, 1973), vol. I, p. 261.

²⁶⁴ Hujwiri, *Kashf al-Mahjub*, p. 383.

дискуссиями, - это движение под руководством исламского Закона по Пути и, таким образом, обретение Истины и наслаждение удовольствием познания Всевышнего. Главное - любить Единого Творца искренне, от всего сердца, и быть близким к Нему. Опираясь на эти положения, Руми призывает нас ставить любовь к Господу на первый план, воздерживаться от следования, в первую очередь, букве закона, а не его духа, находить квинтэссенцию веры и поднимать нашу веру от уровня имитации до уровня реализации ее.

Поскольку Руми, который почтил своим присутствием этот мир семь с лишним веков назад, видел это разделение между верующими, он не одобрял дервишеские братства. По его мнению, существовало только одно братство. И это - братство Мухаммада (тарикат ал-мухаммадийя) и Путь Божественной Любви (тарикат ал-ашк ал-илахи). По этой причине Руми ни в "Маснави", ни в "Диван-и Кабир", ни в других своих трудах никогда не упоминает названия дервишеских братств или имена святых и праведников, которые связаны с названиями братств.

Во времена Руми существовали следующие братства: *кадирийя*, *руфайийя*, *сухравардийя*, *кубравийя* и *акбарийя*. Руми упоминает имена тех праведников и святых, которые не были связаны с каким-либо определенным братством, таких, как Баязид Бистами, Зу-н-Нун ал-Мисри и Мансур ал-Халладж. Но он ни разу не упоминает имена святых и праведников, которые имели отношение к какому-то братству, таких, как Абд ал-Кадир ал-Джилани (умер в 1165 году от Р. Х.), Ахмад Рифаи (умер в 1182 году от Р. Х.), Мухйиддин Ибн ал-Араби, и даже Духовного наставника своего отца и основателя братства *кубравийя* - Наджмэддина ал-Кубры (умер в 1221 году от Р. Х.).

Поскольку Руми всегда избегал нарочитости, хвастовства и тщеславия, он никогда не основывал братства и не открывал дервишеских обителей-текке. Он видел «духовные царства» не-

которых шейхов в дервишеских текке, в их числе существовали и такие, где было много слуг и прислужников. Руми не стремился к тому, чтобы его выделяли среди обычных людей и рассматривали как лицо высшее. Он всегда был далек от того, чтобы использовать тех, кто любил и почитал его, он раздавал другим полученные им дары от султанов, крупных сановников и других богатых людей, наделял бедных. Он не был человеком, который хвастает тем, что он шейх, наслаждается, когда ему целуют руки и ноги и простираются перед ним в земных поклонах. Его редкостная скромность и характер истинного мусульманина удержали его от того, чтобы стать формальным шейхом и основать некое «царство дервишеского текке». По этой же причине он вел жизнь бедного человека, будучи при этом воистину королем духовности своего времени.

Он не стал «султаном дервишеского текке», которое обязательно распалось бы со временем. Но он стал «султаном любящих сердец». Он был исключительным человеком, обладавшим редкостными познаниями, высокой моралью и истинной мудростью, который показывал дорогу тем, кто возлюбил Господа. Поскольку он был реальным, живым примером добродетели, милосердия и любви к человечеству, он считал себя никем: «Они установили цену за мой тюрбан, халат и голову, за все вместе. Они оценили их меньше, чем в один дирхем. Слышал ли ты мое имя в этом мире? Я - ничто, и ничто, и ничто!»

Зачем же такому этически безупречному человеку, каким был Руми, который был поистине уникальной личностью, но, тем не менее, рассматривал себя как «ничто», могло понадобиться непрочное дервишеское текке, обреченное на забвение? Он вошел в сердца возлюбивших Господа своими песнопениями, которые исходили из глубины его сердца, и стал султаном текке сердец.

Самое первое мусульманское дервишеское текке было основано в городе Рамле, в Сирии, в восьмом веке от Рождества Христова. После установления дервишеских братств дервишеские текке появились во всем исламском мире. Изначально дервишеские текке создавались для углубленного постижения благочестия, аскетизма и воспитания морали, во имя развития познания, мудрости, искусств, музыки, добродетели, хороших манер и в целом - человечности. Дервишеские текке служили местом очищения души и убежищем для путешествующих по пути Господа, при этом они оказывали множество услуг для верующих.

Как и многие другие подобные учреждения, с течением времени дервишеские текке пришли в упадок и стали, с одной стороны, местом эксплуатации, а с другой - прибежищем для ленивых. Может быть, Руми предвидел, какова будет истинная судьба дервишеских текке, и именно поэтому он не стал основателем ни одного из них. В одной из притч, включенных им в "Маснави", Руми вкладывает свое мнение в уста мальчика, которому его пребывание в дервишеском текке показалось очень скучным: «Я не смог обрести успокоения или чувства безопасности даже в дервишеском текке, которое считают самым безопасным местом. Дервиши, которые питаются одной чашкой пшеничной каши в день, смотрели на меня с похотью и проявляли свои грязные намерения»²⁶⁵.

В другом месте в "Маснави" Руми с огорчением жалуется на то, что уже в его время в дервишеских текке были утрачены мораль и хорошие манеры, добродетель и духовная сила:

Эти обитатели текке оставили в стороне сотни элементов познания, зрелости, добродетели, благовоспитанности и погрузились в мошенничество, лицемерие, ложь, зазнайство и высокомерие. Таково их состояние.

²⁶⁵ *Mesnevi*, vol. VI, no. 3856.

²⁶⁶ Там же, no. 2063-2067.

Они считают допустимыми всевозможные грехи и не видят причины воздерживаться от них. Любые пороки, которые более не считаются грехами, распространились вокруг, словно было оглашено разрешение грешить.

Где же Путь нашего Пророка и его соратников? Где молитвы? Где четки? Где благовоспитанность святых?²⁶⁶

Подводя итог всему вышеизложенному, следует сказать следующее: главной причиной того, что Руми не стал основателем дервишеского братства или текке, было намерение не разрушать единство верующих и не вести верующих по иным тропам, кроме пути Мухаммада. Руми, который сказал: «Наше “Маснави” – это мастерская единства», – не хотел, чтобы верующих разделяли мелочи. Более того, у него было весьма невысокое мнение о тех шейхах дервишеских текке, которые утратили свою изначальную чистоту.

Итак, сам Руми не стал основателем дервишеского братства или текке, но он не преуменьшал значения тех праведников и святых, которые были таковыми. Он не считал себя выше их и не критиковал их. Более того, он любил их всех с присущей ему толерантностью. Потому что все святые любят друг друга, невзирая на те различия, которые могут быть в их подходах. Они обмениваются взглядами и мнениями.

Воистину, Мухйиддину Ибн ал-Араби очень понравилась ода, которую Руми прочел по-арабски для его внука, Улу Арифа Челеби²⁶⁷, и он включил вторую строфу этой оды в тот раздел своей знаменитой книги «Фусус ал-Хикам», где речь идет о любви: «Его дух – это мой дух. Мой дух – это его дух. Кому доводилось видеть два духа, живущих в одном теле? Люди поняли, что я влюблен. Вот только они не знают, в кого именно я влюбился»²⁶⁸. Это очень важный факт, что Мухйиддин Ибн ал-Ара-

²⁶⁷ *Divan-i Kabir*, vol. V, no. 2127.

²⁶⁸ То же.

би процитировал Руми в своей книге. Однако Руми в своих трудах ни разу не упомянул имя Ибн ал-Араби, поскольку тот был основателем одного из суфийских братств. Однако Руми близко подружился с пасынком Ибн ал-Араби Садредином ал-Конави, который был одним из самых известных шейхов братства *акбарийя*, основанного Мухйиддином Ибн ал-Араби. Они были настолько близки, что Руми завещал, чтобы именно он читал погребальную молитву после кончины самого Руми.

Таким образом, Руми знал, что все братства и верования были дорогами, которые вели к Богу, и он не порицал основателей братств, хотя сам и не стал таковым. Как сказал нам Пророк Мухаммад: «Дорог, которые ведут к Всевышнему, столько же, сколько и созданий Божьих».

Руми отмечал в “Маснави”: «В этом мире есть тайные лестницы, которые поднимаются вплоть до небес. Эти лестницы ведут нас к небу - ступенька за ступенькой. У каждой общины есть своя лестница. Все любят только свою лестницу. Они не осознают существования других лестниц. Однако, так или иначе, все они ведут к вечности»²⁶⁹.

Если бы последователи Закона и последователи Пути обрели истину и думали так, как думал Руми, они бы признали существование друг друга и полюбили бы друг друга, поскольку все они - приверженцы одной и той же веры.

Как сказал Пророк: «Все верующие - не кто иной, как братья».

²⁶⁹ *Mesnevi*, vol. V, no. 2556.

Эпилог

На этом завершается книга о жизни и личности Руми, которую я приготовил с помощью Аллаха и опираясь на огромное число различных книг. На ее завершение потребовались годы, поскольку я тщательно работал над каждым разделом книги, словно писал несколько небольших книг. Я вовсе не хочу хвастаться этим. Я ни на что не претендую. Я просто скромный преподаватель литературы. Поскольку я просто человек, то вполне возможно, что в книге есть места, где я допустил ошибки. Но я люблю всех святых и праведников, и моя любовь к Руми возростала по мере того, как я, работая над книгой, изучал его творчество. В итоге эта книга стала чем-то большим, нежели просто исследованием жизни и творчества Руми. Можно также сказать, что это книга о суфизме, поскольку в ней рассматриваются многие аспекты суфизма и при этом одновременно разъясняются взгляды Руми на некоторые предметы.

Прежде чем завершить эту книгу, я хочу сделать одно признание. Несмотря на то, что я несколько десятилетий изучал творчество Руми, я не сумел охватить мысленным взором этого великого праведника и понять его. И по этой же причине я не сумел обстоятельно объяснить его личность моим читателям, однако не следует впадать в пессимизм. Давайте послушаем, что говорит о себе сам Руми, этот великий человек, которого мы любим, этот великий праведник, идеи которого мы не всегда можем понять, этот султан возлюбивших Господа.

Давайте ничего не будем говорить о великом праведнике. Он был настолько добр, что сам изложил свои взгляды и чувства в стихах, собранных в “Диван-и Кабир”. Поэтому я выбрал некоторые стихотворения из «Диван-и Кабир», чтобы лучше объяснить взгляды и чувства Руми. Давайте сосредоточимся на этих стихотворениях. Давайте осторожно вслушаемся в их божественную мелодику и духовные значения, которые отзываются эхом в сердце праведного человека. Вспомним его собственные слова, что эти стихотворения - «святой свет моря Единства Господа, весна духовной радости, свет сердец и цветы из сада сердец».

Прошу вас, перечитывайте снова и снова раздел, посвященный “Диван-и Кабир”. Я выбрал отрывки из 45 561 строфы, составляющей “Диван-и Кабир”, который сам Руми называл «Диван возлюбивших Господа» и «Истинные слова, признанные возлюбившими Господа и мудрецами». Давайте отдадим этим строкам не наш разум, но наши сердца, ибо эти стихотворения - стихи сердца. Руми не складывал эти стихи так, как это делают другие поэты, которые прежде всего берут в руки перо*. Он напевал вслух эти божественные строфы, которые возникали в его сердце, а люди вокруг него записывали его стихотворения. Мы обретем Руми при помощи любви самого Руми и его чувств. Давайте попытаемся найти в наших сердцах эхо этих мелодий.

Дорогие читатели, отбирая эти стихотворения, я не полагался только на свой собственный вкус. Я просмотрел те подборки, которые делали Р.А. Николсон, А.М. Шиммель, А. Гельпинарлы и Мидхат Бахари. Я отметил самые любимые стихотворения. В качестве источника я использовал издание «Диван-и Кабир», подготовленное профессором Б. Фирузанфаром. Я указал в примечаниях номер каждого стихотворения в издании Фирузанфара. Я не использовал стихотворения, не включенные в

* Как здесь не вспомнить пушкинское: «И пальцы просятся к перу, перо к бумаге, / Минута - и стихи свободно потекут...» - Прим. перев.

издание Фирузанфара, поскольку они могут не принадлежать Руми, а являются сомнительными. Однако сделанная мной подборка - это не самостоятельная антология стихотворений Руми. Это только раздел, добавленный в книгу о жизни и личности Руми. Это бриллианты, украшающие мой жалкий труд.

Если вы испытаете блаженство и ощущение счастья от этих стихотворений в вашем сердце, прошу вас помянуть добрым словом меня, Шефика Джана, скромного слугу Всевышнего, который подобрал и перевел эти стихотворения. Не ругайте его за ошибки и прочитайте суру «Фатиха» ради спасения души его.

Мои дорогие читатели, те, кого я знаю, и те, кого я не знаю! Друзья, которые возлюбили мудрость и истину! Возлюбившие Господа! Я оставляю вас наедине со стихотворениями Руми и удаляюсь. Я с уважением и радостью шлю всем вам мои приветствия и желаю вам крепкого здоровья, мира и духовной радости.

Шефик Джан
Слуга возлюбивших Руми

Об авторе

Шефик Джан родился в 1910 году в деревне Тебриджик недалеко от Эрзурума, в восточной части современной Турции. Еще в детстве он под руководством своего отца начал изучать арабский и персидский языки. В 1929 году он окончил Высшее военное училище Кулели (Стамбул), а в 1931 году - Военную академию. В 1935 году он начал преподавательскую карьеру в военном училище. В 1965 году вышел в отставку в чине полковника.

Помимо своего родного турецкого языка, Шефик Джан владел французским, английским и русским языками, а также арабским и персидским.

До своей кончины 23 января 2005 года он был руководителем братства мевлеви, то есть самой влиятельной духовной фигурой в братстве. Он также был последним из масневихан, т.е. человеком, читающим наизусть «Масневи». Он получил свой иджазат (разрешение на право публичного чтения «Месневи») от своего духовного наставника Тахира ал-Мевлеви.

Шефик Джан - автор девяти книг о Руми, а также нескольких работ, посвященных поэзии и античной мифологии.

Библиография

- al-Aflaki, Shams al-Din Ahmad. *Manaqib al-Arifin*, ed. Tahsin Yazici. Ankara: Turk Tarih Kurumu Basimevi, 1959.
- Ankaravi, Ismail Rusuhi. *Risalah Hujjat al-Sama*. Istanbul: Riza Efendi Matbaasi, 1869.
- . *Serh-i Kebir-i Ankaravi ber Mesnevi-yi ma'navi-i Mevlevi*, tr. Ismet Settarzade. Tehran: Chapkhaneh-e Mihan, 1970.
- Bursali Mehmed Tahir. *Osmanli Muellifleri*. Istanbul: Matbaa-i Amire, 1333.
- Celebi, Asaf Halet. *Mevlana Hayati ve Sahsiyeti*. Istanbul: Kanaat Kitabevi, 1939.
- Firuzanfar, Bediuzzaman. *Mevlana Celaleddin*, tr. Feridun Nafiz Uzluk. Ankara: Milli Egitim Bakanligi, 1986.
- Golpinarli, Abdalbaki. *Mevlevilik Adab ve Erkani*. Istanbul: Inkilap ve Aka Kitabevleri, 1963.
- . *Mevlana Celaleddin*. Istanbul, 1959.
- Ibn al-'Arabi, Abu Abd Allah Muhy al-Din Muhammad b. Ali, *The Wisdom of The Prophets (Fusus al-Hikam)*, tr. Angela Culme-Seymour. Wiltshire: Beshara Publications, 1975.
- Hilmi, Hoca Zade Ahmed. "Silisile-i Mesayih-i Mevleviyye" (The chain of Mevlevi masters), in *Hadikat al-Evliya*. Istanbul: Sirket-i Murettibiye Matbaasi, 1318.
- al-Hujwiri, Ali b. Uthman. *Kashf al-Mahjub*, tr. Reynold A. Nicholson. Karachi: Darul - Ishaat, 1990.
- Ibn al-Farid, Abu al-Qasim Sharaf al-Din Omar b. Ali. *Ta'iiyah al-Kubra*. Cairo: al-Maktabah al-Azhariyyah, 1319.
- Ibn Hibban, Muhammad al-Tamimi. *Sahih*, ed. Shuayb al-Arnaout. Beirut: Muassasah al-Risalah, 1993.

- Iqbal, Muhammad. *Esrar ve Rumuz*, tr. Ali Yuksel. Istanbul: Birlesik Yayıncılık, 1996.
- . *Cavitname*, tr. Annemarie Schimmel. Ankara: Kultur Bakanligi, 1989.
- Izmirli, Ismail Hakki. *Yeni Ilm-i Kelam* (New science of kalam. Istanbul: Evkaf-i Islamiyye Matbaasi, 1339.
- Jami, Abu al-Barakat Nur al-Din Abd al-Rahman b. Ahmad b. Muhammad. *Nafahat al-Uns Min Hadarat al-Quds*, tr. Mahmud b. Osman Lami'i Celebi. Istanbul: Marifet Yayinlari, 1289.
- Koprulu, Mehmed Fuad. *Turk edebiyatinda ilk Mutasavviflar*. Ankara: Gaye Matbaacilik, 1981.
- Lewis, Franklin D. *Rumi Past and Present, East and West*. Oxford: One World, 2001.
- Al-Munawi, Muhammad Abd al-Rauf. *Faydh al-Qadir*. Beirut, 1972.
- Muslim b. al-Hajjaj, Abu al-Husayn al-Qushayri. *al-Sahih*. Cairo: Dar Ihya al-Kutub al-Arabiyyah, 1954.
- Najm al-Din al-Kubra. "Majmuat al- Resail", manuscript in Ayasofya Kutuphanesi, Istanbul, n.d.
- Nicholson, Reynold A. *The Mesnevi of Jalalu'ddin Rumi*. Lahore: Islamic Book Service, 1989.
- Onder, Mehmet. *Hazret-i Mevlana Hayati ve Eserleri*. Istanbul: Ter-cuman Yayinlari, n.d.
- Al-Qushayri, Abu al-Qasim Zayn al-Islam Abd al-Karim. *al-Risalah al-Qushayriyyah*, ed. Abd al-Halim Mahmud and Mahmud Ibn Sharif. Cairo: Dar al-Kutub al-Hadithah, 1973.
- Rumi, Muhammad b. Muhammad b. Husayn Mevlana Celal al-Din. *Fih Ma Fih*, tr. Meliha Ulker Ambarcioglu. Istanbul: Milli Egitim Basimevi, 1969.
- . *Divan-i Kabir*, tr. Bediuzzaman Furuzanfar. Tehran: Daneshgah-e Tehran, 1957
- . *Mesnevi*, tr. and commentary by Olgun Tahir Mevlevi. Istanbul: Ahmet Said Matbaasi, 1967.
- Sipahsalar, Faridun b. Ahmad. *Risale-i Sipahsalar*, tr. by Mithat Bahari Beytur. Istanbul: Selanik Matbaasi, 1331.

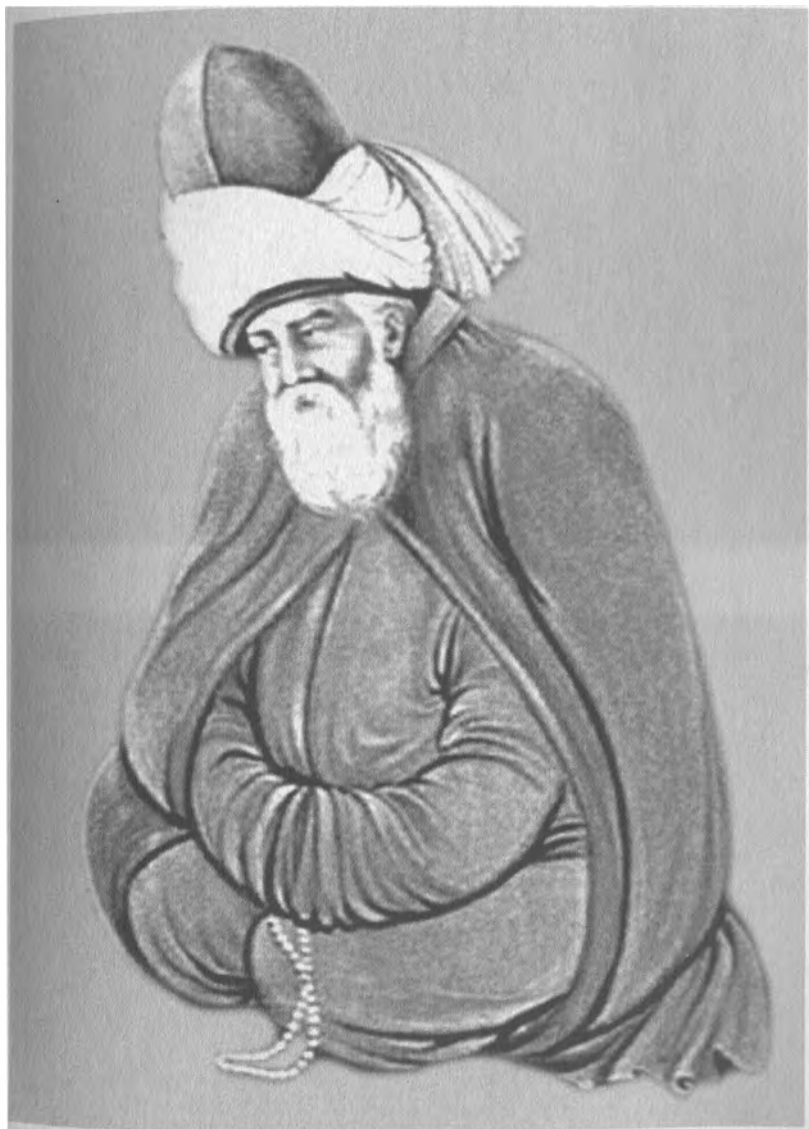
- Shams al-Din Muhammad Tabrizi. "Maqalat," manuscript in the Fatih Library, Istanbul, n.d.
- . *Maqalat*, ed. Muhammad Ali Muwahhid. Tehran: Chapkhaneh-e Diba, 1349/1970.
- Shebasteri, Sa'd al-Din Mahmud b. Abd al-Karim b. Yahya. *Gulshan-i Raz*, ed. Ali Muhammadzade Qurban. Baku: Ferhengistan-i Ulum-i Jumhuri, 1972.
- al-Tabarani, Sulaiman bin Ahmad bin Ayyub. *al-Mu'jam al-Kabir*. Mosul: Maktabat al-Ulkm wa al-Hikam, 1983.
- Taskopruzade, Abu al-Khayr Isam al-Din Ahmad. *Mawdhuat al-Ulum*, tr. Kemaleddin Mehmed Efendi. Dersaadet: Ikdam Matbaasi, 1895.
- Tirmithi, Abu Isa. *al-Sunan*. Beirut: Dar al-Ihya al-Turath al-Arabi, n.d.
- Tirmithi, Muhaqqiq Husayn Seyyid Burhan al-Din. *Maarif*, tr. Abdalbaki Golpinarli. Ankara: Turkiye Is Bankasi, n.d.
- Valad, Baha al-Din Muhammad Sultan. *Ibtidaname*, tr. Abdalbaki Golpinarli. Konya: Konya Turizm Derneği, 1976.
- . *Ma'arif*. Tehran: Kitabkhaneh-e Tahuri, 1977.
- de Vitray-Meyerovitch, Eva. *Rumi and Sufism*. Sausalito, CA: Post-Apollo Press, 1977 (French; 1987 English).
- Yavuz, M. Hakan, and Esposito, John L., eds. *Turkish Islam and the Secular State: The Gulen Movement*. Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2003.

Указатель

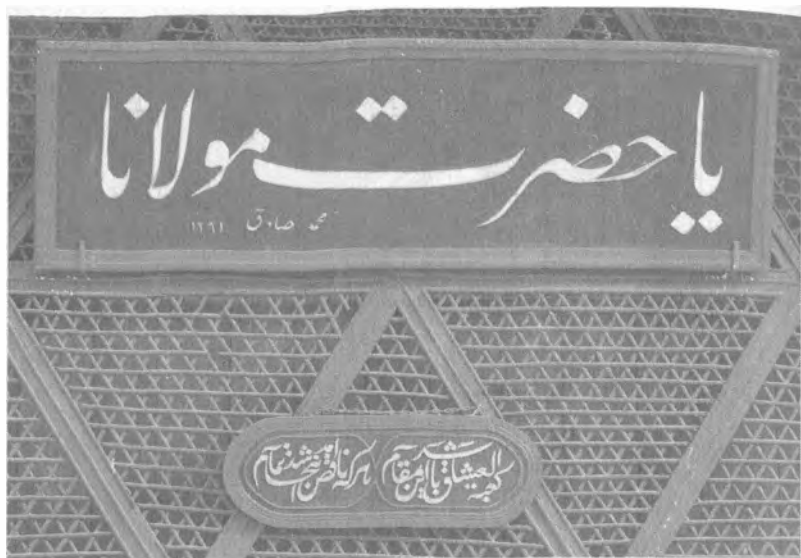
- Абдулбақы, 96, 100, 104, 126, 328, 344
аб-и хайят, 18
Абу ал-Хузайл, 61
Абу Бакр, 67, 116, 213, 236, 291, 299
Абу Джахл, 216
Айюб, 301
акбария, 117
Акбар-шах, 242
Алаэддин Кейкубад, 18, 56, 77, 80, 81,
83, 104
ал-Басри, 250, 304
Алеппо, 39, 73, 80, 108, 109, 110, 152, 190
Алессандер Баузани, 396
ал-Кушайри, 63, 131
Анкарави, 93, 292, 310
Анна Мазала, 396
Анне-Мари Шиммель, 390
Арберри, 393, 394
Ариф Нихад Асья, 344
Аттар, 71, 148, 149, 294, 373
Афлаки, 65, 67, 69, 78, 92, 104, 106, 114,
118, 122, 123, 125, 126, 134, 136, 137,
145, 160, 166, 172, 175, 176, 241, 294,
391, 395, 402, 403
ахи, 105, 144, 145, 367
ахль ал-сунна, 305
Ахмад, 23, 66, 115, 216, 236, 243, 263,
294, 402, 409
Баба Исхак, 56
Багдад, 17, 68, 71, 80, 382
бака биллах мааллах, 42
Балх, 5, 10, 65, 66, 69, 70, 80, 165
басир, 229
Бату-хан, 15
Бахрамшах, 73, 74
Баязид Бистами, 119, 209, 409
Бейджу, 57, 58
Бернард Шоу, 385
Божественный аманат, 155, 202, 240,
245, 257, 272, 287, 317, 329, 353,
360, 381
Бурханиддин, 40
Васыл бин Ата, 304
вахдат ал-вуджуд, 89, 90, 169, 322, 324,
333, 367
веджд, 201, 292, 296
Велед Челеби, 98
Газали, 12, 19, 62, 63, 292, 294, 402
Гаммер, 385, 386, 393
Гелпынарлы, 96, 100, 104, 126
Г те, 383
даврийя, 315, 318, 320, 321, 322, 333
Дамаск, 17, 27, 39, 73, 80, 108, 109, 122,
123, 126, 127, 128
Державин, 10
Дехлеви, 120
джабр, 308
Джавхар Хатун, 40
Джами, 10, 19, 71, 353, 387
Джанади, 182
Джунайд ал-Багдади, 63, 402
завийя, 63
Заркуби, 5, 40, 45, 99, 103, 120, 134,
135, 160
захабийя, 71
захид, 63
Зия-паша, 219, 263, 282, 324, 325
Зу-н-Нун, 63, 292, 409

- Ибн ал-Араби, 39, 90, 94, 109, 217, 220, 223, 292, 315, 409, 412, 413
- Ибн ал-Фарид, 94, 328, 336
- Ибрахим Хаккы Эрзуруми, 346
- иджазат, 419
- инсан ал-камил, 111, 114, 115, 147, 208, 364
- Ираки, 183, 294
- Ирвинг, 383
- Иса, 208, 217, 248, 262
- Исмаил, 93, 94, 188, 304, 402
- истиграк, 201
- иттихад, 6, 206, 207, 212, 333, 358
- ишк илахи, 222, 223
- ишк маджази, 222, 223, 226
- Кайсери, 17, 57, 74, 109, 110, 111, 112, 113, 135, 161
- калам, 62
- калим Аллах, 115
- Караман, 39, 74, 76, 79, 80
- карамат, 82
- касыда, 326, 343, 387
- кафир, 245
- Кенан Руфай, 96
- Колман Баркс, 397
- Конави, 157, 159, 182, 413
- Конья, 17, 78, 158
- кубравийя, 69, 71, 135, 401, 402, 409
- Кутб, 210
- ладун, 108, 109
- Мавсили, 183
- Майкл Харт, 234
- Майнке, 389
- Малика-хатун, 79, 160, 177
- Мангужак, 73, 74
- Мараги, 175
- Марифетнаме, 344, 346
- Мартин Лютер, 391
- Маруф ал-Кархи, 402
- масневихан, 419
- масх, 328
- мевлеви, 6, 24, 25, 27, 30, 31, 66, 93, 94, 96, 98, 290, 342, 343, 344, 345, 346, 354, 385, 386, 393, 395, 401, 404, 419
- Месопотамия, 12
- Мехмед, II 248
- Мехмет Акиф, 171, 240
- мирадж РВ, 10, 37, 263
- Морис Барр, 65, 395
- Муаллим Наджи, 227
- мукарриб, 336
- Мумине-хатун, 11, 70, 76
- Мурад Бухари, 95
- мурджииты, 307, 308, 311
- муршид, 92, 335
- мутазилиты, 61, 307, 311
- Мухаммед Бахауддин ал-Сиддики, 38
- Мухаммед Икбал, 346, 351, 353, 365
- Наджмэддин ал-Кубра, 296, 402
- насх, 328
- нафс, 175, 189, 207, 254, 355
- Незихе Араз Ханым, 344
- Низами, 10, 19, 74
- Николсон, 93, 392, 393, 416
- нойон, 58
- Омар Хайям, 327
- Орфей, 286
- Палмер, 392
- Перване, 58, 103, 105, 145, 146, 161, 166, 173, 187
- Пертев-паша, 320, 344
- Платон, 6, 368, 371, 372, 373, 374, 376, 377, 378, 380
- Праздник Аласт, 386
- Пророк Давуд, 286
- Рабия ал-Адавийя, 250
- Радий Фиш, 396
- Рази, 13, 69, 183, 194, 247, 297, 298
- Рауза ал-Мутаххара, 73
- рахмани "Я", 354, 355, 356, 359, 363, 364
- Реформация, 62

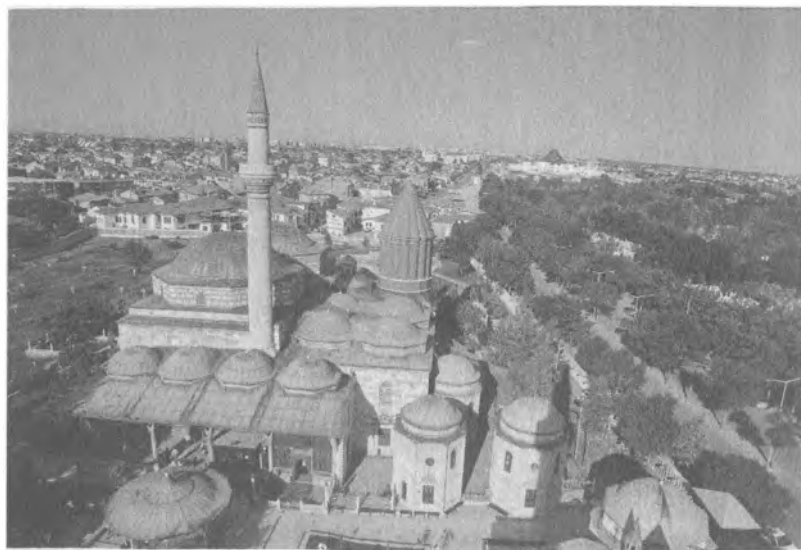
- Руккерт, 386, 387, 393
 Рукниддин, 11, 40
 Румский султанат, 18
 Саид Фергани, 183
 сайр илаллах, 334
 салаф, 304, 305
 Салахэддин, 5, 15, 99, 134, 135, 136,
 137, 138, 139, 141, 142, 150, 165, 182
 салик, 336
 сама, 6, 285, 287, 288, 289, 290, 291,
 293, 294, 295, 296, 297
 Самарканди, 40, 78
 Санаи, 19, 71, 90, 148, 149, 294
 Сары Абдулла, 95
 Сипахсалар, 66, 69, 70, 115, 119, 122,
 125, 126, 137, 138, 143, 158, 159,
 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193,
 196, 198, 201, 211, 294, 401, 402
 Сирхинди, 243
 Суди, 93, 234
 Судный День, 180, 218, 317, 337, 338,
 386
 Султан ал-Арифин, 80, 160
 Сурири, 93
 суфий, 9, 63, 150, 154, 185, 203, 223,
 247, 248, 299, 354, 386
 Сухраварди, 71, 72
 тарикат ал-ашк ал-илахи, 409
 тарикат ал-мухаммадийя, 409
 тасаввуф, 29, 30, 64
 таухид, 6, 206, 359
 текке, 48, 63, 93, 112, 115, 395, 409,
 410, 411, 412
 Термези, 40, 103, 107, 113, 116, 135,
 139, 165, 295, 401, 403, 404
 Томас Карлайл, 234, 383
 уфк ал-мубин, 334
 фана филлах, 42, 321, 356
 фасх, 328
 Фатима-хатун, 142
 Фетхуллах Гюлен, 49
 Физули, 263, 298
 Фирдоуси, 25, 316
 Фирузанфар, 94, 402
 Фиш, 10, 396
 Франклин Льюис, 397
 футувват, 145
 Хаккы Бурсеви, 188
 Халавийя, 39
 Халиде Нусрет Ханым, 344
 Халладж ал-Мансур, 63
 хариджиты, 61
 Хорасан, 39
 хулул, 207, 333, 358, 359
 Хусамэддин Челеби, 6, 99, 143, 144,
 145, 146, 148, 149, 150, 152, 158,
 165, 173
 Челеби, 6, 24, 37, 42, 45, 77, 78, 79, 85,
 97, 98, 99, 128, 143, 144, 145, 146,
 147, 148, 149, 150, 152, 153, 158, 165,
 173, 396, 401
 Чосер, 394
 Шамс-и Тебризи, 67, 99, 103, 388
 шарият, 6, 404, 405, 406, 408
 шейх Галиб, 38, 319, 343, 378
 Шефик Джан, 1, 3, 4, 30, 51, 417, 419
 Шибли, 299, 316
 экзотерические знания, 192
 Эмерсон, 377
 Эпиктет, 368
 Эрзинджан, 39, 56, 70, 73, 74
 Юнус Эмре, 148, 179, 229, 248, 342,
 354, 359, 379, 407, 408

Мевлана Джалаледдин Руми (1207-1273).

Место захоронения Мевляны (г. Конья, Турция).

Общий вид города Коньи. В переднем плане комплекс Мевляны.

Центр Мевляны (внутренний вид) в г. Гелиболу.

Церемониальное исполнение *сама*

Исполнение *сама* под руководством старшего дервиша.

2007-й год специальным решением Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО объявлен Годом Руми. Впрочем, все прошедшие восемь веков могут быть названы его годами – годами одного из самых ярких, мудрых, таинственных и щедрых поэтов Человечества.

Он отдал себя, свой гений ума и доброе сердце расколотому миру XIII века, но сделал это так легко и просто, что мир порой забывает, что физически его нет, и уже почти восемьсот лет припадает к этому животворному неиссякаемому источнику Любви и Добра. И так будет всегда.

Исламский суфий, поэт, законовед и проповедник эпохи раннего Средневековья, Руми наших дней по популярности и тиражам книг, раскупаемых в скептическом, прагматическом и настороженном англоязычном мире обогнал самого Шекспира. В мусульманском мире и вообще на Востоке книги Руми по востребованности следуют за Кораном и хадисами Пророка.

Единый Творец в сознании мусульман выступал в образе Истины, Возлюбленного, Друга. Суфии возвели Любовь в канон путеводной звезды на своем Пути. Они поставили вопрос: как стать суфием? Ответ всем дал Руми: будь самим собой, **открой сердце Любви, иди к Единосущему Творцу.**